

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (155) • 2023

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя: 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490.
Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы», в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» — на сайте www.ural-press.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

*Главный редактор В. В. Нырков
Редактор, корректор О. В. Мерзлякова
Верстка Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 29.12.2023. Дата выхода в свет 17.05.2024. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 950 экз. Заказ № 195.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент
(гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варыгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (155) • 2023

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.

The subscription index is 46490.

Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and magazines", in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" — on the website www.ural-press.ru

The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

The journal is registered by the Permitting Department in the Field of Mass Communications of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*

Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*

Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 29.12.2023. Date of publication 17.05.2024. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 25,2. Ed. print. 21,0. The circulation is 950 copies. Order № 195.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2023

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (International Institute of Labor and Social Relations (MITSO) (Republic of Belarus))
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law (Russian State University of Justice)
A.Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I Grachev	Doctor of Law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Yaroslavl State University named after P.G. Demidov)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)
N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Middle Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice)

E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A.Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

30 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- 15 **Кабышев С.В.**
Итоги и перспективы конституционного развития российской государственности в контексте саратовского проекта Конституции (к 30-летию Конституции Российской Федерации)
- 25 **Саликов М.С.**
Конституционное измерение многообразия в контексте федерализма: формы и ограничения
- 35 **Комкова Г.Н.**
Новые конституционные категории в содержании конституционной реформы 2020 года
- 42 **Мамонов В.В.**
Современное прочтение саратовского проекта Конституции России 1990 года
- 49 **Велиева Д.С., Пресняков М.В.**
Эволюция прав и свобод человека и гражданина: вызовы современности
- 62 **Пряхина Т.М., Галкин Н.А.**
Конституция России: текстологический аспект
- 70 **Астафичев П.А.**
Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмыслению в связи с ее 30-летием
- 80 **Плотникова И.Н.**
Реализация принципов экономических основ конституционного строя на современном этапе развития России в условиях цифровизации
- 86 **Косолапов М.Ф.**
Общепризнанные принципы и нормы международного права и Конституция Российской Федерации: некоторые вопросы теории

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 92 **Лакаев О.А.**
Правовое регулирование особых режимов осуществления экономической деятельности в контексте отраслевого и территориального принципов организации управления
- 100 **Плево Н.А.**
Понятийный аппарат нормативной основы правового регулирования цифровизованных коммуникаций и взаимодействий

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 106 **Алферова О.С.**
Применение норм права по договору поставки нефтепродуктов по территории Российской Федерации и странам зарубежья
- 114 **Манько О.В.**
Юридическая природа права граждан на жилище

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 122 Соловьева Т.В.**
Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в свете оптимизации гражданского судопроизводства
- 128 Бахарева О.А., Вершинина Г.И.**
Некоторые аспекты применения судом обеспечительных мер по семейным делам, затрагивающим интересы детей

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 133 Желоков Н.В., Хутов К.М.**
Проблемы уголовной ответственности за транспортные преступления, совершенные с использованием высокоавтоматизированных автотранспортных средств
- 141 Насиров Н.И.**
Уголовно-исполнительное воздействие, его структура и содержание

КРИМИНАЛИСТИКА

- 146 Шапиро Л.Г., Гвоздева И.С.**
Современные тенденции в применении рецензирования экспертных заключений
- 155 Воробьева И.Б.**
Риски, сопутствующие цифровой трансформации деятельности следователя в процессе расследования преступлений
- 164 Ефремов Д.А.**
Принципы и пределы интеграции цифровых технологий и программных средств искусственного интеллекта в практику расследования преступлений, научную и дидактическую криминалистическую деятельность

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

- 172 Богатова Е.В., Шмелев А.В.**
Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан
- 178 Баркаев Г.Р.**
Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничений
- 183 Марсаков И.С.**
Оперативно-розыскное противодействие преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в ходе реализации национальных проектов (программ)

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 190 Садчиков М.Н.**
Цифровизация занятости в аспекте принципа налогообложения бенефициара
- 198 Кавкаева К.П., Малышева А.А.**
Особенности правовой природы и функционирования социальных государственных внебюджетных фондов

- 205** **Островская Н.Б., Голубенко К.А.**
Правовая оценка и совершенствование регулирования налоговых мер поддержки резидентов арктической зоны Российской Федерации
- 214** **Неверова Н.В.**
Особенности правосубъектности Банка России как органа административной юрисдикции (часть II)
- 220** **Дорошок Т.С.**
История правового статуса кредитных организаций как субъектов государственного финансового контроля
- 227** **Жунусова Б.Н.**
Финансово-правовая политика в сфере инновационной деятельности: постановка проблемы

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- 233** **Шугуров М.В., Колодуб Г.В.**
Международное научное сотрудничество России в условиях санкционного давления: анализ степени влияния экономических ограничений на научную сферу
- 244** **Липкина Н.Н.**
Наилучшие интересы ребенка как фактор, подлежащий учету при назначении наказания в виде лишения свободы родителям: международные стандарты

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 250** **Чаннов С.Е.**
Муниципальные информационные системы как элемент цифровой трансформации местного самоуправления
- 260** **Ерохина Т.П.**
К вопросу о необходимости формирования общетеоретической концепции процедурных норм материального права
- 269** **Кузнецова И.О., Суслов И.В.**
Гражданский активизм российской молодежи: региональный аспект
- 278** **Кирдина Н.А., Петрова Г.Б.**
«Прогрессия» условий применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве

ИНФОРМАЦИЯ

- 286** В диссертационных советах

CONTENTS

30 YEARS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

- 15 Kabyshev S.V.**
Results and Prospects of the Constitutional Development of Russian Statehood in the Context of the Saratov Draft Constitution (to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)
- 25 Salikov M.S.**
Constitutional Dimension of Diversity in the Context of Federalism: Forms and Limitations
- 35 Komkova G.N.**
New Constitutional Categories in the Content of the 2020 Constitutional Reform
- 42 Mamonov V.V.**
Modern Reading of the Saratov Draft of the Constitution of Russia of 1990
- 49 Veliyeva D.S., Presnyakov M.V.**
Evolution of Man and Citizen Civil Rights and Freedoms: Challenges of Modernity
- 62 Pryakhina T.M., Galkin N.A.**
The Constitution of Russia: Textual Aspect
- 70 Astafichev P.A.**
Humanistic and Democratic Potential of the Constitution of the Russian Federation of 1993: From Foundation to Historical and Legal Understanding in Connection With Its 30th Anniversary
- 80 Plotnikova I.N.**
Implementation of the Principles of the Economic Foundations of the Constitutional System at the Current Stage of Development of Russia in the Conditions of Digitalization
- 86 Kosolapov M.F.**
Generally Recognized Principles and Norms of International Law and the Constitution of the Russian Federation: Some Issues of Theory

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 92 Lakaev O.A.**
Legal Regulation of Special Modes for the Realization of Economic Activity in the Context of Sectoral and Territorial Principles of Management Organization
- 100 Plevo N.A.**
Conceptual Apparatus of the Normative Framework of Legal Regulation of Digitalized Communications and Interactions

CIVIL LAW

- 106 Alferova O.S.**
Application of Legal Norms under a Contract for the Supply of Petroleum Products on the Territory of the Russian Federation and Foreign Countries
- 114 Manko O.V.**
Legal Nature of Citizens' Right to Housing

CIVIL PROCEDURE

- 122 Solovieva T.V.**
Simplified Forms of Consideration and Resolution of Cases in the Light of Optimization of Civil Proceedings
- 128 Bakhareva O.A., Vershinina G.I.**
Some Aspects of the Application of Interim Measures by the Court in Family Cases, Affecting the Interests of Children

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 133 Zhelokov N.V., Khutov K.M.**
Problems of Criminal Liability for Transport Crimes Committed with the Use of Highly Automated Vehicles
- 141 Nasirov N.I.**
Criminal-Executive Impact, Its Structure and Content

CRIMINALISTICS

- 146 Shapiro L.G., Gvozdeva I.S.**
Current Trends in the Application of Peer Review of Expert Opinions
- 155 Vorobyova I.B.**
Risks Associated with the Digital Transformation of Investigator's Activities in the Process of Criminal Investigation
- 164 Efremov D.A.**
Principles and Limits of the Integration of Digital Technologies and Artificial Intelligence Software into the Crime Investigation Activities, Scientific and Didactic Criminalistical Process

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY

- 172 Bogatova E.V., Shmelev A.V.**
Peculiarities of Prosecutor's Supervision over the Observance of the Rights of Socially Vulnerable Categories of Citizens
- 178 Barkaev G.R.**
Ways to Improve Criminal Legislation on Liability for Evasion of Administrative Supervision or Repeated Non-Compliance with the Restrictions Established by the Court
- 183 Marsakov I.S.**
Operational-Investigative Counteraction to the Corruption-Related Crimes Committed During the Implementation of National Projects (Programs)

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 190 Sadchikov M.N.**
Digitalization of Employment in the Aspect of the Beneficiary Taxation Principle
- 198 Kavkayeva K.P., Malysheva A.A.**
Peculiarities of the Legal Nature and Functioning of Social State Extra-Budgetary Funds
- 205 Ostrovskaya N.B., Golubenko K.A.**
Legal Assessment and Improvement of Regulation of Tax Measures Support of Residents of the Arctic Zone of the Russian Federation

- 214 Neverova N.V.**
Peculiarities of the Bank of Russia Legal Personality Status as an Administrative Jurisdiction Body (Part II)
- 220 Doroshok T.S.**
History of the Legal Status of Credit Organizations as Subjects of State Financial Control
- 227 Zhunusova B.N.**
Financial and Legal Policy in the Sphere of Innovation Activity: Problem Statement

INTERNATIONAL LAW

- 233 Shugurov M.V., Kolodub G.V.**
International Scientific Cooperation in Russia under Sanctions Pressure: Analysis of the Degree of Influence of Economic Constraints on the Scientific Sphere
- 244 Lipkina N.N.**
Best Interests of a Child as a Factor to Be Considered when Imposing a Custodial Sentence for Parents: International Standards

OTHER BRANCHES OF LAW

- 250 Channov S.E.**
Municipal Information Systems as an Element for Digital Transformation of Local Self-Government
- 260 Erokhina T.P.**
On the Issue of the Necessity for Forming a General Theoretical Concept of Procedural Norms of Substantive Law
- 269 Kuznetsova, I.V. Suslov I.O.**
Civil Activism of Russian Youth: Regional Aspect
- 278 Kirdina N.A., Petrova G.B.**
“Progression” Conditions for the Application of Procedural Coercion Measures in Criminal Proceedings

INFORMATION

- 286** In Dissertation Councils

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-15-24
УДК 342

С.В. Кабышев

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ САРАТОВСКОГО ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ (К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Конституция России 1993 г. стала вехой в развитии российской государственности. Она не просто выстояла, она состоялась, доказав свою жизнеспособность в суровых изменяющихся социально-исторических условиях. Однако Конституция не панацея от социальных проблем, которые должны решаться совокупным действием всех общественных и государственных институтов посредством освоения ценностных установок, знаний и навыков жить по Конституции. Потенциал Конституции далеко не исчерпан. Необходимо сосредоточиться на последовательном раскрытии нормативного, ценностно-смыслового содержания действующей Конституции России, в том числе путем активного обращения к идейным основам, обсуждавшимся в ходе ее разработки. Некоторые размышления по этому поводу с опорой на уникальный и малоизученный идейный опыт саратовской школы конституционного права, предложившей в тот период свой оригинальный цельный проект Конституции, изложены в статье с расчетом на дальнейший научный диалог и формирование новой конституционной парадигмы российской государственности.

Ключевые слова: российский конституционализм, конституционная преемственность, конституционные ценности, саратовская школа конституционного права.

© Кабышев Сергей Владимирович, 2023

Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации; e-mail: svkabyshv@mail.ru

© Kabyshev Sergey Vladimirovich, 2023

Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation for Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Honored Lawyer of the Russian Federation

S. V. Kabyshev

RESULTS AND PROSPECTS OF THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE CONTEXT OF THE SARATOV DRAFT CONSTITUTION (TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The Constitution of Russia in 1993 became a milestone in the development of Russian statehood, it not only survived, but took place, proving its viability in the harsh changing socio-historical conditions. However, the Constitution is not a panacea for social problems, which should be solved by the combined action of all public and state institutions, through the development of each one's values, knowledge and skills to live according to the Constitution. The potential of the Constitution is far from being exhausted, and it is necessary to focus on the consistent disclosure of the normative, value-semantic content of the current Constitution of Russia, including through active appeal to the extensive ideological potential that developed during the work on the new Constitution of Russia at the turn of the Soviet era. Some reflections on this issue, based on the unique and little-studied ideological experience of the Saratov school of constitutional law, which proposed its original integral draft of the Constitution at that time, are set out in the article with the expectation of further scientific dialogue and the formation of a new constitutional paradigm of Russian statehood.

Keywords: Russian constitutionalism, constitutional continuity, constitutional values, Saratov school of constitutional law.

30-летие действующей Конституции приходится на переломный момент отечественной и мировой истории, ставящий российскую юриспруденцию перед фундаментальными вызовами. Укрепление реального суверенитета России и формирование справедливого многостороннего международного правопорядка требует переосмысления самой методологии правового мышления с опорой на традиции и идеалы российского конституционализма, воспринятые от предшествующих поколений в форме конституционных целей, ценностей, принципов и норм в букве и духе Конституции России. «В эпоху кардинальных перемен, когда рушится весь привычный уклад, — подчеркнул Президент России В.В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай», — очень важно осознать, куда мы идем, к чему хотим прийти. И, безусловно, будущее создается сегодня, не только на наших глазах — нашими руками»¹.

При всем многообразии взглядов и оценок следует признать, что нынешняя российская Конституция «занимает выдающееся место в отечественной истории», она «как документ прямого действия применительно к нынешним реалиям, так и нормативная модель будущего», наступление которого в образе, соответствующем конституционным ожиданиям, «во многом зависит от верности Конституции, умения жить по Конституции» [1]. Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин назвал приуроченную к конституционному юбилею статью «Под знаком Конституции» [2], тем самым резонно подчеркнув, с одной

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» (Сочи, 5 октября 2023 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 18.12.2023).

стороны, значение Конституции как своеобразного символа эпохи, а с другой — необходимость сосредоточения, концентрации на Конституции как основном и всеохватном устремлении российского народа к достижению социально-правового благополучия.

Невозможно отрицать, что в момент своего принятия Конституция заключала в себе сложный комплекс социально-правовых чувств, настроений, ориентаций, выступала одновременно Конституцией надежды, и Конституцией национального достоинства, и Конституцией новых горизонтов, и Конституцией национального примирения, окончательно определив в итоге исторический путь России [3, с. 5].

Конституция России, несмотря на пессимистические прогнозы при ее принятии, вызванные в числе прочего представлением о целевом, антикризисном характере данного документа, явилась надежной основой для формирования общенационального согласия, стала важнейшей гарантией сохранения российской социокультурной идентичности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях. В современных социально-исторических, геополитических условиях значимость консолидирующей роли Конституции и ее потенциала, связанного с обеспечением суверенного развития российской государственности, существенно возрастают. То, в чем видели слабость Конституции, оказалось ее силой. Рассчитанная на обеспечение государственного развития в условиях исторической турбулентности Конституция России закрепила способные к самонастройке механизмы балансировки интересов личности, общества и государства, основанные как на уважении наследия и традиций наших предков, так и на стремлении к социальному прогрессу.

Вопреки распространенным представлениям, Конституция не абсолютизирует ни индивида, ни коллектив. Коллективизм, пишет Б.С. Эбзеев, пришел к «осознанию права личности на общество, которое обязано заботиться о ее нуждах и способствовать ее развитию», что «вылилось в конституционное провозглашение принципа социального государства, а также экономических, социальных и культурных прав граждан», а индивидуализм «удовлетворился провозглашением принципа правового государства: ставшее итогом такого согласия демократическое социальное правовое государство явилось «ответом на вызовы социальной практики, повелительно требующей соединения свободы личности и силы государства» [4, с. 134–135]. Соответственно, выражаясь метафорически (если пользоваться образной аналогией из сферы обеспечения безопасности в управлении транспортными средствами), Конституция России закрепляет своеобразную «систему курсовой устойчивости», так называемую «противозаносную систему». Иными словами, позволяет сохранить собственную траекторию цивилизационного движения страны, стабилизировать ее положение при выполнении маневров на высокой скорости и предотвратить одинаково опасные, жизнеугрожающие «заносы» в сторону как анархического либерализма, так и тоталитарного деспотизма. Конституция состоялась: убедительно показала свою жизнеспособность, действенность, возможность адаптироваться к стремительно меняющимся суровым условиям современности при сохранении своего ценностно-нормативного ядра.

Потенциал Конституции России далеко не исчерпан. Отмечая ее гибкость, адаптивность, следует подчеркнуть, что принципиально важно и политическим элитам, и юридическому сообществу сфокусироваться на определении наиболее

эффективных форм и способов ее последовательной реализации, на прогнозировании и стратегии конституционного развития, а не на поиске наиболее удачных, выразительных формулировок. Как верно замечено, «пытаясь разрешить те или иные социально-политические конфликты путем бесконечного конституционного процесса, мы скорее всего получим новые, более сложные и неразрешимые проблемы и коллизии». Нельзя игнорировать тот объективный факт, что «Конституция не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собой все остальные институты», а потому «наука конституционного права должна сосредоточить свои усилия на анализе причин того, почему не реализуются или недостаточно реализуются те или иные конституционные новеллы» и одновременно «следует работать на опережение конституционных реформ» [5, с. 95–96]. Необходимо последовательно раскрывать нормативное, ценностно-смысловое содержание действующей Конституции России, к чему существенной предпосылкой должна быть ее демифологизация в форме отказа от навеянных течениями либерально-индивидуалистического глобализма искаженных трактовок.

В этом процессе крайне важно активно задействовать ценный опыт научного стратегического конституционного анализа нашей государственности, который сформировался в ходе подготовки новой Конституции России благодаря усилиям различных отечественных правовых научных школ. Отдельно нужно отметить не в полной мере осмысленный вклад саратовской школы конституционного права, принимая во внимание, с одной стороны, подготовленный в рамках данной школы собственный оригинальный цельный проект Конституции [6], а с другой — последовательно отстаиваемый представителями саратовской школы научный подход, выводящий предметное пространство конституционного права из тесных границ политической сферы, касающейся государственного властвования, и ориентирующий на активное и сквозное проникновение конституционного регулирования в отраслевые отношения через прямое действие Конституции, то есть на выявление и осуществление нормативного содержания Основного Закона, конституционализацию законодательства и всей правовой системы.

Не ставя задачей детальное обсуждение этого оригинального конституционного проекта, которое, очевидно, предполагает необходимость комплексного монографического анализа, представляется важным обозначить некоторые отдельные содержащиеся в данном проекте положения, идеи, подходы, которые в контексте представлений о единстве и непрерывности идейно-мировоззренческих основ конституционно-правового развития российской государственности могут быть востребованы, в том числе в ходе практической реализации действующей Конституции России, включая ее интерпретационную эволюцию.

Прежде всего стоит выделить четкое определение в саратовском проекте предназначения власти как призванной служить «благу народа» (ст. 2), а также определение правового статуса гражданина, исходя из того, что «осуществление гражданином прав и свобод... неотделимо от выполнения обязанностей», которые он «несет... перед обществом и государством» (ст. 43). Идея народного блага, восходящая к римской формуле *salus populi suprema lex esto* (благо народа — высший закон), не нашла прямого текстового закрепления в действующем законодательстве, но при этом, очевидно, должна рассматриваться как наиболее концентрированная и общая предметно-целевая, ценностная характеристика итогового выражения всех форм реализации народовластия и осуществления

конституционно-правового статуса личности. Достижением блага народа непосредственно предопределяются национальные интересы, связанные со сбережением народа России, развитием человеческого потенциала, повышением качества жизни и благосостояния граждан, обуславливаются в конечном счете все национальные цели развития России.

Принципиально важно подчеркнуть, что народное благо должно раскрываться в отечественной правовой системе не только как элемент мировоззренческой системы и функционально-целевой атрибут российской государственности, но и содержательный аспект взаимоотношений личности, общества и государства, определяющий ориентацию свободы человека в сфере публично-властных и иных общественных отношений. Системный анализ Конституции России дает ясное, недвусмысленное представление о том, что утверждение прав и свобод человека в единстве с гражданским миром и согласием является выражением «общей судьбы на своей земле» ради «сохранения исторически сложившегося государственного единства», «возрождения суверенной государственности России», «обеспечения благополучия и процветания России». Именно российский народ в единстве своей истории, культуры, жизненного пространства и судьбы является источником и целью Конституции, той определяющей ценностью, в отрыве от которой утрачивают свое значение все другие конституционные ценности. В целом логика конституционного регулирования состоит в создании правовых условий, при которых наиболее полная самореализация личности сопрягается с общим благом народа и определяет рост уровня развития общества и укрепление суверенной российской государственности, характеризующих, в свою очередь, реальное — экономическое, социальное, политическое и иное — пространство для осуществления и умножения свободы. В этом плане идея народного блага должна получить обоснование и нормативно-правовое закрепление, развитие в законодательном регулировании как единой системы публичной власти, так и некоммерческих, общественных организаций, иных форм коллективного гражданского взаимодействия.

Весьма примечательно, что в разделе II саратовского проекта, посвященном правам человека и гражданина, на первое место при закреплении разных категорий прав поставлены политические права и свободы (глава 2). Данный подход, не подразумевающий иерархизацию категорий прав, которые образуют единую систему, ориентирует вместе с тем на активную гражданственность и соучастие в общезначимом деле, а не на автономизацию человека в рамках его частной, неприкосновенной сферы.

Стоит обратить особое внимание на то, что содержащийся в саратовском проекте упомянутый общий принцип неотделимости осуществления прав от исполнения обязанностей, нашедший текстовое отражение в формуле действующей Конституции России об обеспечении сбалансированности прав и обязанностей гражданина (ст. 75.1), получил свое закрепление и детализированное развитие в главе 5 «Основные обязанности граждан Российской Федерации Республики», предусматривающей, помимо прочих, обязанность граждан «добросовестно трудиться, соблюдать дисциплину труда» (ст. 45).

Приведенную проектную норму следует рассматривать в совокупности с положениями, закрепляющими «переход к рыночному хозяйству и смешанной экономике с широким использованием в регулировании экономики рычагов и стимулов, справедливого налогообложения» (ст. 53), как «исключительное

право» граждан «распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду», право трудящихся на «вознаграждение, соответствующее количеству и качеству его труда и обеспечивающее ему достойное существование» (ст. 61) и право всех граждан пользоваться «общественными фондами потребления, создающими равные условия для всех членов общества всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» (ст. 64), а также корреспондирующие обязанности государства способствовать «обеспечению полной занятости населения» (ст. 62), создавать «системы народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, гарантирующие удовлетворение на общественно-необходимом уровне важнейших социальных потребностей граждан, содержание нетрудоспособных, социальную защищенность малообеспеченных слоев населения» (ст. 63). Данный проектный нормативный комплекс определяет, по сути, деятельно-солидарностный подход к пониманию социальной государственности как ориентированной не на безусловно гарантированную всеобщность благосостояния (что создает предпосылки для укоренения патернализма), а на стимулирование труда в качестве первоосновы общественного благополучия и соответствующее ценности труда справедливое распределение материальных благ в обществе.

На этих концептуальных позициях выстраивается стратегическая динамика конституционного и основанного на нем отраслевого законодательного регулирования, которое, исходя из гарантирования уважения в Российской Федерации труда граждан и обеспечения защиты их прав (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1 Конституции России), предусматривает, в частности, формирование трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам в качестве содержательного элемента воспитания в системе образования, более того, как принципиальный политико-юридический аспект регулирования образования (п. 2 ст. 2, п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). В соответствии с внесенными в данный федеральный закон в декабре 2023 г. изменениями, направленными на уточнение основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования сообразно традиционным российским духовно-нравственным ценностям и на укрепление дисциплины в рамках образовательной деятельности, предусмотрено включение в обязанность педагогических работников формировать у обучающихся уважение к человеку труда (п. 1.1 ч. 1 ст. 48), а также введена обязательность изучения учебного предмета «Труд (технология)» в рамках основного общего образования (ч. 6.3 ст. 12). Концепция государства, стимулирующего к труду, должна последовательно раскрываться в регулировании занятости, социально-трудовых отношений.

В ст. 57 и 59 саратовского проекта раскрываются экономические основы суверенитета, предусматривающие: объекты, которые могут находиться только в исключительной собственности государства (включая оборону, космос, энергетическую систему); определение земли, недр, вод, растительного и животного мира достоянием народов, проживающих на соответствующей территории. Действующая Конституция не использует термин «достояние», но при этом он определенным образом востребован в текущем законодательстве (например, Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»; раздел IV «Национальное культурное достояние и культурное наследие народов Российской Федерации» Основ законодательства о культуре;

в качестве достояния — национального, общенационального или народов Российской Федерации — законодательно определены, в частности, языки народов Российской Федерации, народные художественные промыслы, земли особо охраняемых природных территорий, животный мир, зерно).

Вместе с тем в практике Конституционного Суда России сложился устойчивый подход, в соответствии с которым гражданам Российской Федерации должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов, в том числе лесов, как богатства, ценности (достояния) всенародного значения¹. Представляется, что неуклонная приверженность именно такому конституционному пониманию земли и природных ресурсов позволила бы избежать драматических проблем в ходе приватизации, а в настоящее время служит важной идейно-ценностной и целевой основой для совершенствования государственной экономической политики.

Так, при безусловной важности трансформации российской экономики с ориентацией на новые технологические уклады нужно понимать, что инновационные отрасли не должны подавлять развитие наших естественных производительных сил, сосредоточенных в минерально-сырьевом комплексе. Вопрос сбалансирования этих сфер в новых условиях требует научного решения. Вместе с тем субъекты недропользования, извлекающие выгоду из ресурсов, относящихся, по сути, к общенациональному достоянию, должны внести свой ощутимый вклад в научно-технологическое обновление национальной экономической системы. В некоторых странах применяется механизм обязательных инвестиций недропользователей в НИОКР, которые увязаны с приоритетами научно-технологической политики. Введение в той или иной форме обязанности недропользователей участвовать в финансировании научно-технологического развития страны способствовало бы укреплению экономической, политической и социальной солидарности, развитию социальной ответственности бизнеса и преодолению нравственно-юридических деформаций, сопровождавших процессы приватизации.

Стоит отметить положения главы 8 саратовского проекта, посвященной административно-территориальному устройству Российской Федеративной Республики. Как известно, до сих пор вопросы административно-территориального устройства в Российской Федерации (включая, например, базовое понятие населенного пункта) не урегулированы на уровне федерального закона. Это создает проблемы в развитии территориальной основы единой системы публичной власти, в социально-территориальном измерении публично-властных механизмов, которые должны создаваться и функционировать на основе взаимосвязей государственной и муниципальной форм публичной власти.

Нельзя обойти вниманием ст. 40 саратовского проекта, которая предусматривает, что «граждане... имеют право на пользование результатами научного про-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 18, ст. 1833; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края “О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края” в связи с жалобой гражданки Г.А. Пенкиной» // СЗ РФ. 2016. № 45, ч. 2, ст. 6324; Постановление Конституционного Суда РФ от 22 сентября 2023 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области» // СЗ РФ. 2023. № 41, ст. 7407.

гресса и их практическое применение». Действующая Конституция формирует мировоззренческую парадигму социально-экономического развития, включая критерии инноваций, создает необходимые ориентиры для достижения стратегических целей России, оформляет модель целой сферы общественной жизни, именуемой техносферой [7, с. 195]. Реализация закрепленной в Конституции модели социально ориентированного характера государственной научно-технической политики предполагает важность именно человеческого измерения научного прогресса, который должен в конечном счете служить повышению качества жизни людей, что имеет особую актуальность, определяет оценку результативности научной деятельности.

Эти и иные принципиальные позиции, содержащиеся в саратовском проекте Конституции, могут и должны использоваться в развитии российского законодательства, в том числе с участием законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Конституция — уникальный, учредительный и системообразующий, нормативный правовой акт, который не является законом в общепринятом смысле. Неслучайно в отличие от прежнего времени термин «основной закон» в действующей Конституции не используется. Конституция — источник, ценностное, нормативное ядро и одновременно стратегическая модель всей правовой жизни. В ней воплощается правовое чувство Родины, юридический образ Отечества, поэтому она имеет надпартийный, надполитический, общегражданский характер.

Закрепленные в Конституции ценности российского парламентаризма, основанные на исторических традициях единения народа и государства, подчеркивают особую роль федерального парламента и законодательных органов субъектов Российской Федерации в реализации и развитии Конституции, в обеспечении конституционной сплоченности общества.

Сегодня крайне важно понимание того, что законодательные органы должны прежде всего формировать консолидированную политическую волю, укреплять социальное и морально-политическое единство и согласие. Последние возможны лишь при условии обеспечения взаимного доверия в отношениях общества и государства, что требует системного применения научного подхода при принятии государственных решений. Речь идет прежде всего о необходимости четкого всестороннего научного обоснования законодательных инициатив, включая оценку прогнозируемых правовых и общественных последствий их реализации, возможных рисков. Нельзя забывать, что правовой популизм ведет к правовому нигилизму и дискредитации государства. Согласно правовой позиции Конституционного Суда России, выраженной в Постановлении от 29 ноября 2006 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации»: «...все субъекты права законодательной инициативы, наделенные властными полномочиями, включая законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, обязаны в процессе осуществления своих полномочий действовать таким образом, чтобы не ставить под угрозу стабильность установленных Конституцией Российской Федерации государственно-правовых форм жизнедеятельности общества и должный баланс общественных интересов»¹. В этом плане важно развивать

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5371.

научную экспертизу законодательства, парламентский диалог с научными и экспертными организациями.

Мы прошли точку невозврата в доверии к спекулятивным неолиберальным доктринам. Перед российской наукой и законодателем сегодня стоит задача выработки новой конституционной парадигмы российской государственности, основанной на понимании России как самобытной державы-цивилизации, которая открыта к освоению благотворного опыта, но не может позволить себе подражание Западу.

Суть национальной конституционной идеологии — в сопряжении идей тысячелетней российской державы-цивилизации и благополучия человека. Можно выразить это в виде следующей формулы: Суверенность, Справедливость, Патриотизм.

Исторический путь и выбор нашей страны, который решительно подтверждается сегодня, состоит в глубоком чувстве единства Родины и Правды, которое, пожалуй, является важнейшей характерной чертой национального права. Для нас Родина — это держава Правды, которая, в свою очередь, выражает коренящееся в народном духе сознание высшего долга перед нравственным законом и своим Отечеством. Без суверенной государственности нет справедливости и свободы, и общественный запрос на справедливость должен быть эффективно обеспечен. Во многом именно в правильном раскрытии и принятии законов, реализующих положение о социальном государстве, есть залог успешного будущего нашей страны. Вместе с тем само становление социальной государственности неразрывно связано с формированием чувства гражданственности и взаимной ответственности за свою страну, с развитием ценностных атрибутов солидарности, предполагающей взаимопомощь, социальное служение.

Образующие национальную идеологию конституционные ценности должны усваиваться с детства. Неслучайно Конституция прямо установила, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а государство создает условия для их всестороннего развития и воспитания у них чувства патриотизма, гражданственности (ч. 4 ст. 67.1). Привитие детям этих качеств требует прежде всего организации системы правового воспитания и, соответственно, формирования уважения к Конституции и закону, установки на их осознанную, добросовестную и ответственную реализацию, нетерпимого отношения к любым противоправным проявлениям. Именно на основе всеобщего изучения особой роли Конституции обеспечивается преемственность национального развития. Важно учитывать и то, что в современных условиях гипердинамизма общества и законодательства Конституция, содержащая принципы всей правовой жизни, служит важнейшим фактором определенности для человека, дает ему возможность правильно ориентироваться в меняющемся социальном пространстве. Иными словами, Конституция сегодня — своего рода азбука гражданина.

Поэтому, развивая национальную модель образования на основе учета наших исторических традиций и лучших достижений опыта последнего времени, следует расширять изучение Конституции России на всех уровнях образования, начиная со школы. Лучше двигаться в направлении отдельного изучения основ конституционного строя России под руководством юристов. А наиболее оптимальные для каждого возраста формы изучения Конституции нужно вырабатывать в диалоге с педагогическим сообществом. Детское восприятие мира — чувственно-эмоциональное и одновременно предметное, конкретное. А потому

важно показывать детям, что Конституция закрепляет значимые ценности, реализуемые в повседневной жизни, включая равный подход к каждому, поддержку нуждающихся и другие, и что реальный практический эффект конституционных норм зависит от усилий каждого, от желания, готовности и умения жить по Конституции.

Россия как государство-цивилизация всегда будет привлекательна для других стран. Именно поэтому законодателям необходимо раскрыть нормы Конституции в положениях конкретных законов в соответствии с ее духом и потребностями нашего общества и наших граждан. Именно это должно быть идеологической, государствообразующей, смыслообразующей, социальной и политической основой светлого будущего нашей страны.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционные ожидания // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 24–27.
2. *Зорькин В.Д.* Под знаком Конституции // Российская газета. 2023. 12 дек.
3. *Медведев Д.А.* Вступительное слово к юбилейному изданию «Конституция Российской Федерации: к 30-летию принятия Основного закона» // Конституция Российской Федерации: к 30-летию принятия Основного закона: текст, комментарий. М.: Статут, 2023.
4. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. М.: Проспект, 2019. 768 с.
5. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
6. *Кабышев В.Т.* Саратовский проект Конституции России. М.: Формула права, 2006. 64 с.
7. *Хабриева Т.Я.* Конституционные императивы научно-технологического развития России (к 30-летию Конституции Российской Федерации) // Конституция Российской Федерации: к 30-летию принятия Основного закона: текст, комментарий. М.: Статут, 2023.

References

1. *Kabyshhev V.T.* Constitutional Expectations // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 11. P. 24–27.
2. *Zorkin V.D.* Under the Sign of the Constitution // Rossiyskaya gazeta. 2023. 12 Dec.
3. *Medvedev D.A.* Introductory Speech to the Anniversary Edition of the Constitution of the Russian Federation: to the 30th anniversary of the Adoption of the Basic Law // Constitution of the Russian Federation: to the 30th Anniversary of the Adoption of the Basic Law: text, commentary. M.: Statute, 2023.
4. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia. M.: Prospect, 2019. 768 p.
5. *Kabyshhev V.T.* With the Constitution for Life. Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
6. *Kabyshhev V.T.* Saratov Draft of the Constitution of Russia. M.: Formula of law, 2006. 64 p.
7. *Khabrieva T.Ya.* Constitutional Imperatives of Scientific and Technological Development of Russia (to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // Constitution of the Russian Federation: to the 30th Anniversary of the Adoption of the Basic Law: text, commentary. M.: Statute, 2023.

М.С. Саликов

КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГООБРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛИЗМА: ФОРМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ*

Введение: статья посвящена анализу существующих и закрепленных в Конституции Российской Федерации форм многообразия, которые рассматриваются через призму федеративных отношений. Кроме того, показаны имеющиеся ограничения применительно к каждой из форм многообразия. **Цель** — раскрыть содержание анализируемых форм и обосновать авторскую позицию относительно возможности и перспективности развития федерализма в условиях многообразия. **Методологическая основа:** исторический, системный, сравнительно-правовой методы, а также метод диалектической логики. **Результаты:** исследование конституционно-правовых основ многообразия свидетельствует о том, что все они укладываются в федеративную модель России. **Выводы:** автор полагает, что формами многообразия являются: политико-идеологическое, экономическое, социальное, этнокультурное и языковое, религиозное, территориальное и правовое многообразие. Все они находят известное преломление в федеративной системе, более того, при рациональном подходе могут и должны способствовать развитию федерализма в России.

Ключевые слова: Конституция, многообразие, формы многообразия, федерализм, права и свободы, конституционные ограничения, Конституционный Суд.

M.S. Salikov

CONSTITUTIONAL DIMENSION OF DIVERSITY IN THE CONTEXT OF FEDERALISM: FORMS AND LIMITATIONS

Background: the article is devoted to the analysis of existing forms of diversity enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Moreover, these forms are viewed through the prism of federal relations. In addition, the existing limitations in relation to each of the forms of diversity are shown. **Objective** — show the content of each of the forms and substantiate the author's position regarding the possibility and prospects of developing federalism in conditions of diversity. **Methodology:** historical, systemic, comparatively-legal and dialectical logic. **Results:** an analysis of existing forms of diversity indicates that they all fit into the federal model used in Russia. **Conclusions:** the author believes that the forms of diversity are: political-ideological, economic, social, ethno-cultural and linguistic, religious, territorial and legal diversity. All of them find

© Саликов Марат Сабирьянович, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного права (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева); e-mail: salikov.marat@list.ru

© Salikov Marat Sabiryonovich, 2023

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional Law (V. F. Yakovlev Ural State Law University)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0604/23.

a certain refraction in the federal system and, moreover, with a rational approach, they can and should contribute to the development of federalism in Russia.

Keywords: *the Constitution, diversity, forms of diversity, federalism, rights and freedoms, constitutional restrictions, Constitutional Court.*

Многие государства в мире закрепляют в своем законодательстве, включая конституции, в качестве важнейших принципов многообразие культур, уважение культурных различий, право национальностей на сохранение своих культуры и языка, право пользоваться родным языком и исповедовать любую религию и т.д. При этом форма государственного устройства не имеет решающего значения, поскольку и федерации, и унитарные государства могут отличаться богатством культур, языков, социальных слоев и др. Однако именно федерализм представляет большой интерес, поскольку способен на государственном уровне (через субъекты федерации) обеспечить более высокие гарантии для многообразия. В то же время в федеративных государствах существует угроза сепаратизма и даже распада (например, СССР, СФРЮ, ЧССР). Россия, издавна отличавшаяся многообразием в различных сферах, в силу различных обстоятельств формально стала федерацией в 1918 г., как ни парадоксально, в силу необходимости консолидации стоявшего на грани распада государства. Федерализм в России прошел разные стадии своего развития. Наиболее качественная фаза в этом процессе началась в 1992–1993 гг. — заключение Федеративного договора и принятие действующей Конституции.

Совместим ли федерализм и многообразие? Возможно ли поступательное развитие и того и другого в одном государстве, либо между ними существуют непреодолимые противоречия? Полагаем, что вполне возможно. При рациональном подходе и учете всех сторон федерализма и многообразия они могут и должны способствовать взаимному развитию и взаимообогащению.

Рассматривая многообразие в России как сложную конструкцию, выделим те его формы, которые нашли отражение в Конституции РФ, а именно политико-идеологическое, экономическое, социальное, этнокультурное, языковое, религиозное, территориальное, правовое многообразие.

Политико-идеологическое многообразие. В соответствии с Конституцией в Российской Федерации признается политическое и идеологическое многообразие, многопартийность. Все общественные объединения, включая политические партии, равны перед законом. Многообразие можно наблюдать и в системе политических прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ: свобода мысли и слова, право на объединение (ст. 30), право на проведение публичных мероприятий (ст. 31), право на участие в управлении делами государства, право избирать и быть избранными, право равного доступа к государственной службе, право участия в отправлении правосудия (ст. 32), право на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33) и др. Однако, несмотря на это, закрепляются ограничения. Так, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Кроме того, запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

В контексте федерализма о политико-идеологическом многообразии в полной мере говорить не приходится. Дело в том, что после внесения изменений в закон о политических партиях, которыми, по сути, были упразднены региональные партии [1, с. 152], все регулирование политической (включая партийную) системы было сконцентрировано в федеральном центре. На уровне субъектов Федерации функционируют региональные отделения федеральных политических партий, однако их регистрацию, учет и контроль деятельности осуществляют федеральные органы (территориальные органы Министерства юстиции РФ). К этому можно относиться по-разному. Скажем, германский опыт показывает, что популярность тех или иных партий на федеральном уровне зависит от их популярности в землях, где, собственно, и работают партийные функционеры и рядовые партийцы, отражая ожидания и чаяния простых граждан. В то же время в соседней Австрии значительное число нефедеральных партий выражают местные интересы [2, с. 85], что, по нашему мнению, было бы вполне приемлемо и для России, имеющей колоссальную территорию.

Экономическое многообразие проявляется в различных формах собственности (частная, государственная, муниципальная и пр.), которые, согласно Конституции, признаются и защищаются равным образом. Кроме того, можно говорить о многообразии форм хозяйствования, которые могут существенно отличаться в зависимости от регионов, климатических и иных условий. Данное многообразие отражается в конституционных экономических правах: право на свободу предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34), право частной собственности и ее наследования (ст. 35), право свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами гражданами и их объединениями (ст. 36), право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37), право на труд и на вознаграждение за труд (ст. 37), право на отдых (ст. 37), право создавать профессиональные союзы, иные общественные объединения для защиты социальных и экономических интересов (ст. 30).

Учитывая, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, государство устанавливает запрет на установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Кроме того, ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Говоря о социальном многообразии, необходимо проследить динамику изменений социальной структуры российского общества. Если сравнивать с советским периодом, где социальными стратами выступали рабочие, крестьяне и интеллигенция, то сейчас мы имеем куда более сложную и многослойную структуру. Сегодня, кроме существовавших ранее социальных групп, можно выделить индивидуальных предпринимателей, самозанятых, фермеров, «ай-тишников» и т.п., а также «олигархат». Н.А. Рыбкина, например, выделяет такие социальные классы, как крупная и средняя буржуазия, промышленный и интеллектуальный пролетариат, сельская буржуазия и сельский пролетариат, а также социальные группы: предприниматели и менеджеры, самозанятые

и безработные¹. В конкретных субъектах РФ социальное многообразие может проявляться еще более выпукло, поскольку зависит от многих факторов — исторических, национальных, географических и т.д.

Тем не менее, несмотря на социальное многообразие, каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Основным Законом. Поскольку Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, постольку в нем создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. В связи с этим социальное многообразие выражается также в конституционных социальных правах: право на государственную защиту материнства, детства и семьи (ст. 38), право на государственную поддержку отцовства, инвалидов и пожилых граждан (ст. 7), право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ст. 39), право на жилище, на получение жилища малоимущими гражданами бесплатно или за доступную плату (ст. 40), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), включая бесплатную медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения, право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42), право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическими правонарушениями (ст. 42). Совокупность конституционных положений, включающих в себя нормы о социальном государстве, о социальных правах приводят к выводу о включенности в Конституцию принципа социальной справедливости [3–5].

В Конституции также закреплена, что культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством. Учитывая, что народ многонациональный, то и культура его богата и разнообразна. Отсюда можно сделать вывод об этнокультурном и языковом многообразии, выражающемся в различных аспектах. Достаточно сказать, что в России живут представители 193 народов². Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Данная форма многообразия выражается в культурных правах, закрепленных в Конституции РФ: право на образование, на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (ст. 43), право на бесплатное получение на конкурсной основе высшего образования (ст. 43), свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44), право на участие

¹ См.: Рыбкина Н.А. Таблица социальных классов России. URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnye_klassy/tablica_socialnyh_klassov_rossii/#tipologiya-socialnyh-klassov-v-rossii (дата обращения: 15.08.2023).

² См.: Народы России. URL: <https://nazaccent.ru/nations/> (дата обращения: 04.09.2023).

в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44). Кроме того, право свободно определять и указывать свою национальную принадлежность и пользоваться родным языком (ст. 26) относится к личным правам.

В настоящее время в России насчитывается 238 языков и наречий, относящихся к 12 языковым семьям¹. Вследствие этого крайне необходимо обеспечить свободное развитие и использование родного языка его носителями. Как справедливо отмечает А. Н. Мочалов, «для человека право пользоваться родным языком — это элемент его конституционно-правового статуса и ключ к реализации многих фундаментальных прав и свобод, в числе которых свобода выражения мнения, свобода творчества, право на обращение, избирательное право, право на образование и т. д.» [6, с. 854].

И если государственный язык выполняет интеграционную функцию в политической, социальной и культурной сферах [7, с. 53; 8, с. 12], то языки (государственные или официальные) национальных субъектов РФ отражают языковое многообразие в государстве. Согласно Конституции, государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Федеративный контекст можно наблюдать и в этой сфере. Так, Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В то же время одному виду субъектов Федерации (республикам) предоставлено право устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Возникает вопрос, если в составе Федерации имеются и иные, кроме республик, национальные субъекты (автономная область, автономные округа), почему эти субъекты не вправе устанавливать свои государственные языки? Возможен ответ — в ст. 5 Конституции РФ республики названы государствами. Однако в той же статье все субъекты провозглашены равноправными. Кроме того, имеется решение Конституционного Суда РФ, в котором четко сказано, что использование в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ применительно к установленному ею федеративному устройству понятия «республика (государство)» не означает «признание государственного суверенитета этих субъектов Российской Федерации, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера»². Кроме того, все субъекты осуществляют государственную власть, создают для этого свои государственные органы, учреждают государственные символы и т. д.³ Думается, такой подход, к сожалению, противоречит принципу равноправия, закрепленному в первой главе Конституции, имеющей более высокую юридическую силу по отношению к другим ее главам, включая главу третью, в ст. 68 которой закреплены положения о языках.

¹ См.: Народы России. URL: <https://nazaccent.ru/nations/> (дата обращения: 04.09.2023).

² Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2000. № 29, ст. 3117.

³ См., например: Закон г. Москвы от 11 июня 2003 г. № 40 «О государственной и муниципальной символике в городе Москве». URL: <http://base.garant.ru/380295/> (дата обращения: 04.09.2023); Закон Самарской области от 13 октября 1998 г. «О государственных символах Самарской области» // Волжская коммуна. 1998. № 186.

Одним из эффективных средств сохранения самобытности этноса, проживающих в инациональной среде, является национально-культурная автономия [9]. В Федеральном законе от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»¹ таким объединениям установлены государственные гарантии. Между тем в данном случае могут быть ограничения многообразия. Так, Конституционный Суд РФ постановил, «что в пределах субъекта Российской Федерации местными национально-культурными автономиями может быть образовано не более одной подлежащей государственной регистрации в установленном законодательством Российской Федерации порядке региональной национально-культурной автономии граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, поскольку такая автономия не препятствует деятельности не вошедших в нее местных национально-культурных автономий или созданию и деятельности иных содействующих сохранению самобытности, развитию языка, образования, национальной культуры объединений граждан Российской Федерации, относящих себя к той же этнической общности»². Иными словами, в субъекте РФ можно образовать лишь одну региональную национально-культурную автономию, что, однако, не ущемляет права граждан, не вошедших в ее состав.

Религиозное многообразие. Как известно, в Конституции в данной сфере закреплены лишь базовые положения, а именно: Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст. 14). Государство гарантирует право на свободу совести и на свободу вероисповедания (ст. 28). Это многообразие можно проследить в Федеральном законе от 16 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³. Заметим, что в нем называется не одна религия, в числе которых «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

Религиозное многообразие в контексте федерализма просматривается в том, что в разных субъектах может превалировать та или иная религия. Скажем, в большинстве регионов это христианство, в Татарстане, Башкортостане, республиках Кавказа — ислам, в Бурятии, Калмыкии — буддизм. Закон не устанавливает единую форму религиозных объединений. Они могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Под религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица, в отличие от религиозной организации, обязанной иметь статус юридического лица.

К социальной, этнокультурной и языковой, а также религиозной формам многообразия применимы конституционные ограничения. Так, согласно ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещается создание и деятельность общественных

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2965.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 марта 2004 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона “О национально-культурной автономии” в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // СЗ РФ. 2004. № 11, ст. 1033.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

объединений, цели и действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а в ч. 2 ст. 29 содержится положение, в соответствии с которым не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Однако избирательное законодательство, например, устанавливает, что агитация, направленная на защиту идей социальной справедливости, не может рассматриваться как разжигание социальной розни¹.

Территориальное многообразие можно проследить во многих аспектах. Так, в Конституции установлено, что Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации. Такого многообразия видов субъектов нет ни в одной федерации в мире [10]. Кроме того, с 2020 г. могут создаваться федеральные территории, например «Сириус»².

Учитывая, что вопросы административно-территориального устройства, согласно Основному Закону, не относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, регионы вправе самостоятельно решать вопросы образования, изменения и упразднения административно-территориальных единиц, критерии отнесения населенных пунктов к городским и сельским поселениям. Эти вопросы субъекты РФ закрепляют в своих законах об административно-территориальном устройстве, поэтому многообразие прослеживается также в территориальном устройстве самих субъектов РФ. В одних субъектах могут выделяться, например, города, районы, поселки городского типа, рабочие поселки, сельсоветы, в других — кроме того, города с внутригородским делением. Где-то могут вводиться такие единицы, как административные округа, которые включают несколько районов города. Многообразны и наименования различных поселений в зависимости от конкретных регионов: села, деревни, станицы, хутора, кишлаки, аулы и др.

Правовое многообразие проявляется в разнообразных видах источников права, которые используются как на федеральном, так и на региональном уровнях. На федеральном уровне принимаются законы о поправках к Конституции РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Сам факт функционирования федеративного государства предполагает наличие правовой системы федерации и правовых систем ее субъектов. В Конституции установлены базовые положения в этой части: республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство. Если взять, например, учредительные акты субъектов РФ, то, казалось бы, установлено всего два их вида — конституция и устав. Тем не менее и в данном случае можно проследить разные подходы. Так, в большинстве своем республики именуют свои учредительные акты конституциями. Однако Республика Саха (Якутия) использует двойное наименование — Конституция (Основной Закон), а Республика Калмыкия — Степное Уложение (Конституция). Большая часть краев, областей, городов федерального значения, автономных округов

¹ См.: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

² См.: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // СЗ РФ. 2020. № 52, ч. 1, ст. 8583.

называют свои учредительные акты уставами. Однако целый ряд из них использует двойное наименование — Устав (Основной Закон). К таким субъектам относятся: Алтайский и Ставропольский края, Владимирская, Волгоградская, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Магаданская, Омская, Оренбургская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Челябинская области, Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа. Кроме того, имеются отличия в порядке их принятия. Если для республик федеральная Конституция не устанавливает порядок принятия их конституций, следовательно, они вправе принимать свои конституции любым приемлемым для себя путем (референдумом, парламентом, специально учрежденным органом и т.д.), то для остальных субъектов способ принятия их уставов прямо закреплен в Конституции РФ. В ч. 2 ст. 66 установлено, что устав принимается законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта РФ. Полагаем, данное положение входит в противоречие с закрепленным в ст. 5 Конституции принципом равноправия субъектов РФ. Что касается законов субъектов РФ, то можно выделить три их вида: конституционные (уставные) законы, обычные законы и кодексы. Конституционные (уставные) законы принимаются не во всех субъектах РФ. Так, их принятие предусмотрено конституциями (уставами) ряда субъектов: республик Алтай, Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания, Тыва, Ингушетия, Калининградской области, Красноярского края. Они обладают более высокой юридической силой по сравнению с другими законами и, как правило, принимаются по более сложной процедуре по сравнению с процедурой принятия обычных законов. Конституционные (уставные) законы субъектов РФ принимаются по вопросам, предусмотренным их конституциями (уставами). Обычные законы являются наиболее распространенными источниками в правовых системах субъектов РФ. Кодексы имеют равную с обычными законами юридическую силу, принимаются по той же процедуре, однако представляют собой крупные кодифицированные акты. В качестве примеров можно привести избирательные кодексы Свердловской, Тюменской областей, города Москвы, Республики Башкортостан и др. Разумеется, как на федеральном, так и на региональном уровнях принимаются различные подзаконные акты, что также свидетельствует о правовом многообразии.

Говоря о сочетании правовой и территориальной форм многообразия, разумеется, нельзя обойти вниманием порядок распределения компетенции в российской федеративной системе. Конституция устанавливает такой порядок, указывает на акты, которые могут приниматься в той или иной сфере компетенции (федеральной, совместной, региональной), а также иерархию актов.

Рассмотрение многообразия, его форм в контексте российского федерализма на современном этапе приводит к выводу о том, что многообразие и федерализм не антиподы, они дополняют и взаимообогащают друг друга. Условием такого «мирного сосуществования» является грамотная выверенная политика федерального центра и регионов по недопущению разных видов розни, вражды, ненависти и иных деструктивных проявлений. Именно консолидация усилий, планомерная работа по всем направлениям, нацеленные на поддержку мира и согласия в многонациональном, многоконфессиональном, мультикультурном, полисоциальном обществе, позволят не только сохранить его единство, но и наладить каналы взаимного обогащения различных народов, конфессий, социальных групп и т.д. Иными словами, многообразие в таком преломлении работает на консолидацию

общества, а не на разобщение. В связи с этим огромное значение приобретают те ценности, которые присущи всему российскому обществу. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»¹. Полагаем, именно в таком ключе, сквозь призму федерализма следует рассматривать многообразие.

Библиографический список

1. Саликов М.С. Партийная система России: динамика конституционно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 148–156.
2. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. М.: Форум-Инфра-М, 1998. 288 с.
3. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5–14.
4. Пресняков М.В. Конституционная интерпретация принципа справедливости в социокультурном аспекте // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3(29). С. 47–58.
5. Павлова М.А. Справедливость и социальная справедливость как ценности в российском конституционном праве // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 4–9 октября 2021 г.). Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. Вып. 7, ч. 2. С. 218–225.
6. Мочалов А.Н. Конституционно-правовое регулирование использования языков в многонациональных федерациях: уроки Бельгии и Индии // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11, вып. 4. С. 852–876.
7. Васильева Л.Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 53–59.
8. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8–20.
9. Мочалов А.Н., Кузнецова С.С. Территориальное устройство стран БРИКС и права национальных меньшинств. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2017. 146 с.
10. Salikov M.S. Russian Federation Sub-national Constitutional Law. The Hague, Kluwer Law International. 2020. 125 p.

References

1. Salikov M.S. The Party System of Russia: the Dynamics of Constitutional and Legal Regulation // Russian Law Journal. 2012. No. 4. P. 148–156.
2. Yudin Yu.A. Political Parties and Law in the Modern State. M.: Forum-Infra-M, 1998. 288 p.
3. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Social Justice (some constitutional issues) // Social Sciences and Modernity. 2017. No. 3. P. 5–14.
4. Presnyakov M.V. Constitutional Interpretation of the Principle of Justice in the Socio-Cultural Aspect // Leningrad Law Journal. 2012. No. 3(29). P. 47–58.
5. Pavlova M.A. Justice and Social Justice as Values in Russian Constitutional Law // Ural Forum of Constitutionnalists (Yekaterinburg, October 4–9, 2021). Yekaterinburg: Ural State Law University, 2022. Iss. 7, part 2. P. 218–225.

¹ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

6. *Mochalov A.N.* Constitutional-Legal Regulation of the Use of Languages in Multi-national Federations: Lessons from Belgium and India // *Bulletin of St. Petersburg State University Law*. 2020. Vol. 11, iss. 4. P. 852–876.

7. *Vasilyeva L.N.* Improvement of Legislation in the Field of the Use of Languages of the Peoples of Russia // *Journal of Russian Law*. 2006. No. 3. P. 53–59.

8. *Dorovskikh E.M.* On the Issue of Distinguishing the Concepts of “State Language” and “Official Language” // *Journal of Russian Law*. 2007. No. 12. P. 8–20.

9. *Mochalov A.N., Kuznetsova S.S.* The Territorial Structure of the BRICS Countries and the Rights of National Minorities. Yekaterinburg: Publishing house of UMTS UPI, 2017. 146 p.

10. *Salikov M.S.* Subnational Constitutional Law of the Russian Federation. The Hague, Kluwer Law International. 2020. 125 p.

Г.Н. Комкова

НОВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ В СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Введение: в статье с точки зрения реализации поправок к Конституции РФ 2020 г. проводится анализ содержания новых конституционных категорий: публичная власть; социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность; общероссийская культурная идентичность. **Цель** — исследовать новые конституционные категории и новые подходы к практике их реализации в современной России. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** дается характеристика данных категорий, раскрываются способы их реализации в законодательстве и правоприменительной практике. Предлагается в категорию «публичная власть» включить общественную власть как реализацию прав и возможностей институтов гражданского общества. Доказывается, что особенностью социального партнерства выступает взаимное доверие личности и государства. Выявляются проблемы, связанные с угрозами традиционным ценностям, делаются предложения по их преодолению. **Выводы:** введение в теорию и практику новых категорий конституционного права позволяет верно осмысливать ход общественно-политических процессов, вырабатывать научно обоснованные решения, избегать ошибок и субъективистских решений при принятии нормативных актов и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: поправки к Конституции РФ 2020 г., публичная власть, социальное партнерство, общероссийская культурная идентичность.

G.N. Komkova

NEW CONSTITUTIONAL CATEGORIES IN THE CONTENT OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM

Background: the article analyzes the content of new constitutional categories from the point of view of the implementation of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020: public power; social partnership, economic, political and social solidarity; all-Russian cultural identity. **Objective** — to study new constitutional categories and new approaches to the practice of their implementation in modern Russia. **Methodology:** dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-legal, comparative-legal research methods. **Results:** the characteristics of these categories are given, the ways of their implementation in legislation and law enforcement

© Комкова Галина Николаевна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского); e-mail: komkova_galina@mail.ru

© Komkova Galina Nikolaevna, 2023

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Dean of the Faculty of Law (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)

practice are revealed. It is proposed to include public power in the category of public power as the realization of the rights and opportunities of civil society institutions. It is proved that the peculiarity of social partnership is the mutual trust of the individual and the state. The problems associated with threats to traditional values are identified, proposals are made to overcome them. Conclusions: the introduction of new categories of constitutional law into theory and practice makes it possible to correctly comprehend the course of socio-political processes, develop scientifically sound decisions, avoid mistakes and subjective decisions when adopting regulations and in law enforcement practice.

Keywords: *amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, public power, social partnership, all-Russian cultural identity.*

Любая наука имеет свой определенный набор понятий, которые объясняют смысл и сущность тех явлений, которые она изучает. При этом в любой науке именно категории выступают в качестве сущности, определяющей ее построение и смысл. Особую значимость категории приобретают в юридической науке. Как отмечал известный теоретик А. М. Васильев: «Основные фундаментальные понятия правоведения — категории, которые, будучи отражением наиболее существенных свойств и главных связей правовых явлений, представляют собой наиболее глубокие по содержанию и широкие по объему понятия в границах правовой науки» [1, с. 58].

Среди всех правовых наук особое место занимает наука конституционного права, поскольку именно она выступает в качестве основополагающей, определяющей вектор развития государства и права страны в конкретный период. Исходя из этого, конституционная терминология имеет ведущее значение, поскольку ее термины, «во-первых, относятся к основам существующего в стране строя, а во-вторых, должны восприниматься (и воспринимаются) последующим законодательством, правоприменительной практикой, правовой идеологией как образец, модель» [2, с. 11]. Как верно отмечал В. Е. Чиркин в отношении конституционных терминов: «Их точность или, напротив, несовершенство во многом определяют качество правового регулирования» [2, с. 11].

Категориальный состав конституционного права не может быть неизменным, он подвержен изменениям, которые могут повлечь за собой как появление новых категорий, так и исключение устаревших, исчерпавших себя понятий. Кроме того, неизбежным является уточнение содержания, углубление и развитие уже имеющихся категорий. Как верно отмечает Б. С. Эбзеев: «Научные понятия не есть нечто застывшее. Вместе с развитием отображаемого объекта, обогащением наших знаний о нем они развиваются, изменяются, дополняются, расширяется область их использования, уточняются определения этих понятий, что достигается совокупными усилиями всех наук, оперирующих соответствующими понятиями, в том числе и юриспруденции» [3, с. 157].

Конституционная реформа России, проведенная в 2020 г.¹, помимо важной содержательной и практической составляющей, также способствовала появлению абсолютно новых терминов, закрепленных в тексте Основного Закона

¹ См.: Закон РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

страны, которые, несомненно, дали толчок развитию конституционной теории и практики.

К наиболее значимым новым конституционным категориям, которые характеризуют различные стороны общественной жизни страны, можно отнести следующие, закрепленные в соответствующих статьях нового текста Конституции РФ:

публичная власть;

социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность;

общероссийская культурная идентичность.

Постараемся выявить содержание и проблемы уяснения смысла данных новых конституционных категорий.

Публичная власть

Впервые термин «публичная власть» в обновленном после 2020 г. тексте Конституции встречается в ч. 1 ст. 67, где говорится об образовании федеральных территорий: «Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом». В п. «г» ст. 71 перечислены собственные полномочия России, к которым отнесена и «организация публичной власти». Президент РФ в соответствии с новой редакцией ч. 2 ст. 80 Конституции «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». В главе 8 «Местное самоуправление» данное определение встречается несколько раз. Так, в ч. 3 ст. 130 указывается, что «особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом», а в ч. 3 ст. 132 — «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Отметим, что ст. 133 содержит важный элемент публичной власти: «Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, а также запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами».

Таким образом, можно констатировать, что после принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. в России создана и действует единая система публичной власти, в которую входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. Они осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

В соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» «под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской

Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства»¹.

Однако, как представляется, категория «публичная власть», то есть «власть общества, народа», не должна трактоваться узко, только как власть государственных и муниципальных органов. В данное понятие необходимо включить и общественную власть как реализацию прав и возможностей институтов гражданского общества, которые, кстати, упоминаются в качестве одного из полномочий Правительства РФ в п. «е.1» ст. 114, где сказано, что оно «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики». Таким образом, категория «публичная власть» может приобрести новый смысл, который значительно расширит ее содержание.

Социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность

В ст. 7 Конституции России закреплено положение о том, что Российская Федерация — это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Особенностью социального партнерства выступает то, что его реализация подразумевает не только возможность, но и необходимость каждым индивидом, входящим в состав социальной общности, использовать собственные права и свободы для достижения справедливого баланса интересов индивидуального и коллективного, личности и общества.

Социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность закреплены в ст. 75.1 обновленной в 2020 г. Конституции Российской Федерации. Кроме того, в п. «е.4» ст. 114 среди новых полномочий Правительства РФ регламентировано следующее: «обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений».

Социальное партнерство означает прежде всего взаимное доверие личности и государства. Взаимность означает, что не только государство эффективно реализует возложенные на него конституционные гарантии обеспечения социальных и иных прав человека, но и личность добросовестно выполняет установленные государством конституционные обязанности. Как верно отмечает С.Н. Бабурин: «Социальная солидарность — это согласие нации на универсализм социальных отношений, общее признание благом не только внешнего действия, но и внутреннего духовного чувства взаимопонимания и взаимопомощи» [4, с. 357]. Сегодня, во время проведения специальной военной операции, мы можем наблюдать проявления социальной солидарности населения России и ее руководства в поддержке участников СВО и членов их семей.

Общероссийская культурная идентичность

По общепризнанному мнению, культурная идентичность — осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем самоотжест-

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

вления с ее культурными образцами. В современной мультикультурной России проблема формирования общероссийской культурной идентичности представляется особо важной и значимой, поскольку оказывает несомненное влияние на обеспечение устойчивого развития общества и государства. В тексте Конституции РФ с поправками 2020 г. эта категория упоминается в ч. 3 ст. 69, где сказано: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности».

«Общероссийская идентичность, — по мнению А.В. Костиной, — выступает как относительная устойчивость параметров, становящихся основой самодостоинства и общественных образований и личности»¹.

К характерным чертам общероссийской культурной идентичности можно отнести: единый русский язык, единые исторические корни и общепризнанные всем народом единые духовно-нравственные ценности.

Русский язык объединяет всех жителей России. Только 3 % населения нашей страны не знают русского языка. Это не только наше народное достояние, но и один из самых важных элементов общекультурной идентичности. Однако в настоящее время вызывает беспокойство «замусоренность» как официальных выступлений должностных лиц, содержания их страниц в различных социальных сетях, так и информационного пространства городов и других населенных пунктов высказываниями и надписями на иностранных языках и наименованиями, склеенными из букв кириллического и латинского алфавита, что отрицательно влияет на формирование российской общекультурной идентичности, прежде всего у молодого населения нашей страны, которые предпочитают сейчас говорить и писать на полуиностранном молодежном сленге. «Буллинг», «краш», «кринж», «хайп» — этот словарь нынешних «зумеров», который символизирует отход от традиций русской культуры, но надеемся, что как и многие проявления подросткового максимализма он тоже вскоре уйдет в прошлое. Однако роль родителей, педагогов по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, правильного восприятия российских традиционных духовно-нравственных ценностей, неоспорима.

В п. 4 новой ст. 67.1 Конституции РФ закреплены обязанности государства по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Смысл воспитания патриотизма состоит в том, чтобы донести до молодого поколения правильную объективную оценку тем событиям, которые происходили в истории нашей страны. Многовековая история России сейчас подвергается продуманным искажениям со стороны западных исследователей и представителей ряда бывших союзных республик. Снос памятников русским воинам-освободителям, проведение международных конференций и печатание публикаций, комментариев в социальных сетях, дающих неверную, лживую интерпретацию историческим событиям, ходу проведения Второй мировой войны и ее итогам, вызывают закономерную негативную реакцию у российского общества. Отражая этот посыл, Президент РФ В.В. Путин сказал: «Забвение уроков истории неизбежно оборачивается»

¹ Костина А.В. Общероссийская идентичность в системе национальной безопасности государства // Ученый совет. 2021. № 2. URL: <https://panor.ru/articles/obshcherossiyskaya-identichnost-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-gosudarstva/65453.html?ysclid=ltcud4p3id515931385#>

чивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны»¹.

Во исполнение поручения главы государства был реализован масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду. Федеральное архивное агентство при участии архивных служб Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации организовало размещение комплекса оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов, посвященных Второй мировой войне, на базе информационных ресурсов Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина². Представляется, что данный проект поможет всем жителям не только России, но и других стран, пострадавших от фашизма, осознать великую историческую миссию Советского Союза, победившего в этой страшной войне.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» развивает еще одну черту общероссийской культурной идентичности. В данном акте закрепляется определение дефиниции «традиционные ценности» как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»³.

К угрозам традиционным ценностям в данном Указе относятся: идеологическое и психологическое воздействие на граждан путем насаждения чуждой российскому обществу и разрушительной деструктивной идеологии, которая может привести к формированию общества, пренебрегающего духовно-нравственными ценностями. Так, вхождение России в состав Совета Европы в 1996 г. и ратификация Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод в 1998 г. привели к признанию особой значимости решений Европейского суда по правам человека как наднационального судебного органа, диктующего европейским государствам в своих решениях требования о соблюдении так называемых «европейских ценностей», которые часто противоречили ценностям и традициям нашего государства. Это относилось к требованиям Европейского суда к Российскому государству официального признания однополых браков, разрешения проведения гей-парадов, предоставления осужденным к лишению свободы избирательных прав и др. Начавшийся в 2022 г. процесс выхода России из Совета Европы, а также денонсация Европейской конвенции о защите прав

¹ Путин В.В. 75 лет Великой победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: <https://www.prlib.ru/section/1299557> (дата обращения: 10.10.2023).

² См.: Комплекс «Вторая мировая война в архивных документах» // Официальный сайт Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/collections/1298142> (дата обращения: 10.10.2023).

³ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

человека и основных свобод, непризнание юрисдикции Европейского суда по правам человека, отказ от исполнения решений данного суда позволяет в дальнейшем избежать посягательств на традиционные духовно-нравственные ценности России со стороны международных судебных и иных органов.

Таким образом, введение в теорию и практику новых категорий конституционного права позволяет верно осмысливать ход общественно-политических процессов, вырабатывать научно обоснованные решения, избегать ошибок и субъективистских решений при принятии нормативных актов и в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. *Васильев А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 264 с.
2. *Чиркин В.Е.* Конституционная терминология. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 272 с.
3. *Эбзеев Б.С.* Введение в Конституцию России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 560 с.
4. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. 536 с.

References

1. *Vasiliev A.M.* Legal Categories: Methodological Aspects of the Development of a System of Categories of the Theory of Law. M.: Norm: INFRA-M, 2021. 264 p.
2. *Chirkin V.E.* Constitutional Terminology. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 272 p.
3. *Ebzeev B.S.* Introduction to the Constitution of Russia. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 560 p.
4. *Baburin S.N.* The Moral State: a Russian View of the Value of Constitutionalism. M.: Norm, 2020. 536 p.

В.В. Мамонов**СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ САРАТОВСКОГО
ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 1990 ГОДА**

Введение: *принятию 12 декабря 1993 г. Конституции РФ предшествовала работа Конституционной комиссии, которой был объявлен конкурс на проект новой Конституции страны. Кафедрой государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского был отправлен в Конституционную комиссию проект Конституции Российской Федеративной Республики (далее — саратовский проект). Решением жюри Конституционной комиссии он был отмечен второй премией. Цель — проанализировать саратовский проект и выявить положения, которые могут быть востребованы для конституционного развития современной России. Методологическая основа: в ходе исследования были использованы такие методы, как анализ и синтез. Применялись исторический, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Результаты: выявлены положения саратовского проекта, которые могут быть использованы в развитии отечественного конституционализма. Выводы: особый интерес представляют положения саратовского проекта, определяющие преемственность в конституционном развитии России, указывающие на стремление развивать и укреплять отношения сотрудничества со всеми народами мира, способствовать сохранению жизни на Земле, называющие среди принципов деятельности органов публичной власти ответственность государства перед гражданами, регулирующие обязанности граждан.*

Ключевые слова: *саратовский проект Конституции России, конституционная преемственность, федеративное устройство, права и свободы человека, органы публичной власти.*

V. V. Mamonov**MODERN READING OF THE SARATOV DRAFT
OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA OF 1990**

Background: *the adoption of the Constitution of the Russian Federation on December 12, 1993 was preceded by the work of the Constitutional Commission, which announced the course for the draft of the new Constitution of the country. The Department of State Law of the Saratov Law Institute named after D.I. Kursky submitted to the Constitutional Commission a draft Constitution of the Russian Federal Republic (hereinafter — the Saratov Draft). By the decision of the jury of the Constitutional Commission, he was awarded the second prize. Objective — to analyze the Saratov project and identify provisions that may be in demand for the constitutional development of modern Russia. Methodology: in the course of the study, such methods as analysis and synthesis were used. Historical, statistical, comparative-legal, formal-legal methods,*

© Мамонов Вадим Васильевич, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина); e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

© Mamonov Vadim Vasilyevich, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Law (A. S. Pushkin Leningrad State University)

the method of system analysis were used. Results: the provisions of the Saratov project that can be used in the development of domestic constitutionalism were identified. Conclusions: of particular interest are the provisions of the Saratov Project defining continuity in the constitutional development of Russia, indicating the desire to develop and strengthen relations of cooperation with all peoples of the world, to contribute to the preservation of life on Earth, naming among the principles of the activities of public authorities the responsibility of the state to citizens, regulating the duties of citizens.

Keywords: Saratov project, constitutional continuity, federal structure, human rights and freedoms, public authorities.

К событиям, происходившим в СССР в последние годы его существования, отношение у наших соотечественников разное. Бесспорно одно, что тот период развития страны стал временем великих преобразований, определивших не только будущее государств постсоветского пространства, но ход мировой истории на многие десятилетия вперед. Изменились границы на политической карте мира, и Российская Федерация стала субъектом международного права, провозгласившим демократию основой своего конституционного развития.

Пожалуй, уникальным, не имевшим аналогов в отечественной истории явлением стало то, что государственная власть не только заявила о необходимости перемен, но и проявила интерес к мнению граждан о будущем страны, предложила им высказать идеи по вопросам обустройства своей жизни, начала реальный диалог со всеми заинтересованными членами общества о конституционных реформах. Согласимся с определением, данным тому времени Л. Б. Волковым: «В обстановке “перестройки” страна — ее население, ее элиты, ее правящий класс получили историческое право выбора» [1, с. 29]. Конечно, принятию Конституций СССР 1936 и 1977 гг. предшествовали многочисленные обсуждения текстов этих документов в трудовых коллективах, но они носили во многом формальный характер. Иного и не могло быть в несвободном обществе.

Нынешнее время и начало 90-х гг. XX в. — очень разные времена, в том числе и для развития российского конституционализма. Сегодня преобладают императивные методы регулирования общественной жизни, поэтому конституционализм, свидетелями которого мы являемся, можно назвать административным. Периоду принятия действующей Конституции РФ предшествовал романтический конституционализм — пора перемен, надежд и даже иллюзий о скором восходе «звезды пленительного счастья», о которой мечтал А. С. Пушкин в стихотворении «К Чаадаеву». В. Т. Кабышев писал: «Саратовский проект Конституции РФ стал отражением той эпохи, маленькой частицей в многообразии идей, концепций, теорий, которые были присущи этому бурному времени» [2, с. 7].

Несмотря на кардинальные отличия конституционного развития России тех лет и современности, данные этапы эволюции государства и общества имеют общую доминанту. Как тогда, так и сейчас, перед нашими соотечественниками стоит извечный для страны вопрос, публично озвученный Н. Г. Чернышевским в названии романа: что делать? По-прежнему требуют научного осмысления фундаментальные, имеющие конституционное значение проблемы. Назовем лишь некоторые из них:

1) определение национальной идентичности и преемственности Российской Федерации. В принятой Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. Де-

кларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» сказано, что государственность России имеет многовековую историю, РСФСР провозглашается суверенным государством. В ст. 67.1 Конституции Российская Федерация провозглашается правопреемником Союза ССР на своей территории, говорится о преемственности в развитии Российского государства, объединении Российской Федерации тысячелетней историей. Понятия «государство» и «государственность» не тождественны. Государство — субъект международного права. Государственность — состояние развития нации.

17 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге с участием Президента РФ состоялась церемония подъема флагов Российской Федерации, СССР и Российской империи. СССР был антагонистическим государством по отношению к Российской империи. Конституция РСФСР 1918 г. лишала права избирать и быть избранными членов царствовавшего в России дома. Для выявления национальной идентичности России важно определить, как настоящее и будущее России связано с ушедшими в историю Российской империей и СССР;

2) выстраивание взаимоотношений России с мировым сообществом. Первая глава Конституции РФ «Основы конституционного строя» не содержит специальной статьи о внешнеполитической деятельности. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определено лишь место общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России. Регулирование вопросов международного сотрудничества в третьей главе Конституции РФ «Федеративное устройство» вряд ли корректно по отношению к п.п. «к», «л» ст. 71 Конституции РФ, в которых к предметам ведения Российской Федерации относятся внешняя политика и международные отношения, международные договоры, вопросы войны и мира, внешнеэкономические отношения. Внешняя политика государства проистекает из его суверенитета, не зависит от формы государственного устройства;

3) совершенствование федеративного устройства. Последовавшая после внесения в 2020 г. поправок к Конституции РФ ликвидация в ряде субъектов РФ конституционных и уставных судов показывает, что вектор конституционного развития России направлен от федеративной к унитарной форме государственного устройства. По-прежнему многие регионы в значительной степени зависят от дотаций, направляемых из Москвы. Так, в 2019 г. 72 региона являлись получателями дотаций, общий объем которых составил 675,3 млрд рублей¹. Определение приемлемой модели взаимоотношений федерального центра и регионов выступает условием эффективного управления в России — многонациональной стране, занимающей самую большую территорию в мире;

4) организация и деятельность публичной власти. Главный критерий эффективности публичной власти — повышение уровня жизни граждан. Согласно данным Росстата, в 2022 г. граница бедности составляла 13 545 рублей, к числу бедных относилось 9,8 % населения². Такие показатели свидетельствуют, что совершенствование конституционной модели публичной власти требует продолжения.

¹ См.: Тематические проверки Счетной палаты // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Региональное развитие. 2022. № 6. С. 102.

² См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 24.11.2023).

Масштаб конституционных вызовов для современной России столь значителен, что для ответа на них потребуются поиск новых концептуальных подходов и идей. Начинать этот путь следует с изучения отечественного конституционного наследия российских ученых-правоведов, высказывавшихся об обустройстве России в рамках работы Конституционной комиссии в 1990–1993 гг. Особое место занимает саратовский проект Конституции. Б. А. Страшун писал, что в нем выявилось наибольшее число идей, явно заслуживавших использования в будущей Конституции России [3, с. 500].

Обратим внимание на положения саратовского проекта, представляющие особый интерес.

1. Упоминание в преамбуле Декларации о государственном суверенитете Российской Федеративной Республики, являющейся важным документом для понимания конституционной природы Российской Федерации. Тем самым обеспечивается историческая преемственность конституционного развития страны. Дата принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР — 12 июня — в статье 112 Трудового кодекса РФ определяется как нерабочий праздничный день — День России. К сожалению, о ней не упоминается в действующей Конституции РФ.

2. Указание на стремление развивать и укреплять отношения сотрудничества со всеми народами мира, способствовать сохранению жизни на Земле (преамбула). Конституция РФ определяет человека, его права и свободы как высшую ценность. Аксиология саратовского проекта более убедительна. Высшая ценность — то, что является предтечей всех иных ценностей, от чего нельзя отказываться ни при каких условиях. Согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Вероятно, именно жизнь на Земле следует рассматривать в качестве высшей конституционной ценности. Ее невозможно ограничить, но можно уничтожить в результате применения ядерного оружия. Неслучайно саратовский проект определяет в качестве конституционного принципа мирную политику Российского государства. Обратим внимание на то, что в тексте Конституции РФ, принятом на референдуме в 1993 г., вовсе отсутствовали нормы о поддержании и укреплении Россией международного мира, обеспечении мирного сосуществования государств. Соответствующие поправки были внесены в Конституцию РФ лишь в 2020 г. (ст. 79.1).

3. Определение среди принципов деятельности органов публичной власти ответственности государства перед гражданами (ст. 4). В саратовском проекте сказано, что власть служит благу народа (ст. 2). Задачей органов государственной власти всех ступеней определено служение народу, всемерное обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан (ст. 84).

Определение этих идей как основных конституционных задач для публичной власти актуально и сегодня. В период разработки саратовского проекта это звучало как прорыв в общественном мышлении. К сожалению, слова В. Т. Кабышева весьма точно определяют отношения власти и человека в нашей стране: «Человек практически всегда в истории России был винтиком государственной машины» [4, с. 52]. Обратим внимание, что в саратовском проекте раздел II «Права человека и гражданина» начинается с главы «Человек и государственная власть», причем на первом месте стоит слово «человек». Это не просто нюанс текста, а осознанно расставленные приоритеты будущего конституционного развития России. Вспомним, что в Конституции РСФСР 1978 г. раздел II назывался «Государство

и личность», а в Конституции РСФСР 1937 г. глава XI именовалась «Основные права и обязанности граждан». В саратовском проекте четко обозначено: государство не дарует человеку конституционные права и свободы, государственная власть обеспечивает реализацию человеком его конституционных прав и свобод, охраняет и защищает его достоинство.

4. Выделение отдельной главы, определяющей обязанности граждан РФ. В Конституции РФ обязанности человека и гражданина перечислены в главе II Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Слова К. Маркса в прошествии времени не потеряли актуальность: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» [5, с. 13]. В ст. 43 саратовского проекта сказано, что осуществление гражданином прав и свобод неотделимо от выполнения обязанностей. Для современного конституционного строительства полезными можно считать нормы ст. 46 и 47 саратовского проекта, в которых в качестве обязанностей граждан выделяются уважение достоинства и национального достоинства других лиц.

Вместе с тем в условиях экономики, основанной на конкуренции, как рудимент эпохи социализма выглядит закрепленная в саратовском проекте обязанность граждан добросовестно трудиться, соблюдать дисциплину труда (ст. 45). Труд — важнейшая конституционная ценность, но его стимулирование могут и должны регулировать механизмы соперничества между субъектами экономической деятельности. С позиций нынешних реалий неубедительна и норма о способствовании государством обеспечению полной занятости населения. Безработица, от которой каждый имеет право на защиту, и полная занятость не одно и то же. Безработица — ситуация, когда человек желает, но не может найти работу. Есть граждане, занимающиеся домохозяйством, не состоящие в трудовых отношениях. Полная занятость предполагает принудительный труд, с признанием которого нельзя согласиться.

5. Одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков (ст. 102). Указанная норма предвосхитила внесенную в 2020 г. поправку к ч. 3 ст. 81 Конституции РФ, исключившую слово «подряд» из предложения.

Несмотря на столь богатый на конституционные новеллы саратовский проект, его следует изучать в контексте времени разработки. Начало 90-х гг. XX в. стало периодом неопределенности в федеративных отношениях. Так, был принят Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-1 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»¹, в котором автономные республики признавались государствами, являющимися субъектами федерации — Союза ССР (ст. 1). Подготовленный на исходе существования СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств предусматривал объединение республик СССР в конфедеративное государство [6]. В юридической науке известно, что такая форма близка к межгосударственному объединению и не представляет собой единое государство. В саратовском проекте мало норм, регулирующих федеративное устройство России. Причина тому — отсутствие ясных представлений в обществе о будущем СССР, взаимоотношениях в нем союзных республик, статусе автономий.

Противоречивы нормы саратовского проекта об организации государственной власти. Политической формой России провозглашается президентская респу-

¹ См.: Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19, ст. 329.

блика (ст. 3), в которой глава государства — Президент РФ (ст. 101). При этом предусматривается деятельность Совета Министров — Правительства, являющегося высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти. Известно, что в президентских республиках президент является главой исполнительной власти. Признается принцип разделения властей (ст. 4). Однако Верховный Совет РФ правомочен рассмотреть и решить любой вопрос, относящийся к ведению Российской Федерации (ст. 88), что явно не вписывается в доктрину разделения властей, предполагающую разграничение полномочий между законодательной и исполнительной властью. Не вписываются в теорию разделения властей отнесение в саратовском проекте к исключительному ведению Верховного Совета РФ упразднения, объединения и переименования министерств и ведомств (п. 16 ст. 88).

Ф. Тютчев писал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Возможно, сейчас мы не предполагаем, какие положения саратовского проекта по прошествии лет станут нормами действующей Конституции РФ или федерального закона. Он был подготовлен коллективом профессионалов, убедительно прозвучал в отечественной конституционной мысли и содержал сгусток идей о дальнейшем развитии страны. Пожалуй, самое главное наследие саратовского проекта — образец творческого, неравнодушного отношения его авторов к становлению в России конституционализма.

Библиографический список

1. Волков Л.Б. Всплеск русского конституционализма 1990–1993 годы. Из брошюры «Саратовский проект Конституции России» (2006 г.) // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т.: 10 кн. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). М.: Фонд конституционных реформ, 2009. 1120 с.
2. Кабышев В.Т. Саратовский проект Конституции России / предисл. В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. С. 3–8.
3. Страшун Б.А. Послесловие. Из брошюры «Саратовский проект Конституции России» (2006 г.) // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т.: 10 кн. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). М.: Фонд конституционных реформ, 2009. 1120 с.
4. Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 318 с.
5. Маркс К. Временный Устав Товарищества // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 16. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 839 с.
6. Проект Договора о Союзе Суверенных Государств / М.С. Горбачев. Жизнь и реформы: в 2 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 2. С. 793–802.

References

1. Volkov L.B. The Surge of Russian Constitutionalism 1990–1993. From the brochure "Saratov Draft of the Constitution of Russia" (2006) // From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993); in 6 vols: 10 books / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993). M.: Foundation for Constitutional Reforms, 2009. 1120 p.

2. *Kabyshev V.T.* Saratov Draft of the Constitution of Russia / Preface V.T. Kabyshev. M.: Formula of Law, 2006. P. 3–8.

3. *Strashun B.A.* Afterword. From the brochure “Saratov Draft Constitution of Russia” (2006) // From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vol.: 10 books / under the general editorship of O.G. Romyantsev. Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993). M.: Foundation for Constitutional Reforms, 2009. 1120 p.

4. *Kabyshev V.T.* Man and Power: Constitutional Principles of Mutual Relations // With the Constitution for Life: selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 318 p.

5. *Marx K.* Temporary Charter of the Partnership // K. Marx and F. Engels. Coll. of Works. Vol. 16. M.: State publishing house of political literature, 1960. 839 p.

6. Draft Agreement on the Union of Sovereign States / M.S. Gorbachev. Life and Reforms: in 2 books. M.: Novosti, 1995. Book 2. P. 793–802.

Д.С. Велиева, М.В. Пресняков

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Введение: в статье рассматривается эволюция прав и свобод человека в контексте концепции поколений прав человека. Авторы изучают как концептуализацию новых поколений прав и свобод, так и трансформацию содержания традиционных прав. **Цель** — проанализировать эволюцию основных прав в связи с динамикой социального развития общества. **Методологическая основа:** общенаучные и специально-юридические методы (общенаучный диалектический метод позволил уяснить двойственность понимания рассматриваемых юридических категорий), а также применялись методы формальной логики, сравнительный, системно-структурный методы и др. **Результаты:** рассматривая так называемые права четвертого поколения авторы отмечают, что многие из них представляют собой «рефлексы права», существующие как элемент негативной свободы личности. **Выводы:** права и свободы человека в процессе их эволюции обособились от положений позитивного законодательства и стали признаваться в качестве самостоятельной онтологической реальности. Вместе с тем не все правопритязания могут быть идентифицированы как права и свободы.

Ключевые слова: права, свободы, поколения прав, правовая определенность, социальные права, коллективные права, рефлексы права, права четвертого поколения.

D.S. Veliyeva, M.V. Presnyakov

EVOLUTION OF MAN AND CITIZEN CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS: CHALLENGES OF MODERNITY

Background: the article examines the evolution of human rights and freedoms in the context of the concept of generations of human rights. The authors analyze both the conceptualization of «new» generations of rights and freedoms and the transformation of the content of «traditional» rights. **Objective** — to analyze the evolution of fundamental rights in connection with the dynamics of social development of society. **Methodology:** general scientific and special legal methods were used as the methodological basis

© Велиева Джамила Сейфаддиновна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – РАНХиГС), профессор кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ya.wds05@yandex.ru

© Пресняков Михаил Вячеславович, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – РАНХиГС), профессор кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: presnyakov1972@yandex.ru

© Veliyeva Jamila Seifaddinovna, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law (P. A. Stolypin Volga Institute of Management – RANEPa), Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

© Presnyakov Mikhail Vyacheslavovich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law (P. A. Stolypin Volga Institute of Management – RANEPa), Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

of the study. To achieve this goal, both a general scientific dialectical method was used, which allows us to understand the duality of understanding the legal categories under consideration, as well as methods of formal logic, a comparative method, a system-structural method, etc. Results: analyzing so-called fourth-generation rights, the authors note that many of them represent «reflexes of law» existing as an element of negative individual freedom. Conclusions: it is concluded that human rights and freedoms are separated in the process of their evolution from the provisions of positive legislation and their recognition as an independent ontological reality. However, not all rights can be identified as rights and freedoms.

Keywords: *rights, freedoms, generations of rights, legal certainty, social rights, collective rights, reflexes of rights, fourth generation rights.*

Концепция трех поколений прав человека (поколенческая, генерационная) представляет собой общепризнанную теорию в науке конституционного права. Ее автором является чешский юрист Карел Васака, который был первым генеральным секретарем в Международном институте прав человека в Страсбурге и в 1979 г. сформулировал теорию трех поколений основных прав. Согласно этому подходу выделяют поколения прав человека, под которыми понимаются основные этапы их развития, связанные с формированием представлений о содержании прав. Модель К. Васака позволяет проследить систему развития прав человека в контексте исторической эволюции государства и общества.

Следует отметить, что генерационная концепция К. Васака выступала и продолжает выступать объектом критики как российских, так и зарубежных ученых [1, с. 5; 2, с. 8]. При этом традиционный упрек, который не высказывает только ленивый в адрес этой концепции, сводится к тому, что «метафора поколений прав человека вводит в заблуждение и тем, что создает видимость сменяемости одних групп прав человека другими, вытеснение правами новых поколений старых прав» [3, с. 9–10]. Но разве это не так? Неужели наше понимание классических прав и свобод человека (право на жизнь, свобода слова и т.п.) ни на йоту не изменилось с момента провозглашения этих свобод в исторически первых актах о правах человека?

Конечно не так! Право на личную неприкосновенность в Великой хартии вольностей предполагало, что ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен иначе, как по законному приговору. Сейчас же это право используется для обоснования права «распоряжаться своими органами и тканями» [4, с. 260], права распоряжаться своим телом и т.п.

Как нам представляется, процесс эволюции прав и свобод человека, в рамках которого осуществляется как ревизия уже признанных прав, так и концептуализация новых притязаний личности и социума, невозможно игнорировать. В связи с этим достаточно остро встает вопрос о содержательной определенности концепта «основные права» как применительно к сущностным характеристикам, позволяющим идентифицировать то или иное притязание в качестве права, так и в отношении различных «модификаций» и эволюций содержания традиционных прав и свобод.

Права и свободы человека носят наднациональный и надконституционный характер, что, кстати, выражается не только в положениях международных

документов, но и в конституциях. Так, согласно Конституции РФ, основные права и свободы «неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17), «являются непосредственно действующими» (ст. 18). Более того, они не только не предоставляются человеку государством, а принадлежат ему изначально (от рождения) и определяют «смысл, содержание и применение законов» (ст. 18). Получается, что права человека первичны по отношению к позитивному закону, в том числе и к Конституции как Основному Закону.

На первый взгляд, данный тезис содержит определенный парадокс, поскольку данные права человека закреплены в конституциях, в частности в главе 2 Конституции РФ. Однако не стоит забывать, что позитивное законодательство, в том числе формальная или юридическая конституция, лишь закрепляет указанные права, но не конституирует их. Учредительный характер конституции распространяется на систему органов власти, национально-территориальное устройство государства и т.п., но не на права и свободы человека. В подтверждение этого Конституция РФ предусматривает, что перечисление в ней самой основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ст. 55).

Конституция России (как и конституции других государств) содержит многочисленные указания на глобально-консенсуальный характер основных прав и свобод, которые гарантируются «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (ст. 17), признаются не поименованные в Основном Законе, но общепризнанные права и свободы человека (ст. 55), предоставляется право политического убежища в соответствии с общепризнанными нормами международного права (ст. 63) и т.п. Таким образом, наряду с собственно конституционными правами выделяются еще «общепризнанные права и свободы», которые при этом также получают конституционное признание и защиту. Означает ли это, что права и свободы, признанные международным сообществом (общепризнанные права) аутентично выражают концепт «основные права». Представляется, что нет. Во-первых, по поводу содержания конкретных прав и свобод в различных международных документах могут существовать разногласия, несмотря на общепризнанный характер таких прав. Так, ни у кого не возникнет сомнения, что право на жизнь относится к числу фундаментальных общепризнанных прав. Между тем Европейская конвенция прав и свобод признает данное право с момента рождения человека, а вот Американская конвенция о правах человека исходит из того, что «это право охраняется законом, в целом — с момента зачатия». Означает ли это, что человек в государствах — участниках Американской конвенции обладает правом на жизнь с момента зачатия, а в странах Евросоюза — с момента рождения?

Во-вторых, ни каталог прав человека, ни различные содержательные характеристики уже признанных прав не статичны. Не так давно к общепризнанным правам стали относить право на доступ к интернету, или право на интернет-доступ, но означает ли это, что данное право возникло с момента принятия соответствующих актов ООН, например резолюции Совета ООН по правам человека об осуждении ограничения доступа к интернету властями государств? Очевидно, что данный вопрос может возникнуть исключительно в рамках узкопозитивистского подхода к праву и пониманию прав человека.

Вместе с тем последовательное следование принципу «разрешено все, что не запрещено» расширяет понимание правового статуса личности до тех преде-

лов, когда в него включаются не только общепризнанные права и свободы, поименованные в конституциях и международно-правовых актах, но и вообще любые законные (не противоречащие закону) интересы индивида, которые можно идентифицировать в качестве неписаных прав. Вследствие сказанного возникает вопрос: всякое ли притязание личности, «желающей жить на своем праве», может обрести статус субъективного права? Иными словами, с признанием самости субъективных публичных прав, не зависящих от позитивного права, проблема правовой определенности смещается от «качества» объективного права («определенность права») в область содержательно-смысловых характеристик самих этих прав.

В современной научной литературе общепризнанной является точка зрения, что закрепление прав человека в исторически первых юридических документах (Билль о правах, французская Декларация прав человека и гражданина и др.) в социокультурном плане было связано с персонализацией и индивидуализацией личности как «равноправной с государством державы». В традиционной «домодерновой» культуре концепции прав человека «не было места», поскольку всякое «я» было растворено в общем «мы». Поэтому первое поколение прав человека возникает через дихотомию «личность vs государство» как средство защиты индивида от государства. Эти права часто характеризуют в качестве «негативной свободы», то есть «свободы от...»: свобода от пыток, свобода от рабства, свобода от вмешательства в личную жизнь и т.п. (практически любую свободу можно переформулировать в «негативную формулу»). Это своего рода «права-щиты» (Матиас Кумм). Изначально был распространен взгляд, что в отношениях «человек — государство» возникают даже не субъективные права личности, а так называемые рефлексы права [5, с. 2–8; 6].

Концепция «рефлексов права» («правовые рефлексы», «рефлекс объективного права» и т.п.) была обоснована выдающимся немецким правоведом Рудольфом фон Иерингом, который, в частности, значительное внимание уделил юридической концепции интересов. Иеринг, поясняя рефлексивное действие права, приводит пример, когда жилец многоэтажного дома расстилает на общей лестнице ковер: жильцы верхних этажей дома, пользуясь общей лестницей, пользуются и ковром, но у них не возникает никаких субъективных прав на этот ковер. Пользование ковром представляет собой лишь рефлекс их права на пользование общей лестницей [7, с. 294].

Сам Иеринг разрабатывал понятие правовых рефлексов преимущественно в сфере гражданско-правовых отношений, однако его последователи, немецкие государственноведы Карл Фридрих фон Гербер и Пауль Лабанд, сделали следующий шаг и распространили данную конструкцию на публичные права гражданина, которые, по их мнению, являются рефлексом, следствием самоограничения и самообязывания государства.

По мнению Гербера, «...народные права — это исключительно отрицательные права, это права на признание свободной, т.е. не подчиненной государству, стороны личности» [7, с. 294]. Аналогичным образом Лабанд полагал, что «права свободы или основные права суть нормы для государственной власти, которые она сама для себя устанавливает; эти права образуют границы для полномочий различных учреждений и обеспечивают отдельному лицу естественную свободу действий в определенном объеме, но они не обуславливают субъективных прав граждан. Они не суть права, ибо не имеют объекта» [8, с. 306].

Как отмечает Б. А. Кистяковский, по мнению названных немецких юристов, «личные свободы — вовсе не права в субъективном смысле, а лишь следствие общего правопорядка и прежде всего известного правового принципа: все, что не запрещено, дозволено» [7, с. 294]. Выдающийся немецкий правовед Георг Еллинек рассматривал такие права («рефлексивные правопритязания»), как элемент «пассивного статуса», который характеризует его как субъект обязанностей, предписаний или запретов государства. Такой статус «...строго говоря, вообще не имеет правовых характеристик и, в частности, не может служить обоснованием индивидуального притязания на “несопротивление” (со стороны государственных органов) реализации им определенных “освобождений”» [9, с. 81]. В данном случае присутствуют только рефлекс права, пользование установленным правопорядком, но нет «заградительных личных прав». Активный же статус появляется в связи с признанием со стороны государства индивидуальных правопритязаний личности и возможности последней адресовать эти притязания государству («привести в движение правопорядок»).

Еллинек исходит из того, что всякое ограничение индивидуальной свободы индивида (а эти ограничения неизбежны в любом государстве) «должно иметь правовое основание», а поэтому имеет собственные пределы. Те же ограничения, которые являются «особенно тягостными для индивида», в историческом контексте вызывают необходимость закрепления определенных прав и свобод. Так, по его мнению, вмешательство власти в дела веры и цензуры потребовало закрепления положений о свободе совести и печати, ограничения свобод личности привело к появлению права собраний, права на неприкосновенность жилища, частной жизни и т.п.

Собственно, это была (а во многом и остается) весьма популярная на тот момент «объяснительная схема» генерации прав первого поколения, согласно которой права человека обособляются как «позитивные свободы» («свобода делать что-то») из общей «негативной» свободы личности («свобода от..») как реакция на наиболее серьезные «вмешательства» государства. «Когда, однако, забудутся все ограничения свободы, созданные абсолютно-монархическим государством, когда опека государства над личностью и обществом отойдет в глубь истории и сделается лишь преданием, то все эти так называемые права перестанут быть правами и превратятся как бы в естественное проявление человеческой личности вроде права ходить гулять» [10, с. 293–294].

Казалось бы, сегодня в большинстве развитых стран такие явления, как пытки или рабство (в первоначальном смысле слова), прочно забыты, ушли в небытие и тем не менее их конституции и международные документы упорно провозглашают эти «устаревшие» права. Дело в том, что эволюция прав человека связана не только с обновлением их каталога и появлением следующих поколений, но и с изменением содержательной характеристики самого права. Если первоначально под пыткой как недопустимым с точки зрения провозглашенных свобод понималось применение к лицу «испанского сапога», то теперь — это слишком частая решетка на окнах в местах лишения свободы. Запрет рабства и торговли людьми в современном дискурсе смещается к проблемам иммиграции и проституции, «домашнего рабства» [11, с. 119].

Эволюция основных прав и свобод носит не только «количественный», но и «качественный» характер: понимание того, что право на жизнь не может быть реализовано только посредством закрепления запрета актов лишения жиз-

ни, а личное достоинство нуждается в «утвердительных действиях» со стороны государства, приводит к появлению второго поколения прав человека. Эти права в юридической литературе характеризуются как «позитивные», или «право на...», в противовес «свободам от...»: право на труд, право на социальное обеспечение, право на образование и т.п. Но это совсем не те права «на положительные действия со стороны государства», которые имел в виду Еллинек, как, например, право на судебную защиту, это, скорее всего, те правопритязания, которые он относил к «рефлексам права»: право на призрение бедных, право на охрану порядка и благоустройство городов и т.п.

Социальные права возникают на основе принципиальной «включенности» человека в социум и конституируются как права члена общества или гражданина государства. Эти права принципиально лишены объективной, онтологической определенности содержания и определяются позитивными установлениями. Тем не менее данные права также получают статус «неотъемлемых» и «естественных», только концепция естественного права в данном случае значительно трансформируется и отталкивается уже не от биологических параметров индивида, а от социальной и этической природы человеческой личности. Как справедливо отмечает В.А. Четвернин, естественная природа прав возникает не в силу факта рождения человека, а в результате рождения в определенном социуме [12, с. 173–189].

Одновременно происходит и социализация прав первого поколения, выделение в них новых пластов содержания, обусловленного принципиальной включенностью индивида в социум. Свобода слова требует не только не мешать личности высказывать свое мнение, но и создать условия для этого: в настоящее время ООН относит к «основным» и «неотъемлемым» правам право на доступ в интернет.

В 2020 г. в Европейском суде рассматривалось обращение из России по поводу отказа в предоставлении лекарства, необходимого для жизни ребенка¹. У шестимесячной девочки из Ставропольского края обнаружилось редкое и опасное заболевание — спинальная мышечная атрофия. В этом случае, единственным зарегистрированным в России (всего в мире их три), лекарством, способным спасти человека, является препарат «Спинраза», лечение которым и было предписано врачебной комиссией. Однако это очень дорогостоящий препарат, стоимость одной дозы которого достигает 7,5 млн рублей.

Министерство здравоохранения Ставропольского края 27 февраля 2020 г. отказало родителям девочки в предоставлении лекарства, сославшись на отсутствие стандартов оказания медицинской помощи детям с СМА, а также опыта применения лекарственного препарата. Родители обратились в Ленинский районный суд Ставрополя, который в условиях особого режима в связи с пандемией, посредством цифровых технологий все же вынес решение об обеспечении ребенка препаратом «Спинраза» за счет средств бюджета. Но родители не получили лекарство, поскольку краевой минздрав 30 апреля 2020 г. подал апелляцию на решение районного суда.

Состояние здоровья девочки ухудшилось, и с 27 апреля ее вынужденно прикрепили к аппарату неинвазивной вентиляции легких. В этой ситуации родители ребенка при помощи юристов правозащитного проекта «Правовая инициатива» обратились в Европейский суд по правам человека с жалобой на нарушение ст. 2

¹См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4340418> (дата обращения: 27.07.2023).

Конвенции о правах человека «Право на жизнь». Менее чем за сутки Суд принял решение о применении обеспечительных правил и обязал власти России предоставить ребенку лекарство¹.

Предполагалось ли такое содержание права на жизнь в первых актах о правах человека? Конечно, это риторический вопрос. Безусловно, права человека постоянно эволюционируют и мы все больше отдаляемся от традиций Древней Спарты. Однако мы хотели бы обратить внимание не на расширение границ субъективных публичных прав, а именно на изменение «фокуса», точки преломления: на смену подозрениям в «искусственном», «ненастоящем» характере социальных прав приходит понимание, что «не социальных» прав не существует.

Одновременно с этим постоянно уточняются границы реализации прав первого поколения, что также является признаком смещения акцентов от противопоставления индивида и общества («я» и «мы») к признанию социальной природы субъекта права. Например, свобода слова оказывается несовместимой с пропагандой расового или национального превосходства, ущемления прав меньшинства и т.п. Сегодня во многих странах мира предусмотрена ответственность (в том числе уголовная!) за отрицание Холокоста. Законы, содержащие запрет на публичное отрицание или оправдание преступлений, совершенных нацистами, приняты в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Люксембурге, Польше, России, Словении, Франции, Швейцарии, а также в Канаде и Израиле. Естественно, что в связи с этим Европейскому суду приходилось обращаться к вопросу о пределах действия свободы слова и допустимости такого ее ограничения. В решениях по делу «Леиде и Изорни против Франции», «Гароди против Франции», «Пастерс против Германии» ЕСПЧ признал, что отрицание Холокоста не может быть оправдано свободой слова. В то же время по делу «Перинчек против Швейцарии» Европейский суд признал недопустимым ограничение свободы слова путем установления уголовной ответственности за отрицание геноцида армян в Османской империи. Во всех этих случаях Суд помимо юридической фабулы дела вынужден был обращаться к степени «чувствительности общества» относительно данных исторических фактов.

Представляется, что и права третьего поколения выступают логичным звеном в процессе отождествления индивидуального «я» с социокультурной проекцией на общее «мы». К. Васак назвал их «правами солидарности» — это право на мир, на здоровую окружающую среду, на общее наследие человечества, на коммуникацию, а также право на развитие.

Принципиальной особенностью данных прав является то, что субъектом-правообладателем является не индивид и даже не группа как простая совокупность индивидов, а коллективное «мы», иными словами, данные права могут принадлежать только коллективному метасубъекту: народ, поколение, нация и др. Поэтому данные права характеризуются в научной юридической литературе как «права народов» [13, с. 30], которые осуществляются коллективами, общностями, государствами [14, с. 27] и могут быть реализованы только совместными действиями людей определенной общности [15, с. 55]. В связи с этим некоторые авторы даже высказывают мысль, что природа этих прав такова, что они не могут быть реализованы одним лицом в принципе, а только определенной социальной

¹ См.: URL: <https://meduza.io/feature/2020/05/09/espch-obyazal-rossiyu-obespechit-lecheniem-shestimesyachnuyu-adu-so-spinalnoy-myshechnoy-atrofiyey-bez-nego-ona-ne-prozhivet-bolshe-dvuh-let> (дата обращения: 27.07.2023).

группой [16, с. 46–48]. По мнению Н.В. Варламовой, «...права третьего поколения — это своего рода проекция прав первого и второго поколений на международные (именно международные, а не межгосударственные) отношения».

Представляется, что отдельный человек, конечно, принимает участие в реализации таких прав, но это участие связано не с его личным статусом, а с его положением как члена коллектива, общности, государственно-организованного общества. Интересно, что некоторые ученые относят к правам третьего поколения права отдельных категорий граждан, которые в силу различных социальных, биологических или политических причин испытывают трудности в реализации своих прав и нуждаются в особых «позитивных действиях» со стороны общества и государства: права женщин, инвалидов, молодежи, национальных меньшинств и т.п.

Безусловно, конкретный человек может принимать весьма активное участие в реализации подобных прав, но действовать он будет не от собственного имени, а в интересах определенной общности людей: можно выступать в защиту прав инвалидов, а не конкретного инвалида N. Даже когда в защиту права будет действовать названный инвалид N, то объектом такой защиты будут выступать именно права инвалидов в целом.

Группа прав третьего поколения затрагивает тему глобальных угроз человечеству, что совсем не случайно, учитывая, что они формировались после Второй мировой войны, одним из уроков которой было то, что сами по себе демократические процедуры не гарантируют торжество права и справедливости. «Праващиты» оказались не в состоянии справиться с «тиранией масс». В то же время пришло осознание и других глобальных вызовов человечеству: экологические катастрофы, международный терроризм, коррупция и т.п. Эти проблемы не укладываются в рамки национальных границ: например, проблема международной преступности принципиально нерешаема на внутригосударственном уровне. Ситуация «холодной войны» между двумя крупнейшими ядерными державами держала в страхе всю человеческую цивилизацию!

Неудивительно, что в этот период права человека в значительной степени утрачивают свою национальную принадлежность и становятся общечеловеческим и общегосударственным концептом («общепризнанные права»). Создаются глобальные системы межгосударственной защиты прав и свобод, подобные Европейскому суду по правам человека: национальные правовые системы настраиваются на «камертон» международных стандартов прав человека. Это выводит юстициабельность основных прав и свобод человека на принципиально новый уровень: национальным конституционным судам иногда «не под силу» отстаивать права личности перед государственным механизмом, а межгосударственные органы вполне способны разрешать дела «человек vs государство».

Отдельно можно отметить вектор эволюции прав второго поколения: появляется понимание, что «право на...» невозможно обеспечить и защитить теми же способами, что и «свободу от...». Если в последнем случае, как когда-то казалось, достаточно закрепить основное и непреложное право и следовать ему с достаточной точностью и последовательностью («сначала право и только потом правление»), то социально-экономические права в силу своего позитивного характера предполагают синтез «права» и «правления». Что толку закрепить право каждого на социальное обеспечение, если отсутствует сама система такого обеспечения? Последняя же не «выводится» из права как возможность говорить

и писать из свободы слова, а является результатом «правления». Это само по себе довольно серьезный аргумент против концепции «прав-щитов».

Кроме того, социально-экономические права во многом связаны с фактическими условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В связи с этим государства вынуждены дифференцировать объем гарантируемых прав в различных сегментах социума: инвалиды, пенсионеры, молодежь и т.п. При этом градация в рамках различных социальных групп должна сочетаться с принципами равенства и недискриминации в рамках одного сегмента. Соответственно, возникают права «групповой принадлежности» в силу ассоциации личности с определенной социальной стратой.

В данном случае дихотомия «личность vs государство» сменяется антиномией «мы (женщины, инвалиды, молодежь и т.п.) vs другие»: несмотря на то, что притязания по-прежнему адресуются государству, их суть смещается из области «вертикальных отношений» в плоскость «горизонтальных». Например, квотирование рабочих мест для определенных социальных групп хотя и осуществляется государством, но в действительности обязывает частных лиц.

В это же время произошло то, что известный правовед С.С. Алексеев назвал «самым главным переломом в мире правовых явлений», а именно обретение правами человека как субъективными публичными правами собственной правовой реальности, независимой от позитивного права, «формирование права человека как объективной реальности» [17, с. 670–671]. Если первоначально субъективные публичные права рассматривались как элементы личной свободы, производные от закрепленных в законодательстве «самоограничений» государства, то теперь вдруг оказалось, что эти права обладают «надпозитивным» и даже «надконституционным» содержанием и требуют создания определенных механизмов их реализации, определяют смысл и содержание объективного права.

Известный конституционалист, судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев относит права и свободы человека к особой правовой реальности, которую пока еще нельзя назвать реальностью права. Конституционное признание («конституционная позитивация») естественных прав переводит такие непризнанные «протоправа» из явлений правовой реальности в область реальности права. При этом данный процесс трансляции правовых притязаний в конституционные права носит перманентный характер. «Представления о справедливости, развивающаяся этика постоянно бросают вызов позитивному закону, требуя официального признания все новых прав, преследуя цель сделать их реальностью права. Признаем ли мы наличие таких прав, существующих в правовой действительности? Вопрос о существовании прав указывает на различия между правовой реальностью и реальностью права» [18, с. 18].

Однако такое обособление прав человека как самостоятельной юридической реальности от объективного, писаного права привело к возникновению проблемы генерации «новых» прав и поиска критериев их обособления от субъективных притязаний, которые вытекают из общего принципа личной свободы — «разрешено все, что не запрещено». Действительно, если следовать этому принципу, то что мешает рассматривать любые варианты непротивоправного поведения как «меру возможного (дозволенного) поведения», то есть как субъективное право?

Как нам представляется, сегодня широко обсуждаемые «права четвертого поколения» во многом концептуализируются на основе именно подобной логики. Прежде всего сказанное относится к так называемым соматическим правам, примерный каталог которых сделал попытку сформировать М. А. Лаврик в работе «К теории соматических прав человека» [19, с. 16–24]. В частности, он выделил: право на смерть, право на распоряжение своими органами и тканями, сексуальные права, репродуктивные права. Интересно, что право на клонирование, а также на употребление наркотиков и психотропных веществ автор не признает в силу того, что данные варианты поведения запрещены действующим российским законодательством.

Означает ли это, что право на употребление наркотических веществ является правом человека, например, в Голландии, но не является таковым в России? Собственно, в этом и заключается ошибка — в распространении статуса «права человека» на любые формально непротивозаконные варианты поведения, которые доступны индивиду. Между тем сама возможность человека совершать подобные действия может являться объектом защиты, но только как часть личной свободы и постольку, поскольку это не запрещено действующим законодательством. Однако ограничение или даже запрещение подобных вариантов поведения в национальном законодательстве не может быть рассмотрено как нарушение прав человека.

Попытаемся пояснить свою мысль на конкретном примере из практики Европейского суда по правам человека. Гражданин Франции Венсан Ламбер в результате автокатастрофы оказался парализован и находился на системе искусственного жизнеобеспечения с 2008 г. Французское законодательство после внесения изменений в Кодекс законов о здравоохранении (Public Health Code) в 2005 г. допускает прекращение лечения пациента, если используемые меры являются «безрезультатными и непропорциональными» и единственная польза от них — искусственное поддержание жизни. Другими словами, по законам Франции эвтаназия допускается.

В 2013 г. лечащий врач Ламбера по просьбе его жены и части родственников принял решение об отключении пациента от систем жизнеобеспечения, поскольку лечение оказалось безрезультатным и неэффективным. Однако другая часть родственников пациента не согласилась с таким решением и оспорила его в судебном порядке. Данное дело рассматривалось в числе прочих Государственным Советом Франции, который признал законность и обоснованность принятого решения (эвтаназии). В итоге родственники Венсана Ламбера обратились в ЕСПЧ с жалобой на нарушение права на жизнь, предусмотренного ст. 2 Европейской конвенции.

Далеко не единогласно (пять из семнадцати судей выразили особое мнение), но Европейский суд пришел к выводу, что вопрос регулирования эвтаназии входит в зону усмотрения (*margin of appreciation*) Франции при условии, что установленная судебная процедура позволяет не совершить ошибки при принятии такого решения. Получается, что, с одной стороны, ЕСПЧ констатировал, что право на жизнь, гарантированное Конвенцией, в данном случае не нарушено, однако, с другой стороны, признал данным решением право человека на эвтаназию или, как говорят некоторые апологеты прав четвертого поколения, «право на смерть». Конечно нет, Суд лишь констатировал, что соблюдение права на жизнь должно соотноситься с правом человека на защиту от жестокого с ним обращения и пы-

ток (ст. 3 Конвенции), а также с правом на уважение его личной жизни (ст. 8)¹. Регулирование же данного вопроса относится к компетенции государства — участника Конвенции.

Данный вывод нашел подтверждение в решении Европейского суда в трагическом деле Дианы Претти, которая из-за тяжелого заболевания даже не могла самостоятельно совершить самоубийство (на тот момент в Великобритании самоубийство было официально декриминализовано). Она просила британские власти разрешить ее мужу помочь ей уйти из жизни, но получила отказ. Европейский суд в деле «Претти против Соединенного Королевства», несмотря на всю тяжесть состояния заявителя и ее страдания, все же не смог признать «право на смерть».

Учитывая изложенное, мы не склонны отвергать ни соматические права, ни права четвертого поколения в целом. Как нам представляется, данная группа (или группы, учитывая их неоднородность) в настоящее время проходит «социальный отбор» и находится в стадии генерации. Только после того, как появятся позитивные обязательства государства по обеспечению и защите таких прав (не исходя из национального законодательства, а в силу самого факта наличия «общепризнанного права»), а у личности возникнет возможность требовать их выполнения (в том числе, на межгосударственном уровне), можно будет говорить о их объективном существовании.

Библиографический список

1. Глухарева Л.И. Третье поколение прав человека: рецензия на научную статью Варламовой Н.В. «Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями» // История государства и права. 2009. № 24. С. 5–8.
2. Казанцев Д. Права человека: история развития // ЭЖ-Юрист. 2011. № 32. С. 8.
3. Варламова Н.В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 9–18.
4. Кудашова Т.Г. О праве граждан распоряжаться своими органами и тканями // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 4. 259–262.
5. Овсепян Ж.И. Развитие учения о субъективном характере основных (конституционных) прав и свобод в классической научной теории // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 13. С. 2–8.
6. Овсепян Ж.И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина) в России. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2018. 702 с.
7. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / изд. подгот. Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 798 с.
8. Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Bd. 1. Tubingen, 1876. 191 p.
9. Левенталь Э.Б. Вклад Георга Еллинека в развитие института основных прав и свобод // Право и политика. 2007. № 2. С. 74–84.
10. Кистяковский Б.А. Государственное право (Общее и русское. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/09 акад. году) // Хрестоматия по конституционному праву. Т. 1: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 800 с.
11. Сакаева О.И. Понятия рабства и торговли людьми в практике органов международного правосудия // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 110–119.

¹ См.: Трушкевич А.А. Проблема эвтаназии в международном праве // Экономика и юриспруденция: электрон. науч. журнал. 2016. № 9(30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-evtanazii-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 01.07.2023).

12. Четвернин В.А. Либертарно-юридическая интерпретация прав человека // *Философия права в России: история и современность: матер. третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца*. М.: Норма, 2009. С. 173–189.
13. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 1991. 160 с.
14. Лукашева Е.А. Генезис идей прав человека и правового государства. Общая теория прав человека / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин, И.А. Ледях, и др.; отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 1996. 520 с.
15. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юрист, 2003. 303 с.
16. Варламова Н.В. Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями // *История государства и права*. 2009. № 14. С. 46–48.
17. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
18. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России // *Право и государство: культурологическое измерение: II Междунар. науч.-практ. конф. (1 декабря 2017 г.)*. СПб.: СПбГУП, 2017. 287 с.
19. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // *Сибирский юридический вестник*. 2005. № 3. С. 16–26.

References

1. Glukhareva L.I. The Third Generation of Human Rights: a review of a scientific article by Varlamova N.V. “The Third Generation of Human Rights as a Form of Legitimization of Relations Between Social Communities” // *History of the state and law*. 2009. No. 24. P. 5–8.
2. Kazantsev D. Human Rights: the History of Development // *EZH-Yurist*. 2011. No. 32. P. 8.
3. Varlamova N.V. The Third Generation of Human Rights? // *Russian Law Journal*. 2011. No. 2. P. 9–18.
4. Kudashova T.G. On the Right of Citizens to Dispose of Their Organs and Tissues // *Izvestiya Orenburg State Agrarian University*. 2012. No. 4. P. 259–262.
5. Ovsepyan Zh.I. The Development of the Doctrine of the Subjective Nature of Fundamental (Constitutional) Rights and Freedoms in Classical Scientific Theory // *Constitutional and Municipal Law*. 2009. No. 13. P. 2–8.
6. Ovsepyan Zh.I. The Constitutional and Legal Status of a Person (Citizen) in Russia. Rostov n/A; Taganrog: Publishing house South Feder. Univ., 2018. 702 p.
7. Kistyakovsky B.A. Philosophy and Sociology of Law / ed. prep. by Yu.N. Davydov, V.V. Sapov. St. Petersburg: Publishing house of Russian Christian Humanitarian Univ., 1998. 798 p.
8. Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Bd. 1. Tubingen, 1876. 191 p.
9. Leventhal E.B. Georg Jellinek's Contribution to the Development of the Institute of Fundamental Rights and Freedoms // *Law and Politics*. 2007. No. 2. P. 74–84.
10. Kistyakovsky B.A. State Law (General and Russian. Lectures delivered at the Moscow Commercial Institute in 1908/09 acad. year) // *Textbook on constitutional law. Vol. 1: History, Theory and Methodology of Constitutional Law. The Doctrine of the Constitution / comp. N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov*. St. Petersburg: Alef-Press, 2012. 800 p.
11. Sakaeva O.I. Concepts of Slavery and Human Trafficking in the Practice of International Justice Bodies // *Journal of Russian Law*. 2017. No. 11. P. 110–119.
12. Chetvernin V.A. Libertarian-Legal Interpretation of Human Rights // *Philosophy of Law in Russia: history and modernity: mater. of the third philosophical and legal readings in memory of academician V. S. Nersesyants*. М.: Norm, 2009. P. 173–189.
13. Mullerson R.A. Human Rights: Ideas, Norms, Reality. М.: Legal lit., 1991. 160 p.

14. *Lukasheva E.A.* The Genesis of the Ideas of Human Rights and the Rule of Law. General Theory of Human Rights / I.A. Kartashkin, N.S. Kolesova, A.M. Larin, I.A. Ledyakh, et al.; ed. E.A. Lukasheva. M.: Norm, 1996. 520 p.
15. *Glukhareva L.I.* Human Rights in the Modern World (Socio-Philosophical Foundations and State Legal Regulation). M.: Yurist, 2003. 303 p.
16. *Varlamova N.V.* The Third Generation of Human Rights as a Form of Legitimization of Relations Between Social Communities // History of the State and Law. 2009. No. 14. P. 46–48.
17. *Alekseev S.S.* The Ascent to the Law. Searches and Solutions. M.: Norma, 2001. 752 p.
18. Gadzhiev G.A. Constitutional Identity and Human Rights in Russia // Law and State: Cultural Dimension: II International Scientific and Practical Conference (December 1, 2017). St. Petersburg: SPbGUP, 2017. 287 p.
19. *Lavrik M.A.* On the Theory of Somatic Human Rights // Siberian Legal Bulletin. 2005. No. 3. P. 16–26.

Т.М. Пряхина, Н.А. Галкин

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение: при анализе текста Основного Закона России как метазнака правовой и культурной среды выявлено единое текстовое значение Конституции РФ, обозначены литературные приемы, которые используются при вербализации юридического смысла властеотношений, при организации конституционно-правовой информации в единый целостный текст. **Цель** — показать перспективы развития нового междисциплинарного направления «юридическая текстология» на примере Конституции России. **Методологическая основа:** метод материалистической диалектики, системный метод научного анализа при ведущей роли междисциплинарной методологии, формально-логический метод. **Результаты:** выявлены закономерности литературной организации текста Основного Закона. **Выводы:** в тексте Конституции РФ используются приемы создания художественного литературного произведения.

Ключевые слова: Конституция России, текст, текстология, юрислингвистика, язык властеотношений.

T.M. Pryakhina, N.A. Galkin

THE CONSTITUTION OF RUSSIA: TEXTUAL ASPECT

Background: the analysis of the text of the Basic Law of Russia as a meta-sign of legal and cultural environment reveals the unified textual meaning of the Constitution of the Russian Federation, identifies literary techniques that are used in the verbalization of the legal meaning of power relations, in the organization of constitutional and legal information into a single integral text. **Objective** — to show the prospects of development of a new interdisciplinary direction "legal textology" on the example of the Constitution of Russia. **Methodology:** the method of materialistic dialectics, system method of scientific analysis with the leading role of interdisciplinary methodology, formal-logical method. **Results:** the regularities of literary organization of the text of the Basic Law are revealed. **Conclusions:** in in the text of the Constitution of the Russian Federation the rules of legal technique use the techniques of creating an artistic literary work.

Keywords: Constitution of Russia, text, textual studies, legal linguistics, language of power relations.

© Пряхина Татьяна Михайловна, 2023

Доктор юридических наук, профессор департамента права Института экономики, управления и права (Московский городской педагогический университет); e-mail: PryakhinaTM@mgpu.ru

© Галкин Никита Антонович, 2023

Аспирант департамента права Института экономики, управления и права (Московский городской педагогический университет); e-mail: GalkinNA@mgpu.ru

© Pryakhina Tatiana Mikhailovna, 2023

Doctor of Law, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law (Moscow City Pedagogical University)

© Galkin Nikita Antonovich, 2023

Postgraduate student of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law (Moscow City Pedagogical University)

Конституция Российской Федерации по содержанию представляет собой Основной Закон государства и общества, который объективируется в форме текста¹. Цели и задачи, функции Основного Закона страны связаны именно с юридической либо политико-юридической составляющей. Осмысление Основного Закона как текста отодвинуто на второй план его юридическим бытием. Сегодня назрела настоятельная потребность оценки Основного Закона как текста, воплощающего архетипические смыслы российского народа применительно к процессам юридизации политических отношений в сфере организации, устройства, функционирования публичной власти. Конституция — часть единого ментального, информационного пространства — обретает новый смысл, когда мы рассматриваем ее в качестве текста. Характеристики текста определяются содержанием. Вместе с тем очевидна общность текстов, которые есть форма существования языка, объективной реальности, воплощающая знание, понимание, заблуждение. Современная эпоха универсализации знания предполагает создание универсальных текстов. Наиболее ярко эти процессы проявляются в области кибернетики, где на базе «языка человека» специалисты создают единый язык информационных систем. Нечто похожее будет происходить и в естественной среде. Власть как универсальная категория требует универсального языка. Очевидна схожесть текстов конституций различных стран, что объясняется универсализацией правового статуса личности, признанием равенства всех людей, предполагающего организацию власти таким образом, чтобы она в равной степени гарантировала ядро основных прав и свобод.

Одновременно с процессами стандартизации правового регулирования разворачиваются встречные процессы регионализации, поиска индивидуальных характеристик правовой системы, в полной мере отражающих самобытность конкретного общества, выражающих и обеспечивающих национальные интересы государства. Нарастание суверенитета России во всем многообразии его проявлений, развитие России как государства-цивилизации предполагает формирования правовой системы тождественной цивилизационной идентичности страны. Конституция Российской Федерации пронизана идеей единства. Она призвана объединять народ, граждан, социальные общности, общественные структуры, политические силы, государственные институты, нации, этносы, конфессии. Государственное единство достижимо, когда право опирается на иные регуляторы: мораль, нравственность, обычаи, традиции, культуру, этику и иные. Сопрежение права и культуры предполагает лингвистический анализ текста Основного Закона — юридической формы литературного языка, которым говорит суверен. Текст неотделим от дискурса. На языке Конституции говорят друг с другом участники властеотношений и этот язык должен быть доступен, понятен каждому, вступающему в диалог. Текстологический анализ Основного Закона позволяет понять, как считывают содержащуюся в нем информацию различные акторы, и, соответственно, оптимизировать правовую жизнь. Сказанное свидетельствует об актуальности, теоретической и практической значимости предпринятого нами исследования.

Вопросы юридической текстологии, языка права, поэзии права, лингвистического анализа законов стали предметом научного поиска таких выдающихся представителей юридической науки, как А. И. Бойко, Л. Д. Гаухман, В. М. Клеандрова,

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

О.Б. Купцова, В.И. Лафитский, Н.А. Лопашенко, А.И. Ситникова, Е.И. Темнова, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, О.И. Чистяков и др. Специальное исследование Н.А. Любимова посвящено языку конституционного законодательства [1]. Нетривиальный подход в сопряжении языка и стиля конституций продемонстрировала Н.Е. Таева [2]. Вместе с тем пространство неизведанного в области текстологии права, юрислингвистики гораздо более обширно, нежели сфера понятных, осознанных, сформулированных, введенных в научный оборот правил, закономерностей. Полагаем, что необходимо обратиться к тексту Конституции России как уникальному феномену, сочетающему в себе черты юридического документа и художественного произведения; естественный, литературный и юридический язык; стиль эпохи и вневременные категории; архетипические образы и представления отдельного народа и универсальные общецивилизационные максимы; прошлое и будущее в настоящем. Междисциплинарный подход позволяет увидеть закономерности коэволюционного развития юридических текстов и текстов культурно-языковой среды, формирующей язык права и им же трансформируемой.

Текст — линейно организованная последовательность языковых знаков, обладающая сложной структурой, неделимая и целостная первичная данность гуманитарной дисциплины. Текст обладает единым текстовым значением и в этом отношении может рассматриваться как нерасчлененный сигнал. «Быть романом», «быть документом» — значит реализовать определенную культурную функцию и передавать некоторое целостное значение [3, с. 62]. Такие тексты, число которых ограничено в отличие от бесконечного числа всех текстов, являются уже знаками культуры, а не языка [4, с. 107]. Конституция — метазнак правового и культурного пространства. Она — порождение культуры и одновременно культурный феномен. Конституция обеспечивает порядок государственной и общественной жизни только в том случае, если ее текст созвучен культурному архетипу народа. Для текста «быть Конституцией» — значит обеспечивать политическую, идеологическую, ментальную, этическую, экономическую, государственную, правовую самоидентификацию народа.

Текст Конституции имеет свое пространственно-временное бытие. Тем самым обеспечивается целостность объекта. Применительно к Конституции фактор времени ограничивается моментом вступления Основного Закона в силу и моментом прекращения его действия как юридического акта. Таким образом, достигается определенность властной воли и правовая определенность в регулировании поведения субъектов правоотношений. Конституция же как воплощение архетипа власти своим временным бытием охватывает весь период зарождения и становления политической нации. В государственно-правовые отношения вступают коллективные субъекты — народ (либо избирательный корпус), государство, нации, этнические общности, поколения и т.п. Это субъекты с устойчивой многофакторной идентичностью, которая складывается столетиями и поддерживается коллективным самосознанием вне и помимо временных границ действия Основного Закона.

Конституция России 1993 г. создавалась как документ, который в конфликтной ситуации порождает и укрепляет общественное согласие. Именно поэтому был выбран тип функциональной модели Конституции. Очевидные блага были наглядно прописаны в тексте Основного Закона. Неочевидные блага как либеральные, так и социалистические, конкурирующие между собой, противоречащие друг другу, в текст Конституции включались в виде дефинитивных норм. Для того чтобы

потенциальные конфликты между разными системами ценностей не привели к распаду Конституции и расколу в обществе, в Основном Законе были заложены специальные механизмы, которые, с одной стороны, обеспечивают стабильность и согласие, а с другой стороны, позволяют создать преимущества для вызревания новых институтов, нового социального порядка и новых общественных отношений перед отживающими «старыми» [5, с. 59, 64–65]. Стратегия авторов объясняет текстуальную неоднородность Конституции РФ. Часть ее положений прописана четко, однозначно (ст. 1, 3, 5, 6, 7 и др.), другая — «тяжеловесна», трудна для восприятия (ст. 93, ч. 2 ст. 5, ч. 4 ст. 111, 134, 135 и др.). Особенно двойственное впечатление производит ст. 9 Конституции РФ, согласно которой земля и другие природные ресурсы провозглашаются основой жизни и деятельности народов, при этом допускается нахождение природных ресурсов в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Проблема не в том, может ли земля быть в частной собственности. Проблема в том, может ли в частной собственности быть основа жизни и деятельности народов. Многозначность подобных конституционных положений изначально рассчитана на дополнительное уточнение. Юридическая расшифровка определяется текущей политической ситуацией, расстановкой социально-экономических сил и т.п. Возможно, именно текстуальное несовершенство придало Конституции России больше гибкости при интерпретации, позволило сопрягать правовые и политические решения в рамках поля «возможного и должного». Однако нельзя не замечать подобные недостатки. Они создают дефекты правового поля, искажают смысл конституционных положений, способствуют разночтению одних и тех же конституционных норм [6, с. 58]. Поэтому так важно совершенствовать текст Конституции.

Конституция настолько масштабный по своему значению закон, что излагается особым литературным стилем, сочетающим в себе юридический язык и язык художественной литературы. Литературно-юридический стиль Основного Закона задействует глубокую эмоциональную память. С одной стороны, нормы Конституции должны излагаться юридическим деловым стилем, быть лаконичными, единообразно понимаемыми. С другой стороны, Конституция должна быть содержательно глубокой и эмоционально насыщенной. Текст Конституции должен быть запоминаем, а в таком случае без ассоциативной и эмоциональной памяти не обойтись, значит, составитель конституции неизбежно обращается к художественному слову. Конституционная реформа — 2020 удивительным образом возвратила текст действующей Конституции, написанный формально-юридическим стилем эпохи абстракционизма, к стилю, совмещающему литературно-художественный и формально-юридический язык. И.Г. Кошечкина отмечает: «Если содержанием языка является объективный мир в той мере, в которой он познан нами и преломлен в наших чувствах, то это значит, что определенные глобальные идеи стягивают к себе все существующие в языке средства выражения, членясь на более мелкие микросистемы» [7, с. 112]. Именно глобальные идеи «стянули» все доступные и допустимые в юридическом тексте средства литературно-художественного языка и изменили стилистику текста Основного Закона, отражающего и выражающего величие России, способной вновь и вновь возрождать смыслы и ценности, удерживающие мир в цивилизационных границах.

В Конституции используются литературные приемы, необходимые для решения творческих задач. Для повышения информативности сообщения нужно увеличивать его вес, который связан с такими факторами, как число повторений

стимула, его мощность, длительность, пространственные размеры и т.п. Увеличение каждого из этих показателей ведет к увеличению информативности. В письменном тексте используются такие приемы, как ударение, подчеркивание, курсив, выделение текста в отдельную строку, абзац и т.п. Конституция РФ удачно структурирована на разделы, главы, статьи, пункты. Особым динамичным образом изложена Преамбула. Завершающая, констатирующая фраза Преамбулы выделяется заглавными буквами: «...принимаем **КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**». В языке существуют специальные слова и выражения, единственное назначение которых — увеличить информативность других, рядом стоящих слов: «очень», «чрезвычайно», «исключительно», «вот именно» и т.п. «Специальные» слова включены в текст Конституции РФ: высшая ценность (ст. 2), высшее непосредственное выражение власти народа (ст. 3), никакая идеология (ст. 13), любые нормативные правовые акты (ст. 15), никакие другие (ст. 16), ничто не может быть (ст. 21), никто не может быть (ст. 50), важнейший приоритет (ст. 67.1), уникальное наследие (ст. 68) и т.п. Распространенный прием, позволяющий увеличить вес сообщения, обладающий способностью внедряться в сознание читателя, — повторение. Непосредственное повторение редко используется в Конституции РФ, но когда законодатель прибегает к данному приему, он звучит особенно ярко (ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 2 ст. 129). Эффективность рассматриваемого метода повышается при «частичном» повторении. Конституции России присущи именно ньюансные повторения. Например: Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4), Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации (ч. 2 ст. 67), Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности (ч. 2.1 ст. 67). Таких «перекличек» в тексте Конституции много, она пронизана ими¹. При таком повторении происходит частичное совпадение (пересечение) множеств истинности двух последовательных сообщений. Именно частичное совпадение оказывается более информативным, чем полное совпадение или полное несовпадение [8, с. 72, 79].

Текст Конституции РФ составляет чуть более 17 680 слов. В правовых актах язык выступает в качестве формы передачи сообщения: законодатель информирует всех потенциальных субъектов правоотношений о допустимых стандартах поведения. В силу этого словарный запас Конституции не богат, унифицирован, насыщен юридическими терминами, тавтологией. Таким образом обеспечивается правовая определенность, единообразное понимание конституционных положений. Оправданный с точки зрения юридической техники прием изложения Основного Закона часто является препятствием для надлежащего его понимания субъектами, не владеющими специальными правовыми познаниями. Все естественные языки избыточны. Величина избыточности разных языков мира колеблется в пределах 70–80 %. Типичные тексты могут быть сокращены на треть без потери информации. Избыточность языка предупреждает возможные ошибки в понимании сообщения, повышает надежность его передачи [9, с. 24]. Избыточность позиционирует язык как форму мысли. Не случайно применение Конституции, когда текст выступает в качестве процесса речемыслительной деятельности, востребовало

¹ См., например, преамбулу, ч. 2 и 3 ст. 67.1, ч. 1 ст. 4, ст. 79.1, п. «ж» ст. 83, ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15, ч. 5 ст. 76.

существенного дополнения конституционного словарного запаса, обогащаемого за счет научно-практических комментариев, решений Конституционного Суда РФ, высказываний политических лидеров, государственных деятелей и т.п. В ряде случаев пополнение конституционного словаря происходит некорректно, не способствует надежности передачи сообщения. Например, Конституционный Суд РФ использует такие термины, как «правоположение», «правовая демократия», «демократические ценности» и т.п., однозначная нормативно-правовая расшифровка которых весьма затруднительна. Необходимо формировать корреляционные зависимости между тем минимумом словарного запаса, который представлен непосредственно в тексте Основного Закона, и тем конституционным словарем, который в силу требования избыточности складывается вокруг Конституции.

В конституционном тексте присутствуют определенные канонические словоформы, образующие стабильные понятийные связи. Конституционная словоформа предполагает существование устойчивого смыслового движения, выражающегося в стабильных выражениях. Например, в слове «государство» потенциально присутствуют слова «суверенное», «правовое», «социальное»; «выборы» — «демократические», «свободные»; «свобода» — «мысли и слова», «совести»; «право на» — «жилище», «отдых», «образование»; «президент» — «глава государства», «гарант» и т.п. Таким образом, слово в конституционном контексте приобретает точный смысл того, что предшествовало ему и будет развивать его. Устойчивая динамика смыслового перехода создает запоминающиеся образы, налагает языковые ограничения на смысловую ревизию терминов, которые обрели в массовом сознании определенное значение [10, с. 192]. Ярким примером устойчивой конституционной словоформы является «право на труд», которое в общественном сознании воспринимается именно как право, гарантируемое и обеспечиваемое государством, несмотря на то, что в конституционном тексте закреплена свобода труда, возлагающая заботу о трудоустройстве на самого гражданина (ст. 37). Смысл словоформы «право на труд» продолжается в словоформе «человек труда», обретенной Основным Законом в ходе конституционной реформы — 2020 (ст. 75.1). Словоформа «свобода совести и вероисповедания» не тождественна конституционному положению о гарантии каждому свободы совести, свободы вероисповедания (ст. 28). В ст. 28 Конституции РФ закреплены два самостоятельных правомочия, имеющих разное нормативное содержание. В общественном сознании свобода совести соединена со свободой вероисповедания и данные правомочия объединяются в устной речи союзом «и», то есть совесть «черпает» нравственный императив в вере. Подтверждается рассматриваемая словоформа закреплением императива идеалов и веры в Бога, полученных от предков как основы государственного единства (ч. 2 ст. 67.1).

Текст Конституции статичен. Вместе с тем именно рифма и размер текста помогают людям запомнить его смысл и форму. Мы не призываем рифмовать положения Основного Закона. Мы призываем творить конституционный текст так, чтобы каждое слово, строчка, пункт, статья звучали, были выверены, точны в передаче информации, уместны. Говоря о ритме, обратим внимание на динамику расстановки слов в предложениях Основного Закона. Проиллюстрируем сказанное на примере ч. 3 ст. 104: «Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при

наличия заключения Правительства Российской Федерации». Попробуем изложить данное положение иначе: «Только при наличии заключения Правительства Российской Федерации могут быть внесены законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета». В такой формулировке правильно расставлены смысловые акценты. В учебниках динамика конституционной строки обычно меняется авторами, поскольку именно такая формулировка лучше запомнится студентам.

О статичности текста Конституции РФ свидетельствует то, что в нем преобладает именная система словарного запаса, находящаяся в состоянии неподвижности. Всякое движение, совершаемое в пространственно-временных связях, передается словами глагольной формы. Мы подсчитали: текст Конституции РФ содержит 873 слова глагольной формы, то есть приблизительно 4,9 % от общего количества слов, что свидетельствует о диспропорции между словами именной и глагольной форм. В языке выразители материальности, или существительные, составляют 53 % всего словарного состава, выразители действия — 37 %. Таким образом, в Основном Законе более чем в восемь раз меньше слов глагольной формы, чем в среднем по естественному языку. Если считать текст Преамбулы одной статьей, то именно на нее приходится наибольшее число слов глагольной формы — 11, а на раздел второй «Заключительные и переходные положения» на каждый абзац — 2,2 глагола. Наибольшее число слов глагольной формы (5) на одну статью приходится в гл. 4 «Президент Российской Федерации», наименьшее (2,5) на одну статью — в гл. 1 «Основы конституционного строя». Слова именной формы, стабильные в своей основе, изменяют свои пространственно-временные корреляции только благодаря сочетаемости с динамичными, подвижными словами глагольной формы. Эти слова, выражая собой инициатора любого действия, движения, перемещения, не могут быть безразличны к процессу выполнения этого действия и оказываются с ним в тесной взаимосвязи. Точно так же репрезентаторы действия, будучи стимулированы каким-то деятелем, определяются им и зависят от него [7, с. 15]. Иначе говоря, инициатору действия в конституционном тексте не хватает репрезентатора действия, и наоборот, у каждого действия столько адресатов, что энергетический посыл «размывается». В конституционном тексте недостаточно опорных единиц речи. Он изначально нуждается в дополнительной языковой поддержке. Дисбаланс именной и глагольной форм является одним из маркеров того, что воплощение конституционных норм в практику повседневной жизни требует значительных усилий как от государственных институтов, так и от отдельных граждан, а понятие «политической воли» стало неременным условием реализации норм Основного Закона.

Изучение текста Конституции России с позиций юрислингвистики позволяет в полной мере раскрыть ее творческий потенциал. Текст Конституции уникален, самобытен. В нем сочетаются черты нормативного правового акта и художественного произведения, существует как метазнак правовой и культурной среды, отражает историческую непрерывность российской государственности, выражает архетипы ментальности народа и правосознания общества, написан литературно-юридическим языком, использует приемы литературного языка, характерные для решения творческих задач, статичен и требует максимальных усилий для надлежащей реализации, стабилен, поскольку опирается на канонические кон-

ституционные словоформы, ритмически неоднороден. Таким образом, правовой науке в целом и науке конституционного права в частности жизненно необходимо развивать такое направление, как юридическая текстология. Юриспруденция оперирует вербальными текстами и подобное междисциплинарное направление способно нарастить имеющиеся резервы повышения качества конституционно-правового регулирования.

Библиографический список

1. *Любимов Н.А.* Конституционное право России: лингвистический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 233 с.
2. *Таева Н.Е.* Язык и стиль советских конституций // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 87–96.
3. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб., 1998. 702 с.
4. *Соломоник А.Б.* Философия знаковых систем и язык. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 408 с.
5. *Шахрай С.М.* О Конституции: Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013. 917 с.
6. *Царев А.Ю.* О текстовых дефектах Конституции Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 53–60.
7. *Кошевая И.Г.* Язык как микрокосм сознания: уровни языкового абстрагирования. М.: ЛЕНАНД, 2015. 210 с.
8. *Голицын Г.А., Петров В.М.* Информация. Поведение. Язык. Творчество. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. 221 с.
9. *Деменюк С.Л.* Просто символ [Символ как вещь и вещь как символ]. СПб.: Страта, 2018. 260 с.
10. *Пряхина Т.М.* Устойчивые словоформы — фактор стабильности конституционного развития России // Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2022. С. 188–205.

References

1. *Lyubimov N.A.* Constitutional Law of Russia: linguistic aspect: dis. ... cand. of Law. M., 2002. 233 p.
2. *Taeva N.E.* Language and Style of Soviet Constitutions // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. No. 9. P. 87–96.
3. *Lotman Yu.M.* About Art. St. Petersburg: Art-SPb., 1998. 702 p.
4. *Solomonik A.B.* Philosophy of Sign Systems and Language. Moscow: LKI Publishing House, 2011. 408 p.
5. *Shakhray S.M.* About the Constitution: The Basic Law as an Instrument of Legal and Socio-Political Transformations. Moscow: Nauka, 2013. 917 p.
6. *Tsarev A.Yu.* On Textual Defects of the Constitution of the Russian Federation // Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 1. P. 53–60.
7. *Koshevaya I.G.* Language as a Microcosm of Consciousness: Levels of Linguistic Abstraction. M.: LENAND, 2015. 210 p.
8. *Golitsyn G.A., Petrov V.M.* Information. Behaviour. Language. Creation. 3rd ed. M.: LENAND, 2017. 221 p.
9. *Demenyuk S.L.* Just a Symbol [Symbol as a Thing and a Thing as a Symbol]. St. Petersburg: Strata, 2018. 260 p.
10. *Pryakhina T.M.* Stable Word Forms — a Factor of Stability of the Constitutional Development of Russia // Law. Order. Values / under the general editorship of E.A. Frolova. M.: Prospect, 2022. P. 188–205.

П. А. Астафичев

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА:
ОТ ОСНОВАНИЯ К ИСТОРИКО-ПРАВОВОМУ
ОСМЫСЛЕНИЮ В СВЯЗИ С ЕЕ 30-ЛЕТИЕМ

Введение: в связи с 30-летним юбилеем Конституции РФ предпринята попытка осмысления ряда гуманистических и демократических тенденций, которые наблюдаются в современной России. Отмечается значение не 30-летия Основного Закона, а государственно-правовых изменений и качественная модернизация ряда политических приоритетов, которые имели место в стране с 1993 г. по настоящее время. **Цель** — выявить гуманистический и демократический потенциал конституционных принципов, институтов и норм на основе изучения содержания Конституции РФ, действующего законодательства, правоприменительной практики Конституционного Суда РФ. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, совокупность диалектического и системного методов познания. **Результаты:** обосновывается, что государственная безопасность во многом обеспечивается режимом конфиденциальности и секретности, деятельностью правоохранительных органов и спецслужб, вооруженных сил, судов и пенитенциарной системы. Не меньшую роль в механизме обеспечения безопасности страны играет публичность, гласность политики, открытый диалог власти и общества, доверие граждан. Правовой гуманизм в современных российских государственно-правовых реалиях представляет генеральный конституционный императив, который в силу принципа верховенства Конституции РФ предполагает соблюдение следующих условий: во-первых, гуманистической направленности деятельности правоохранительной системы, во-вторых, социально-экономического гуманизма, то есть эффективного государственно-правового обеспечения достойного уровня жизни граждан. **Выводы:** гуманистический и демократический потенциал конституционных принципов, институтов и норм мог бы в дальнейшем наращиваться, однако даже в имеющихся условиях есть основания для признания существенного прогресса в данных общественных отношениях.

Ключевые слова: гуманизм, демократия, достоинство личности, права человека, конституционализм, публичная власть, конституционные гарантии.

P. A. Astafichev

**HUMANISTIC AND DEMOCRATIC POTENTIAL
OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION
OF 1993: FROM FOUNDATION TO HISTORICAL
AND LEGAL UNDERSTANDING IN CONNECTION
WITH ITS 30TH ANNIVERSARY**

Background: in connection with the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, an attempt is made to comprehend a number of humanistic and democratic trends that are observed in modern Russia. The significance is noted not the 30th anniversary of the Basic Law, but the state-legal changes and qualitative modernization of a number of political priorities that have taken place in the country from 1993 to the present. **Objective** — to identify the humanistic and democratic potential of constitutional principles, institutions and norms based on studying the content of the Constitution of the Russian Federation, current legislation, and law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Methodology:** general scientific and specific research methods, a set of dialectical and systemic methods of cognition. **Results:** it is substantiated that state security is largely ensured by the regime of confidentiality and secrecy, the activities of law enforcement agencies and special services, armed forces, courts and penitentiary system. No less important in the mechanism of ensuring the security of the country is publicity, transparency of policy, open dialog between the authorities and society, trust of citizens. Legal humanism in modern Russian state-legal realities is a general constitutional imperative, which by virtue of the principle of supremacy of the Constitution of the Russian Federation presupposes compliance with the following conditions: firstly, the humanistic orientation of the law enforcement system, and secondly, socio-economic humanism, i.e. effective state-legal provision of a decent standard of living of citizens. **Conclusions:** the humanistic and democratic potential of constitutional principles, institutions and norms could be further increased, but even in the existing conditions there are grounds for recognizing significant progress in these social relations.

Keywords: humanism, democracy, personal dignity, human rights, constitutionalism, public power, constitutional guarantees.

Юбилей действующей Конституции РФ — важное основание к осмыслению ее историко-правовой роли в генезисе российской государственности. В Конституции РФ изначально был заложен высокий гуманистический и демократический потенциал. Эти два начала не противоречили, а взаимно дополняли и обогащали друг друга. Однако 30 лет спустя гуманистическая тенденция в значительной мере возобладала над демократической.

В частности, Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ устанавливается в качестве приоритетной цели государственной политики обеспечение гуманизма, милосердия, взаимопомощи и взаимного уважения. Категория «демократия» в данном акте если и упоминается, то лишь в подтексте и не как основной приоритет. Следует учитывать, что слово «демократия» — это первое, что упоминается

¹См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

в Конституции РФ после ее преамбулы (ч. 1 ст. 1). Демократическую природу российской государственности никто не отрицает, но демократическое строительство сегодня не объявляется приоритетной задачей государственно-правовой деятельности и отгесняется на своего рода периферию.

Выборы и референдумы играют важнейшую роль в политической жизни общества. Вне сомнения, это актуально для современной России. Конституционный строй страны признает народный суверенитет и верховенство воли граждан. Считается, что именно избиратели должны решать, какое настоящее и будущее предпочтительнее для россиян. Это выражается путем референдумов и периодически проводимых выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. Избирательные кампании в современной России после конституционной реформы 1993 г. пережили несколько электоральных циклов, что позволило накопить значительный опыт администрирования выборов [1, с. 168], апробацию действующего законодательства и его корректировки вследствие складывающейся правоприменительной практики. В связи с этим институционализируются угрозы безопасности избирательной системы [2, с. 119], выработаны системные меры противодействия данным явлениям.

Вопрос об институциональных гарантиях избирательной системы находится в сложной взаимосвязи с проблемой государственной (конституционной, общественной, национальной, публичной) безопасности. Безопасность государства — серьезный и важный вопрос, он не может игнорироваться конституционным правом ввиду необходимости обеспечения функционирования других его фундаментальных институтов (разделения властей, верховенства прав человека, многопартийности) [3, с. 37].

Проблему безопасности государства можно воспринимать по-разному и предлагать весьма дифференцированные пути и средства ее обеспечения. Государственная безопасность во многом обеспечивается режимом конфиденциальности и секретности, деятельностью правоохранительных органов и спецслужб, вооруженных сил, судов и пенитенциарной системы. Однако не меньшую роль в механизме обеспечения безопасности страны играет публичность, гласность политики, открытый диалог власти и общества, доверие граждан [4, с. 248]. Действуя в совокупности, системном единстве и конкурентно-состязательной форме, данные институты призваны гарантировать прежде всего безопасность государства и общества конституционными средствами [5, с. 19], защищая их от соответствующих общественно-политических угроз (целостность и устойчивость политического строя страны, ее дальнейшее развитие и процветание, благосостояние граждан, социально-экономический рост, цивилизованная общественная атмосфера, в конечном итоге — реализация фундаментальных конституционных прав и свобод человека и гражданина) [6, с. 145].

Конституционные отношения в современных условиях гарантируются государством и правом для повышения эффективности публичного управления в условиях возрастающей сложности социальной структуры и организации общества. В цивилизованном мире предъясвляется особый спрос на безопасность и предсказуемость публичной политики. В конституционном государстве обеспечивается разумная и политически ответственная инициатива, причем на всех уровнях публичной власти и применительно к деятельности всех ее основных ветвей — законодательной, исполнительной и судебной. Это, в свою очередь, защищает общество от необоснованных посягательств на его безопасность с точки

зрения предсказуемости государственной политики и ее направленности на потребности и интересы избирателей.

Конституционный строй поддерживает государственный суверенитет и, как следствие, институциональное единство публичной власти как таковой. Государственный аппарат един в смысле суверенитета, но разделен и дифференцирован с точки зрения системы органов и разграничения компетенции между ними. Подчеркнем, что состязательность как один из основных принципов демократии не претендует и не может притязать на статус некоего «априорного первопринципа» по аналогии, например, с верховенством достоинства личности в конституционном государстве. В условиях конституционализма требуется лишь известная степень конкурентности и состязательности, причем далеко не во всех общественных отношениях и не в любых формах их проявления. При ряде обстоятельств мы наблюдаем такую же конституционную предопределенность единства, солидарности, консенсуса, согласия, кооперации, взаимодействия и сотрудничества [7, с. 14] как необходимость для обеспечения противоположной цели — разумной конкуренции. Состязательные и несостязательные отношения должны пребывать в балансе на основе правовых и нравственных регуляторов, а также традиций и иных социальных норм, которые складываются в обществе на соответствующем этапе его государственно-правового генезиса [8, с. 24]. Некоторые сферы политической деятельности (в частности, социально вредные явления терроризма, экстремизма, насилия, мятежа, соответствующие деяния правонарушителей) должны быть поставлены законом вне конкуренции как юридически запрещенные и уголовно наказуемые.

Современное избирательное законодательство располагает существенными правоограничительными и правообеспечительными механизмами, в числе которых: во-первых, конструкция активного и пассивного избирательного права, которое гарантировано Конституцией и в то же время может быть ограничено законом в виде избирательных цензов; во-вторых, институт политических партий, которые приобретают данный статус при соблюдении довольно строгих законодательных требований (подчеркнем, что в соответствии с законодательством политическая партия не может быть иностранным агентом, равно как иностранный агент не может быть зарегистрирован и действовать в качестве политической партии); в-третьих, апробированная многолетней практикой система избирательных комиссий, которые функционируют независимо от иных органов государства и муниципальных образований в рамках своих полномочий и публично значимых функций; в-четвертых, урегулированная законом деятельность полиции, прокуратуры и судов, направленная на защиту избирательных прав граждан в ходе избирательных кампаний.

Кроме демократии и демократических институтов, Конституция РФ гарантирует и обеспечивает гуманистическую природу российской государственности. Правовой гуманизм в современных российских государственно-правовых реалиях представляет генеральный конституционный императив, который в силу принципа верховенства Основного Закона предполагает, как минимум, соблюдение следующих важных условий: гуманности правоохранительной системы и гуманистической направленности ее деятельности, а также социально-экономического гуманизма, то есть эффективного государственно-правового обеспечения достойного уровня жизни граждан. Данная теоретико-методологическая конструкция, конечно, не ставит под сомнение общую связанность гуманизма

с конституционными институтами достоинства личности, прав и свобод человека и гражданина. Г.А. Василевич, безусловно, прав в утверждении, что «главный критерий гуманизма — достоинство личности» [9, с. 138]. Однако исходя из реалий функционирования современного государства и права имеются основания предполагать, что выявленные нами направления гуманизации государственно-правовой системы являются наиболее приоритетными и актуальными.

Правоохранительная система должна быть гуманной. Анализ действующего российского законодательства показывает, что для этого в целом созданы достаточные нормативные условия и гарантии. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Уголовного кодекса РФ целью уголовного наказания не может служить причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Меры юридической ответственности должны быть законными, обоснованными, справедливыми, соразмерными тяжести содеянного, личности виновного и другим юридически значимым обстоятельствам. Согласно известному римскому принципу *ubi emolumentum, ibi onus* (взаимообусловленность прав и обязанностей), правоохранительная система связана правом, несет соответствующие публично-правовые обязанности и должна гуманно обращаться с гражданами, поскольку наделена исключительной прерогативой государственного принуждения и привлечения виновных лиц к соразмерной юридической ответственности. В значительной степени принцип гуманизма в данном аспекте выражен в ст. 40.4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому при принесении присяги прокурор в числе прочего обязывается «соблюдать объективность и справедливость при решении судебных людей».

Важным показателем гуманности правоохранительной системы выступает отношение в государстве и обществе к вопросу о смертной казни. В современной России данная проблематика актуализировалась в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [10, с. 280]. В новейшей истории страны мораторий на смертную казнь и ограничение ее фактического применения в значительной степени связывались с международно-правовыми обязательствами страны [11, с. 125]. С 28 февраля 1996 г. по 16 марта 2022 г. Россия была членом Совета Европы, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г.), подписала к нему протокол № 6 (об отмене смертной казни в мирное время), но не ратифицировала его. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», даже исходя из его наименования, мотивировался, скорее, международно-правовыми, чем национально-гуманистическими соображениями [12, с. 97]. В связи с принципиальными разногласиями между главой государства и парламентом по вопросу о допустимости применения в стране высшей меры наказания в стране сложилась длящаяся правовая ситуация, при которой международно-правовое обязательство принято в форме подписания, но окончательно не реализовано вследствие отсутствия акта о ратификации.

При таких обстоятельствах применению подлежала ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой правило *pacta sunt servanda* подлежит применению, пока не будет явного намерения России отказаться от участия в этом международном договоре. Однако в действительности имела место существенная правовая неопределенность [13, с. 112]. Основную истори-

ко-правовую роль в ее разрешении дважды сыграл Конституционный Суд РФ: в 1999 г. в форме постановления¹ и в 2009 г. посредством вынесения определения².

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ мотивировал решение о моратории на смертную казнь не столько международно-правовыми, сколько гуманистическими обстоятельствами [14, с. 114]. При принятии Постановления от 2 февраля 1999 г. № 3-П ключевым основанием послужил факт отсутствия во всех субъектах РФ судов с участием присяжных заседателей; при мотивировке Определения № 1344-О — «длительность моратория», «устойчивость гарантий», «необратимость процесса», и лишь затем — «международно-правовые тенденции» и «международно-правовые обязательства России» [15, с. 455]. В Уголовном кодексе РФ до сих пор имеется пять составов преступлений (ст. 105, 277, 295, 317, 357), наказанием за которые может быть применение смертной казни (убийство с отягчающими обстоятельствами, геноцид, различные формы посягательств на жизнь отдельных категорий субъектов — государственных и общественных деятелей; лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; сотрудников правоохранительных органов).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 184–196) со всеми подробностями описывает процедуру применения смертной казни, включая не только обязательность решения Президента РФ (по ходатайству осужденного о помиловании либо по результатам проверки и заключений Верховного Суда РФ и Генерального прокурора РФ при отсутствии такого ходатайства), но также форму (не публичный расстрел), присутствие врача и прокурора, протоколирование факта наступления смерти и правила захоронения (без выдачи тела родственникам или близким). Парламент не выражает воли к отмене данных нормативных правовых предписаний; программы ряда политических партий, которые представлены в Государственной Думе как фракции, содержат положение о необходимости возобновления в России института высшей меры наказания. Подчеркнем, что последний смертный приговор был вынесен в стране в 1996 г. в отношении серийного убийцы С. А. Головкина. С тех пор прошло 27 лет [16, с. 173].

Полагаем, что если современная правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, она с явной однозначностью раз и навсегда должна отказаться от института смертной казни в мирное время как варварского института, чуждого русской культуре и опыту большинства цивилизованных стран. Согласно позиции Русской православной церкви, выраженной в Основах ее социальной концепции, «наказание смертью не может иметь должного

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе»; «милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести» [17, с. 76]. Однако насколько «традиционной» является духовно-нравственная ценность неприемлемости института высшей меры наказания? Не выступает ли это явлением новейшего времени, если под ним подразумевать постсоветский период государственно-правовой истории?

Если брать за основу правление Ивана IV или Петра I — высшая мера наказания будет выглядеть едва ли не как основная форма царско-деспотической репрессии. Указанные монархи, несмотря на их различную историческую роль в судьбах России, имели общую черту в склонности к казням, причем именно на периоды их правления приходится своего рода историко-правовой максимум. При царствовании других монархов в Российской империи также применялись телесные наказания, клеймение, вырывание ноздрей. Бунтовщик Емельян Пугачев, например, был четвертован [18, с. 60]. В период «большого террора» 1937–1938 гг. в стране было вынесено более 600 тыс. смертных приговоров. С 1935 по 1947 г. и с 1950 по 1959 г. законодательство страны допускало казни несовершеннолетних. В целом же уголовно-правовая политика в отношении смертной казни, начиная с февральской революции 1917 г., носила «маятниковый» характер, демонстрируя паттерны отмены (фактически приостановления) и возобновления высшей меры уголовного наказания.

Так, 28 октября 1917 г. на Втором Всероссийском съезде Советов была отменена смертная казнь, но постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» высшая мера наказания была возобновлена. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. смертная казнь снова отменяется, но возобновляется Приказом Революционного военного совета от 4 мая 1920 г. «О революционных военных трибуналах» (расстрел без обжалования, помилования и немедленно). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время отменяется, но Указом того же органа от 12 января 1950 г. «по просьбам трудящихся» и с ретроактивным применением уголовного закона высшая мера наказания предусматривается вновь (за измену Родине, шпионаж и диверсию). Примечательны указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. (смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах), от 15 февраля 1962 г. (высшая мера наказания за изнасилование) [19, с. 259], от 20 февраля 1962 г. (смертная казнь за взяточничество) [20, с. 43] и др.

Принимая во внимание описанные примеры, наши современники должны радоваться достигнутому уровню гуманизма правоохранительной системы. Сказанное, однако, не дает оснований к идеализации правоохранительной системы современной России. Правоохранительная деятельность не тот объект, который может достигнуть заранее предустановленного уровня совершенства, чтобы избежать какой-либо критики. Имеющаяся правоохранительная система в историко-правовом смысле действительно достаточно гуманна, но имеет проблемы и недостатки, которые должны обсуждаться в юридической науке и обществе.

Приведенные государственно-правовые обстоятельства и их комплексный анализ дают основания для следующих обобщений и выводов. Конституция РФ в течение 30-летнего срока ее реализации и применения в целом продемонстрировала весьма высокую институциональную способность гарантировать ряд фундаментальных гуманистических и демократических ценностей в российском

обществе. Во всяком случае это проявляется в конституционном моратории на смертную казнь и обеспечении демократического мандата доверия избирателей в отношении выборных органов и должностных лиц публичной власти. Гуманистический и демократический потенциал конституционных принципов, институтов и норм мог бы в дальнейшем наращиваться, однако даже в имеющихся условиях есть основания для признания существенного прогресса в данных общественных отношениях, чему способствовали, с одной стороны, содержание Конституции РФ, с другой — адекватная этому правоприменительная практика Конституционного Суда РФ.

Библиографический список

1. *Амбурцев Р.А., Еременко Е.В., Мушкет И.И.* Конвенция Содружества Независимых Государств о стандартах демократических выборов: открытое пространство международного сотрудничества // *Юридическая наука: история и современность.* 2022. № 10. С. 168–184.
2. *Воробьев Д.С.* Институционализация механизма обеспечения безопасности политической системы в современной России // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право.* 2011. № 8. С. 119–124.
3. *Овчинников А.И.* Конституционно-правовая сущность национальной безопасности и конституционная безопасность // *Юрист-Правоведъ.* 2014. № 3. С. 33–37.
4. *Гуторова А.Н.* Партийное и независимо-индивидуальное представительство в механизме обеспечения демократического мандата народного доверия в конституционном государстве // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования.* 2020. № 4. С. 248–264.
5. *Стефаненко Д.М.* Охрана основ конституционного строя и безопасности государства как составная часть обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Мир юридической науки.* 2009. № 1. С. 19–23.
6. *Мальцев В.А.* Конституционная безопасность — составляющая национальной безопасности // *Юридические записки.* 2003. № 16. С. 145–163.
7. *Россинский Б.В.* Научные взгляды Д.Н. Бахраха о единстве системы исполнительных органов как предтеча формирования публичной власти // *Административное право и процесс.* 2022. № 10. С. 14–19.
8. *Безруков А.В.* Укрепление единства системы публичной власти в условиях обеспечения правопорядка в России // *Проблемы права.* 2015. № 1. С. 24–30.
9. *Василевич Г.А.* Гармонизация права: главный критерий справедливости и гуманизма — достоинство личности // *Партнерство во имя благополучия.* 2014. С. 138–145.
10. *Виноградова А.Ю.* Актуальные вопросы регулирования смертной казни в России на фоне выхода из Совета Европы // *Евразийский юридический журнал.* 2023. № 2. С. 280–281.
11. *Ахъядов Э.С., Хаджиев У.К.* Историко-правовые последствия института смертной казни в России в связи с вступлением в Совет Европы // *Вестник научной мысли.* 2022. № 6. С. 135–138.
12. *Лепешкина О.И.* Об обязательстве России отменить смертную казнь как члена Совета Европы // *Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях.* 2019. С. 96–106.
13. *Комшукова О.В.* Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2020. № 5. С. 112–133.
14. *Коняев С.А.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // *Конституционные чтения.* 2011. № 5. С. 114–127.

15. *Блаткова В.В.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как обоснование моратория на смертную казнь // *Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры.* М., 2018. С. 455–458.
16. «Возврат смертной казни — это дополнительная моральная и психологическая ответственность на адвокате»: президент ФПА РФ Юрий Пилипенко прокомментировал предложение главы Конституционного Суда РФ отменить мораторий на смертную казнь. 30.12.2021 // *Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ.* 2022. № 1. С. 173–174.
17. *Авилова О.Е.* Церковно-государственные отношения в свете «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2012. № 4. С. 96–99.
18. *Антропова Д.В.* Пугачевский бунт при Екатерине II в 1773–1775 годах // *Переломные моменты истории: люди, события, исследования.* СПб., 2022. С. 60–65.
19. *Гордеева Д.Р.* Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // *Аллея науки.* 2022. Т. 1, № 8. С. 259–264.
20. *Овчинников В.В.* Трудно быть взяточником в Китае // *Азия и Африка сегодня.* 2011. № 6. С. 43–44.

References

1. *Amburtsev R.A., Eremenko E.V., Mushket I.I.* Convention of the Commonwealth of Independent States on Standards of Democratic Elections: an Open Space for International Cooperation // *Legal Science: History and Modernity.* 2022. No. 10. P. 168–184.
2. *Vorobyov D.S.* Institutionalization of the Mechanism for Ensuring the Security of the Political System in Modern Russia // *Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law.* 2011. No. 8. P. 119–124.
3. *Ovchinnikov A.I.* Constitutional and Legal Essence of National Security and Constitutional Security // *Jurist-Lawyer.* 2014. No. 3. P. 33–37.
4. *Gutorova A.N.* Party and Independent-Individual Representation in the Mechanism for Ensuring the Democratic Mandate of People's Trust in a Constitutional State // *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and Legal Research.* 2020. No. 4. P. 248–264.
5. *Stefanenko D.M.* Protection of the Foundations of the Constitutional Order and State Security as an Integral Part of Ensuring the National Security of the Russian Federation // *World of Legal Science.* 2009. No. 1. P. 19–23.
6. *Maltsev V.A.* Constitutional Security — a Component of National Security // *Legal Notes.* 2003. No. 16. P. 145–163.
7. *Rossinsky B.V.* Scientific Views of D.N. Bakhrakh on the Unity of the System of Executive Bodies as a Precursor to the Formation of Public Power // *Administrative Law and Process.* 2022. No. 10. P. 14–19.
8. *Bezrukov A.V.* Strengthening the Unity of the Public Authority System in the Conditions of Ensuring Law and Order in Russia // *Problems of Law.* 2015. No. 1. P. 24–30.
9. *Vasilevich G.A.* Harmonization of Law: the Main Criterion of Justice and Humanism Is the Dignity of the Individual // *Partnership for Well-Being.* 2014. P. 138–145.
10. *Vinogradova A.Yu.* Current Issues of Regulation of the Death Penalty in Russia Against the Backdrop of Withdrawal from the Council of Europe // *Eurasian Legal Journal.* 2023. No. 2. P. 280–281.
11. *Akhyadov E.S., Khadzhiyev U.K.* Historical and Legal Consequences of the Institution of the Death Penalty in Russia in Connection with Accession to the Council of Europe // *Bulletin of Scientific Thought.* 2022. No. 6. P. 135–138.
12. *Lepeshkina O.I.* On Russia's Obligation to Abolish the Death Penalty as a Member of the Council of Europe // *Current Problems of International Law in Modern Geopolitical Conditions.* 2019. P. 96–106.

13. *Komshukova O.V.* Between a Rock and a Hard Place: the Position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Issue of Non-Application of the Death Penalty // *Comparative Constitutional Review*. 2020. No. 5. P. 112–133.

14. *Konyaev S.A.* The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Moratorium on the Use of the Death Penalty // *Constitutional readings*. 2011. No. 5. P. 114–127.

15. *Blatkova V.V.* Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Justification for a Moratorium on the Death Penalty // *Society and Personality: Humanization in the Conditions of Information and Communication Culture*. 2018. P. 455–458.

16. “Returning the Death Penalty Is an Additional Moral and Psychological Responsibility of the Lawyer”: President of the FPA of the Russian Federation Yuri Pilipenko commented on the proposal of the head of the Constitutional Court of the Russian Federation to lift the moratorium on the death penalty. 30.12. 2021. // *Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation*. 2022. No. 1. P. 173–174.

17. *Avilova O.E.* Church-State Relations in the Light of “Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church” // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2012. No. 4. P. 96–99.

18. *Antropova D.V.* Pugachev Rebellion Under Catherine II in 1773-1775 // *Turning Points in History: People, Events, Research*. St. Petersburg, 2022. P. 60–65.

19. *Gordeeva D.R.* Problems of Legislative Regulation of Criminal Liability for Especially Qualified Corpus Delicti of Rape // *Alley of Science*. 2022. Vol. 1, no. 8. P. 259–264.

20. *Ovchinnikov V.V.* It Is Difficult to Be a Bribe-Taker in China // *Asia and Africa Today*. 2011. No. 6. P. 43–44.

И.Н. Плотникова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Введение: в настоящее время в условиях внедрения цифровых технологий, активно влияющих на объективные условия жизнедеятельности людей и увеличение темпов экономического роста государства, возрастают роль и значение конституционных экономических принципов. **Цель** — исследовать новые формы нормативно-правового выражения и практического воплощения экономических принципов конституционного строя России в условиях цифровизации. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, формально-юридический, системно-структурный, статистический методы исследования. **Результаты:** проанализированы новые формы и проблемные аспекты реализации конституционных принципов свободы экономической деятельности, признания и защиты частной и иных форм собственности, свободы труда в цифровой экономике. **Выводы:** в целях минимизации рисков и негативного воздействия цифровизации, защиты основ конституционного строя России перед публичными органами власти встают новые задачи по созданию благоприятного правового режима в сфере дальнейшего развития информационных технологий, оперативного и эффективного правового регулирования цифровизации экономических и связанных с ними процессов.

Ключевые слова: Конституция, основы конституционного строя, свобода экономической деятельности, собственность, свобода труда, цифровая экономика.

I.N. Plotnikova

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Background: at present, in the conditions of introduction of digital technologies that actively influence the objective conditions of people's life and increase the rate of economic growth of the state, the role and importance of constitutional economic principles are increasing. **Objective** — to study new forms of normative-legal expression and practical embodiment of economic principles of the constitutional system of Russia in the conditions of digitalization. **Methodology:** dialectical method of scientific cognition, formal-legal, system-structural, statistical methods of research. **Results:** new forms and problematic aspects of the implementation of constitutional principles of freedom of economic activity, recognition and protection of private and other forms of property,

© Плотникова Инна Николаевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: innar17@mail.ru

© Plotnikova Inna Nikolaevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

freedom of labor in the digital economy are analyzed. Conclusions: in order to minimize the risks and negative impact of digitalization and protect the foundations of the constitutional order of Russia, public authorities are facing new tasks to create a favorable legal regime in the sphere of further development of information technologies, prompt and effective legal regulation of digitalization of economic and related processes.

Keywords: *Constitution, foundations of the constitutional order, freedom of economic activity, property, freedom of labor, digital economy.*

30-летний юбилей Конституции Российской Федерации является значимым событием в жизни нашей страны. С момента своего принятия в 1993 г. Конституция РФ как первоисточник, фундамент и паттерн демократического развития государства, ядро всей его правовой системы доказала свою устойчивость и стабильность. Поправки в Конституцию, внесенные в 2020 г., не изменили основополагающих устоев конституционного строя России. Они определенным образом детализировали, дополнили и углубили нормативное содержание принципов конституционного строя, усилили социальные и экономические обязательства публичной власти перед российскими гражданами. Вместе с тем проводимые в России реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) еще не завершены [1, с. 17]. В связи с этим рассмотрение вопросов, связанных с изменением содержательного наполнения экономических принципов конституционного строя, появлением качественно иных форм и способов их реализации и защиты ввиду возникновения новых вызовов и задач, стоящих перед Российским государством в условиях цифровизации экономики, весьма актуально.

Вопросам изучения теоретических проблем российского конституционализма, реализации и защиты экономических принципов конституционного строя значительное внимание уделял выдающийся российский ученый-конституционалист Владимир Терентьевич Кабышев — один из основателей саратовской научной школы конституционного права. В своих трудах В.Т. Кабышев подчеркивал, что в сущностной основе конституционного строя России лежат экономические отношения, выражающие его природу, при этом свободная рыночная экономика есть основа возрождающегося конституционного строя России, элементами которой выступают собственность, предпринимательство и труд. В то же время конституционным ориентиром, выдвинутым на современном этапе развития России, считается, по мнению Кабышева, построение постиндустриального общества [2, с. 43, 48, 215].

Вследствие сказанного отметим, что в настоящее время возрастают роль и значение конституционных экономических принципов в условиях внедрения цифровых технологий, активно влияющих на объективные условия жизнедеятельности людей и увеличение темпов экономического роста государства, что обуславливает необходимость научного исследования данных процессов. Цифровая трансформация экономических отношений, углубляя содержательное наполнение элементов конституционного строя, основных экономических прав человека и гражданина, способствует появлению качественно иных форм и способов их реализации и защиты, улучшению в целом уровня жизни человека и гражданина.

Основой развития цифровой экономики являются конституционные принципы: свобода экономической деятельности, многообразие форм собственности, свобода труда, положения ст. 29 Конституции России, посвященные информационным правам, конституционные новеллы, закрепляющие обязанности государства по созданию условий для экономического роста (ст. 75.1).

Согласно Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹. Целью внедрения цифровых технологий в экономику выступают создание высокотехнологичных отраслей промышленности, повышение конкурентоспособности страны на мировых рынках и качества жизни граждан, обеспечение экономического роста и национального суверенитета России².

Однако «самым сложным является проблема реализации конституционных принципов в механизме правотворчества и особенно правоприменения» [2, с. 218]. Реализация конституционного принципа свободы экономической деятельности в условиях цифровизации предполагает трансформацию экономических отношений, функционирование инновационного предпринимательства, производство и реализацию цифровых продуктов, товаров и услуг, заключение онлайн-сделок. В сферу передовых цифровых технологий включаются такие инновационные институты, как технологии блокчейна, цифровые платформы, интернет вещей, совместное потребление, искусственный интеллект и другие, что влечет потребность в переосмыслении юридических подходов к правовому опосредованию принципа «свобода экономической деятельности», к формам и способам поддержки малого и среднего бизнеса, что предполагает динамичное и эффективное правовое регулирование экономических отношений.

Одновременно возрастает необходимость соблюдения принципа охраны прав потребителей, поскольку благодаря процессам цифровой трансформации потребители имеют возможность доступа к значительному объему данных о товарах и услугах в сети Интернет, их приобретению на платформах электронной коммерции, заключению договоров в электронной форме, смарт-контрактов (например, пользование услугами Яндекс-такси), что обеспечивает быстрый, удобный, комфортный сервис, значительную экономию сроков реализации своих прав гражданами и получения различных благ.

Необходимость охраны прав потребителей устанавливает специфику процедуры реализации принципа свободы экономической деятельности, поскольку обязывает предпринимателя соблюдать требования по производству, продаже товаров, их гарантийному обслуживанию и оказанию услуг. Данный факт обусловлен и тем, что потребитель в эпоху цифровизации признается слабой стороной договора, а его права должны подлежать повышенной защите, поскольку в определенных случаях ему навязывается оказание дополнительных платных

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 32, ст. 5138.

услуг без подтверждения четкого согласия заявителя на их оказание (в частности, при заключении кредитных договоров с банками, что подтверждается и судебной практикой¹).

В то же время цифровизация потребительских правоотношений приводит не только к простоте и удобству приобретения товаров и оказания услуг, но и к возникновению новых вызовов и угроз (рисков взаимодействия через финтехпровайдеров и дистанционного сотрудничества ввиду ошибок ввода, сложности в понимании гражданами условий контракта, связанных в числе прочего с низкой финансовой грамотностью потребителей [3, с. 295], киберугроз, отсутствия возможности проверки волеизъявления заказчика, технических сбоев и потери данных, утечки конфиденциальной информации²). Таким образом, высокая потребность населения в получении услуг с помощью цифровых технологий обуславливает необходимость своевременного и качественного правового регулирования цифровых платформенных решений, повышения цифровой грамотности населения и обеспечения доступа к сети Интернет.

В связи с развитием процессов цифровизации экономики возрастает также значение воздействия конституционного принципа признания и защиты частной собственности на систему правовых отношений, связанных с появлением новых цифровых объектов (виртуальной собственности, технологии блокчейн, криптовалюты, цифрового рубля³), различных видов нерегулируемой виртуальной валюты (биткойна, альткойна и др.), цифровыми способами фиксации имущественных прав и защиты прав на них.

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон о цифровых финансовых активах⁴, которым были введены термины «цифровые финансовые активы» (цифровые права) и «цифровая валюта», но круг объектов, которые могут быть отнесены к таковой, законом не уточнен. Не вполне ясен вопрос, относится ли цифровая валюта к объекту собственности, имуществу, поскольку в ст. 128 Гражданского кодекса РФ к объектам гражданских прав относятся цифровые имущественные права, о цифровой валюте ничего не говорится. Между тем в ряде отраслевых законов⁵ цифровая валюта признана имуществом, но только для целей регулирования данных законов. Соответственно, возможна и ответственность физических и юридических лиц за их нарушение в части использования цифровой валюты. Вместе с тем в соответствии со ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах физические и юридические лица не вправе оплачивать цифровой валютой товары, работы, услуги, то есть в определенной степени она выведена из гражданского оборота, но ответственность за нарушение

¹ См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2023 г. по делу № А65-25712/2022 // Банк решений. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.04.2023).

² См.: Сервис «Яндекс.Еда» повторно оштрафовали на 60 тыс. рублей за утечку данных клиентов. 3 августа 2022 г. // Федеральное агентство новостей. URL: https://riafan.ru/23570903-ervis_yandeks_eda_povtorno_oshtrafovali_na_60_tis_rublei_za_utechku_dannih_klientov (дата обращения: 14.02.2023).

³ См.: Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 25.04.2023).

⁴ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018; 2022. № 29, ч. 3, ст. 5298.

⁵ См.: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 6 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; 2023. № 6, ст. 919.

операций с нею (в рамках отдельных законов ввиду определенного контроля за ее оборотом) предусматривается. По этой причине в условиях развития цифровой экономики реализация принципа признания и защиты частной собственности предопределяет необходимость совершенствования его нормативно-правового опосредования, связанного, в том числе, с появлением новых, «нематериальных» объектов частной собственности.

Отдельного внимания заслуживает трансформация нормативного содержания конституционного принципа свободы труда в условиях цифровизации общества и распространения COVID-19 в России. Ускоренное развитие цифровых технологий во многом привело к изменению содержательных характеристик трудовых правоотношений, связанных с возможностью выбора личностью более свободных форм реализации конституционного принципа свободы труда, гибкой занятости: в качестве фрилансера (свободного работника, который может работать по гражданско-правовым соглашениям в статусе физического лица, самозанятого, индивидуального предпринимателя) или работников по найму, выполняющих свои функции в удаленном формате. Однако частичный переход на обязательный электронный документооборот в сфере трудовых отношений в отдельных случаях может не упростить, а увеличить объем выполняемых работником трудовых функций в связи с необходимостью выполнения работы одновременно в режиме офлайн и онлайн, оформления требуемых документов на бумажных и электронных носителях (ст. 22.2 Трудового кодекса РФ).

Возникновение принципиально иных форм реализации принципа свободы труда вызвало потребность в срочной регламентации данных отношений в трудовом законодательстве с учетом всех проблемных ситуаций, возникающих при их формировании. В связи с динамичностью развития новых форм трудовой деятельности в настоящее время наблюдается определенное несовершенство правового регулирования процессов дистанционной работы (отсутствие четкого порядка выплаты компенсации за использование личного оборудования, механизма обучения сотрудников правилам дистанционной работы, порядка заключения трудового договора с лицом, проживающим вне пределов Российской Федерации и др.), на что указывается рядом исследователей [4, с. 156].

Подводя краткий итог, отметим, что в настоящее время перед публичными органами власти встают новые задачи по оперативному и эффективному правовому регулированию цифровизации экономических и связанных с ними процессов, созданию благоприятного правового режима для дальнейшего развития информационных технологий, внедрению цифровых технологий и платформенных решений в области государственного управления и оказания государственных услуг в интересах предпринимателей, частных собственников, трудящихся в целях минимизации рисков и негативного воздействия цифровизации, обеспечения эффективной реализации и защиты основных прав граждан, экономических основ конституционного строя, провозглашенных в Основном Законе России.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(118). С. 12–21.
2. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.

3. *Покачалова Е.В., Гудкова М.В.* К вопросу о публично-правовом регулировании финансовых экосистем в рамках цифровизации экономики Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 291–296.

4. *Лиликова О.С.* Цифровые технологии в трудовых отношениях: особенности регулирования труда дистанционных работников в России // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой: в 6 т. Т. 3. Казань: «Познание» КИУ, 2022. С. 151–159.

References

1. *Kabyshev V.T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5(118). P. 12–21.

2. *Kabyshev V.T.* With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.

3. *Pokachalova E.V., Gudkova M.V.* On the Issue of Public law Regulation of Financial Ecosystems in the Framework of the Digitalization of the Economy of the Russian Federation // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 2. P. 291–296.

4. *Lilikova O.S.* Digital Technologies in Labor Relations: Features of Labor Regulation of Remote Workers in Russia // Digital Technologies and Law: collect. Of scientific works. I Int.scientific-practical. conf. (Kazan, September 23, 2022) / ed.by I.R. Begisheva, E.A. Gromova, M.V. Zaloilo, I.A. Filipova, A.A. Shutova: in 6 vols. Vol. 3. Kazan: “Knowledge” KIU, 2022. P. 151–159.

М.Ф. Косолапов

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Введение: в статье анализируется закреплённая в Конституции РФ категория «общепризнанные принципы и нормы международного права». Уделяется внимание правовой природе данных компонентов международного права и источникам их закрепления. **Цель** — выявить критерии отнесения элементов международного права, перечисленных в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, к категории «общепризнанные». **Методологическая основа:** аналитический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы. **Результаты:** обозначены основные доктринальные подходы к определению понятия «общепризнанность» в контексте конституционных положений; предпринята попытка сформулировать значения данных элементов международного права для национальной правовой системы. **Выводы:** автор приходит к выводу, что включение принципов и норм международного права в правовую систему РФ является важным элементом системы взаимодействия и синхронизации двух правовых систем. Некоторая неопределённость, содержащаяся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, относительно их правовой природы, критериев выявления и источников закрепления рассматриваемых элементов международного права, свидетельствует о наличии действующей дискреции национальных органов по данным вопросам.

Ключевые слова: Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, правовая система, Конституционный Суд, правоприменение.

M.F. Kosolapov

GENERALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOME ISSUES OF THEORY

Background: the article analyzes the category of «generally recognized principles and norms of international law» enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Attention is paid to the consideration of the legal nature of these components of international law and the sources of their consolidation. **Objective** — to establish criteria for attributing elements of international law listed in Part 4 of Art. 15 of the Constitution of the Russian Federation to the category of «generally recognized». **Methodology:** analytical, logical, formal-legal, comparative-legal, etc. **Results:** the main doctrinal approaches to the definition of the concept of «general recognition» in the context of constitutional provisions are identified; an attempt was made to determine the meaning of these elements of international law for the national legal system. **Conclusions:** the author

© Косолапов Михаил Федорович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

© Kosolapov Mikhail Fedorovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of International Law Department (Saratov State Law Academy)

comes to the conclusion that the inclusion of the principles and norms of international law in the legal system of the Russian Federation is an important element of the system of interaction and synchronization of the two legal systems. Some uncertainty contained in Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation regarding their legal nature, identification criteria, and sources of consolidation of the elements of international law under consideration indicates the existence of a certain discretion of national authorities on these issues.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, universal recognition, principles and norms of international law, legal system, Constitutional Court, law enforcement.*

В текущем году Конституция РФ отмечает свое 30-летие. Ее принятие в 1993 г. стало новой вехой в развитии Российского государства. В ней получила закрепление обновленная, соответствующая основным мировым тенденциям конституционного развития концепция прав и свобод человека и гражданина, были провозглашены новые демократические принципы функционирования государства и всей политической системы общества, на основе принципа разделения государственной власти была выстроена новая система государственных органов и т.д. Все это в конечном итоге, как отмечают многие исследователи, «позволило сформировать самобытную модель конституционного регулирования, доказавшую свою эффективность на протяжении десятилетий» [1, с. 6].

Еще одной очень важной конституционной новеллой 1993 г., которая во многом придала новый импульс развитию национальной правовой системы, стало закрепление национальной модели соотношения международного и внутригосударственного правопорядка.

Российская концепция механизма включения норм международного права в национальную правовую систему закреплена в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Статья зафиксировала положение, согласно которому общеизвестные принципы и нормы международного права наряду с международными договорами РФ признаются частью ее правовой системы. Как отмечал профессор В. Т. Кабышев, «включение данных компонентов международного права в национальную правовую систему стало определенной тенденцией мирового процесса для государств в конце XX – начале XXI в.» [2, с. 136].

Инкорпорация на конституционном уровне принципов и норм международного права в национальный правопорядок, безусловно, дополняет национальное право, расширяет правовой статус человека и гражданина [3, с. 96], однако необходимо согласиться с мнением ряда исследователей, что формулировка указанной статьи достаточно неоднозначна. Внешняя простота скрывает целый ряд непростых вопросов о соотношении указанных элементов международного и национального права России [4, с. 46]. Например, если место и роль международных договоров в правовой системе можно раскрыть через призму Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»¹, то место и роль еще двух элементов международного права (общеизвестных принципов и норм) четко не определены. Конституция РФ не содержит характеризующие признаки, способствующие их вычлениению из массива международного права,

¹ См.: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2757; 2020. № 50, ч. 3, ст. 8074.

критерии приемлемости для реализации в нашей правовой системе [5, с. 50–62]. Кроме того, федеральное законодательство, регулирующее данные вопросы, также предельно лаконично. Оно не пошло по пути трактовки критерия «обще-признанность» и ориентирования правоприменителя на конкретные принципы и нормы, ограничиваясь «клонированием» конституционной нормы с отдельными вариациями. Как представляется, набор соответствующих принципов (норм) не может быть одинаковым для всех без исключения правоотношений, например для гражданских отношений и отношений в рамках уголовного процесса.

В российской правовой доктрине встречаются различные подходы к трактовке рассматриваемых понятий, однако при этом всегда учитывается действующая международная практика. Общеизвестные принципы нередко определяются через категорию императивных норм международного права [6, с. 121–122]. При раскрытии общеизвестных норм акцент делается на факт официального признания таких норм «всеми или почти всеми государствами в качестве обще-обязательных» [7, с. 5].

В отсутствие четкого законодательного регулирования вопросов реализации общеизвестных принципов и норм международного права важное значение для процесса легитимации рассматриваемых элементов международного права в рамках российской правовой системы имеют правовые позиции высших судебных органов [8, с. 164]. Наиболее детальными в этом плане являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые способствовали разрешению большинства сложных для национальных судов вопросов, связанных с реализацией рассматриваемых принципов и норм¹.

В Постановлении 2003 г. № 5² Верховный Суд предпринял попытку разъяснить понятие «общеизвестные принципы и нормы», использованное в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так как требование «общеизвестности» выступает основным критерием, без которого соответствующие нормы не могут включаться в правовую систему. Согласно Постановлению принцип (норма) может быть включен(а) в правовую систему, если они признаются всеми или почти всеми государствами. В связи с этим не совсем понятно, необходимо учитывать лишь количественный показатель государств либо количество «великих держав» или «демократических государств с определенной системой права, сходной с той, которая стоит перед выбором применения норм международного права» [9, с. 34–35]. Но если ориентироваться на количественный показатель, то какое соотношение необходимо брать за основу: 1/2 или 2/3 государств мира, которые принимают данный принцип (норму) в качестве общеизвестной? В случае отнесения к категории общеизвестных только тех норм и принципов, которые принимаются всеми государствами без исключения, мы сужаем до минимума основания включения таких элементов в правовую систему. Поэтому более приемлемой в данной

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12; 2013. № 5; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 28 октября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4; 2021. № 12.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12; 2013. № 5.

ситуации будет концепция простого большинства. Суд должен принимать во внимание любые доказательства общепризнанности, причем оценка такого признания должна основываться как на положениях международного права, так и на элементах национальной правовой системы.

С точки зрения А.М. Барнашова, обстоятельством, свидетельствующем об общепризнанности, может служить решение Конституционного Суда РФ [10, с. 34–38]. Данная точка зрения, в принципе, очень близка к истине. Конституционный Суд в своих решениях наиболее часто обращается к положениям международного права. В этом и состоит в числе прочего особая роль данного органа в системе государственной власти РФ. Другие судебные органы в силу обязательности решений Конституционного Суда часто прибегают к его актам при разбирательстве конкретного дела. Конституционный Суд применяет те принципы и нормы, которые наиболее совместимы с правовой системой страны в рамках рассматриваемого дела. Использование Конституционным Судом в своей практике международных принципов и норм в конечном итоге способствует формированию правоприменительной практики, в том числе и для других звеньев судебной системы, также можно говорить об их влиянии и на законотворческий процесс. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения несколько сужает общий смысл рассматриваемой статьи Конституции. Часть 4 ст. 15 ориентирована на всех без исключения правоприменителей и дополнительный «фильтр» в виде решений Конституционного Суда РФ ограничивает другие звенья судебной системы в выборе приемлемых норм и принципов. Кроме того, у Конституционного Суда специфическая компетенция, а это означает, что данные элементы международного права будут толковаться им для конкретных случаев, что, возможно, ограничит применение этих правовых позиций в широкой судебной практике.

Учитывая роль Конституционного Суда в правовой системе России, некоторые исследователи считают целесообразным, чтобы он «кодифицировал» общепризнанные принципы и нормы, которые являются частью правовой системы [11, с. 96–99]. С позиции С.В. Калашникова, «наличие единого перечня общепризнанных принципов и норм международного права, входящих в правовую систему РФ, безусловно, позволит внести определенность ... и упростит не только принятие решений судами..., но и обоснование участниками судебного производства своих позиций» [12, с. 17]. Вместе с тем автор оговаривается, что в целом эта проблема не будет решена, в связи с тем что количество международных норм и принципов чрезвычайно велико и они находятся в постоянном развитии.

Как представляется, в принятии подобного постановления нет практического смысла, в том числе и по причинам, обозначенным С.В. Калашниковым. Во-первых, часть таких принципов и норм, как отмечает Конституционный Суд, закреплены в положениях Конституции РФ и отраслевого законодательства¹. Во-вторых, действительно, этот перечень в своем содержательном аспекте будет всегда «открытым». Количество общепризнанных принципов и норм огромно, как и закрепляющих их источников, даже если взять одну область: права и свободы человека. Вступление Российской Федерации в новые договорные отношения, в члены международной организации будет способствовать постоянному рас-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

ширению этого перечня. Наличие некоего перечня, содержащегося в постановлении Конституционного Суда, может, как представляется, иметь негативные последствия при реализации, например отсутствие подлежащей использованию в конкретном деле нормы в «каталоге принципов», скорее, усложнит процесс ее применения. В-третьих, данные элементы могут трансформироваться в процессе своей эволюции. Поэтому, не отрицая возможности руководствоваться решениями Конституционного Суда как критерием общепризнанности использованных в них принципов и норм международного права, считаем, что суды могут делать вывод об общепризнанности и использовать данные нормы при разбирательстве дел самостоятельно.

Еще одним важным вопросом для национального правоприменителя является определение источника закрепления общепризнанных норм международного права. Согласно правовой позиции, выраженной Верховным Судом РФ, «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах ООН и ее специализированных учреждений». Исходя из правовой природы данных актов, источником рассматриваемых элементов международного права могут выступать акты рекомендательного характера. В определенной степени это подтверждается содержанием ч. 1 ст. 63 Конституции РФ, в которой говорится, что «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права». На первый взгляд, данная формулировка ничем не отличается от других положений Конституции, однако при обращении к положениям международного права можно сделать вывод, что большинство норм, касающихся порядка предоставления убежища, содержится в документах рекомендательного характера (в основном речь идет о декларациях ООН и других организаций) и не имеет обязательного характера для государств¹.

Аналогичная ситуация складывается и со ст. 69 Конституции РФ, которая гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Из текста данной статьи трудно определить, какие принципы и нормы относятся к данной группе в Российской Федерации, так как Конвенция МОТ о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (1989), не была ратифицирована Россией. А что касается тех документов, к которым Федерация присоединилась, то они имеют ограниченный перечень норм по данному вопросу. На наш взгляд, процесс ратификации не может запрещать национальным органам руководствоваться положениями этих документов в правоприменительной практике Российской Федерации как «общепризнанными принципами и нормами».

Таким образом, включение принципов и норм международного права в правовую систему РФ является важным элементом системы взаимодействия и синхронизации двух правовых систем. Некоторая неопределенность, содержащаяся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, относительно их правовой природы, критериев выявления и источников закрепления рассматриваемых элементов международного права, свидетельствует о наличии действующей дискреции национальных органов по данным вопросам.

¹ См., например: Декларация о территориальном убежище: принята Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1967 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (дата обращения: 25.11.2023).

Библиографический список

1. *Хабриева Т.Я.* Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 5–17.
2. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
3. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашова. М.: Норма-Инфа, 1999. 573 с.
4. *Кутафин О.Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юрист, 2002. 348 с.
5. *Авакьян С.А.* Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28, № 4. С. 43–48.
6. *Нешатаева Т.Н.* Суд и общеизвестные принципы и нормы международного права // Хозяйство и право. 2004. № 5. С. 124–140.
7. *Талалаев А.Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 3–15.
8. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. М.: Проспект, 2019. 768 с.
9. *Ромашов Ю.С.* Об условии формирования общеизвестных норм // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 32–40.
10. *Барнашов А.М.* О применении Конституционным Судом Российской Федерации общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 34–38.
11. *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общеизвестных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 95–99.
12. *Калашников С.В.* Применение общеизвестных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики / под ред. Д.С. Велиевой. М.: ДМК Пресс, 2010. 126 с.

References

1. *Khabrieva T.Ya.* The Constitution of the Russian Federation in the Focus of Modern Constitutional and Legal Doctrine // Journal of Russian Law. 2018. No. 12. P. 5–17.
2. *Kabyshev V.T.* With the Constitution for Life: elected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
3. Human Rights: textbook for universities / ed. by E.A. Lukashova. M.: Norm-Infa, 1999. 573 p.
4. *Kutafin O.E.* Sources of Constitutional Law of the Russian Federation. M.: Yurist, 2002. 348 p.
5. *Avakian S.A.* Constitutional Law Enforcement: Some Problems of Theory and Practice // Legal Bulletin of the DSU. 2018. Vol. 28, no. 4. P. 43–48.
6. *Neshataeva T.N.* The Court and Generally Recognized Principles and Norms of International Law // Economy and Law. 2004. No. 5. P. 124–140.
7. *Talalaev A.N.* The Correlation of International and Domestic Law in the Constitution of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. 1994. No. 4. P. 3–15.
8. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia. M.: Prospekt, 2019. 768 p.
9. *Romashov Yu.S.* On the Condition of Formation of Generally Recognized Norms // Moscow Journal of International Law. 1999. No. 2. P. 32–40.
10. *Barnashov A.M.* On the Application by the Constitutional Court of the Russian Federation of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation // Bulletin of the Tomsk State University. 2006. No. 292. P. 34–38.
11. *Babai A.N., Timoshenko V.S.* The Role of Generally Recognized Principles and Norms of International Law in the Legal System of Russia // Law. 2006. No. 11. P. 95–99.
12. *Kalashnikov S.V.* Application of Generally Recognized Principles and Norms in the Field of Human Rights Protection in Russia: Issues of Theory and Practice / ed. by D.S. Velieva. M.: DMK Press, 2010. 126 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-92-99

УДК 342.95

О.А. Лакаев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСОБЫХ РЕЖИМОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТРАСЛЕВОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Введение: актуальность статьи обусловлена стихийностью формирования особых правовых режимов осуществления экономической деятельности, что является результатом отсутствия концептуальных наработок относительно их места в системе государственного регулирования экономики. **Цель** — на основе комплексного анализа законов и подзаконных актов определить содержание отраслевого и территориального принципов организации управления в условиях действия особых правовых режимов осуществления экономической деятельности. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, включая анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический и другие методы. **Результаты:** выявлены отдельные недостатки в организации управления, выраженные в отсутствии четкого распределения полномочий по управлению экономическими процессами на территориях с особым режимом хозяйствования между отраслевыми и межотраслевыми органами исполнительной власти, в повышении нагрузки на аппарат управления. **Вывод:** целесообразно продолжение работы над проектом законодательной систематизации норм о преференциальных режимах хозяйствования для установления внятных различий между ними, определения полномочий отраслевых и межотраслевых органов государственного управления в сфере обеспечения их функционирования, унификации подходов к организации непосредственного управления территориями с особым режимом.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовая политика, правовой режим, государственное управление, экономическая деятельность.

© Лакаев Олег Анатольевич, 2023

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук), доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olegoleg81@mail.ru

© Lakaev Oleg Anatolyevich, 2023

Candidate of Law, Senior Researcher (Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences), Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

O. A. Lakaev

LEGAL REGULATION OF SPECIAL MODES
FOR THE REALIZATION OF ECONOMIC ACTIVITY
IN THE CONTEXT OF SECTORAL AND TERRITORIAL
PRINCIPLES OF MANAGEMENT ORGANIZATION

Background: the relevance of the article is due to the spontaneity of the formation of special legal regimes for the implementation of economic activity, which is the result of the lack of conceptual developments regarding their place in the system of state regulation of the economy. **Objective** — on the basis of a comprehensive analysis of laws and by-laws to determine the content of the sectoral and territorial principles of management organization in the conditions of special legal regimes of economic activity. **Methodology:** some shortcomings in the management organization have been identified, expressed in the absence of a clear distribution of powers to manage economic processes in territories with a special management regime between sectoral and intersectoral executive authorities, increasing the burden on the management apparatus. **Results:** some shortcomings in the management organization, expressed in the absence of a clear distribution of powers to manage economic processes in territories with a special management regime between sectoral and intersectoral executive authorities, increasing the burden on the management apparatus have been identified. **Conclusions:** it is advisable to continue working on the draft legislative systematization of norms on preferential economic regimes in order to establish clear differences between them, determine the powers of sectoral and intersectoral public administration bodies in the field of ensuring their functioning, unify approaches to the organization of direct management of territories with a special regime.

Keywords: legal regulation, legal policy, legal regime, public administration, economic activity.

Особые правовые режимы осуществления экономической деятельности в нашем государстве начали формироваться в конце 1980-х гг. в связи с проведением преобразований, обусловленных переходом к новой модели хозяйствования. На современном этапе их внедрение активно используется государством для стимулирования экономического роста.

В научной литературе не сложилось единого мнения относительно их терминологического оформления, что обусловлено отсутствием систематизированного законодательного регулирования соответствующих правоотношений. В связи с этим одними авторами данные режимы называются специальными [1, с. 120–124], другими обозначения «специальный» и «особый» используются как равнозначные [2, с. 37–42]. Встречается вариант их рассмотрения в качестве «исключительных» режимов [3, с. 66–72]. Такие разночтения не имеют принципиального характера, поскольку во всех случаях употребления данной терминологии имеется в виду введение правовыми нормами специфических инструментов правовой регламентации общественных отношений, с которыми связывается формирование порядка государственного регулирования, отличного от общего (не имеющего территориальных и иных особенностей) механизма воздействия на управляемые объекты. Применительно к осуществлению экономической деятельности особые условия состоят во введении финансовых, инфраструктурных, контрольно-надзорных преференций, не характерных

для действующего на территории всей страны общего режима хозяйствования, который установлен гражданским, административным, налоговым и иным законодательством.

В настоящее время таких режимов сформировалось значительное количество. Однако в последовательности их учреждения не наблюдается какой-либо четко выраженной закономерности. В 2005 г. длительный период законопроектной работы, направленной на создание целостной нормативно-правовой основы функционирования особых правовых режимов предпринимательства, завершился принятием законодательства об особых экономических зонах¹. Между тем практика его реализации показала недостаточность этих зон для обеспечения прорывного развития экономики, потребность в вариативности преференциального воздействия на хозяйствующие субъекты, в связи с чем был начат поиск иных инструментов интенсификации экономического роста с последующим их законодательным оформлением.

Развитие экономической и правовой политики в данном направлении привело к появлению правил о зонах территориального развития, территориях опережающего развития, индустриальных (промышленных) парках, свободных экономических зонах. Расширилась практика обособленного правового регулирования порядка осуществления предпринимательской деятельности на строго определенных территориях, которое изначально охватывало особые экономические зоны в Калининградской и Магаданской областях, а в дальнейшем распространилось на ряд иных территорий, где был введен собственный режим со своей спецификой (свободный порт Владивосток, Арктическая зона, специальные административные районы на территориях Приморского края и Калининградской области). Кроме того, ряд иных режимов, нацеленных на получение результатов иного рода — развитие научно-технологической и спортивной инфраструктуры (инновационные научно-технологические центры, включая «Сколково», федеральная территория «Сириус»), в конечном счете призван стимулировать экономический рост на соответствующих территориях, что отражено в законодательстве о них.

Стихийный характер формирования особых правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности является результатом отсутствия концептуальных наработок относительно их места в системе государственного регулирования экономики, целей, задач их учреждения, вызовов, ответом на которые становится выделение тех или иных территорий для введения на них особого режима хозяйствования. Поэтому важными для возможного совершенствования законодательства о таких режимах выступают выработка научно обоснованных подходов к построению системно организованного режимного регулирования на указанных территориях, а также осуществление стратегического планирования в указанной сфере, которое в настоящее время не дает четких ориентиров для дальнейшего развития правил их организации и функционирования.

Вместе с тем нормотворческая практика федеральных органов государственного управления показывает тяготение к изменению текущего состояния законодательства, поскольку множественность особых правовых режимов осуществления экономической деятельности усложняет деятельность органов исполнительной

¹ См.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3127; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6180.

власти, их обеспечивающих, и дезориентирует хозяйствующих субъектов, которые не видят четких различий между ними, что затрудняет их выбор в пользу того или иного режима и соответствующей инфраструктурной площадки для вложения инвестиций. Распоряжением Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р «О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 18 декабря 2020 г.)¹ выполнение соответствующих проектных работ было возложено на Министерство экономического развития РФ. В сентябре 2018 г. им был подготовлен проект федерального закона «О преференциальных режимах ведения предпринимательской деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², который не был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и перспектива его последующего принятия неочевидна, особенно с учетом последних тенденций охвата режимным регулированием все новых территорий и придания им особого положения. Последним таким случаем стало учреждение свободной экономической зоны на новых территориях России (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области)³.

М. П. Петров, рассуждая о перспективах продолжения административной реформы в России, которую большинство исследователей связывают с совершенствованием системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, указывает на необходимость перехода к наиболее сложному ее этапу, ориентированному на совершенствование тех сторон функционирования государственного аппарата, которые не были охвачены реформированием и характеризовались стихийными процессами организации публичного управления. Реализация данного этапа должна привести к повышению конкурентоспособности, в том числе и экономической системы страны [4, с. 39, 41]. Обозначенная позиция вполне применима и к особым правовым режимам осуществления экономической деятельности, поскольку им присущи специфические проявления публичного управления, коррекция которого должна обеспечить необходимое для решения задачи создания высокотехнологичных производств и построения высокоэффективной экономики сочетание государственного регулирования и специфических (квазипубличных) форм воздействия на участников рынка.

Особую роль в совершенствовании экономических отношений играет административно-правовое регулирование. В то же время учеными-административистами отмечается проблема его эффективности, поскольку от выбранного государством курса зависят позитивный или негативный результат проводимых преобразований. В связи с этим необходим учет потребностей общества и экономических интересов государства при выборе модели административно-правового регулирования, максимально ориентированной на стимулирование хозяйствующих субъектов к эффективному осуществлению деятельности и развитию рынка [5, с. 238].

¹ См.: СЗ РФ. 2017. № 24, ст. 3566; 2020. № 52, ч. 2, ст. 8952.

² См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=83729> (дата обращения: 01.11.2023).

³ См.: Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. 2023. № 26, ст. 4674.

Следует отметить, что такого рода преобразования носят перманентный характер, об их необходимости говорилось еще на заре экономических реформ, в том числе в контексте совершенствования управления материальными отраслями. Так, Д.Н. Бахрах, В.М. Манохин и Р.С. Павловский указывали на важность структурной перестройки отраслевого управления, призванной устранить его отрицательные стороны, в том числе ведомственность, формирование отраслевых комплексов, превращение органов управления в жизнеспособные структуры, отвечающие за развитие комплексов и решение межотраслевых проблем. Ими также ставился вопрос о снижении роли отраслевого принципа в организации государственного управления и дополнении его территориальным, комплексным и другими принципами [6, с. 51].

Большой вклад в развитие научных представлений о соотношении отраслевого и территориального принципов в государственном управлении внес В.М. Манохин, труды которого, основанные на исследовании исторического опыта правовой организации управления и современного этапа развития российской государственности, являются концептуальной основой для дальнейшего анализа соответствующей проблематики. Отраслевой принцип был положен им в основу руководства государственными делами. Понимание отрасли структурировалось им в зависимости от разных ее проявлений в механизме жизнедеятельности общества и государства и означало:

- 1) в материальном смысле — комплекс однородных структур, в том числе материально-технических, объединенных общим профилем функционирования;
- 2) в социальном смысле — явление, призванное удовлетворять материальные и духовные потребности социума;
- 3) в управленческом смысле — сегмент государственного управления делами общества (отрасль государственного управления) [7, с. 82].

Одновременно пристальное внимание В.М. Манохин уделял территориальному принципу, но не в качестве замены отраслевому (в таком качестве он себя не оправдал в период функционирования совнархозов), а в виде его составной части, без которой отрасль не может нормально выполнять свое предназначение. Он служит основой рациональной организации многих отраслей [8, с. 152–156].

Все эти идеи актуальны и в настоящее время, в том числе в контексте формирования особых правовых режимов осуществления экономической деятельности. При этом рассматриваемые принципы находят новое выражение. Творчески организующий потенциал административно-правовых норм вкупе с изменяющимися потребностями общества и государства приводят к трансформациям публичного управления в целом и государственного управления в частности. Административное реформирование способствует изменению структуры, форм и организации управления экономикой [9, с. 254], что особенно характерно для особых правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности. Государство в лице органов исполнительной власти в новых экономических реалиях не может осуществлять непосредственное руководство процессами с частнопровым содержанием. Однако посредством проведения инновационных управленческих решений оно должно создавать условия для развития производительных сил, в том числе высокотехнологичной обрабатывающей промышленности и иных отраслей.

Особые правовые режимы осуществления экономической деятельности обеспечиваются сочетанием различных принципов управления — отраслевого,

межотраслевого и территориального. Само по себе формирование этих режимов имеет отраслевое значение, поскольку они направлены на стимулирование производства промышленной продукции и осуществление иных важных для государства видов экономической деятельности отраслевого формата. Это вытекает из содержания федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, которыми урегулированы соответствующие правоотношения. При этом поощряемые сферы хозяйствования определяются методом исключения за счет указания видов деятельности, на которые действие режима не распространяется. Например, организация территорий опережающего развития не предполагает государственную поддержку лесозаготовки, добычи газа и нефти, производства алкогольной и табачной продукции, оптовой и розничной торговли, предоставления различных финансовых услуг, проведения азартных игр и лотерей¹.

Наличие территорий с особым режимом осуществления экономической деятельности не сужает компетенцию отраслевых органов (Министерства промышленности и торговли РФ, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, Министерства транспорта РФ). Так, Минпромторг России осуществляет выработку государственной политики, нормативно-правовое регулирование, управление государственным имуществом и оказание государственных услуг в промышленном комплексе независимо от территории, на которой осуществляется промышленное производство², будь то особая экономическая зона, территория опережающего развития или территория, не обладающая каким-либо особым правовым режимом. Кроме того, компетенцией отраслевых органов государственного управления охватывается общая координация функционирования отдельных территорий с особым режимом хозяйствования при наличии у них отраслевой специализации или приоритетного направления деятельности с отраслевым содержанием. В частности, Минпромторг России отвечает за развитие индустриальных парков и промышленных кластеров, а под началом Минстроя России находится свободная экономическая зона на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, что связано с необходимостью восстановления разрушенной в ходе боевых действий инфраструктуры.

За счет того, что режим особых экономических зон и ряд других особых режимов осуществления экономической деятельности предполагают развитие целого спектра материально-технических отраслей, невозможно обойтись без межотраслевого регулирования, которое возложено на Министерство экономического развития РФ, а в отношении особо значимых и перспективных для освоения территорий — Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики.

В контексте особых правовых режимов осуществления экономической деятельности специфическое преломление находит территориальный принцип организации управления. Для целей упорядочения их функционирования

¹ См., например: Постановление Правительства РФ от 28 июня 2023 г. № 1045 «Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Хабаровского края, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (в ред. от 21 сентября 2023 г.) // СЗ РФ. 2023. № 28, ст. 5201; 2023. № 39, ст. 7048.

² См.: Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 438 «О Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации» (в ред. от 10 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2868; 2023. № 33, ст. 6504.

не используется обычная территориальная структуризация управленческой деятельности, когда для обеспечения реализации полномочий отраслевого органа на каких-либо территориях государства создаются соответствующие органы или когда отрасль находится под управлением и федерального, и регионального органа исполнительной власти. В данном случае речь не идет о сугубо государственном управлении, поскольку особым режимом обусловлен и особый тип управления, основанный на сочетании государственного и иного публичного (квазипубличного) администрирования. От непосредственного организующего воздействия на хозяйственные процессы на территориях, охваченных особыми режимами, органы исполнительной власти, как правило, отстранены, за исключением режимов особых экономических зон в Калининградской и Магаданской областях, а также зон территориального развития, где субъектом непосредственного управления территорией является ее администрация, представленная уполномоченным исполнительным органом соответствующего субъекта РФ.

В остальных случаях законодатель предусматривает разнообразие управляющих субъектов, среди которых ключевую роль играют управляющие компании. Модель с такими компаниями дополняется учреждением иных управленческих структур — экспертных, наблюдательных и общественных советов. Всем этим субъектам присущи полномочия публично-властного характера — регистрационного, разрешительного и иных типов, которыми обеспечивается возможность осуществления деятельности резидентов соответствующих территорий и ее упорядоченность. Однако в связи с тем, что указанные субъекты не входят в конституционно определенную «единую систему публичной власти», их управленческая компетенция может быть обозначена в качестве квазипубличной.

Названная ранее особенность современного состояния правового регулирования особых режимов осуществления экономической деятельности, а именно хаотичность принятия государством решений об их учреждении, не позволяет говорить об их системе как упорядоченной совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Этим определяются недостатки в организации управления, выраженные в отсутствии четкого распределения полномочий по управлению экономическими процессами на территориях с особым режимом хозяйствования между отраслевыми и межотраслевыми органами исполнительной власти, повышении нагрузки на аппарат управления. Кроме того, Счетной палатой РФ указывается на невысокую эффективность как самих особых правовых режимов хозяйствования, так и управляющих компаний, услуги которых не востребованы со стороны резидентов¹.

На этом фоне целесообразным представляется продолжение работы над проектом законодательной систематизации норм о преференциальных режимах хозяйствования для установления внятных различий между ними, определения полномочий отраслевых и межотраслевых органов государственного управления в сфере обеспечения их функционирования, унификации подходов

¹ См.: Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ механизма установления и функционирования преференциальных режимов как инструмента социально-экономического развития и внешнеэкономической политики» от 21 декабря 2021 г. // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/67a/vdwd3gvl7fv0y7o801rii8bfqnqisvzy.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).

к организации непосредственного управления территориями с особым режимом на основе выбора единого типа управляющего субъекта (управляющей компании или иного субъекта). На основе решения этих вопросов может быть выработан оптимальный механизм организации отраслевого и территориального управления в условиях особых правовых режимов осуществления экономической деятельности.

Библиографический список

1. *Малько А.В., Лиманская А.П.* Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 120–124.
2. *Нилов К.Н.* Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 37–42.
3. *Афзалетдинова Г.Х.* Проблемы использования исключительных режимов в отраслях российского права // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 66–72.
4. *Петров М.П.* О необходимости развития концепции административной реформы в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 3. С. 37–44.
5. *Волков А.М., Дугенец А.С.* Административное право: учебник. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017. 288 с.
6. *Бахрах Д.Н., Манохин В.М., Павловский Р.С.* Административное право и перестройка // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 6. С. 49–52.
7. *Манохин В.М.* Отраслевой принцип в государственном управлении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3(86). С. 80–83.
8. *Манохин В.М.* Административное право России: учебник. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. 272 с.
9. *Манохин В.М., Адушкин Ю.С.* Российское административное право: учебник. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 496 с.

References

1. *Malko A.V., Limanskaya A.P.* Special Legal Regime as a Special Means of Legal Regulation // Bulletin of the Saratov Law Academy. 2013. No. 6. P. 120–124.
2. *Nilov K.N.* Special (special) Legal Regimes as a Means of Differentiation of Legal Regulation of Entrepreneurship // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Humanitarian and social sciences. 2015. No. 9. P. 37–42.
3. *Afzaletdinova G.H.* Problems of Using Exclusive Regimes in Branches of Russian Law // Gaps in Russian Legislation. 2014. No. 5. P. 66–72.
4. *Petrov M.P.* On the Need to Develop the Concept of Administrative Reform in Modern Russia // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2011. No. 3. P. 37–44.
5. *Volkov A.M., Dugenets A.S.* Administrative Law: textbook. M.: FORUM: INFRA-M, 2017. 288 p.
6. *Bakhrakh D.N., Manokhin V.M., Pavlovsky R.S.* Administrative Law and Perestroika // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 1988. No. 6. P. 49–52.
7. *Manokhin V.M.* Branch Principle in Public Administration // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 3(86). P. 80–83.
8. *Manokhin V.M.* Administrative Law of Russia: textbook. Saratov: I P R Media, 2010. 272 p.
9. *Manokhin V.M., Adushkin Yu.S.* Russian Administrative Law: textbook. 2nd ed., revised and suppl. Saratov: Publishing house Sarat. St. Acad. of Law, 2003. 496 p.

Н.А. Плево

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ НОРМАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Введение: цифровизация социальных и гражданско-правовых отношений, переход к альтернативным цифровым коммуникациям определяют необходимость усовершенствования существующей нормативно-правовой базы. Правоотношения новой формы требуют социальных определений с последующим терминологическим закреплением для фиксации юридической определенности и создания понятийного аппарата — важнейшего инструмента теоретического анализа правовых категорий и правового регулирования. **Цель** — дефиницировать термины, появившиеся вследствие цифровизации правоотношений и коммуникаций, для создания единого понятийного аппарата, регулирующего правовые аспекты единого фиджитал-пространства. **Методологическая основа:** диалектический подход, эмпирический метод сравнения. **Результаты:** автором предлагаются определения следующих понятий: метавселенная, аватар, аккаунт, цифровая личность, персонаж, автоматизированный аватар, электронное лицо, виртуальное пространство, игровое виртуальное пространство, цифровая копия, цифровой двойник, цифровая модель. **Выводы:** цифровизация коммуникаций и взаимодействий требует фиксации единых юридических интерпретаций понятий и явлений, связанных с фиджитал-пространством, для правового регулирования и создания базы правового института виртуальной и дополненной реальностей.

Ключевые слова: понятийный аппарат, правовое регулирование, метавселенная, цифровизация, термины, дефиниции.

N. A. Plevo

CONCEPTUAL APPARATUS OF THE NORMATIVE FRAMEWORK OF LEGAL REGULATION OF DIGITALIZED COMMUNICATIONS AND INTERACTIONS

Background: digitalization of social and civil legal relations, transition to alternative digital communications determine the need to improve the existing legal framework. Legal relations of a new form require social definitions with subsequent terminological consolidation to fix legal certainty and create a conceptual apparatus — the most important tool for theoretical analysis of legal categories and legal regulation. **Objective** — to define the terms that have emerged as a result of digitalization of legal relations and communications in order to create a unified conceptual apparatus regulating legal

© Плево Никита Андреевич, 2023

Аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nplevo@yandex.ru

© Plevov Nikita Andreyevich, 2023

Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

aspects of a single figital space. Methodology: dialectical approach and empirical method of comparison. Results: the author proposes definitions of the following concepts: meta-universe, avatar, account, digital personality, character, automated avatar, electronic person, virtual space, game virtual space, digital copy, digital double, digital model. Conclusions: digitalization of communications and interactions requires fixation of unified legal interpretations of concepts and phenomena related to figital space for legal regulation and creation of the basis for the legal institute of virtual and augmented reality.

Keywords: *conceptual apparatus, legal regulation, meta-universe, digitalization, terms, definitions.*

Термин «метавселенная» стал популярным объектом изучения для исследователей с 2021 г., когда Марк Цукерберг определил его как «объемный интернет». С тех пор данное понятие переосмысливалось во множестве научных работ как «постоянно существующее виртуальное пространство, схожее по возможностям коммуницирования с реальным» [1, с. 13], как «конвергенция физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве» [2, с. 128], как «компьютерная имитация действительности, функционирующая по особым правилам, позволяющая взаимодействовать большому числу людей посредством особых цифровых образов — аватаров» [3, с. 217].

В настоящее время консенсусной дефиниции понятия «метавселенная» не существует, а в некоторых научных работах его определение эволюционировало и помимо приставки кибер- было дополнено такими элементами, как смешанная реальность, преодоление пространственно-временной дистанции с помощью голопортации [4, с. 115].

Многочисленные концепции «кибер-мета-вселенной» описывают специфический высокоразвитый виртуальный мир с многопользовательской виртуальной средой, существующий параллельно с реальным миром и сопряженным с ним, реагирующим на его изменения, дающий пользователю возможность иммерсивного погружения, предполагающий использование технологий дополненной и смешанной реальности [5, с. 119].

Автором настоящей статьи предлагается использовать термин «метавселенная» без приставки кибер- и дефинировать его как персистентное и гомеостатическое фиджитал-пространство, консолидирующее связи, опыт, процессы и информацию физического мира и виртуальной реальности, с беспроводным переходом между всеми его элементами и подпространствами, включая беспроводный переход из физического мира в виртуальный и обратно, с автоматической цифровой диффузией новых элементов и развитой, во многом заменяющей реальные производственные и бизнес-процессы экономической системой. Характеризуется постоянностью, устойчивостью, непрерывностью данных, совместимостью всех ее составляющих, возможностью бесконечного расширения, доступностью для неограниченного количества одновременных пользователей и синхронностью, позволяющей получать единый пользовательский опыт в режиме реального времени. Основывается и будет существовать за счет экспоненциально развивающихся прорывных технологий: блокчейн, децентрализации ресурсов и данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и устройств доступа, обеспечивающих иммерсивность погружения пользователя, визуализацию и управление метавселенной.

Взаимодействие пользователя с фиджитал-пространством и другими пользователями осуществляется с помощью аватаров. Правовая природа аватара, его юридическая квалификация является предметом дискуссий. Отсутствует закреплённая законом дефиниция, позволяющая однозначно трактовать понятие. Исследователи-правоведы склоняются признать за аватаром имущественную природу прав с выделением отдельного места в перечне объектов гражданских прав. Вместе с тем аватар — это способ самопрезентации и юридической персонификации пользователя на платформах прото-мета-вселенной, в настоящее время не закреплённой как субъект правоотношений в подразделе 2 «Лица» ГК РФ¹ [4, с. 115–116].

Сложность и многообразность сущности аватара затрудняет понимание его правового статуса. В настоящей статье автор предлагает выделить виды аватаров и определить место каждого в гражданско-правовых отношениях.

Чаще всего в исследованиях аватар определяется как способ, с помощью которого пользователь взаимодействует с виртуальным миром и другими пользователями, а также как особый вид учетной записи, позволяющий идентифицировать пользователя в сети виртуальных миров в рамках одной платформы и в сторонних приложениях разных разработчиков [4, с. 115].

Д.С. Четвергов, выдвигая предложение по определению места цифрового аватара в системе гражданских прав, разделяет смежные понятия «аватар» и «аккаунт», которые во многих работах используются как взаимозаменяемые. Аватар в узком смысле — способ взаимодействия человека с виртуальным миром, виртуальная личность, отпечаток реальной личности, содержащий персональные данные и творческое начало. В широком смысле аватар, или пользовательский аккаунт — это не только цифровая личность, но и технические средства, обеспечивающие возможность пребывания в виртуальном мире и способы взаимодействия с ним [3, с. 218].

Такое разделение позволяет выделить правовую имущественную основу аккаунта как объекта, имеющего экономическую ценность и способного стать предметом гражданского оборота. Пользовательский аккаунт регулируется правом собственности, или исключительным правом, как предмет и результат интеллектуальной деятельности соответственно, а также имущественным правом, основанным на смешанном договоре оказания услуг и лицензионного соглашения [3, с. 218–219].

Аватар, представляющий основную или альтернативную личность физического лица, содержит персональные данные², напрямую связан с конституционными правами и свободами человека, служит способом волеизъявления гражданина [3, с. 221]. Автор настоящей статьи предлагает определять аватар в указанном значении как цифровую личность.

Пользователь цифрового пространства и виртуальных миров имеет право на анонимность и может самопрезентовать себя желаемым способом, изменив свои имя, пол, возраст, графическое или в перспективе метавселенной голографическое отображение. Если пользователь не предоставляет персональные данные для верификации, то аккаунт является анонимным. Анонимные акка-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5777.

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 6 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; 2023. № 6, ст. 915.

унты не могут выступать полноправными участниками сделок, вследствие чего необходимо законодательно зафиксировать обязанность уведомлять цифровые личности об анонимной природе аккаунта второй стороны при инициации правоотношений.

При правовом регулировании аватаров необходимо отделять аватары, созданные для действий в игровых виртуальных пространствах. Игровые аватары, или персонажи, относятся к виртуальному имуществу, такому как игровые монеты или предметы снаряжения. По техническим причинам они могут отчуждаться в пользу другого пользователя только вместе с игровым аккаунтом. Персонажи подчиняются правилам игрового мира, в котором они существуют, прописанным в условиях лицензионного соглашения. Действия персонажей внутри игровых миров находятся вне юрисдикции правового поля, однако персонажи будучи виртуальным имуществом требуют защиты как объект права собственности.

Предполагается, что с предстоящим развитием технологий голографические представления пользователя в условиях метавселенной будут создаваться с помощью микророботов в теле человека и на основе юнитов искусственного интеллекта. Цифровая личность, или анонимный аккаунт, будут объединены с самообучающейся роботизированной системой юнита искусственного интеллекта, что создаст новый вид аватара, способного совершать действия без прямого волеизъявления пользователя. В игровых мирах действующие от лица пользователя программы именуются ботами. В неигровых фиджитал-пространствах предлагается использовать для юридического определения и фиксации в правовом поле термин «автоматизированный аватар».

В перспективе — развитие технологий искусственного интеллекта до полной автоматизации самообучающейся роботизированной системы с передачей юниту искусственного интеллекта частичной правосубъектности. В случае возникновения псевдоличности у программ искусственного интеллекта с визуализацией самопредставления в виде графического или голографического аватара для юридического определения и правового регулирования аватару искусственного интеллекта предлагается присвоить обозначение «электронное лицо» [6, с. 131].

Консолидация определений виртуальной реальности, предложенных некоторыми учеными [7, с. 131; 8, с. 167], позволяет дефинировать понятие «виртуальная реальность» как созданная техническими средствами симуляция настоящего или придуманного мира, имеющая свое пространство, время и законы, способная взаимодействовать с другими пространствами, реальностями и физическим миром, обладающая иммерсивностью, позволяющей пользователю физически прочувствовать виртуальное окружение за счет технологий визуализации, воспроизведения тактильных и звуковых ощущений.

В настоящее время правовое регулирование не успевает за развитием технологий и нет юридически закреплённой системы прав и свобод, учитывающей все аспекты виртуальной реальности. Погружаясь в иммерсионную реальность, пользователи могут рассчитывать на защиту прав и свобод, обеспеченных государственным регулированием информационной сферы (ст. 23 и 24 Конституции РФ)¹.

¹См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

Стоит отметить, что правовое регулирование, обеспечивающее конституционные права и свободы, не применимо к игровому виртуальному пространству. Виртуальные игровые миры регулируются преимущественно лицензионными соглашениями правообладателей. Иммерсивность виртуальных игровых миров, тактильные ощущения и физические воздействия от симуляции в игровых реальностях ставят вопрос о необходимости предупреждения пользователей о рисках получения нежелательного неприятного или болезненного опыта в допускающих такое воздействие мирах.

В отличие от виртуальной реальности дополненная реальность предлагает ввод в физический мир объектов, сконструированных при помощи компьютерных систем [9, с. 508]. Дополненную реальность можно определить как технологию распознавания окружающей среды, предоставляющую данные о местности, обогащающую и улучшающую реальность.

С. А. Богун, рассматривая дефиницию «цифровой двойник», выводит его определение как виртуальной копии любого материального (а иногда и не материального) объекта, процесса или явления, синхронизированной с оригиналом [10, с. 64–65].

Более рациональным для юридической фиксации и правового регулирования представляется разделение понятий «цифровая копия», «цифровой двойник» и «цифровая модель». Цифровая копия — воспроизведение материального или цифрового объекта в какой-либо конкретный момент времени, существующее и функционирующее независимо от прототипа. Цифровой двойник — это синхронизированная с оригиналом полная цифровая копия, обновляемая в режиме реального времени и отражающая все параметры и характеристики исходного объекта материальной или цифровой природы. Цифровая модель — это цифровая копия, созданная для проведения экспериментов научного, технического, медицинского, учебного и любого другого характера в условия виртуальной реальности, обеспечивающих безопасность пользователя и сохранность материальных активов. С помощью цифровой модели можно отрабатывать необходимые профессиональные навыки и действия в чрезвычайных ситуациях.

Правовое регулирование цифрового, виртуального и дополненного пространства в настоящем, а также подготовка базы правового института, которому предстоит обеспечивать конституционные права и свободы граждан в метавселенной, требует единой юридической интерпретации понятий и явлений. В настоящей статье предложены дефиниции понятий, которые уже активно используются в социальной и экономической жизни, но не закреплены в правовых документах.

На наш взгляд, на основе предложенных определений возможна дальнейшая разработка правового понятийного аппарата метавселенной как инструмента теоретического анализа явлений с точки зрения права и правового регулирования.

Библиографический список

1. *Фатхи В.И.* Метавселенные: проблемы правового регулирования // *Философия права.* 2022. № 4. С. 13–18.
2. *Гуров О.Н., Петрунина М.А.* Мораль и безопасность: темы размышления для метавселенной // *Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Грозный, 10–11 декабря 2021 г.).* Махачкала: Чечен. гос. пед. ун-т; АЛЕФ, 2021. С. 125–132.
3. *Четвергов Д.С.* Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // *Юридическая наука.* 2023. № 7. С. 217–223.

4. Саркисян В.В., Федорова И.В. К вопросу о правосубъектности аватара в метавселенной // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 1. С. 114–119.
5. Понкин И.В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11, no. 1. С. 118–127.
6. Новицкая Л.Ю. Правосубъектность «цифрового аватара» // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3. С. 128–136.
7. Никитина Э.В., Волкова Д.А. К вопросу о правовом ограничении свободы в виртуальной реальности // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3. С. 130–134.
8. Афанасьева Е.А. Правовое регулирование виртуальной и дополненной реальности (обзор) // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет. 2018. № 1. С. 166–172.
9. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 49. С. 502–523.
10. Богун С.А. Проблемы правовой природы цифровых двойников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2023. Т. 23, № 2. С. 62–66.

References

1. Fatkhi V.I. Meta-Universe: Problems of Legal Regulation // Philosophy of Law. 2022. No. 4. P. 13–18.
2. Gurov O.N., Petrunina M.A. Morality and Security: Themes of Reflection for the Meta-Universe // Humanitarian Knowledge and Spiritual Security: a collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (Grozny, December 10–11, 2021). Makhachkala: Chechen State Pedagogical University; ALEF Publishing House, 2021. P. 125–132.
3. Chetvergov D.S. Legal Regime of Avatar: Regulation of the Turnover of Digital Image of Personality in the Meta-Universe // Legal Science. 2023. No. 7. P. 217–223.
4. Sarkisyan V.V., Fedorova I.V. To the Question about the Legal Personality of the Avatar in the Meta-Universe // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2023. Vol. 10, no. 1. P. 114–119.
5. Ponkin I.V. Cyber-Meta-Universe: Legal View // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11, no. 1. P. 118–127.
6. Novitskaya L.Y. Legal Personality of the «Digital Avatar» // Leningrad Law Journal. 2021. No. 3. P. 128–136.
7. Nikitina E.V., Volkova D.A. To the Question about the Legal Restriction of Freedom in Virtual Reality // Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2021. No. 3. P. 130–134.
8. Afanasyeva E.A. Legal Regulation of Virtual and Augmented Reality (Review) // Future Law: Intellectual Property, Innovations, Internet. 2018. No. 1. P. 166–172.
9. Ruzakova O.A., Grin E.S. Issues of Intellectual Property Protection in the Field of Virtual and Augmented Reality Technologies (VR, AR) // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2022. Vol. 49. P. 502–523.
10. Bogun S.A. Problems of the Legal Nature of Digital Doubles // Bulletin of the South Ural State University. Series «Law». 2023. Vol. 23, no. 2. P. 62–66.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-106-113

УДК 347.751.7

О.С. Алферова

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ НЕФТЕПРОДУКТОВ ПО ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАМ ЗАРУБЕЖЬЯ

***Введение:** в эпоху глобализации и активного развития международной торговли вопросы правового регулирования поставок товаров, в частности нефтепродуктов, становятся все более актуальными. Российская Федерация является одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти и нефтепродуктов в мире, поэтому проблемы заключения, исполнения и прекращения договоров поставки нефтепродуктов заслуживают особого внимания в юридической науке. **Цель** — комплексно проанализировать договор поставки нефтепродуктов на основе российского и международного законодательства. **Методологическая основа:** формально-юридический, сравнительно-правовой, диалектический и технико-юридический моделирующие подходы. **Результаты:** рассмотрены теоретические и практические проблемы в договоре поставки нефтепродуктов, который выступает сентенцией с договором транспортировки (особенно в случае, если речь идет о поставке нефтепродуктов в зарубежные страны). **Выводы:** в условиях санкционного давления возникает необходимость в разработке совместных руководящих принципов регулирования договоров поставки нефтепродуктов, основанные на принципах ГК РФ и законодательстве стран-экспортеров.*

***Ключевые слова:** нефтепродукты, договор поставки, гражданское право, международное частное право, санкции.*

O.S. Alferova

APPLICATION OF LEGAL NORMS UNDER A CONTRACT FOR THE SUPPLY OF PETROLEUM PRODUCTS ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

***Background:** in the era of globalization and active development of international trade, the issues of legal regulation of the supply of goods, in particular oil products, are becoming more and more relevant. The Russian Federation is one of the largest producers and exporters of oil and petroleum products in the world, that is why the problems*

© Алферова Ольга Сергеевна, 2023

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Alferovaos85@yandex.ru

© Alferova Olga Sergeevna, 2023

Senior lecturer of the Civil Law Department (Saratov State Law Academy)

of conclusion, execution and termination of supply contracts for petroleum products deserve special attention in legal science. Objective — to comprehensively analyze the contract for the supply of petroleum products on the basis of Russian and international legislation. Methodology: formal-legal, comparative-legal, dialectical and technical-legal modeling approaches. Results: the theoretical and practical problems in the contract for the supply of petroleum products, which is a maxim with the contract of transportation (especially when it comes to the supply of petroleum products to foreign countries), are considered. Conclusions: under sanctions pressure, there is a need to develop joint guidelines for the regulation of oil products supply contracts based on the principles of the Civil Code of the Russian Federation and the legislation of exporting countries.

Keywords: petroleum products, supply agreement, civil law, private international law, sanctions.

Актуальность темы обусловлена не только высокой степенью важности нефтепродуктов для экономики России, но и тем, что вопросы регулирования договоров их поставки сложны и многогранны. Это связано как с особенностями самого товара, так и с динамично развивающимся законодательством и судебной практикой в этой области.

В контексте договоров поставки особое внимание уделяется согласованию предмета договора как ключевому условию (п. 1 ст. 432 ГК РФ¹). Когда речь идет о поставках нефти и нефтепродуктов, предметом договора выступает сам товар в определенном количестве (п. 3 ст. 455 ГК РФ).

Согласно анализу А. Абрамова [1, с. 94], нефть и нефтепродукты, выступая вещами (товаром), определяются как объект договора поставки. Реализация этих товаров, включая действия по регулярной доставке нефтепродуктов, составляет предмет договора. Поставка, в свою очередь, индивидуализируется по параметрам, таким как количество, качество, технические характеристики (химический состав нефтепродуктов) и способы доставки.

Если наименование товара, приведенное в договоре, не соответствует установленным нормативными документами (например, ГОСТами или приказами министерств) требованиям и правилам обозначения товара, то договор может быть признан незаключенным из-за несогласования его предмета (п. 3 ст. 455, ст. 432 ГК РФ). Это особенно актуально для договоров поставки нефтепродуктов, где наименование и качество товара должны строго соответствовать регламентированным требованиям.

Нефтепродукт — готовый продукт, полученный при переработке нефти, газового конденсата, углеводородного и химического сырья (синтетический бензин)².

Из ГОСТа 1510-2022³ выделим некоторые виды нефтепродуктов, которые могут стать объектом договора поставки:

петролатум — продукт депарафинизации остаточных нефтяных масел селективной очистки, представляющий собой смесь твердого парафина, церезина

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5777.

² См.: Приказ Минэнерго России от 19 июня 2003 г. № 231 «Об утверждении Инструкции по контролю и обеспечению сохранения качества нефтепродуктов в организациях нефтепродуктообеспечения»: зарег. в Минюсте России 20 июня 2003 г. № 4804 // Российская газета. 2003. 4 ноября.

³ См.: ГОСТ 1510-2022 «Нефть и нефтепродукты. Маркировка, упаковка, транспортирование и хранение». URL: <https://rags.ru/gosts/gost/78214/> (дата обращения: 28.05.2023).

и от 7 до 38 % нефтяных масел, применяемый как сырье для получения церезина, компонент смазок, электроизоляционных составов, антиозонант для резины, с температурой вспышки в открытом тигле не ниже 240 °С, температурой каплепадения от 55 до 65 °С, содержанием серы не более 0,6 %;

полиалкилбензол (ПАБ) — смесь диалкилбензолов с дифенилалканами, применяемая в качестве сырья для производства водо- и маслорастворимых поверхностно-активных веществ, алкилбензолов, при изготовлении смазочных, холодильных и гидравлических масел, в качестве пластификаторов для полимерных композиций, с температурой вспышки в закрытом тигле не ниже 175 °С, температурой застывания не выше минус 30 °С;

полимерно-модифицированный битум — битумное вяжущее, полученное путем введения в битумы нефтяные дорожные улучшенные либо битумы нефтяные дорожные блок-сополимеров типа стирол-бутадиен-стирол или термопластов, а также поверхностно-активных веществ.

Стоит заметить, что некоторые исследователи классифицируют договоры на снабжение нефтью и нефтепродуктами как вид договоров энергоснабжения (ст. 548 ГК РФ). В этом контексте обычно подчеркивают, что договоры энергоснабжения, реализуемые через присоединенную сеть, регулируют снабжение электроэнергией, теплом и газом исключительно по сети, как, например, по электросети или трубопроводу [2, с. 115].

В данной ситуации возникает прямая зависимость между деятельностью поставщика и потребителя из-за непрерывной природы снабжения, что расширяет договорные отношения на область использования энергии и газа. Однако стоит обратить внимание на то, что поставка энергии (включая нефть, газ, нефтепродукты) через присоединенную сеть — это лишь техническая особенность, характерная для выполнения обязательств, вытекающих из таких договоров.

Эта особенность, по сути, не может служить критерием для определения отдельного типа или подтипа гражданско-правового договора, как в случае с договором поставки. Если в правоотношениях в качестве объекта будут выступать не энергоресурсы, а другие товары, то их передача покупателю через присоединенную сеть представляет собой только один из возможных вариантов выполнения обязательств. Например, нефть или нефтепродукты могут быть доставлены покупателю в цистернах, а газ — в баллонах. В данной ситуации отношения будут регулироваться обычным договором поставки.

Стоит отметить, что участниками в договоре поставки нефти и нефтепродуктов являются определенные стороны, которые занимаются не просто коммерческой деятельностью, а специализированной работой, требующей лицензирования, — это может быть добыча, переработка или сбыт нефти. Большую часть покупателей и продавцов составляют холдинговые группы, которые широко представлены в нефтяной отрасли топливно-энергетического комплекса России, но при этом не обладают отдельной законодательной базой. Дополнительно к этому ПАО «Транснефть», выполняющее функции субъекта естественной монополии, может также участвовать в договорах, предоставляя услуги по транспортировке нефти и нефтепродуктов через системы магистрального трубопровода [3, с. 108].

В.А. Тархов в работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» подчеркивал следующие ключевые аспекты, отличающие договор поставки: наличие планового акта; ограничение участников договора только организациями; продукция промышленного производства, не предназначенная для розничной

продажи, как предмет поставки; плановый характер поставки; различие в ответственности сторон при нарушении условий договоров купли-продажи и поставки [4, с. 217].

По мнению В.А. Тархова, «гражданско-правовая ответственность имеет, прежде всего, предупредительно-воспитательное значение. Стороны гражданских правоотношений должны знать, что невыполнение ими своих обязанностей может повлечь нарушение общественных отношений, имущественные потери и другие неблагоприятные последствия для другой стороны и общества в целом, и не допускать нарушения своих обязанностей. Ответственность заключается в общем предупреждении нарушений путем воздействия на сознание членов общества и воздействия на лицо, допустившее нарушение. Воспитательное воздействие является главным, поэтому ответственность нередко выходит за пределы восстановления нарушенного состояния. В этом смысле под ответственностью понимается несение последствий нарушения обязанностей, предусмотренных законом или договором» [5, с. 283].

Основное отличие поставки от купли-продажи заключается в ограниченности права покупателя на распоряжение приобретенным товаром. Так, продукция, полученная по договору поставки, может использоваться покупателем только в рамках установленного плана. Г.С. Амерханов полагал, что договор поставки не имеет отношение к переходу права собственности между контрагентами, охватывая нетоварные отношения. Мнение о плановом акте как главном отличии поставки от купли-продажи доминировало в юридической литературе в течение длительного времени [6, с. 37].

Понятие «планового акта», связанного с работой Госплана СССР, в настоящее время утратило свою актуальность. Тем не менее его идея сохранилась в ГК РФ в виде возможности установления порядка приемки товара, включая проверку качества, посредством отдельных нормативно-правовых актов (п. 1 ст. 474), которые могут содержать обязательные требования к этому порядку или быть добровольно принятыми сторонами.

Так, приемка нефтепродуктов по количеству производится покупателем в соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству¹, Инструкцией о порядке поступления, хранения, отпуска и учета нефти и нефтепродуктов на нефтебазах, наливных пунктах и автозаправочных станциях системы Госкомнефтепродукта СССР². Масса нефтепродукта также должна определяться одним из методов, предусмотренных ГОСТ Р 8.595³. При применении косвенного метода должна применяться аттестованная в установленном порядке методика измерений и программное обеспечение к ней. Все средства измерений, приме-

¹ См.: Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству: утв. постановлением Госарбитража СССР от 15 июня 1965 г. № П-6 (в ред. от 23 июля 1975 г., с изм. от 22 октября 1997 г.) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1975. № 2.

² См.: Инструкция о порядке поступления, хранения, отпуска и учета нефти и нефтепродуктов на нефтебазах, наливных пунктах и автозаправочных станциях системы Госкомнефтепродукта СССР: утв. Госкомнефтепродуктом СССР от 15 августа 1985 г. № 06/21-8-446 (в ред. писем Госкомнефтепродукта СССР от 2 июня 1987 г. № 06-21/374, от 30 ноября 1987 г. № 04-21/760) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1987. № 3.

³ См.: ГОСТ Р 8.595-2004 «Государственная система обеспечения единства измерений. Масса нефти и нефтепродуктов. Общие требования к методикам выполнения измерений». URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1641> (дата обращения: 28.05.2023).

няемые для измерений количества продукции, должны быть установленного в Российской Федерации (перенятого из СССР) типа и проверены. Особое место в регулировании данных правоотношений занимает Инструкция по контролю и обеспечению сохранения качества нефтепродуктов в организациях нефтепродуктообеспечения¹.

Существуют различные виды контрактов, основанные на периоде ценообразования и отгрузки товара. Спотовые контракты относятся к поставкам, которые осуществляются одной или несколькими партиями в короткие сроки, обычно в течение двух месяцев, с ценой, определяемой в течение месяца. Однако долгосрочные контракты предусматривают период отгрузки от трех месяцев до года.

Рынок характеризуется тем, что прибыль обычно достигается не за счет большой маржи с единицы товара, а за счет поставки больших объемов топлива. Ряд факторов, включая сезонность, экономическую ситуацию в регионе поставки и другие, могут значительно влиять на цену товара, которая может колебаться даже в течение нескольких дней. В связи с этим поставщики нефтепродуктов прибегают к более сложным механизмам расчета стоимости с целью минимизации рисков.

Обычно контракты поставки нефтепродуктов включают в себя формулы для расчета цены на основе так называемой базовой котировки. Это среднее значение котировок нефтепродукта, публикуемое различными агентствами, например Platts European Market Scan Price Report или Argus European Product, с учетом корректировок и стоимости доставки товара. Формула может быть более сложной и предусматривать определенные триггеры для изменения цены².

Российские компании, заключая спотовые контракты на поставку нефтепродуктов, обычно фиксируют предварительную стоимость на дату заключения контракта. После отгрузки товара рассчитывается окончательная цена, и в зависимости от полученной суммы либо покупатель доплачивает, либо продавец делает возврат.

Наиболее распространенной является схема со стопроцентной предоплатой по предварительной цене, определенной на дату заключения договора. Может быть установлена доплата сверх предварительной цены для компенсации изменения в окончательной цене, которую затем возмещает продавец. В данной отрасли часто используются такие методы оплаты, как аккредитив, оплата поставки за счет кредита, обеспеченного залогом товара в обороте, уступка права требования на возврат предоплаты.

Поставка нефтепродуктов представляет собой процесс с высоким уровнем риска, что обуславливает наличие в контрактах сложных оговорок о форс-мажорных обстоятельствах. Эти оговорки включают детальный перечень ситуаций непреодолимой силы, освобождающих от ответственности, а также специальные анти-санкционные пункты, которые связаны с рисками введения ограничительных мер со стороны ЕС и США. Они особенно актуальны при поставках нефтепродуктов

¹ См.: Приказ Минэнерго России от 19 июня 2003 г. № 231 «Об утверждении Инструкции по контролю и обеспечению сохранения качества нефтепродуктов в организациях нефтепродуктообеспечения»: зарег. в Минюсте России 20 июня 2003 г. № 4804 // Российская газета. 2003. 4 ноября.

² См.: Platts European Marketscan // S&P Global Commodity Insights. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/products-services/oil/european-marketscan> (дата обращения: 28.05.2023).

в Индию и страны Азии для исключения вторичных санкций (поэтому в рамках работы мы рассматриваем только поставку в страны Азии).

В контрактах на поставку нефтепродуктов обычно присутствуют условия пересмотра или корректировки, которые являются специфическими случаями условий о непреодолимой силе, которые в международном частном праве выражаются в *review* или *adjust clause* как частные случаи *hardship clause*.

Review clause, или клаузула пересмотра, можно считать как условие в договоре, которое позволяет сторонам при необходимости пересмотреть определенные условия договора, включая цены, сроки и другие ключевые параметры, основываясь на изменениях в рыночной среде или других значимых обстоятельствах [7, с. 71].

Adjust clause, или клаузула корректировки, представляет собой условие, которое позволяет автоматически корректировать определенные положения договора без необходимости формального пересмотра. Это обычно применяется к условиям, которые могут значительно изменяться в течение срока договора, например цены на товары в связи с колебаниями на мировом рынке [8, с. 63].

Они предназначены для восстановления баланса между сторонами, нарушенного определенными обстоятельствами, такими как изменение налоговых ставок, таможенных пошлин или цен на рынке. Эти условия дают право суду или арбитражу внести соответствующие изменения в контракт.

В отношении реализации нефти и газа, а также продуктов их переработки и других материалов на внутреннем российском рынке, считается, что они проданы в момент перехода права собственности. Однако при экспорте сырой нефти реализация (переход права собственности и риска случайной гибели) происходит на условиях FOB (*Free on Board* / Свободно на борту: продавец считается выполнившим обязательство по поставке, как только товар переходит через поручни судна в указанном порту), DAF (*Delivered at Frontier* / Поставка на границе: продавец осуществляет поставку товара с момента предоставления его в распоряжение покупателя неразгруженным на прибывшем транспортном средстве, прошедшего таможенную очистку, необходимую для вывоза товара, но не прошедшего таможенную очистку, необходимую для ввоза товара, в согласованном пункте или месте на границе, однако до поступления на таможенную границу соседней страны) или DAP (*Delivered at Place* / Поставка в место назначения: продавец выполнил свое обязательство по поставке тогда, когда он предоставил покупателю товар, выпущенный в таможенном режиме экспорта и готовый к разгрузке с транспортного средства, прибывшего в указанное место назначения) [9, с. 148].

Переход права собственности на товар обычно происходит в нескольких возможных моментах: когда товар пересекает приемные шланги танкера в порту отгрузки, при пересечении товаром границы Российской Федерации или когда продавец передает товар в распоряжение покупателя на готовом для разгрузки транспортном средстве. Это зависит от условий поставки. Реализация нефтепродуктов может быть осуществлена на условиях FOB, CPT или FCA.

При условии FOB обязательства продавца считаются исполненными, когда товар перешел через поручни судна в указанном порту. По условию CPT (*Carriage paid to (named place of destination)* / Перевозка оплачена до (наименование пункта)) перевозка товара оплачена до пункта, определенного в договоре, и переход риска происходит в момент передачи товара первому перевозчику. FCA (*Free Carrier* / Франко перевозчик) подразумевает доставку товара указанному покупателем

перевозчику в установленном месте. В большинстве контрактов компания-продавец берет на себя расходы по транспортировке до пункта, указанного в контракте, а контроль над товаром переходит к покупателю при доставке. В данном случае транспортировка не считается отдельным обязательством для исполнения, несмотря на существующие споры и разногласия между компаниями.

При возникновении споров по условиям договора поставки применяется специальный порядок урегулирования, установленный ст. 507 ГК РФ. Если стороны не могут договориться по отдельным условиям договора, сторона, предложившая заключить договор, должна в течение 30 дней со дня получения предложения согласовать эти условия или письменно уведомить другую сторону об отказе от заключения договора. В противном случае поставщик обязан возместить покупателю убытки, вызванные несогласием с условиями договора. Однако упомянутый порядок применим только к договорам поставки нефтепродуктов и не применяется к рамочным договорам.

Согласно позиции В.А. Тархова, ключевым аспектом гражданско-правовой ответственности является ее превентивно-воспитательная функция. Стремясь предупредить нарушение обязанностей по договору, она акцентирует внимание участников гражданских правоотношений на том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств может привести к деструкции общественных отношений, экономическим убыткам и другим негативным последствиям как для другой стороны, так и для общества в целом [5, с. 286]. Таким образом, гражданско-правовая ответственность служит мощным инструментом предотвращения нарушений, влияя как на общественное сознание, так и на лиц, которые уже допустили нарушения. Социально-воспитательная функция ответственности занимает центральное место и по этой причине часто оказывается не ограничена только восстановлением прежнего состояния. В этом контексте под ответственностью подразумевается несение последствий за нарушение обязанностей, установленных законом или договором.

Необходимо уделить должное внимание норме, закрепленной в п. 1 ст. 396 Гражданского кодекса РФ, которая определяет соотношение между ответственностью и реальным исполнением обязательства: оплата неустойки или возмещение убытков за ненадлежащее исполнение обязательства не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре, если законом или договором не предусмотрено иное. Это подразумевает необходимость реального исполнения обязательства в случае его ненадлежащего исполнения, что также находит свое отражение в правилах, которые относятся к договору поставки (п. 1 ст. 511, ст. 521 ГК РФ).

Важно подчеркнуть, что для обеспечения успешного и эффективного сотрудничества между российскими и иностранными компаниями дружественных стран необходима хорошо структурированная, гармонизированная и прозрачная система правового регулирования. На данный момент все упирается в отказ европейских компаний лицензировать транспортировку нефтепродуктов, из-за чего возникает необходимость в разработке совместных руководящих принципов регулирования договоров поставки нефтепродуктов, основанных на принципах ГК РФ и законодательстве стран-экспортеров (можно выработать в рамках ШОС, ЕАЭС либо БРИКС), для создания доверительных отношений между участниками рынка, снижения правовых рисков и увеличения эффективности торговли нефтепродуктами.

Библиографический список

1. *Абрамов А.Н.* Правовая природа договора поставки нефти и нефтепродуктов // Вестник магистратуры. 2012. № 5. С. 92–96.
2. *Галкина Н.М.* Особенности договора поставки нефти и нефтепродуктов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 3. С. 113–117.
3. *Логофет Д.Д.* Юридический статус магистральных нефтепроводов // Хозяйство и право. 2001. № 12. С. 104–110.
4. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 456 с.
5. *Тархов В.А.* Гражданское право. Общая часть: курс лекций. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. 331 с.
6. *Амерханов Г.С.* Договор поставки: учеб. пособие для студентов юрид. фак. МГУ: лекции 1–3. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1957. 80 с.
7. *Harris P.* Contract Law in International Trade' // International Business Law Journal. 2016. No. 5. P. 56–70.
8. *Black G.* The role of adjustment clauses in international oil and gas contracts // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2018. No. 36(1). P. 75–92.
9. Международные правила для использования торговых терминов Инкотермс-2010. Публикация ICC № 715 / пер. с англ. Н.Г. Вилковой. М.: Инфотропик Медиа, 2010. 274 с.

References

1. *Abramov A.N.* The Legal Nature of the Contract for the Supply of Oil and Petroleum Products // Bulletin of the magistracy. 2012. No. 5. P. 92–96.
2. *Galkina N.M.* Features of the Contract for the Supply of Oil and Petroleum Products // Business in Law. Economic and Legal Journal. 2014. No. 3. P. 113–117.
3. *Logofet D.D.* The Legal status of Main Oil Pipelines // Economy and Law. 2001. No. 12. P. 104–110.
4. *Tarkhov V.A.* Responsibility under Soviet Civil law. Saratov: Sarat. Univ. Publishing House, 1973. 456 p.
5. *Tarkhov V.A.* Civil Law. General part: a course of lectures. Cheboksary: Chuvash. book publish. House, 1979. 331 p.
6. *Amerkhanov G.S.* Supply Agreement: textbook for law students of Moscow State University faculty: Lectures 1–3. M.: Lomonosov Moscow State University, 1957. 80 p.
7. *Harris P.* Contract Law in International Trade' // International Business Law Journal. 2016. No. 5. P. 56–70.
8. *Black G.* The Role of Adjustment Clauses in International Oil and Gas Contracts // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2018. No. 36(1). P. 75–92.
9. International Rules for the Use of Trade Terms Incoterms-2010. ICC publication No. 715 / translated from English by N.G. Vilkova. M.: Infotropik Media, 2010. 274 p.

О.В. Манько

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

Введение: жилище — это одна из неотъемлемых потребностей человека, которая является основополагающей для успешного развития общества и государства. Каждый человек стремится иметь свой уголок, где он может укрыться от окружающей среды, обеспечить себя крышей над головой и чувствовать себя в безопасности. **Цель** — проанализировать развитие права граждан на жилище и гарантии его реализации, выделить его основные черты и значение для каждого индивида. **Методологическая основа:** совокупность методов формально-юридического и системного анализа, материалы правоприменительной практики. **Результаты:** изучены история возникновения права граждан на жилище, судебная практика по искам о защите прав и законных интересов граждан, в отношении которых государство берет на себя обязанность по обеспечению жильем помещениями, аргументирована авторская позиция относительно применения норм Конституции РФ, Жилищного кодекса РФ о правах граждан на жилище и гарантиях их реализации. **Вывод:** содержание права на жилище в современный период означает возможность индивида пользоваться жильем, приобретенным им на законном основании, неприкосновенность которого охраняется государством.

Ключевые слова: право на жилище, малоимущие, улучшение жилищных условий, военнослужащие, права и свободы человека, потребности человека.

O. V. Manko

LEGAL NATURE OF CITIZENS' RIGHT TO HOUSING

Background: housing is one of the inalienable human needs, which is fundamental for the successful development of society and the state. Each person aspires to have his own corner where he can shelter from the environment, provide the roof over his head and feel safe. **Objective** — the purpose is to analyze the development of citizens' right to housing and guarantees of its implementation, to highlight its main features and significance for each individual. **Methodology:** a set of methods of formal legal and system analysis, materials of law enforcement practice. **Results:** the history of the emergence of the right of citizens to housing, judicial practice on claims for the protection of the rights and legitimate interests of citizens in respect of whom the state assumes the obligation to provide housing, the author's position on the application of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Housing Code of the Russian Federation on the rights of citizens to housing and guarantees of their realization is argued. **Conclusions:** the content of the right to housing in the modern period means the ability of an individual to use housing acquired by him legally, the protection by the state of the inviolability of the home and the promotion of housing construction.

Keywords: right to housing, low-income persons, improvement of housing conditions, servicemen, human rights and freedoms, human needs.

© Манько Ольга Владимировна, 2023

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: manko.ov@mail.ru

© Manko Olga Vladimirovna, 2023

Senior lecturer of the Civil Law Department (Saratov State Law Academy)

Для полного понимания природы права на жилище необходимо выделить его основные черты и значение для каждого индивида. Вместе с тем осуществление права не представляется возможным без соответствующей охраны и защиты. Согласно цивилистическому учению профессоров В. А. Тархова и В. А. Рыбакова, необходимо четко разграничивать охрану и защиту прав, так как охрана осуществляется постоянно, а к защите приходится прибегать лишь при нарушении либо угрозе нарушения прав, свобод и законных интересов [1; 2]. Хотелось бы упомянуть, что В. А. Тархов придерживался мнения о невозможности существования защиты права собственности в качестве самостоятельного субъективного права [3, с. 257], меры же защиты могут применяться при отсутствии правонарушения и не быть связанными с санкциями тем более неблагоприятными последствиями [3, с. 258].

Изучая феномен права на жилище, многие авторы-правоведы обращаются к истории его возникновения и закрепления в Основном Законе государства. Например, В. Н. Литовкин выделяет основные черты сущности права граждан на жилище, сравнивая нормы, декларирующие рассматриваемое право в Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции РФ 1993 г. Таким образом, можно сделать вывод о том, что права граждан на жилище в советский и постсоветский периоды существенно различаются.

Для полного понимания сути и значения права на жилище необходимо провести анализ его исторического развития. В начале XX в., в первом Основном Законе государства 1918 г., не было закреплено никаких прав и свобод граждан, включая жилищные. Однако с принятием Конституции СССР 1936 г., затем Конституции РСФСР 1937 г. право на неприкосновенность жилища было признано наряду с другими демократическими правами граждан. Между тем если в ст. 118–126 Конституции СССР основные права и свободы трудящихся не только декларируются, но и обеспечиваются, то в ст. 128 содержатся лишь указания на охрану права на неприкосновенность жилища. Конституция РСФСР 1938 г. была копией предыдущей. Утверждать, что в тот период право на жилище вообще отсутствовало, нельзя. Оно изучалось и анализировалось учеными-цивилистами на основании действующего законодательства и первоначально понятия «право на жилище» и «право на жилое помещение» употреблялись как равнозначные, подразумевающие право нуждающегося в жилье [4, с. 18–19].

Однако с развитием общества и усилением роли личности в нем, право на жилище стало приобретать все большее значение. С принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. впервые закрепляется гражданское право на жилище¹. Это свидетельствует о том, что жилищные права стали признаваться не только как неотъемлемая потребность человека, но и как важный элемент социальной защиты населения. Однако, с одной стороны, определялись гарантии охраны имущественных прав: никто не мог быть лишен имущества иначе как по решению суда, с другой стороны, закреплялось господство социалистической собственности, согласно которому личная собственность не должна была служить для извлечения нетрудовых доходов. Право на жилище не просто провозглашалось, в это время устанавливалась обязанность государства по обеспечению жилыми помещениями всех советских граждан (ст. 58 Конституции

¹ См. ст. 44 Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. (Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617).

РСФСР 1978 г.). Профессор В. А. Тархов отмечает, что по Конституции СССР (ст. 44) право на жилище обеспечивается «...справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ, невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги...» [5, с. 242].

В 80-е гг. XX в. был популярен лозунг: «Каждой советской семье — отдельную квартиру» [6]. Обеспечение жильем могло происходить несколькими способами, включая предоставление жилых помещений из государственного жилищного фонда в расчете норм предоставления жилых помещений, установленных законодательством; приобретение квартиры в собственность путем выплаты паевых взносов в ЖСК по норме предоставления площади жилого помещения, установленным законом; совершение договора купли-продажи без ограничений по площади.

Интересный момент: до 80-х гг. XX в. по наследству переходили только жилые дома, но не квартиры (ст. 105–106 ГК РСФСР 1964 г.), а в наследственную массу квартира стала входить лишь с принятием Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик 1981 г. и Жилищного кодекса РСФСР 1983 г. Следовательно, в то время государство принимало на себя обязанность по обеспечению жилой площадью всех советских граждан. Конечно, ее распределение осуществлялось под общественным контролем. Кроме того, право на жилище советского периода предполагало и гарантии невысокой платы за квартиру и коммунальные услуги. В этом отношении примечательно высказывание Л. М. Пчелинцевой: «Конституционное право на жилище является субъективным правом, порождающим вполне определенные обязанности государства обеспечить благоприятные условия гражданам для его беспрепятственного осуществления...» [7, с. 13].

В постсоветский период, с принятием Конституции РФ 1993 г., право на жилище получило еще большее законодательное закрепление. Впервые предусматриваются гарантии прав и свобод человека и механизм их правовой защиты. Высшей ценностью провозглашается человек, а главной обязанностью государства становится соблюдение его прав и свобод¹. В настоящее время Основной Закон РФ, конечно, провозглашает и право граждан на жилище. В ст. 40 Конституции гарантируется каждому право на жилое помещение и защиту от его незаконного захвата и использования. Кроме того, в России принимаются специальные законы, регулирующие отношения в сфере жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Государство всячески поощряет жилищное строительство, в частности принимаются программы по обеспечению жильем отдельных категорий граждан. Малоимущие граждане, не обеспеченные жилыми помещениями, могут встать на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Различие советских Конституций СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. и постсоветской Конституции РФ 1993 г. заключается в следующем: если в советский период жильем предоставлялось всем семьям и решение жилищной проблемы советских граждан было обязанностью государства, то с принятием постсоветского Основного Закона проблема обеспеченности «крышей над головой» переключалась на плечи самих граждан. По мнению Л. Ю. Рамзаевой, «...в свете

¹ См. ст. 2 Конституции РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (URL: <http://pravo.gov.ru>).

положений Конституции РФ жилищное законодательство значительно расширило права граждан, повысило гарантии их охраны. В частности, жилье должно предоставляться, как правило, в виде отдельной квартиры на семью; не предусматривается изъятия у нанимателя излишков жилой площади... В связи с переходом к рыночным отношениям и стремлением создать рыночный фонд жилых помещений государство желает переложить строительство жилья на субъекты Федерации, муниципалитеты и граждан, нуждающихся в жилье...» [8, с. 117].

Важно отметить, что право на жилище остается неисчерпаемым и государство несет ответственность за его реализацию. Тем не менее со временем право на получение жилых помещений по договору найма социального жилья получили и граждане, не признанные малоимущими, но и не имеющие возможность на приобретение жилого помещения за счет собственных средств или ипотечного кредитования. Речь идет о договоре найма жилого помещения в фонде социального использования в так называемых наемных домах. Таким образом, государство создает условия для осуществления гражданами права на жилище, но реализация этого права зависит от самих граждан и их финансовой возможности.

Конституция Российской Федерации 1993 г. является одним из самых прогрессивных документов в области гарантий прав и свобод человека. Она устанавливает высшую ценность — человека и обязывает государство соблюдать его права и свободы, включая право на жилище. Статья 40 Конституции РФ декларирует, что каждый гражданин Российской Федерации имеет право на жилище, которое не может быть отчуждено или передано.

Однако необходимо отметить, что понятие жилища имеет различную трактовку в Конституции РФ и Жилищном кодексе. Понимание рассматриваемого объекта в зависимости от отрасли права расценивается учеными-правоведами как общее и частное [9–11]. В Конституции термин «жилище» охватывает жилые и нежилые помещения, а также временные конструкции. Кроме того, к ним относятся и сборно-разборные конструкции, такие как чумы или яранги у кочевых народов, а также пещеры, шатры и другие объекты, в которых человек может постоянно или временно проживать. Однако в Жилищном кодексе под жилищем понимаются только жилые помещения, перечень которых зафиксирован нормами Жилищного кодекса РФ и расширительному толкованию не подлежит: частные дома, квартиры и комнаты. Соответственно, если в общеконституционном смысле анализировать понятие жилище, то у физического лица помимо права на жилище возникают и права на его неприкосновенность, на недопустимость его произвольного лишения, которые распространяются не только на объекты жилищного права, но на объекты, не имеющие ничего общего с жилыми помещениями и существующими только ради восполнения потребности человека «иметь свой угол». Между тем государство должно обеспечивать гражданам право на жилье независимо от трактовки и защищать их от произвольного лишения жилища.

Постановлением Второго Арбитражного Апелляционного Суда¹ предусмотрено, что «...право каждого на жилище, как оно закреплено Конституцией РФ и предусмотрено нормами международного права, опирается на выраженный в предписаниях статей 2, 17–19 и 21 Конституции РФ принцип, в силу которого человек является высшей ценностью и никто не может служить основанием для

¹ См.: Постановление Второго Арбитражного Апелляционного Суда от 21 сентября 2022 г. № 02АП-6919/2022, А28-6222/2016 Дело А28-6222/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=125417#СУНМgfTwBK9T5opm> (дата обращения: 10.10.2023).

умаления его достоинства как субъекта гражданского общества, чьи права и свободы во всей их полноте находятся под защитой Конституции РФ, а следовательно, исключается отношение к нему лишь как к объекту внешнего воздействия...». Конституционное право на жилище существует само по себе и составляет основу правового статуса гражданина в совокупности с другими основополагающими правами. В этом смысле считаем необходимым проанализировать обязанности государства по предоставлению жилых помещений отдельным категориям граждан. Возникает вопрос, если гражданин проживает в нежилом помещении, считается ли это выполненной обязанностью государства по обеспечению возможности для человека и гражданина иметь «место жительства»? Ведь помещение, имеющее статус нежилого, не всегда может быть пригодным для проживания. Например, такие объекты, как, апартаменты, не относятся к жилым помещениям¹, но условия проживания в них могут быть во много раз лучше, чем в помещениях, признаваемых государством жилыми; или гаражи, переоборудованные под помещения, пригодные для проживания² (часто по наличию удобств они могут быть гораздо комфортабельнее жилых помещений, отвечающих требованиям законодательства)³. Правовое регулирование указанных объектов и применение к ним по аналогии правил как к жилым помогло бы защитить права граждан, проживающих в указанных помещениях, на неприкосновенность жилища, защиту от возможности наложения взыскания на единственное помещение постоянного проживания, если, например, в таком объекте проживает семья с детьми. Некоторые шаги в плане защиты конституционного права на жилище были предприняты Верховным Судом РФ. В Постановлении «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина»⁴ жилищем признаются не только объекты жилищного права, но и иные помещения или строения, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т.п.). Вместе с тем граждане, проживающие в указанных объектах, могут быть признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий. Но о каком улучшении жилищных условий может идти речь, если это помещение, по сути, отвечает требованиям, предъявляемым к жилым, но не признано таковым по каким-либо объективным причинам? Представляется возможным отнести подобные помещения к жилым с присвоением соответствующего правового статуса

¹ См.: *Мирошкина Е.* Чем апартаменты отличаются от квартиры. С точки зрения закона и права // Тинькофф журнал. URL: <https://journal.tinkoff.ru/opasnosti-apartamentov/>; *Вараксин М.* Апартаменты: законы и судебная практика // Право.ru. 17.01.2022. URL: <https://pravo.ru/story/236165/> (дата обращения: 10.10.2023).

² См.: *Писарева А.* Гараж вместо квартиры. Как это делается? // Дром. 11.01.2020. URL: <https://www.drom.ru/info/misc/73386.html>; *Матвеева У.* Жилой гараж: правила перевода из нежилого в жилое. Что собой представляют жилые гаражи, по каким технологиям возводят постройки // Малоэтажная страна. 17.04.2020. URL: <https://m-strana.ru/articles/zhiloy-garazh/> (дата обращения: 10.10.2023).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» (в ред. от 28 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 6, ст. 702; 2022. № 40, ст. 6832.

⁴ См. п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (Российская газета. 2019. 9 янв.).

по аналогии с гражданским законодательством, где, например, к недвижимому имуществу относятся движимые объекты, такие как воздушные, морские суда¹.

Хотелось бы отметить, что с момента принятия Конституции РФ прошло уже 30 лет. Однако, несмотря на множество государственных программ, направленных на обеспечение доступности жилья, удовлетворение рассматриваемых потребностей путем приобретения жилых помещений за счет собственных средств доступно только узкому кругу лиц с высоким уровнем дохода. Поэтому в настоящее время граждане стараются воспользоваться льготами по обеспечению жилыми помещениями на государственном уровне. К сожалению, на местах продолжают «попираться» права на обеспечение жильем при содействии государства даже тех категорий граждан, которые по своему социальному статусу могут относиться к льготникам.

За последнее время было вынесено довольно большое количество постановлений, содержащих правовые позиции Конституционного Суда РФ, направленные на защиту конституционного права на жилище таких граждан. Например, абз. 12 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» был признан не соответствующим Конституции РФ, поскольку в силу своей неопределенности не решает вопрос о порядке и условиях предоставления жилища гражданам соответствующей категории. Например, гражданин РСФСР, проходил военную службу по контракту. В результате произошедшей в стране смены политической власти он стал гражданином другого государства, продолжив между тем службу в Российской Федерации. Однако, выйдя в отставку, в предоставлении государственных гарантий на получение жилья ему было отказано².

Еще одним примером может служить улучшение жилищных условий с использованием материнского капитала. Так, гражданка Д. хотела реконструировать принадлежащую ей на праве частной собственности квартиру в двухквартирном жилом доме в целях улучшения жилищных условий. Заявителю было первоначально отказано в такой реконструкции по причине возможности ее проведения только в индивидуальном жилом строении³.

Таким образом, право на жилище является неотъемлемой частью прав человека и гражданина, которое имеет длительную историю своего развития. Оно не только обеспечивает удовлетворение жилищных потребностей каждого индивида, но и выступает важным элементом социальной защиты населения. В. А. Тархов также указывал на необходимость существования благоприятных условий в качестве гарантий осуществления гражданских прав человеком, к которым в числе прочих относятся твердые цены и контроль за качеством предоставляемых товаров, работ и услуг [5, с. 587]. Данное положение применимо и к реализации права пользования жилищем, которое не представляется возможным без удовлетворения потребностей человека в получении доступных по цене коммунальных услуг надлежащего качества.

¹ См. ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) (СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2022. № 16, ст. 2601).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 октября 2022 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности абзаца двенадцатого пункта 1 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в связи с жалобой гражданина А. А. Степаняна» // СЗ РФ. 2022. № 44, ст. 7654.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с жалобой гражданки А. А. Дробковой» // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 3, ст. 496.

Содержание права на жилище в современный период означает возможность индивида пользоваться жильем, приобретенным им на законном основании, неприкосновенность которого охраняется государством. Согласимся с И.А. Фаршатовым, что это достаточно односторонний подход к содержанию права на жилище [12, с. 11].

В заключение можно сделать вывод о том, что на современном этапе государство не обременено обязанностью по предоставлению жилья всем и каждому, как было в советский период. На практике существует множество проблем, связанных с реализацией и защитой права граждан на жилище. Реализовать это право в настоящее время полностью за счет собственных средств под силу только гражданам, имеющим достаток выше среднего. Большинство россиян не могут приобрести жилое помещение без поддержки государства. Помимо изложенного, одним из направлений государственного регулирования на современном этапе является реализация демографической политики¹, возможность осуществления которой напрямую связана с дальнейшим совершенствованием, в том числе жилищного права. Проблема рождаемости и повышения демографии не будет решена, пока граждане не прочувствуют поддержку и защиту со стороны государства в жилищной сфере. Предлагается учесть опыт Советского государства и возродить институт социального жилья, расширить перечень категорий граждан, имеющих право на обеспечение жилыми помещениями.

Библиографический список

1. Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект. Рязань: Концепция, 2016. 144 с.
2. Рыбаков В.А. О дозволительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 86–89.
3. Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 1998. 328 с.
4. Грибанов В.П., Кабалкин А.Ю. Жилищные права советских граждан. М.: Знание, 1964. 95 с.
5. Тархов В.А. Избранные труды. М.: Юрист, 2008. 630 с.
6. Чеботарев А. Правда и анекдот о квартирном вопросе. Памяти программы «Жилье-2000» // Аргументы и факты. 2016. 17 апреля.
7. Пчелинцева Л.М. Право на жилище военнослужащих: теоретические аспекты и проблемы реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 53 с.
8. Рамзаева Л.Ю. Конституционное право на жилище // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции России): междунар. науч.-практ. конф. (1–3 октября 2003 г.): в 3 ч. Ч. 2. Саратов: СЮИ МВД России, 2004. С. 116–117.
9. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перер. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. 703 с.
10. Халдеев А.В. Соотношение правовых категорий «жилое помещение» и «жилище»: теоретические и практические аспекты // Жилищное право. 2006. № 6. С. 38–45.
11. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Н. Литовкина. М.: Велби; Проспект, 2005. 300 с.
12. Фаршатов И.А. Жилищное законодательство: практика применения, теоретические вопросы. М.: ИНФРА-М, 2001. 271 с.

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 1 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 42, ст. 5009; 2014. № 27, ст. 3754.

References

1. *Mechetina T.A., Rybakov V.A., Rybakov V.V.* The Doctrine of Forms of Behavior: a Civilizational Aspect. Ryazan: Concept, 2016. 144 p.
2. *Rybakov V.A.* On the Permissive Method and the Dispositive Type of Legal Regulation // *Legal science*. 2016. No. 4. P. 86–89.
3. *Tarkhov V.A.* Civil law. The course. The general part. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998. 328 p.
4. *Gribanov V.P., Kabalkin A.Yu.* Housing Rights of Soviet Citizens. M.: Znanie, 1964. 95 p.
5. *Tarkhov V.A.* Selected works M.: Lawyer, 2008. 630 p.
6. *Chebotareva A.* The Truth and an Anecdote About the Housing Issue. To the Memory of the Program “Housing-2000” // *Arguments and facts*. 2016. 17 April.
7. *Pchelintseva L.M.* The Right to Housing for Military Personnel: Theoretical Aspects and Problems of Implementation: extended abstract of diss. ... doc. of law. M., 2004. 53 p.
8. *Ramzaeva L.Y.* Constitutional Right to Housing // *Constitutional and Legal System of the Russian Federation and Modern Legislation: problems of Implementation and Trends of Development (for the 10th anniversary of the Constitution of Russia): International Scientific and Practical Conference (October 1–3, 2003)*. Part 2. Saratov: SLI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 116–117.
9. *Large Legal Dictionary* / ed. by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., revised and suppl. M.: INFRA-M, 2004. 703 p.
10. *Khaldeev A.V.* The Ratio of the Legal Categories of “Bourgeois Housing” and “Housing”: Theoretical and Practical Aspects // *Housing law*. 2006. No. 6. P. 38–45.
11. *Comments on the Housing Code of the Russian Federation* / ed. by V.N.Litovkin. M.: Velbi; Prospect, 2005. 300 p.
12. *Farshatov I.A.* Housing Legislation: Application Practice, Theoretical Issues. M.: INFRA-M, 2001. 271 p.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-122-127

УДК 347.9

Т.В. Соловьева

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛ В СВЕТЕ ОПТИМИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение: оптимизация гражданского судопроизводства осуществляется посредством внесения изменений и дополнений в гражданское процессуальное законодательство в целях упрощения процесса получения судебной защиты нарушенных прав. **Цель** — определить действительные формы упрощенного рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции. **Методологическая основа:** диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ судебной практики. **Результаты:** в современных условиях в рамках гражданского судопроизводства можно говорить о нескольких нестандартных формах рассмотрения и разрешения дел в рамках искового производства, в частности упрощенное производство (гл. 22.1 ГПК РФ), рассмотрение дела в отсутствие ответчика (ст. 167 ГПК РФ) и заочное производство (гл. 22 ГПК РФ). **Выводы:** проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в современных условиях заочное производство не в полной мере отвечает тенденции упрощения/ускорения в рамках оптимизации гражданского судопроизводства. Определено, что к упрощенным формам разрешения исковых дел стоит относить рассмотрение дела в отсутствие ответчика (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ) и упрощенное производство (гл. 22.1 ГПК РФ).

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, оптимизация, исковое производство, упрощенное производство, заочное производство.

T.V. Solovieva

SIMPLIFIED FORMS OF CONSIDERATION AND RESOLUTION OF CASES IN THE LIGHT OF OPTIMIZATION OF CIVIL PROCEEDINGS

Background: optimization of civil proceedings is carried out by introducing amendments and additions to civil procedural legislation in order to simplify the process of obtaining judicial protection of violated rights. **Objective** — to determine the actual forms of simplified consideration and resolution of civil cases by courts of general jurisdiction. **Methodology:** dialectical method, formal legal and comparative legal methods, method of analysis of judicial practice. **Results:** in modern conditions, within the framework

© Соловьева Татьяна Владимировна, 2023

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: s80tv@mail.ru

© Solovieva Tatiana Vladimirovna, 2023

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

of civil proceedings, we can talk about several non-standard forms of consideration and resolution of cases in the framework of claim proceedings, in particular, simplified proceedings (Chapter 22.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation), consideration of the case in the absence of the defendant (Article 167 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) and correspondence proceedings (Chapter 22 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation). Conclusions: the analysis made it possible to conclude that in modern conditions, correspondence proceedings do not fully meet the trend of simplification/acceleration in the optimization of civil proceedings. It is determined that the simplified forms of resolving claim cases should include consideration of the case in the absence of the defendant (Part 4 of Article 167 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) and simplified proceedings (Chapter 22.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation).

Keywords: *civil proceedings, optimization, claim proceedings, simplified proceedings, correspondence proceedings.*

Гражданское процессуальное законодательство находится в постоянном процессе совершенствования путем внесения изменений и дополнений законодателем в целях оптимизации гражданского судопроизводства. Оптимизация становилась объектом исследования различных ученых. Например, Е.А. Царегородцева определяет оптимизацию как «создание механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, предоставляющего выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия» [1, с. 6]. В.В. Шпак под оптимизацией предлагает понимать функции законодательных и судебных органов, где под законодательной формой оптимизации стоит понимать функцию законодательных органов, посредством реализации которой вносятся изменения и дополнения в действующие нормативные правовые акты, а под судебной — деятельность Верховного Суда РФ, связанную с разъяснением законодательных актов в целях преодоления имеющихся в них пробелов и разрешения коллизий [2, с. 4].

В общеупотребительном значении оптимизация представляет собой процесс, в результате которого происходит улучшение состояния чего-либо. Применительно к гражданскому судопроизводству в самом общем виде оптимизацию можно определить как процесс создания наиболее лучших условий предоставления судебной защиты заинтересованным субъектам.

Оптимизация гражданского судопроизводства осуществляется путем введения новых институтов, норм, а также изменения действующих нормативных предписаний. Упрощение выступает одной из современных тенденций развития гражданского процессуального права, а также одним из способов оптимизации гражданского судопроизводства. Упрощение происходит через исключение отдельных норм из содержания ГПК РФ и включение в него новых предписаний. Так, в качестве упрощения можно назвать предоставленную возможностям мировым судьям принимать решение, вынося только его резолютивную часть (ч. 3 ст. 199); исключение принципа непрерывности из ГПК РФ (ст. 157), включение в содержание ГПК РФ гл. 22.1 «Упрощенное производство»¹.

В настоящее время в ГПК РФ содержится несколько форм рассмотрения и разрешения гражданских дел в нестандартном порядке. Существует мнение, что к ним

¹ См.: Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10, ст. 1319.

относятся судебный приказ, заочное производство, упрощенное производство и такое объединение происходит по предметному критерию [3, с. 27–49]. Полагаем, данная позиция является не вполне обоснованной, так как судебный приказ принимается в рамках приказного производства, которое выступает самостоятельным видом судопроизводства и отличается от иных отсутствием спора о праве. Заочное и упрощенное производство не выступают самостоятельными видами гражданского судопроизводства, а представляют собой формы искового производства. В связи с этим проанализируем заочное и упрощенное производство, а также порядок рассмотрения заявленных требований по правилам ч. 4 ст. 167 ГПК РФ.

Заочное производство изучается исследователями как один из способов оптимизации гражданского судопроизводства [4; 5], что представляется не вполне обоснованным. Данное производство имеет длительную историю становления и развития. Первое упоминание о заочном порядке рассмотрения и разрешения дел содержалось в гл. 8 «О заочном решении и протоколах» Устава гражданского судопроизводства¹, в которой устанавливалось, что суд может вынести решение при неявке в суд ответчика и непредоставления им объяснений по делу при согласии истца. В дальнейшем ГПК РСФСР 1923 г.² и первоначальная редакция ГПК РСФСР 1964 г.³ не содержали понятия заочного производства. И лишь в 1995 г. в ГПК РСФСР 1964 г. была внесена глава «Заочное решение»⁴. В современном ГПК РФ заочное производство представляет собой подвид классического искового производства, в рамках которого происходит рассмотрение и разрешение заявленных требований без участия ответчика, надлежащим образом извещенного, при наличии согласия истца. Отметим, что в рамках арбитражного производства возможность рассмотрения и разрешения дел в заочном порядке не предусмотрена.

Если оценивать заочное производство с позиции оптимизации, то можно выявить некоторые положительные моменты, которые способствуют быстрому и правильному разрешению дел. Во-первых, принятие решения судом только на основании объяснений истца и представленных возражений ответчика до начала судебного разбирательства. Во-вторых, невозможность реализации отдельных диспозитивных прав (изменение предмета или основания иска, увеличение исковых требований и пр.). Указанные моменты исключают состязание сторон, что положительно сказывается на своевременном вынесении решения судом и получении истцом защиты своих прав в разумный срок.

Однако стоит учитывать и негативные моменты, которые характеризуют порядок рассмотрения и разрешения требований в заочном производстве. Во-первых, ограниченное действие основных принципов гражданского судопроизводства, таких как состязательность, процессуальное равенство. Во-вторых, увеличенный срок для обжалования решения истцом, поскольку реализовать такое право он может только по истечении сроков направления ответчику за-

¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая // Классика российского права. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3.html>

² См.: Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР) (в ред. от 31 января 1958 г.) // СУ РСФСР. 1923. № 46–47, ст. 478.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

⁴ См.: Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1995. № 49, ст. 4696 (утратил силу с 1 июля 2003 г. в связи с введением в действие ГПК РФ 2002 г.).

очного решения, подачи заявления об отмене заочного решения. В-третьих, в случае отмены заочного решения по заявлению ответчика рассмотрение и разрешение дела начинается с самого начала по общим правилам искового производства, что в целом негативно сказывается на общем сроке судопроизводства, то есть фактически требования рассматриваются дважды и общий срок может увеличиться вдвое.

Отметим, что в науке гражданского процессуального права отношение к заочному производству неоднозначное. Ученые отмечают, что институт заочного производства — это ускоренная форма правосудия со всеми существенными признаками судебной деятельности [6, с. 181–182], которая препятствует злоупотреблению ответчиком своими процессуальными правами [4, с. 45–46]. Другие же указывают, что «нет оснований рассматривать заочное производство по ГПК РФ в контексте упрощенных процедур или какого-то мифического ускорения процесса», поскольку упрощение и ускорение не являются целями заочного производства, так как его задача состоит в обеспечении права на «использование цивилистической процессуальной формы в полном объеме при судебном разбирательстве дела» [3, с. 27–49]. В свою очередь В. Е. Грановский категорично заявляет, что «институт заочного производства не только не выполняет своих задач (оптимизация судебного процесса, ускорение рассмотрения дела), но и создает дополнительные возможности ответчику для затягивания судебного разбирательства» [7, с. 59]. Полагаем, что в современных условиях заочное производство несколько утратило свое предназначение, ведь быстрое рассмотрение и разрешение дела при отсутствии ответчика достигается не во всех случаях.

Кроме того, на основании ст. 167 ГПК РФ суду предоставлено право рассматривать дело и принимать решение в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного и не просившего о рассмотрении дела в случае его неявки. Данная норма предполагает принятие обычного судебного решения, срок для обжалования которого составляет один месяц. В отличие от заочного производства принятие решения на основании этой нормы не требует получения судом согласия истца. При обращении к АПК РФ необходимо акцентировать внимание на предоставленную законодателем аналогичную ст. 167 ГПК РФ возможность арбитражному суду разрешить требования и принять решение в случае отсутствия ответчика (ст. 156 АПК РФ). Полагаем, что данный порядок рассмотрения и разрешения дел в отсутствие ответчика можно также отнести к упрощенным формам судопроизводства, поскольку классического состязания сторон не происходит. При сравнении с заочным производством такой порядок имеет некоторые преимущества. Во-первых, нет необходимости для суда истребовать от истца согласие на принятие решения в отсутствие ответчика. Во-вторых, возможность для истца реализовать свое право на апелляционное обжалование в обычном порядке, то есть в течение одного месяца.

Упрощенное производство, так же как и заочное, выступает подвидом искового производства. «Упрощенное производство представляет собой специальный порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 21.1 ГПК РФ и главой 29 АПК РФ, согласно которым судами общей юрисдикции рассматриваются дела искового производства, а арбитражными судами рассматриваются дела искового производства и производства по делам, возникающим из администра-

тивных и иных публичных правоотношений»¹. Суть упрощенного производства заключается в его письменном характере, то есть принятие судебного решения происходит после исследования всех заявленных требований/возражений и представленных доказательств без участия сторон.

В качестве положительных моментов упрощенного производства можно назвать следующие: четко определенные сроки предоставления документов: первичный срок (пятнадцать дней) и последующий (тридцать дней) (ст. 232.3 ГПК РФ); отсутствие непосредственного состязания сторон, так как стороны предоставляют документы посредством их направления суду и противоположной стороне; сокращенный срок для обжалования судебного решения составляет пятнадцать дней (ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ). Несмотря на положительные аспекты упрощенного производства, которые позитивно отражаются на получении защиты нарушенного права заинтересованным субъектом, необходимо выделить и отрицательные: ввиду отсутствия судебного заседания стороны не имеют возможность реализовать отдельные диспозитивные права; принятие решения путем вынесения резолютивной части несколько затрудняет реализацию права на апелляционное обжалование. В связи с этим упрощенное производство стоит охарактеризовать как прогрессивную форму судебной защиты, которая в полном объеме соответствует цели оптимизации гражданского судопроизводства.

Таким образом, в настоящий момент можно констатировать наличие в ГПК РФ трех форм нестандартного рассмотрения и разрешения дел в рамках искового производства: упрощенное производство (гл. 22.1), рассмотрение дела в отсутствие ответчика (ст. 167) и заочное производство (гл. 22). Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время заочное производство не в полной мере отвечает тенденции упрощения/ускорения в рамках оптимизации гражданского судопроизводства, поскольку в отдельных случаях (при отмене заочного решения) не способствует решению задачи гражданского судопроизводства, направленной на своевременное разрешение дела. В связи с этим целесообразно к упрощенным формам разрешения исковых дел относить рассмотрение дела в отсутствие ответчика (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ) и упрощенное производство (гл. 22.1 ГПК РФ).

Библиографический список

1. Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
2. Шпак В.В. Оптимизация гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 22 с.
3. Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.
4. Царегородцева Е.А. Реформирование заочного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 45–46.
5. Артизанов А.И. Институт заочного производства в свете принципа процессуальной экономии // Российский судья. 2021. № 2. С. 61–64.
6. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.: Норма, 1999. 302 с.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (в ред. от 5 апреля 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6; 2022. № 6.

7. Грановский В.Е. Актуальность заочного производства в гражданском процессе // Современное право. 2019. № 2. С. 58–62.

References

1. *Tsaregorodtseva E.A.* Ways to Optimize Civil Proceedings: extended abstract. of diss. ... of cand. of law. Yekaterinburg, 2006. 24 p.
2. *Shpak V.V.* Optimization of Civil Proceedings: extended abstract. of diss. ... of cand. of law. Saratov, 2019. 22 p.
3. *Sakhnova T.V.* “Incomplete” Judicial Procedures in the Modern Civil Process // Bulletin of Civil Procedure. 2021. No. 4. P. 27–49.
4. *Tsaregorodtseva E.A.* Reforming of Correspondence Proceedings // Arbitration and Civil procedure. 2017. No. 12. P. 45–46.
5. *Artizanov A.I.* Institute of Correspondence Proceedings in the Light of the Principle of Procedural Economy // Russian Judge. 2021. No. 2. P. 61–64.
6. *Reshetnikova I.V., Yarkov V.V.* Civil Law and Civil Procedure in Modern Russia. М.: Norm, 1999. 302 p.
7. *Granovsky V.E.* The Relevance of Correspondence Proceedings in Civil Procedure // Modern Law. 2019. No. 2. P. 58–62.

О.А. Бахарева, Г.И. Вершинина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДОМ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ, ЗАТРАГИВАЮЩИМ ИНТЕРЕСЫ ДЕТЕЙ

Введение: рассмотрены некоторые аспекты применения мер обеспечения искового требования по семейным делам, которые связаны с воспитанием детей. Отдельные вопросы данного института остаются недостаточно урегулированными, в связи с чем исследование особенностей порядка применения обеспечительных мер является необходимым. **Цель** — проанализировать отдельные вопросы, возникающие в ходе применения обеспечительных мер в процессе рассмотрения судом дел, связанных с воспитанием детей. **Методологическая основа:** методы научного познания общего характера (логический и системный анализ, синтез), частноправовые методы познания (юридико-технический, сравнительное правоведение). **Результаты:** выявлены проблемы, возникающие в ходе применения мер по обеспечению иска по гражданским делам, связанным с воспитанием детей. Для разрешения выявленных проблем предложено внести изменения и дополнения в положения гражданского процессуального законодательства. **Выводы:** исследование проблем, возникающих при применении судом обеспечительных мер по делам, связанным с воспитанием детей, позволило предложить варианты их разрешения путем внесения дополнений в гл. 13 ГПК РФ.

Ключевые слова: суд, лица, участвующие в деле, гражданское судопроизводство, исковое заявление, заявление об обеспечении иска, родители, воспитание детей, обеспечительные меры, гарантия защиты прав.

O.A. Bakhareva, G.I. Vershinina

SOME ASPECTS OF THE APPLICATION OF INTERIM MEASURES BY THE COURT IN FAMILY CASES, AFFECTING THE INTERESTS OF CHILDREN

Background: some aspects of application of measures to secure a claim in family cases related to the upbringing of children are considered. Certain issues of this institute remain insufficiently regulated, in this regard, the study of the peculiarities of the procedure of application of interim measures is necessary. **Objective** — analyze certain issues arising in the application of interim measures in the process of court consideration of matters related to the upbringing of children **Methodology:** methods of scientific cognition of a general nature (logical and system analysis, synthesis), private legal methods of cognition (legal-technical, comparative jurisprudence). **Results:** problems

© Бахарева Ольга Александровна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.25.09@yandex.ru

© Вершинина Галина Ильинична, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru

© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Civil Procedure Department (Saratov State Law Academy)

© Vershinina Galina Ilyinichna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Civil Procedure Department (Saratov State Law Academy)

arising in the course of application of measures to secure a claim in civil cases related to the upbringing of children have been identified. In order to resolve the identified problems it is proposed to make amendments and additions to the provisions of civil procedural legislation. Conclusions: the study of problems arising in the application by the court of interim measures in cases related to the upbringing of children has made it possible to propose options for their resolution through the introduction of additions to Chapter 13 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: court, persons involved in the case, civil proceedings, statement of claim, statement of claim, parents, upbringing of children, interim measures, guarantee of protection of rights.

Споры, вытекающие из семейных правоотношений, особенно связанные с воспитанием детей, порождают различные проблемные вопросы, что не случайно, поскольку защите подлежат права и интересы особой группы субъектов правоотношений — детей, а также их родителей и близких родственников. К спорным делам, так или иначе касающимся воспитания детей, относятся споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ¹), об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ), об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ), о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения (п. 1 ст. 68 СК РФ), о возврате опекунам (попечителям) подопечного от любых лиц, удерживающих у себя ребенка без законных оснований (п. 2 ст. 150 СК РФ), о возврате приемному родителю ребенка, удерживаемого другими лицами не на основании закона или судебного решения (п. 3 ст. 153 СК РФ), и др.²

В соответствии со ст. 55, 61, 66 СК РФ ребенок имеет право на общение с обоими родителями. В случае их раздельного проживания он также имеет право на общение с близкими родственниками. Родитель, с которым проживает ребенок, не вправе чинить препятствий и каким-либо образом противодействовать встречам ребенка со вторым родителем, конечно, если такие взаимоотношения не принесут ребенку физических и психических страданий. Родитель, проживающий отдельно от ребенка, вправе получать информацию о последнем из воспитательных, лечебных учреждений, а также учреждений социальной защиты населения.

В целях предотвращения нарушения законных прав, свобод и интересов не только ребенка, но и родителей, а также создания условий, позволяющих надлежаще исполнять решение, которое будет принято судом, действующее законодательство допускает применение обеспечительных мер при рассмотрении споров, касающихся воспитания детей, и детально регламентирует положениями ст. 244.13 гл. 13 во взаимосвязи с ч. 6.1 ст. 152 и п. 3 ст. 65, п. 2 ст. 66, ст. 108 ГПК РФ³.

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2022. № 52, ст. 9368.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (в ред. от 26 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7; 2018. № 4.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 26, ст. 4687; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

Применение обеспечительных мер в рамках гражданского судопроизводства представляет собой эффективный способ, позволяющий осуществить защиту прав и интересов лиц, участвующих в деле, а также гарантировать исполнение будущего решения суда [1, с. 135]. Применяя ту или иную меру, направленную на обеспечение искового требования, суду следует исходить из интересов ребенка и только во благо его. Целесообразно избрать оптимально верный способ обеспечительной меры еще до вынесения решения, потому как суд уже на начальном этапе рассмотрения дела осуществляет защиту прав и интересов ребенка.

Обеспечительные меры «являются средством правовой защиты, способным относительно оперативно создать условия для последующего действительного восстановления прав или предотвратить наступление возможных негативных последствий» [2, с. 3]. Учитывая сказанное А.А. Сельковой, по мнению которой при рассмотрении дел, вытекающих из семейных правоотношений, применение обеспечительных мер позитивно скажется на исполнении судебного решения.

По действующему законодательству истец, ответчик, третьи лица, прокурор, органы местного самоуправления в лице органов опеки и попечительства (ч. 1 ст. 139, ч. 6.1 ст. 152, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 ГПК РФ) вправе обратиться с заявлением о принятии обеспечительных мер одновременно с исковым заявлением, либо в ходе подготовки дела к судебному разбирательству, либо на стадии судебного разбирательства подать ходатайство об обеспечении искового требования. Инициатива об обеспечении иска может исходить и от суда (ст. 244.13 ГПК РФ). Судебный представитель обладает правом обращения с заявлением в суд с просьбой об обеспечении иска независимо от того, указано данное правомочие в доверенности или же нет (ст. 54 ГПК РФ).

В гражданском процессуальном законодательстве, в отличие от Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ и Кодекса административного судопроизводства РФ², правовое регулирование института обеспечения иска имеет определенные пробелы. Так, отсутствуют требования к содержанию заявления заинтересованного лица об обеспечении искового требования, соответственно, нет правовых последствий, связанных с их несоблюдением. Следовательно, суд не вправе оставить заявление без движения. Отсутствие регламентации позволяет свидетельствовать, что заявление имеет произвольную форму, необходимая информация указывается по усмотрению заинтересованного лица. Кроме того, ГПК РФ не содержит положений о возвращении или отказе в принятии заявления, когда имеет место подача заявления лицом, не участвующим в деле, либо отсутствие искового заявления.

В целях унификации норм процессуального законодательства (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ), регулирующего сходные правовые институты, и устранения недостатков правового регулирования применения обеспечительных мер в гражданском судопроизводстве целесообразно в гл. 13 ГПК РФ внести нормы, закрепляющие требования, предъявляемые к заявлению о принятии мер по обеспечению исковых требований, и порядок его подачи в суд, а также предусмотреть применение института оставления заявления о принятии обеспечительных мер без движения, возвращения заявления либо отказа в принятии заявления, если будут выявлены нарушения требований, предъявляемых к заявлению.

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2023. № 12, ст. 1893.

² См.: Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5775.

При принятии заявления с просьбой применить обеспечительную меру суд должен установить наличие оснований для принятия той или иной оптимальной меры (ч. 1 ст. 139 ГПК РФ), связи с предметом заявленного требования, соразмерность выбранной меры заявленному требованию, а также возможность достижения целей их применения, во-первых, необходимость применения обеспечительных мер, а во-вторых, предотвращения любых возможных нарушений прав и интересов третьих лиц (ч. 3 ст. 140 ГПК РФ).

В ряде случаев допускается совпадение назначаемой обеспечительной меры с заявляемым и рассматриваемым судом иском (установление места жительства ребенка на период до вступления в законную силу судебного решения по требованию об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей после расторжения брака (п. 3 ст. 65 СК РФ, ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ)). В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. закрепляется, что «в целях предотвращения причинения заявителю значительного ущерба обеспечительные меры могут быть направлены на сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между сторонами»¹.

Действующая редакция Гражданского процессуального кодекса РФ не предоставляет возможности суду отказать в принятии заявления об обеспечении иска конкретной обеспечительной мерой, если эта мера не связана с предметом рассматриваемого искового требования. Поэтому при отсутствии оснований для принятия судами обеспечительных мер необходимо вынести определение об отказе в принятии таких мер. С этой целью представляется правильным предусмотреть в ГПК РФ процессуальные последствия установления судом отсутствия оснований для принятия обеспечительных мер при рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска по аналогии с п. 3 ст. 93 АПК РФ [3, с. 16].

Заявление с просьбой о принятии обеспечительной меры, направленное в установленном законом порядке (ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ, ст. 57, п. 2 ст. 66 СК РФ), рассматривается в предварительном судебном заседании с обязательным участием органа опеки и попечительства и с учетом мнения ребенка, которому уже исполнилось десять лет [4, с. 284]. По результату рассмотрения заявления выносится определение, в котором устанавливается порядок общения родителя с детьми. Цель вынесения такого определения заключается в том, чтобы на время судебного разбирательства родители не были лишены возможности осуществлять свои родительские права, а также в устранении возможных препятствий к общению с ребенком. Принимаемая мера должна быть мерой, направленной на защиту родительских прав, независимо от продолжительности рассмотрения и разрешения дела в суде².

На основании ст. 139 ГПК РФ обеспечение иска возможно только после принятия дела судом к своему производству [5, с. 10]. Однако в некоторых ситуациях, когда родители пренебрегают своими обязанностями, например оставляют ребенка без присмотра, жестоко наказывают за любую провинность, необходимо предусмотреть в Гражданском процессуальном кодексе РФ процедуру применения судом предварительных обеспечительных мер по будущему иску до его предъявления

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. № 2-КГ 15-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

в суд. После подачи искового заявления предварительное обеспечение должно продолжать действовать и выступать уже как обеспечительная мера рассматриваемого искового требования. В качестве такой предварительной меры возможно использовать запрет скрывать ребенка, передавая его родственникам либо знакомым.

В процессе подготовки документов для обращения в суд с требованием о лишении родительских прав следует применять как раз предварительные обеспечительные меры в виде временного отобрания ребенка у будущего ответчика и передачу ребенка в воспитательное или лечебное учреждение либо в учреждение социальной защиты населения и другое аналогичное учреждение, если органы опеки и попечительства не применили ранее такую меру и не изолировали ребенка в порядке ст. 77 СК РФ. Необходимость применения судом такой меры может быть связана с нерадивым, а подчас и с опасным для жизни и здоровья ребенка поведением родителей. Важность принятия обеспечительных мер как можно быстрее способствует правильному и своевременному разрешению дела, что следует зафиксировать в Гражданском процессуальном кодексе РФ.

Проведя анализ действующего законодательства, можно констатировать: необходимо активно использовать обеспечительные меры при рассмотрении требований, затрагивающих интересы детей. Выбор соразмерной меры должен зависеть от предлагаемых обстоятельств в каждой конкретной ситуации и направлен на защиту прав и интересов как детей, так и их родителей.

Библиографический список

1. Иск в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для вузов / Т.В. Соловьева, О.В. Исаенкова, Н.Н. Ткачева, О.В. Николайченко; под ред. О.В. Исаенковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 208 с.
2. *Селькова А.А.* Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 27 с.
3. *Кузнецов С.А.* Актуальные проблемы применения обеспечительных мер в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5. С. 12–18.
4. *Ракитина Л.Н.* К вопросу о выборе мер по обеспечению иска в судах общей юрисдикции // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2011. Вып. 26. С. 283–287.
5. *Ткачева Н.Н.* Обеспечение иска в гражданском судопроизводстве: науч.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2011. 127 с.

References

1. The Claim in Civil Proceedings: a textbook for universities / T.V. Solovyova, O.V. Isaenkova, N.N. Tkacheva, O.V. Nikolaichenko; ed. by O.V. Isaenkova. 3rd ed., revised and supplem. M.: Yurait, 2022. 208 p.
2. *Selkova A.A.* Institute of Interim Measures in the Procedural Legislation of Russia and England: Comparative-Legal Aspect: extended abstract of diss. ... cand. of law. Yekaterinburg, 2018. 27 p.
3. *Kuznetsov S.A.* Actual Problems of the Application of Interim Measures in Civil and Arbitration Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2006. No. 5. P. 12–18.
4. *Rakitina L.N.* On the Issue of Choosing Measures to Secure a Claim in Courts of General Jurisdiction // Bulletin of Tver State University. Ser.: Law. 2011. Iss. 26. P. 283–287.
5. *Tkacheva N.N.* Securing a Claim in Civil Proceedings: a scientific and practical guide. M.: Walters Kluwer, 2011. 127 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-133-140

УДК 343.373; 343.3.7

Н.В. Желоков, К.М. Хутов

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Введение: в условиях активной цифровизации всех сфер человеческой жизни, связанных с расширением спектра внедрения беспилотных технологий, возникают проблемы с квалификацией случаев ДТП с участием высокоавтоматизированных транспортных средств. **Цель** — рассмотреть отдельные ситуации дорожно-транспортных происшествий с участием высокоавтоматизированных автомобилей. Предложить дифференциацию правовой ответственности в случаях нарушений правил дорожного движения с наступлением тяжких последствий. **Методологическая основа:** всеобщий диалектический, формально-юридический методы, индукция и дедукция, анализ и синтез. **Результаты:** в исследовании выделены несколько классов высокоавтоматизированных транспортных средств, от отдельных автоматизированных систем до полностью беспилотных автомобилей. В настоящее время наиболее широко распространены автомобили с так называемым автопилотом, поэтому авторы рассматривают различные действия водителя, составляющие объективную сторону преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства. **Выводы:** констатируется необходимость дифференциации ответственности в зависимости от класса беспилотного средства и возложения ее как на водителя, так и на диспетчера или работника программного обеспечения автомобильного компьютера и автопилота. В ситуации алгоритмизированного управления или использования искусственного интеллекта при управлении автомобилем возникают сложности с квалификацией преступления согласно нормам действующего УК РФ.

© Желоков Николай Вячеславович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zhelokov2007@mail.ru

© Хутов Казбек Мухамедович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: hutov@yandex.ru

© Zhelokov Nikolay Vyacheslavovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

© Khutov Kazbek Mukhamedovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, автопилот, ответственность водителя за ДТП, совершенное автопилотом, диспетчер дистанционного управления автомобилем.

N. V. Zhelokov, K. M. Khutov

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR TRANSPORT
CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF HIGHLY
AUTOMATED VEHICLES

Background: in the conditions of active digitalization of all spheres of human life associated with the expansion of the spectrum of the introduction of unmanned technologies, there are problems with qualification in cases of accidents involving highly automated vehicles. **Objective** — to consider individual situations of road traffic accidents involving highly automated vehicles. To propose differentiation of legal liability in cases of violations of traffic rules with the onset of grave consequences is proposed. **Methodology:** universal dialectical, formal-legal methods, induction and deduction; analysis and synthesis. **Results:** the study identifies several classes of highly automated vehicles, from individual automated systems to fully driverless vehicles. Currently, the most widely used cars are those with the so-called autopilot, so the authors consider various driver actions that constitute the objective side of a criminal violation of traffic rules and vehicle operation. **Conclusions:** the need to differentiate responsibility depending on the class of the unmanned vehicle and assign it to both the driver and the dispatcher or the software developer of the car computer and autopilot is stated. In the situation of algorithmic control or the use of artificial intelligence when driving a car, difficulties with the qualification of a crime in accordance with the norms of the current Criminal Code of the Russian Federation arise.

Keywords: unmanned vehicle, highly automated vehicle, autopilot, driver's responsibility for an accident committed by autopilot, car remote control dispatcher.

Развитие роботизированных систем и внедрение инновационных разработок в промышленность, в частности машиностроение, позволило сконструировать автономные транспортные средства (беспилотники), которые в XXI в. получили широкое распространение. С 2021 г. в России уже начала готовиться нормативная база по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. К таким следует относить как полностью беспилотные автомобили с программным или внешним управлением, так и автомобили, которые могут управляться автопилотом, но в присутствии на водительском месте лица, имеющего право управления транспортным средством и соответствующие навыки вождения. В автомобилях отдельных конструкций система автопилота (ассистента водителя) для проверки нахождения человека за рулем требует определенное давление на рулевое колесо, небольшие корректировки движения. В других же для этого необходим комплекс действий, который может быть даже связан с остановкой и выходом из автомобиля. Эксперимент по эксплуатации на российских дорогах автоматизированных автомобилей был запущен с принятием Постановления Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»¹.

12 марта 2021 г. Правительством РФ был утвержден комплекс мероприятий по тестированию и поэтапному вводу в эксплуатацию на дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС), в связи с чем Минтранс России был подготовлен проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который до настоящего времени так и не внесен в Государственную Думу РФ¹.

В литературе большинством авторов [1, с. 223; 2, с. 16] предлагается следующая классификация беспилотных транспортных средств:

ручное управление транспортным средством (в управлении автомобилем отсутствует автоматизация) — водитель самостоятельно контролирует все аспекты вождения;

вспомогательное управление — наличествует вспомогательная система рулевого или динамического управления автомобилем (в частности, система экстренного торможения, системы помощи при парковке), то есть система помогает водителю в процессе вождения, но он должен оставаться полностью вовлеченным и ответственным за принятие решений;

автоматизированное управление — автомобиль оснащен вспомогательными системами, которые помогают водителю контролировать рулевое управление и динамику автомобиля, при этом водитель отвечает за большую часть процесса вождения;

частичная автоматизация — управление автомобилем автоматизировано отчасти и водитель в любой момент готов взять контроль на себя;

высокая степень автоматизации — автоматизированная система полностью контролирует автомобиль, но водитель может подключиться к управлению в любое время;

полное автоматическое управление — автомобилем управляет автоматизированная система, которая берет на себя управление в любых условиях так же, как это делал бы человек².

Однако к высокотехнологичным беспилотным автомобилям можно отнести только последние четыре системы. Следует упомянуть о необходимости наличия внешнего дистанционного управления таким автомобилем.

Между тем в настоящее время имели место ДТП с участием автомобилей под управлением ассистента водителя. При внедрении же беспилотных автомобилей 5–6-го класса с сохранением на трассах обычных пилотируемых автомобилей и наличии массовых нарушений правил дорожного движения пешеходами можно прогнозировать актуализацию вопроса дифференциации ответственности. Так, в марте 2018 г. произошла трагедия. Беспилотный автомобиль компании Uber оказался вовлеченным в происшествие — несчастный случай, приведший к гибели женщины, которая пренебрегла безопасностью и решила перейти дорогу в неположенном месте. Согласно записи с видеорекамеры, женщина появилась на проезжей части внезапно. Более того, в этом районе отсутствовало

¹ См.: Проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=116763> (дата обращения: 16.10.2023).

² См.: Bryant Walker Smith. SAE levels of driving automation // Stanford Law School. The Center for Internet and Society. URL: <http://cyberlaw.stanford.edu/blog/2013/12/sae-levels-driving-automation> (дата обращения: 18.10.2023).

освещение, а автомобиль без водителя двигался со скоростью, превышающей 60 км/ч, вместо максимально допустимых 56 км/ч, и не предпринял попыток самостоятельного торможения. В результате полученных травм женщина скончалась в больнице¹. Это происшествие вызвало в обществе резонанс и подняло на обсуждение важный вопрос о безопасности и этических аспектах развития автоматизированных автомобилей.

При нарушении правил дорожного движения, ставшем причиной ДТП и повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего, уголовная ответственность будет наступать в соответствии со ст. 264 УК РФ. Рассмотрим вопросы квалификации содеянного и определим виновного в ДТП с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Несмотря на то, что причины ДТП с использованием высокоавтоматизированных автотранспортных средств могут быть различными, нередко презюмируется вина лица, находящегося непосредственно на водительском месте. Большинство договоров присоединения, заключаемых при покупке и эксплуатации подобных автомобилей, содержит указание на то, что рассматриваемые системы являются лишь ассистентом водителя, а не полноценным автопилотом, позволяющим без участия водителя доехать из пункта А в пункт Б. Таким образом, субъектом преступления в этих случаях будет физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и управляющее транспортным средством. Объектом преступления будет выступать безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Согласно Федеральному закону «О безопасности дорожного движения», безопасность дорожного движения — состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий². Предмет преступления — прежде всего автомобиль, но могут быть и иные механические транспортные средства.

Во всех случаях совершения данного преступления общественно опасное последствие будет наступать в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего, смерти одного или нескольких лиц.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений в основном выражается путем действий, но может и путем бездействия. В данном случае интерес представляет рассмотрение некоторых действий водителя, которые, на наш взгляд, выступают причиной наступления общественно опасных последствий.

1. Водитель может умышленно внести изменения в программную составляющую автомобильного бортового компьютера и автопилота. Так, с учетом разрешения на эксплуатацию автопилота для движения из пункта А в пункт Б в некоторых штатах США, например, владелец автомобиля может провести неофициальную «перепрошивку», снимающую блокировку на подобную эксплуатацию в Российской Федерации и странах Евросоюза. Автомобильный бортовой компьютер после этого будет пользоваться условиями эксплуатации, разрешающими полное автопилотирование.

2. Водитель может пытаться ввести в заблуждение программное обеспечение по контролю водителем движения автомобиля (в некоторых случаях достаточно размещения груза на рулевом колесе, например полуторалитровой бутылки

¹ См.: Uber освободили от уголовной ответственности за ДТП, когда беспилотник насмерть сбил женщину. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/06/073/> (дата обращения: 17.10.2023).

² См.: СЗ РФ. 1995. № 50, ст. 4873; 2023. № 29, ст. 5331.

с водой), однако через какое-то время ассистент водителя начинает требовать от него определенных действий.

3. Водитель может проигнорировать контрольные условия эксплуатации транспортного средства (несвоевременные регламентные работы по замене узлов ходовой части, рулевой или тормозной системы, обновление программного обеспечения и средств защиты автопилота, установление типа покрышек, соответствующих сезону и условиям эксплуатации).

4. Водитель может находиться в автомобиле в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, необоснованно рассчитывая на автопилот как средство управления автомобилем.

5. Водитель может своими действиями по перехвату управления автомобилем привести к потере контроля над ситуацией.

В данных случаях необходимо установление причинной связи между указанными деяниями и наступлением последствий, выраженных в причинении тяжкого вреда здоровью либо смерти одного или нескольких лиц. Как уже отмечалось, причинную связь может порождать не только действие, но и бездействие. С точки зрения А. В. Наумова, «установление причинной связи необходимо не только при совершении общественно опасного действия, но и при общественно опасном бездействии. Так же, как и действие, бездействие человека производит определенные изменения в окружающем мире» [3, с. 173].

В перечисленных случаях субъективная сторона содеянного представлена виной в форме неосторожности. Следует заметить, что при преступном легкомыслии лицо без достаточных оснований рассчитывает на предотвращение опасных последствий либо при преступной небрежности, имея реальную возможность предусмотреть (предвидеть) общественно опасные последствия, не предпринимает никаких мер по предотвращению опасных последствий. В данном случае необходимо учитывать объективный критерий — то есть критерий «долженствования» предвидеть последствия, что вытекает из правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, технических условий эксплуатации конкретной модели автомобиля, являющихся приложением к договору присоединения, гарантийных условий, условий сервисной книжки, нормативных актов, связанных с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств. Тем не менее лицо должно иметь возможность предвидеть негативные последствия, то есть как минимум быть ознакомлено с гарантийной, технической, сервисной и иной документацией.

Мотивы совершения данного преступления могут быть различными: лень, усталость, желание сэкономить либо покрасоваться перед кем-то, а в некоторых случаях использовать весь функционал транспортного средства вне зависимости от нормативных запретов.

Представляется, что при переходе на полностью беспилотные транспортные средства в связи с отсутствием водителя за рулем речь об ответственности владельца транспортного средства может идти только при несоблюдении технических условий эксплуатации или вмешательстве в программную или аппаратную часть автомобиля. По мнению К. Сазонова, «если же авария произошла с участием беспилотного автомобиля второй группы (дистанционно управляемых автомобилей. — *Прим. авт.*), то оператор должен нести ответственность за причинение вреда жизни и здоровью участников происшествия только при условии,

что он допустил ошибки. Например, неверно изменил маршрут или применил режим экстренного торможения»¹.

Как нам представляется, дистанционный оператор в подобной ситуации должен признаваться фактическим водителем и нести ответственность за совершение преступления (ст. 264 УК РФ). Основные признаки состава преступления при дистанционном управлении автомобилем будут совпадать с такими же признаками состава преступления в случае нахождения водителя в салоне автомобиля. На наш взгляд, в случае невмешательства оператора в развитие критической ситуации, он, как авиадиспетчер, должен нести уголовную ответственность за преступное бездействие, приведшее к тяжким последствиям (причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего).

Нельзя не затронуть и техническую возможность радиоэлектронного подавления или перехвата управления автомобилем в связи с террористическими и хакерскими атаками. Несмотря на установленную высокую степень защищенности программного обеспечения автомобиля, используются различного рода технические уловки для их взлома или же обхода. Подобные деяния могут быть совершены как с прямым, так и с косвенным умыслом, а в некоторых случаях — с неконкретизированным умыслом. Мотивы и цели могут быть корыстными (например, при заказе от конкурентов на «взлом» программного обеспечения определенной марки автомобилей), хулиганскими, а также ведомые жаждой мести, желанием убрать конкурента, посеяв страх среди населения, или оказать давление и т.д. Виновные должны нести соответствующую ответственность за убийство, террористический акт, вымогательство.

Нельзя не учитывать также, что причиной, приведшей к преступному ДТП, может послужить в числе прочего отказ или неправильное функционирование программного обеспечения, электронного оборудования или механики. В уголовном законодательстве Российской Федерации действует принцип личной ответственности только физических лиц, юридические лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности (между тем в теории отечественного уголовного права дискуссия об этом ведется). Однако в некоторых зарубежных странах (например, Нидерландах [4], Великобритании, США [5, с. 506], Канаде, Испании [6, с. 51], Австралии, Венгрии, Швейцарии [7, с. 56–59]) к уголовной ответственности привлекаются даже организации.

Нам импонирует высказанное научным сообществом предложение о внесении в Уголовный кодекс РФ ст. 266.1, в которой предлагается установить уголовную ответственность за производство, сбыт и выпуск в эксплуатацию систем управления беспилотным транспортным средством с техническими неисправностями. Авторы статьи выделяют лиц, ответственных за техническое состояние систем управления беспилотным транспортным средством (ч. 1), указывают на последствия, выраженные в неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью либо смерти человека (ч. 2) [8, с. 341].

Представляется, что даже в отечественных условиях (импортозамещение, функционирование автомобилей на базе отечественного ПО) возможно привлечение к уголовной ответственности разработчика программного обеспечения

¹ Сазонов К. Занимательная автоматика: подготовлены требования к беспилотным автомобилям. По каким дорогам поедут машины без водителей и кто ответит за ДТП // Известия. URL: <https://iz.ru/1375649/kirill-sazonov/zanimatelnaia-avtomatika-podgotovleny-trebovaniia-k-besplotnym-avtomobiliam> (дата обращения: 16.10.2023).

или отдельных узлов автомобиля при выявленной явной халатности проверки безопасности. Кроме того, следует привлекать к ответственности лиц, давших разрешение на эксплуатацию беспилотных автомобилей в ненадлежащих условиях. Известно, что видеокамеры и Лидар беспилотного автомобиля хорошо различают только качественно нанесенную разметку на дорогах. Именно поэтому в России эксперимент по эксплуатации отдельных высокоавтоматизированных транспортных средств проводится только в отдельных подготовленных регионах.

Важной проблемой можно назвать принятие решения беспилотным автомобилем в критической ситуации, когда любое действие несет опасность либо пассажирам автомобиля, либо иным лицам (пешеходам, иным водителям и т.д.). Публичное высказывание по данному вопросу представителей некоторых крупных автомобильных фирм уже приводило к значительному падению их акций.

Этические нормы для беспилотных автомобилей, разработанные экспертами из Германии, содержат запрет на принятие искусственным интеллектом решений, которые могут спасти одну жизнь, но при этом причинить ущерб другой. Суть этих норм заключается в следующем:

- 1) приоритет отдается избеганию физического вреда, наносимого человеку, поскольку он считается опаснее, чем материальный ущерб;
- 2) недопустима любая классификация людей на группы, включая возрастные;
- 3) за возможный вред несет ответственность производитель автомобиля [9, с. 19].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что, несмотря на преюмирование ответственности водителя, представляется необходимым разграничить ответственность в зависимости от уровня автоматизации автомобиля (от беспорной ответственности водителя 1–3-го класса автоматизации, до преимущественной ответственности водителя 4–5-го класса и ответственности дистанционно управляющего диспетчера либо разработчика программного обеспечения). Конечно, когда автомобилем в той или иной степени управляет человек, возможно использование действующего законодательства. При применении же норм действующего УК РФ в ситуации алгоритмизированного управления или использования искусственного интеллекта при управлении автомобилем возникают сложности с квалификацией преступления. Кроме того, предлагаем дополнить Уголовный кодекс РФ нормой, предусматривающей уголовную ответственность лиц, на которых возложено полное техническое обеспечение систем управления беспилотным транспортным средством.

Библиографический список

1. *Комбаров М.В., Севостьянов М.А.* Беспилотные автомобили и повышение качества автомобильного транспорта // Символ науки. 2017. № 5. С. 222–225.
2. *Реутов Е.В., Головина Л.С.* Проблемные аспекты эксплуатации и проектирования беспилотных автомобилей // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 5-2(83). С. 15–18.
3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. М.: Бек, 1996. 550 с.
4. *Keulen B.F., Gritter E.* Corporate criminal liability in the Netherlands // Electronic of comparative law. Maastricht, Tilburg, Utrecht, 2010. Vol. 14, no. 3.
5. *Ezer A., Heine G.* Umweltstrafrecht in England, Kanada und den USA. Freiburg, 1994. 688 p.
6. *Eidam G.* Straftäter Unternehmen. München, 1997. 435 p.

7. *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 56–59.

8. *Куфлева В.Н., Соболев Д.В., Фирсов В.В.* Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 3. С. 335–342.

9. *Коробеев А.И., Чуцаев А.И.* Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 9–28.

References

1. *Kombarov M.V., Sevostyanov M.A.* Self-Driving Cars and Improving the Quality of Road Transport // A Symbol of Science. 2017. No. 5. P. 222–225.

2. *Reutov E.V., Golovina L.S.* Problematic Aspects of Operation and Design of Unmanned Vehicles // International Scientific Research Journal. 2019. No. 5-2 (83). P. 15–18.

3. *Naumov A.V.* Russian Criminal Law. The general part. M.: Bek, 1996. 550 p.

4. *Keulen B.F., Gritter E.* Corporate Criminal Liability in the Netherlands // Electronic of Comparative Law. Maastricht, Tilburg, Utrecht, 2010. Vol. 14, no. 3.

5. *Ezer A., Heine G.* Umweltstrafrecht in England, Kanada und den USA. Freiburg, 1994. 688 p.

6. *Eidam G.* Straftäter Unternehmen. München, 1997. 435 p.

7. *Dodonov V.* Responsibility of Legal Entities in Modern Criminal Law // Legality. 2006. No. 4. P. 56–59.

8. *Kufleva V.N., Sobolev D.V., Firsov V.V.* Problematic Aspects of the Qualification of Crimes Using an Unmanned Vehicle // Man: Crime and Punishment. 2019. Vol. 27, no. 3. P. 335–342.

9. *Korobeev A.I., Chuchaev A.I.* Unmanned Vehicles: New Challenges to Public Safety // Lex russica. 2019. No. 2. P. 9–28.

Н.И. Насиров

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ЕГО СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Введение: на современном этапе развития общества отечественное уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения ориентированы на исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Их достижение обеспечивается посредством оказания пенитенциарного воздействия на сознание и волю лиц, отбывающих уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера. Сущностные аспекты исследуемого явления, несмотря на значимую роль в обеспечении социальной результативности действия уголовно-исполнительного законодательства, не получили должного нормативного и научного разрешения. Отсутствие юридической конструкции понятия «уголовно-исполнительное воздействие» на нормотворческом уровне и теоретической модели его понимания не позволяет в должной мере познать его сущность и предназначение. **Цель** — разработать теоретическую модель понятия «уголовно-исполнительное воздействие» и обосновать его структурные компоненты. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** определены специфика уголовно-исполнительного воздействия и сфера его реализации. **Выводы:** в ходе проведенного исследования сформулировано определение понятия «уголовно-исполнительное воздействие», выделены и наполнены содержанием образующие его структурные компоненты (источник, объект, цель, субъект).

Ключевые слова: уголовно-исполнительное воздействие, пенитенциарное правоотношение, сознание и воля осужденного, режим исполнения наказания, условия отбывания наказания.

N.I. Nasirov

CRIMINAL-EXECUTIVE IMPACT, ITS STRUCTURE AND CONTENT

Background: at the present stage of society's development, domestic penal enforcement legislation and the practice of its application are focused on correcting convicts and preventing them from committing new crimes. Their achievement is ensured through the provision of penitentiary influence on the consciousness and will of persons serving a criminal sentence or other measure of a criminal-legal nature. Despite the allotted such a significant role in ensuring the social effectiveness of the penal enforcement legislation, the essential aspects of the phenomenon under study have not received proper regulatory and scientific resolution. Lack of a legal construction of the concept of "criminal-executive impact" at the normative level and the absence of a theoretical model of its understanding does not allow to properly cognize its essence and purpose.

© Насиров Немэт Интигам оглы, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naymat@mail.ru

© Nasirov Nemet Intigam ogly, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

Objective — to develop a theoretical model of the concept of “criminal-executive impact” and to substantiate its structural components. *Methodology*: general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (legal-dogmatic) methods. *Results*: the specifics of criminal-executive impact and the sphere of its realization are determined. *Conclusions*: in the course of the conducted research the definition of the concept of “criminal-executive influence”, its structural components (source, object, purpose, subject) were identified and filled with content.

Keywords: criminal-executive impact, penitentiary legal relationship, consciousness and will of the convicted person, regime of execution of punishment, conditions of serving punishment.

Категория «уголовно-исполнительное воздействие» формально не представлена в уголовно-исполнительном законодательстве России в виде каких-либо конструкций и в нормах (положениях) данной отрасли непосредственно не употребляется. При обозначении различных разновидностей рассматриваемого воздействия отечественные законодатели оперируют выражениями «исправительное воздействие», «воспитательное воздействие», «меры воздействия». Пенитенциарная наука практически не использует понятие «уголовно-исполнительное воздействие». Представители юридической доктрины широко оперируют категориями «принудительные средства воздействия на осужденных» [1, с. 61], «карательно-воспитательное воздействие на осужденных» [2, с. 28].

Как видим, обращение к уголовно-исполнительному законодательству и юридической доктрине свидетельствует об отсутствии единого родового понятия, обозначающего воздействие на лиц, отбывающих уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера. В связи с этим возникает вопрос: можно ли понятия «исправительное воздействие», «воспитательное воздействие», «меры воздействия» объединить в общую категорию «уголовно-исполнительное воздействие»? По нашему мнению, да. Во-первых, употребляемые в уголовно-исполнительном законодательстве разновидности воздействия на осужденных предназначены для обеспечения достижения целей данной отрасли законодательства. Во-вторых, любое влияние на сознание и волю осужденного осуществляется сугубо уголовно-исполнительными инструментариями.

Уголовно-исполнительное воздействие обладает спецификой, отличающей его от других разновидностей правового воздействия на личность. Для того чтобы убедиться в этом, уместно рассмотреть образующие его структурные компоненты.

Первым структурным компонентом уголовно-исполнительного воздействия является его источник. В качестве такового выступает уголовно-исполнительное законодательство России, которое, упорядочивая отношения в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предоставляет правоприменителю большой выбор мер по оказанию воздействия на сознание и волю осужденных. Речь идет о мерах педагогического, психологического, воспитательного, исправительного и иного характера [3, с. 219].

Вторым компонентом уголовно-исполнительного воздействия выступает его объект. В настоящее время юридическая наука не содержит единого подхода к объекту правового воздействия. Одни ученые считают, что к данному объекту относится «общественное отношение» [4, с. 11], а другие — «сознание и поведение человека» [5, с. 6]. В уголовно-исполнительной теории встречается концепция, признающая объектом правового воздействия осужденное лицо [6]. Нам близка

точка зрения, согласно которой объектом правового воздействия выступают сознание и воля субъектов конкретных правоотношений. Такое предпочтение обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, человек не может выступать объектом воздействия, поскольку это создает искусственное смешивание понятий «объект» и «адресат» воздействия. Во-вторых, правовое воздействие на определенную сферу жизнедеятельности может осуществляться только через поведение субъектов правоотношений. Мы не противопоставляем сознание и волю человека общественным отношениям, а подчеркиваем, что отрасль права воздействует на социальные связи не непосредственно, а через поведение «своих» субъектов. В частности, уголовно-исполнительное право посредством своих функций и метода доводит требования правовой нормы до сознания и воли ее адресатов. Формируя у субъектов пенитенциарных правоотношений юридические установки и убеждения, данная отрасль задает позитивную модель поведения. Сказанное образует достаточно четкие ориентиры для понимания адресата и объекта уголовно-исполнительного воздействия. Адресатом уголовно-исполнительного воздействия выступают субъекты, являющиеся носителями правового статуса осужденного. К их числу относятся: а) лица, отбывающие уголовное наказание; б) условно осужденные; в) условно-досрочно освобожденные; г) лица, в отношении которых судом применена рассрочка или отсрочка отбывания наказания. Объектом уголовно-исполнительного воздействия выступают сознание и воля осужденного лица.

Третий компонент уголовно-исполнительного воздействия — это его предназначение. Полагаем, что оно находится в органической связи с исправительной и предупредительной целями уголовно-исполнительного законодательства. Вступивший в законную силу судебный акт (обвинительный приговор, определение или постановление суда) создает юридическую предпосылку для осуществления пенитенциарного воздействия на сознание и волю лица, проявившего криминальное поведение. Принудительное наделение такого субъекта статусом осужденного свидетельствует о том, что он является носителем общественной опасности и для ее купирования требуется уголовно-исполнительное воздействие. Последнее не должно рассматриваться как карательный инструмент, реализующий возмездие в отношении осужденного лица. Образующие его средства и меры должны быть необходимыми и минимально достаточными для максимального купирования общественной опасности личности осужденного и формирования у нее социально ориентированных качеств. Предъявляемые к поведению осужденного режимные требования, с одной стороны, не должны умалять его человеческое достоинство, а с другой — должны позволять правоприменителю эффективно влиять на его сознание и волю в целях получения позитивного результата в виде удержания от совершения нового преступления. Стержнем исполнения наказания должно выступать создание такого условия его отбывания, которое позволило бы осужденному на психологическом уровне воспринимать исправительное воздействие и позитивно развивать его личностные качества. Психологический аспект восприятия основывается на сознании и воле осужденного. Суть сознания выражается в оценке осужденным соразмерности и целесообразности применяемых к нему правоограничений. В своей деятельности правоприменитель должен формировать в сознании осужденного представление о том, что установленные в отношении него правоограничения выступают составной частью отбываемого им наказания. Их объем определен судом с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния.

В данном случае ожидается позитивная реакция осужденного на реализуемые в отношении него пенитенциарные меры. Претерпевание исправительного воздействия будет восприниматься им как важная процедура коррекции девиантных качеств его личности. Волевой момент определяется желанием осужденного лица соблюдать требования режима исполнения наказания. Демонстрируемое им правомерное поведение во многом будет зависеть от его уровня психологического восприятия реализуемых в отношении него правоограничений.

Последним компонентом уголовно-исполнительного воздействия выступает субъект, его осуществляющий. В соответствии с действующим законодательством полномочиями по осуществлению воздействия на сознание и волю осужденного пенитенциарными инструментариями наделены должностные лица органов и учреждений, исполняющих уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера (ст. 16 УИК РФ), представители общественных объединений (ст. 24 УИК РФ).

С учетом изложенного сформулируем определение понятия «уголовно-исполнительное воздействие» как организацию и осуществление уголовно-исполнительными инструментариями комплекса мероприятий, нацеленных на формирование у личности осужденного социально ориентированных ценностей, позволяющих ей вести законопослушный образ жизни и успешно реинтегрироваться в социум после освобождения от отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Предложенная дефиниция базируется на трех взаимосвязанных признаках. Первый уточняет источник воздействия, который характеризуется уголовно-исполнительной природой. Второй отражает внешнюю форму рассматриваемой категории, в которой сочетается комплекс мероприятий, реализуемых в рамках пенитенциарных правоотношений: воспитательная работа, образовательный процесс, психологическая коррекция, исполнительная и постпенитенциарная пробация и т.д. Заключительный признак предложенного определения конкретизирует назначение уголовно-исполнительного воздействия. Его суть заключается в формировании у личности осужденного социально ориентированных ценностей, позволяющих ей вести законопослушный образ жизни и успешно реинтегрироваться в социум после освобождения от отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. *Мазалева Л.В., Сорокин М.В.* Понятие, сущность и организационно-правовые основы режима в исправительных учреждениях ФСИН России // *Пенитенциарное право: Юридическая теория и правоприменительная практика.* 2017. № 3(13). С. 60–67.
2. *Родионова А.С.* Система наказаний в российском праве: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.
3. *Насиров Н.И.* Предмет уголовно-исполнительного права и его понимание // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2020. № 5(136). С. 213–220.
4. *Матюшева Т.Н.* Понятие и сущность системообразующей функции права на образование // *Право и образование.* 2009. № 7. С. 9–18.
5. *Зайцева Е.С.* Соотношение правового регулирования и правового воздействия // *Академический юридический журнал.* 2019. № 4(78). С. 4–9.
6. *Дервянко К.И.* Условно осужденные как объект воспитательно-профилактического воздействия, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями // *Вестник Кузбасского института.* 2014. № 3(20). С. 122–127.

References

1. *Mazaleva L.V., Sorokin M.V.* The Concept, Essence and Organizational and Legal Foundations of the Regime in Correctional Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*. 2017. No. 3(13). P. 60–67.
2. *Rodionova A.S.* The System of Punishments in Russian Law: a General Theoretical Aspect: extended abstract of diss. ... cand. of law. Saratov, 2013. 30 p.
3. *Nasirov N.I.* The Subject of Penal Enforcement Law and Its Understanding // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 5(136). P. 213–220.
4. *Matyusheva T.N.* The Concept and Essence of the System-Forming Function of the Right to Education // *Law and Education*. 2009. No. 7. P. 9–18.
5. *Zaitseva E.S.* The Ratio of Legal Regulation and Legal Impact // *Academic Law Journal*. 2019. No. 4(78). P. 4–9.
6. *Derevyanko K.I.* Conditionally Convicted Persons as an Object of Educational and Preventive Influence Carried Out by Penal Enforcement Inspections // *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2014. No. 3(20). P. 122–127.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-146-154

УДК 343.984

Л.Г. Шапиро, И.С. Гвоздева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ

Введение: важная роль в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве принадлежит специальным знаниям, которые могут применяться в различных процессуальных и непроцессуальных формах. Одна из основных форм использования специальных знаний — судебная экспертиза, ход и результаты которой отражаются в заключении эксперта. В связи с многочисленными сложностями, возникающими при оценке экспертных заключений, их рецензирование в последние годы получило широкую распространенность. **Цель** — установить роль и основные тенденции в применении результатов рецензирования экспертных заключений в судопроизводстве. **Методологическая основа:** диалектический метод, а также комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, сравнение, аналогия и др.). **Результаты:** выявлены основные тенденции и проблемы, возникающие в связи с использованием рецензирования экспертных заключений в судопроизводстве, и проиллюстрированы эмпирическими данными, в том числе материалами правоприменительной практики. **Выводы:** рецензирование заключения эксперта представляет собой форму использования специальных знаний, применение которой требует четкого нормативного урегулирования; главной тенденцией в судебной практике выступает игнорирование наличия рецензии на экспертное заключение как основание для принятия каких-либо связанных с ним процессуальных решений по делу; привлечение специалистов и экспертов к подготовке рецензий позволяет обеспечить качественную оценку экспертных заключений, а в конечном счете — законность и обоснованность судебных решений, справедливость приговора; сегодня рецензия на заключение эксперта не является универсальным средством для корректирования результатов некачественной судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, рецензирование, заключение эксперта, оценка заключения эксперта.

© Шапиро Людмила Геннадьевна, 2023

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики, профессор (Саратовская государственная юридическая академия), заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; e-mail: lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

© Гвоздева Ирина Сергеевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: gvozdeva-irina@yandex.ru

© Shapiro Lyudmila Gennadievna, 2023

Doctor of Law, Head of the Criminalistics Department, Professor (Saratov State Law Academy), Honored Lawyer of the Russian Federation

© Gvozdeva Irina Sergeevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)

L.G. Shapiro, I.S. Gvozdeva

CURRENT TRENDS IN THE APPLICATION OF PEER REVIEW OF EXPERT OPINIONS

Background: an important role in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings belongs to special knowledge, which can be applied in various procedural and non-procedural forms. One of the main forms of using special knowledge is forensic examination, the course and results of which are reflected in the expert's report. Due to the numerous difficulties arising in the evaluation of expert opinions, their reviewing has become widespread in recent years. **Objective** — to establish the role and main trends in the application of the results of reviewing expert opinions in legal proceedings. **Methodology:** dialectical method, as well as a complex of general scientific and special methods of scientific knowledge (analysis, comparison, analogy, etc.). **Results:** the main trends and problems arising in connection with the use of reviewing expert opinions in legal proceedings are identified and illustrated with empirical data, including materials of law enforcement practice. **Conclusions:** reviewing an expert report is a form of using specialized knowledge, the use of which requires clear normative regulation; the main tendency in court practice is to ignore the availability of a review of an expert report as a basis for taking any related procedural decisions in a case; the involvement of specialists and experts in the preparation of reviews allows to ensure a qualitative assessment of expert reports, and ultimately — the legality and validity of court decisions, references.

Keywords: judicial expertise, review, expert's conclusion, evaluation of expert's conclusion.

Функционирование и развитие сферы судебно-экспертной деятельности — процесс сложный и многоуровневый. Наблюдение за изменениями его нормативно-правовой, теоретико-методологической и правоприменительной составляющих показывает, что не все из этих элементов сформировались окончательно. Очень показательным с точки зрения динамичности судебно-экспертной системы, на наш взгляд, стало появление феномена рецензирования заключений экспертов.

Сегодня рецензии на заключения экспертов становятся все более распространенными и востребованными в судопроизводстве документами: только в поисковой системе Google на запрос «рецензирование судебных экспертиз услуги» выдается примерно 24 500 результатов. В судопроизводстве заметен значительный объем дел, в которых фигурирует рецензия на заключение эксперта. По запросу, сформированному для получения решений судов всех инстанций в системе «Судебные и нормативные акты РФ», выдается 500 документов, где упоминается рецензия на судебную экспертизу в гражданском и административном судопроизводстве, самый ранний из которых датирован 2010 г. (само разбирательство по делу шло с 2009 г.), еще 500 документов с аналогичным упоминанием — в приговорах по уголовным делам (самый ранний датирован 2012 г.) и 500 судебных решений арбитражных судов (самый ранний датирован 2011 г.). Нужно отметить, что, возможно, таких решений больше, но система ограничивает результаты 500 решениями по каждому запросу в случаях, когда их количество велико.

Значительное число случаев подготовки рецензий, а также интерес к этим документам со стороны как правоприменителей, так и научного сообщества, про-

являемый на протяжении примерно полутора десятков лет, позволяют говорить о формировании тенденции к все более широкому применению рассматриваемых документов. Под тенденцией в данной работе мы понимаем «стремление, склонность, свойственное кому-чему-нибудь направлению развития»¹.

Самое раннее упоминание о рецензии, которое удалось найти в судебных документах, содержится в определении Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2013 г.² Из анализа данного определения становится ясно: несмотря на то, что в указанном случае рецензией фактически являлся результат экспертного исследования, в 1992 г. данный термин использовался в связи с применением специальных знаний в процессуальной форме.

Исследование появления и дальнейшей динамики феномена рецензирования заключений экспертов в отечественной судебной практике показывает, что в различных отраслях судопроизводства формирование отношения правоприменителей к нему происходит по-разному³.

Так, по гражданским и административным делам постоянный рост числа дел, в которых представлялась рецензия на заключение эксперта, начинается с 2010 г. и наблюдается по сей день. И если в 2010 г. было всего три таких дела, то с 2011 г. количество судебных решений, в которых давалась оценка данному документу, резко выросло (2011-й — 187, 2012-й — 193, 2013-й — 267, 2014-й — 410, 2015-й — более 500).

Что касается уголовных дел, то по ним также первое упоминание о рецензии обнаружено в приговоре, датированном 2010 г. (единственное решение, которое удалось найти). В 2011 г. таких решений уже 21, что значительно меньше, чем по гражданским и административным делам, но, тем не менее, значимо в рамках данного вида судопроизводства; в 2012-м — 23, 2013-м — 32, 2014-м — 46, 2015-м — 49, 2016-м — 49, 2017-м — 51, 2018-м — 68, 2019-м — 86, 2020-м — 24, 2021-м — 2, 2022-м — 2, 2023-м — 0. Таким образом, в рамках уголовного судопроизводства рост числа обращений к помощи рецензентов заключений экспертов происходил медленнее и после 2019 г. интерес к рецензиям по каким-то причинам пошел на спад.

В арбитражном судопроизводстве первое решение с упоминанием рецензии на заключение эксперта датировано 2011 г. За 2012 г. таких документов найти не удалось, но в 2013 г. произошло значительное увеличение случаев обращения к ним — более 500 судебных решений за каждый последующий год. Очевидно, что именно в данном виде судопроизводства поначалу правоприменители демонстрировали самое настороженное отношение, сменившееся затем активным использованием рецензий для целей доказывания.

Возможно, подобные различия в скорости распространения судебно-экспертного рецензирования в различных видах судопроизводства могут быть результа-

¹ См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 14.05.2023).

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2013 г. по делу № 13-АПГ13-1. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/seTf6VJnerlT/?page=5&vsrf-judge=&vsrf-case_doc=&vsrf-txt=рецензия+на+судебную+экспертизу&vsrf-date_from=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_to=&_id=1674714988938&snippet_pos=2858#snippet (дата обращения: 14.05.2023).

³ См.: Для анализа динамики применения рецензий в различных видах судопроизводства был использован интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.07.2023).

том преобладающей в каждом из них специфики систем доказательств, а также способов и средств доказывания.

Необходимо отметить, что ознакомление с содержанием судебных решений позволяет сделать вывод о неоднозначном отношении судов к рассматриваемому виду документов. Сегодня можно встретить различные варианты оценки их судами — от принятия в качестве аргумента для назначения повторной экспертизы до отказа в признании ее допустимым доказательством. В качестве примера первого варианта оценки приведем решение Мясниковского районного суда, согласно которому «суд признал обоснованным ходатайство истца и ... назначил по делу судебную экспертизу»¹. Иллюстрацией второго варианта может выступить приговор, в котором указано, что «рецензии суд не может расценивать как допустимое доказательство, поскольку они не являются заключением эксперта, специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного экспертного заключения. Суд также отмечает, что стороной защиты не представлено доказательств, позволяющих суду усомниться в обоснованности заключений экспертов, исследованных в судебном заседании, противоречий в выводах экспертов не имеется»², то есть очевидно, что, по мнению суда, сама рецензия допустимым доказательством не является и оценке с содержательной точки зрения не подлежит.

Встречаются случаи, когда полученная рецензия оценивалась судом наряду с другими материалами дела и обстоятельства, изложенные в ней, не находили своего подтверждения. Так, в приговоре Дорогобужского районного суда (Смоленская область) по уголовному делу содержится информация о том, что на судебную почерковедческую экспертизу была получена рецензия. Доводы, изложенные в данной рецензии, по мнению суда, опровергались материалами дела, а также самой проведенной судебной экспертизой: «Исследования, проведенные почерковедческой экспертизы № р от ДД.ММ.ГГГГ проведены в полном объеме, методически грамотно, оформлены в соответствии с действующими нормативными актами, сопровождаются необходимым иллюстративным материалом в виде иллюстраций, выводы обоснованы. Выводы эксперта понятны, непротиворечивы, компетентны, научно обоснованы, объективно подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами, а потому суд признает данное заключение эксперта достоверным доказательством»³ (пунктуация и орфография сохранены. — *Прим. авт.*).

¹ См.: Решение Мясниковского районного суда (Ростовская область) № 2-628/2020 2-628/2020-М-465/2020 М-465/2020 от 20 ноября 2020 г. по делу № 2-628/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/htkNiH2E62Yp/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=рецензия&_id=1691353792185®ular-judge=&snippet_pos=2832#snippet (дата обращения: 14.05.2023).

² См.: Приговор Благодарненского районного суда (Ставропольский край) № 1-188/2019 1-3/2020 от 9 января 2020 г. по делу № 1-188/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wG0yZ2OUJJJp/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=приговор+рецензия&_id=1691352597441®ular-judge=&snippet_pos=11920#snippet (дата обращения: 14.05.2023).

³ См.: Приговор Дорогобужского районного суда № 1-35/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-99/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/neJIimm8Wt5/?regular-txt=приговор+рецензия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1691341892955&snippet_pos=8276#snippet (дата обращения: 14.05.2023).

Встречаются также ситуации, когда факт подготовки рецензии расценивался судом как нарушение профессиональной этики. Примером может служить судебное решение по делу, рассмотренному в 2019 г. Орджоникидзевским районным судом Екатеринбурга, в котором указано, что «составление одним экспертом критического заключения на заключение другого эксперта одинаковой с ним специализации без наличия на то каких-либо процессуальных оснований квалифицируется судом как нарушение профессиональной этики»¹.

Поскольку в судебной практике в отношении рецензий наблюдается столь ярко выраженный плюрализм, для выявления основных тенденций в использовании судами рецензий были проанализированы 100 решений судов общей юрисдикции. Изучение решений, вынесенных судами первой инстанции по уголовным, гражданским, административным и арбитражным делам с упоминанием рецензий на судебные экспертизы, показало, что в 54 % случаев суды дали оценку представленным сторонами рецензиям, однако не изменили своей позиции в оценке первичных экспертиз; отвергли рецензию как недопустимое доказательство в 27 % случаев; назначили повторную экспертизу в 10 % решений; согласились с доводами рецензента, не назначив повторную экспертизу, но исключив оцененную экспертизу из числа допустимых доказательств в 6 % рассмотренных документов; назначили дополнительную экспертизу в 3 %². Таким образом, очевидно, что основной тенденцией в судебной практике является оценка судом представленной рецензии, которая впоследствии не влечет за собой каких-либо процессуальных решений по делу.

Следует сказать, что не только в судебной практике, но и в научной литературе также встречаются различные мнения по поводу роли рецензирования. Представленные точки зрения варьируются от отрицания доказательственного значения рецензии на заключение судебного эксперта до придания ей статуса «достаточно эффективного инструмента представления суду объективной оценки полноты и качества проведенного исследования» [1, с. 120].

Как известно, «изначально в практике судебно-экспертных учреждений РФ, рецензирование заключений экспертов, представляло собой, всего лишь форму методической работы, ведомственного контроля над качеством исследований, проводимых экспертами» [2, с. 103]. Сегодня же в научной литературе и правоприменительной практике активно озвучивается идея о том, что рецензирование судебных экспертиз — это средство, с помощью которого стороны и суд получают возможность качественной оценки экспертного заключения, в том числе и его исследовательской части, которая традиционно вызывает затруднения у правоприменителей с точки зрения ее содержательного изучения [3, с. 98–102; 4, с. 51–58; 5, с. 220–225].

Учитывая, что рецензирование заключения эксперта требует наличия у рецензента специальных знаний в соответствующей виду проведенной экспертизы

¹ См.: Решение Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга по делу № 2-1028/2019 // Судебные Решения. РФ: специализированный информационный ресурс для публикации информации о рассматриваемых судами общей юрисдикции делах и вынесенных ими решениях. URL: <https://судебныерешения.рф/45111107> (дата обращения: 14.05.2023).

² См.: Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) — база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?page=10®ular-court=®ular-date_from=01.01.2009®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=29.07.2023®ular-area=®ular-txt=рецензия&_id=1710266023090®ular-judge= (дата обращения: с 14.04–29.07.2023).

области науки, техники, искусства или ремесла, его можно считать одной из форм использования специальных знаний, не имеющей нормативно-правовой регламентации. В связи с этим в законодательстве, регулирующем судебно-экспертную деятельность, должны быть выработаны четкие, единообразные принципы и требования к производству рецензирования, которые бы исключали недобросовестность как самих рецензентов, так и лиц, их привлекающих.

Вместе с тем широкая реализация возможностей рецензирования как средства совершенствования судебно-экспертной практики не подтверждается результатами приведенного исследования судебных решений.

Для выявления причин подобных противоречий было проведено анкетирование 51 практического работника из Москвы, Московской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Волгоградской и Орловской областей, республик Дагестана и Ингушетии, Ставропольского края. Респонденты были условно поделены на две группы: субъекты назначения судебных экспертиз (судьи, следователи, дознаватели — всего 27 человек) и инициаторы подготовки рецензий (представители по гражданским делам, юристы организаций, адвокаты — всего 24 человека).

В анкетах респондентам предлагался вопрос: «Для чего, по Вашему мнению, в судопроизводстве может возникнуть необходимость в подготовке рецензии на экспертное заключение?». Необходимо отметить, что опрашиваемым практическим работникам варианты ответа в анкете не предлагались, в связи с чем им требовалось самостоятельно указать цели рецензирования заключений экспертов. Вопреки ожиданиям, ни в первой, ни во второй группе анкетированные не предложили вариант ответа «для оценки представленного заключения эксперта» или близкие по смыслу к нему.

Респонденты — субъекты назначения судебных экспертиз указали, что в своей практике не нуждаются в рецензиях на судебные экспертизы (представленные варианты ответов: «ни для чего», «не может», «они не нужны» и т.п.). Респонденты — инициаторы привлечения рецензентов сформулировали следующие варианты ответа: «для обоснования ходатайства о назначении повторной экспертизы», «для исключения экспертизы из числа допустимых доказательств», «для того, чтобы “разбить” экспертизу», «для того, чтобы вывести экспертизу», «чтобы назначить экспертизу в другую экспертную организацию» и другие подобные по смыслу высказывания.

Интервьюирование практических работников первой группы, проведенное с целью выяснения причины столь отрицательного отношения к рецензиям, показало, что респонденты данной группы опасаются затягивания сроков судопроизводства, считают, что уже и так обладают эффективными средствами оценки судебно-экспертного исследования (оценка экспертизы в совокупности с другими доказательствами, допрос эксперта, проводившего судебную экспертизу). Кроме того, данную группу практиков смущает тот факт, что рецензент не подлежит уголовной ответственности за дачу заведомо ложной рецензии, а также (в некоторых случаях) опасение, что рецензентом будут разглашены данные предварительного расследования. Скептическое отношение к рецензиям респонденты данной группы объясняли еще и тем, что рецензию «заказывают» заинтересованные стороны, в связи с чем ее выполнение в большей степени носит характер «услуги», нежели объективной оценки проведенной первичной судебной экспертизы. Необходимо отметить, что очень яркую иллюстрацию данного отношения как к «заказу» можно найти и в судебной практике, когда

суд критически рассмотрел рецензию и представленные в ней доводы, поскольку «из текста рецензии следует, что ** ** ***** заказчиком — МУП ЖКХ Бузулукского района с ООО «<данные изъяты>» заключен договор на выполнение рецензии на экспертное заключение от ** ** ***** , то есть рецензент сориентирован на тот вопрос, который перед ним был поставлен заказчиком»¹ (пунктуация и орфография сохранены. — *Прим. авт.*).

Интервьюирование второй группы респондентов показало, что рецензия воспринимается ими как средство для решения текущих профессиональных задач, позволяющее обосновать свою позицию в тех случаях, когда по каким-либо причинам их не устраивает содержание заключения эксперта. О восприятии рецензии как средства оценки судебной экспертизы упоминали только некоторые представители этой группы опрошенных (четыре человека) в самом конце интервью. Интересным представляется тот факт, что нуждающимися в помощи оценки результатов судебных экспертиз данные респонденты себя не считали, а указывали, что подобная помощь нужна дознавателям, следователям, судьям.

Полученные результаты противоречат позиции, активно провозглашаемой представителями организаций, предлагающих проведение рецензирования в различных видах судопроизводства. Так, на сайтах подобных организаций можно найти следующую информацию: «Рецензия на судебную экспертизу — беспристрастная оценка заключения эксперта, цель которой — качественный анализ исследований, проведенных в рамках экспертизы»², «Анализ экспертной практики говорит о том, что даже лицо, назначившее судебную экспертизу (в том числе и суд), во многих случаях не может самостоятельно оценить ее научную обоснованность, правильность выбора методики, методов и средств проведения. Для этого проводятся рецензии на проведенные экспертизы»³, «Качественная рецензия является важным фактором для отмены результатов недостоверной экспертизы или основанием для ее повторного назначения»⁴ и другие подобные высказывания. При этом в большинстве случаев лицами, предлагающими подготовку рецензий, очень активно озвучивается мысль о том, что рецензия выступает эффективным и даже необходимым средством оценки заключений экспертов, которую практики самостоятельно осуществить категорически не способны, так как не обладают соответствующими специальными знаниями. Из такой позиции закономерно следует вывод о том, что практические работники также не смогут самостоятельно дать содержательную оценку и рецензии, которая сама есть результат использования специальных знаний. Однако означает ли это, что правоприменители должны доверять рецензенту без всякой критической оценки

¹ См.: Приговор Бузулукского районного суда (Оренбургская область) № 1[1]-34/2020 1[1]-512/2019 от 23 ноября 2020 г. по делу № 1[1]-192/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jTX98SaBJ66N/> (дата обращения: 14.05.2023).

² См.: Судебно-экспертное учреждение ООО «Экспертный медико-криминалистический центр». URL: https://эмкц-эксперт.рф/?pg_campaign_y=85105468&pg_group_y=5157548929&pg_term=судебная%20экспертиза&pg_creative=0&pg_region=Энгельс&pg_device=desktop&pg_network=search&pg_content=43868487822&_openstat=ZGlyZWNOlnlhbmRleC5ydTs4NTEwNlTQ2ODsxMzczNjY1MjgzNDt5YW5kZXgucnU6Z3VhcmFudGVl&yclid=13639084093183361023 (дата обращения: 14.07.2023).

³ См.: *Алгazin А.* Как оспорить экспертизу. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/aleksey-algazin-kak-osporit-ekspertizu> (дата обращения: 14.07.2023).

⁴ См.: Центр проведения экспертиз и юридической помощи «Астрея». URL: https://astreyaexpert.ru/review?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=81592009&utm_content=13236702436&utm_term=рецензирование%20судебных%20экспертиз&yclid=15037841904176988159 (дата обращения: 07.08.2023).

или же следующим этапом должно стать рецензирование рецензии, к сожалению, организации, проводящие на постоянной основе рецензирование заключений судебных экспертов, не разъясняют.

С учетом изложенного в отношении сформировавшихся тенденций к применению рецензирования экспертных заключений можно констатировать активную популяризацию потенциальными рецензентами идеи рецензирования при максимальном доверии к качеству их работы. Со стороны правоприменителей наблюдается двойственное отношение — утилитарное (для решения текущих профессиональных задач) либо же недоверчивое, связанное с отрицанием или непониманием возможностей данного средства. Все это служит основанием полагать, что сегодня рецензия на заключение эксперта не представляет собой универсальное средство для корректирования результатов некачественной судебно-экспертной деятельности.

Таким образом, потребность в рецензиях возникает не столько для оценки экспертных заключений, сколько для обоснования сторонами необходимости назначить повторную (реже — дополнительную) судебную экспертизу, то есть фактически происходит подмена понятий, при которой рецензия провозглашается средством оценки экспертных заключений, хотя на самом деле становится инструментом для утилитарного (направленного на извлечение материальной пользы) решения текущих профессиональных задач. Подобная тенденция, на наш взгляд, является негативной, поскольку, во-первых, проблема качественного содержательного оценивания заключений судебных экспертов так и остается нерешенной, во-вторых, поддерживается практика недобросовестного подхода к подготовке рецензий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что рецензирование заключения эксперта является формой использования специальных знаний, применение которой требует четкого нормативного урегулирования; основной тенденцией в судебной практике выступает игнорирование наличия рецензии на экспертное заключение как основания для принятия каких-либо связанных с ним процессуальных решений по делу; привлечение специалистов и экспертов к подготовке рецензий позволяет обеспечить качественную оценку экспертных заключений, а в конечном счете — законность и обоснованность судебных решений, справедливость приговора; сегодня рецензию на заключение эксперта нельзя назвать универсальным средством для корректирования результатов некачественной судебно-экспертной деятельности.

Библиографический список

1. *Линев А.Н.* К вопросу о процессуальном статусе рецензии на заключение эксперта // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 118–120.
2. *Гаевой А.И.* К вопросу о судебном прецеденте: рецензия на заключение эксперта как доказательство в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 102–104.
3. *Гусев А.В.* Научное рецензирование экспертных заключений: правовые и криминалистические проблемы // Научный портал МВД России. 2020. № 4. С. 98–102.
4. *Жижина М.В.* Рецензирование экспертных заключений в практике рассмотрения арбитражных дел // Вестник арбитражной практики. 2014. № 4. С. 51–58.
5. *Лимонов С.В.* Методология рецензирования судебных экспертиз // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. С. 220–225.

References

1. *Linev A.N.* On the Issue of the Procedural Status of the Review of the Expert's Opinion // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. P. 118–120.
2. *Gaevoy A.I.* On the Issue of Judicial Precedent: a Review of the Expert Opinion as Evidence in Criminal Proceedings // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2019. No. 8. P. 102–104.
3. *Gusev A.V.* Scientific Review of Expert Opinions: legal and Criminalistics Problems // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. P. 98–102.
4. *Zhizhina M.V.* Reviewing Expert Opinions in the Practice of Arbitration Cases // Bulletin of Arbitration Practice. 2014. No. 4. P. 51–58.
5. *Limonov S.V.* Methodology of Reviewing Forensic Examinations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. No. 9. P. 220–225.

И.Б. Воробьева

РИСКИ, СОПУТСТВУЮЩИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: активное внедрение цифровизации в деятельность правоохранительных органов заставляет задуматься о негативных аспектах данного процесса. **Цель** — обозначить основные риски, возникающие при внедрении цифровых инноваций в процессе расследования преступлений. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования; методы формальной и диалектической логики, метод интерпретации и др. **Результаты:** установлено, что цифровые платформы не лишены недостатков. Выявлены, классифицированы и рассмотрены основные риски, возникающие при использовании цифровых технологий в ходе расследования преступлений, которые могут быть заложены как в процессе разработки цифровых алгоритмов, так и возникать при их использовании субъектами расследования. **Выводы:** дальнейшее исследование возможностей внедрения новых цифровых технологий при расследовании преступлений и проблем их контроля исключительно важно для выявления и устранения сопутствующих рисков. Работа над устранением только предвзятости алгоритмов не приведет к ожидаемым результатам. Минимизация рисков напрямую связана с разработкой правовых основ, стандартизацией этических принципов, позволяющих очертить границы применения новых технологий.

Ключевые слова: риски, цифровизация, цифровые технологии, нейронная сеть, прозрачность, достоверность, расследование преступлений.

I.B. Vorobyova

RISKS ASSOCIATED WITH THE DIGITAL TRANSFORMATION OF INVESTIGATOR'S ACTIVITIES IN THE PROCESS OF CRIMINAL INVESTIGATION

Background: active implementation of digitalization into the law-enforcement activities requires consideration of the negative aspects of the process. **Objective** — to outline the main risks arising from the introduction of digital innovations in the process of crime investigation. **Methodology:** general scientific and particular methods of research; methods of formal and dialectical logic, method of interpretation, etc. **Results:** it is established that digital platforms are not without disadvantages. The main risks arising from the use of digital technologies in the course of crime investigation have been identified, classified and considered, which may be embedded both in the process of development of digital algorithms and arise when they are used by subjects of investigation. **Conclusions:** further investigation of the possibilities of introducing new digital technologies in the investigation of crimes and problems of their

control is extremely important to identify and eliminate the associated risks. Working to eliminate only the bias of the algorithms will not lead to the expected results. Risk minimization is directly related to the development of legal frameworks, standardization of ethical principles that allow delineating the boundaries of the use of new technologies.

Keywords: *risks, digitalization, digital technologies, neural network, transparency, credibility, criminal investigation.*

Внедрение любой новой технологии всегда сопряжено с вероятностью возникновения определенных рисков. Поэтому на стадии формирования и внедрения цифровизации в практику правоохранительных органов необходимо не только оценить особенности работы с цифровыми технологиями, но и осмыслить возможные риски, возникающие при этом. Функционирование системы организаций (МВД, Следственный комитет, прокуратура, адвокатура), деятельность которых связана со сбором информации, невозможно без крупномасштабной цифровизации. В практике правоохранительных органов уже широко используются программы по распознаванию лиц (при наличии полного и даже частичного изображения внешности человека), установлению разыскиваемых граждан, распознаванию голоса с определением локации его обладателя, выявлению и анализу в интернете контентов с детской порнографией и т.д.

Несмотря на то, что о плюсах цифровизации говорится много, а технические системы обладают беспрецедентными возможностями в плане сбора информации и решения многочисленных задач в процессе расследования преступлений, следует отметить, что они не лишены недостатков. По мнению Н. Касперской, «риски новой технологии сознательно замалчиваются или не обсуждаются. Довольно большой пласт уже известных проблем и рисков, связанных с криптовалютами, ИИ, блокчейном, интернетом вещей, просто не получает прессы, не обсуждается на профильных площадках и в Госдуме. Обсуждаются только сверкающие перспективы»¹.

Изучению последствий непродуманной цифровизации в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений уделяют внимание многие ученые [1, с. 246; 2, с. 40]. Внедрение новых цифровых технологий в процесс расследования преступлений осложняется совокупностью сопутствующих рисков, основными из которых являются получение недостоверной информации, утечка данных, нарушение конфиденциальности (компрометация) полученных данных, ненадлежащее использование сотрудниками правоохранительных органов полученной информации. Приведенная классификация рисков несколько условна, поскольку в конкретной ситуации каждый вид может пересекаться с другими видами рисков.

1. Получение недостоверной информации. Информация выступает центральным объектом исследования в области права. Поиск и анализ информации в процессе расследования преступлений позволяют получать доказательства, а также ориентирующую информацию, определяющую направление расследования в целом. Достоверность — одно из основных свойств, характеризующих качество информации. Она предполагает, во-первых, объективное отражение устанавли-

¹ См.: Касперская Н. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации: развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме. URL: <https://pmjournal.ru/articles/novosti/tsifrovaya-ekonomika-i-riski-tsifrovoy-kolonizatsii/> (дата обращения: 13.10.2023).

ваемых фактов, явлений, процессов или деятельности, во-вторых, доступность для понимания и восприятия информации, содержащейся в данных, в-третьих, неизменность, обеспечиваемая надлежащими программными и техническими средствами обработки [3, с. 165].

Опасность получения недостоверной информации может быть сопряжена с программными (технологическими) особенностями, среди которых использование для создания алгоритма некачественных (неполных и неточных) исходных данных, предвзятость построенного алгоритма, непрозрачность системы, нарушение целостности (подмены, удаления) данных.

Во всем мире наблюдаются алгоритмические недостатки, допускаемые при создании и внедрении систем искусственного интеллекта. Алгоритмы создаются людьми, а им неизбежно присущ субъективизм. Они обучаются и осуществляют функцию принятия решений на основе именно тех данных, которые изначально человек выбрал и загрузил в систему или которые она собрала самостоятельно. Алгоритмы могут быть изначально созданы (случайно или умышленно) с дискриминационными составляющими (пол, возраст, этническая принадлежность) и заложены в программу в процессе ее разработки или возникнуть в результате самообучения. Так, в докладе «Ассоциации вычислительной техники (АСМ)», являющейся крупнейшей международной организацией в сфере ИТ, содержится 207 ссылок на примеры ошибок, допущенных алгоритмом при принятии решений¹. В результате люди годами не могут опротестовать ошибочные решения¹. Как несомненное достижение оценивалось создание программы, разработанной ФБР совместно с Syrcadia и Cure Metrix, дающей возможность опознавать людей, совершивших преступления, не по чертам лица, а по фрагментам татуировок. Однако система несколько раз давала сбой, и в результате были задержаны граждане, не имевшие отношения к преступной деятельности [4, с. 53]. При использовании цифровой информации в процессе расследования преступлений возрастают риски, связанные с качеством данных, положенных в основу создаваемой программы. «Возможны ситуации, когда в базе данных, на основе которой обучаются системы ИИ, могут отсутствовать сведения, стратегически важные для принятия решения, особенно если это связано не с обычным, а экстраординарным преступлением» [3, с. 165].

В то же время надо признать, что «цифровая информация за счет математических алгоритмов значительно повышает качество экспертно-криминалистической информации, которая представляет собой индивидуальную совокупность криминалистически значимых признаков объекта учета, выявляемых и фиксируемых с использованием специальных знаний, экспертно-криминалистических методов и средств, а это, в свою очередь, ускоряет идентификацию объектов» [5, с. 752]. Необходимо отметить, что область применения экспертных систем, созданных на новых технологиях, относительно автономна. Они основаны на использовании специальных знаний в конкретной области науки, техники, искусства или ремесла и согласованы с экспертным сообществом. Между тем отметим и серьезные проблемы, возникающие перед экспертами, проводящими, например, фоноскопические экспертизы. В настоящее время существуют многочисленные программно-технические средства, позволяющие изменять

¹См.: The Fallacy of AI Functionality. URL: <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/3531146.3533158> (дата обращения: 21.09.2023).

и маскировать голоса, исказить речевой сигнал. Использование злоумышленниками цифровых технологий голосового синтеза для клонирования голоса может затруднить решение как идентификационных, так и диагностических задач.

Риск получения недостоверной информации существенно возрастает в случае функционирования непрозрачных систем искусственного интеллекта, созданных методом глубокого изучения на основе нейросетей. Процесс развития нейросетей характеризуется тревожным процессом их самообучения и самодообучения. Такие программы построены и работают по принципу «черного ящика». В силу их непрозрачности не представляется возможным провести анализ данных и перепроверить полученный результат. Таким образом, мы оказываемся в ситуации, где процесс принятия решений может основываться на критериях, непонятных людям, принимающим решения. Необходимо отметить, что не случайно в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года обращено внимание на то, что «алгоритмы работы нейронных сетей крайне сложны для интерпретации, и, следовательно, результаты их работы могут быть подвергнуты сомнению и отменены человеком»¹.

Информация, полученная с помощью нейронных сетей, повышает риск выведения недостоверных версий и выведения из них следствий, проверка которых может привести к формированию неверного направления всего процесса расследования и принятия ошибочных юридически значимых решений. Поэтому использование в практике расследования алгоритмов, созданных на основе нейросетей, если и возможно, то только для получения вспомогательной, а не для доказательственной информации. Так, жаркую дискуссию вызвало решение судьи в Колумбии включить ответы чат-бота в судебное решение для «расширения аргументов». При этом чат-бот предупредил судью о недопустимости использования нейросети при вынесении приговора². В.С. Овчинский отмечает: «Будучи сложными программно-аппаратными комплексами на основе ИИ, используемыми в правоохранительной и правоприменительной деятельности, универсальные системы ни в коем случае не должны быть “черным ящиком”. Их решения должны быть объяснены и логичны как для пользователей системы, так и для лиц, решение по которым системой выносится. Решения и действия системы должны быть понятны пользователям-людям, включая лиц, в отношении которых действует система, а также лиц, ее эксплуатирующих. Любая выводная информация должна быть интерпретирована в виде текстов, таблиц, графически и понятна людям»³. Необходим прозрачный механизм верификации выводов, но современные нейронные сети такой верификации, по сути, предоставить не могут. Поэтому для минимизации возможности получения недостоверной информации необходимо выяснять механизм функционирования конкретной программы. Сказанное отнюдь не означает, что алгоритм защиты технологической системы должен быть прозрачен и общедоступен. Наличие защиты конкретной системы должно обеспечивать лишь невозможность раскрытия параметров ее преодоления.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 14.10.2023).

² См.: Судья в Колумбии использовал ChatGPT для вынесения приговора. URL: https://vk.com/wall-217376571_1014 (дата обращения: 10.10.2023).

³ Овчинский В.С. Искусственный интеллект для полиции. URL: <https://izborsk-club.ru/17797> (дата обращения: 14.10.2023).

Риск получения недостоверной информации может быть связан с нарушением ее целостности как свойства, характеризующего ее существование в неискаженном виде. Цифровая информация может быть подвергнута изменению, следы которого порой определить очень сложно. Возможны «технологические риски и риски информационной безопасности — это приемы и методы злоумышленников, пытающихся воспользоваться уязвимостями и незаконными возможностями новых технологий. Целостность информации может быть нарушена, если произошла пусть даже случайная ошибка программного или аппаратного обеспечения. Речь в данном случае не идет о санкционированных изменениях данных, сделанных уполномоченными лицами с обоснованной целью (например, запланированная коррекция базы данных)» [6, с. 384].

Источником значительных рисков является внедрение заимствованных цифровых технологий, сервисов, программного обеспечения. Они могут содержать как случайную ошибку, так и специально запрограммированную, способную отключить систему через встроенную возможность удаленного доступа, обеспечить заинтересованным лицам внешний канал доступа и управления, а также вызвать сбой в работе сервиса. Поэтому исключение использования заимствованных технологий, сервисов, программного обеспечения выступает одним из направлений в минимизации риска получения недостоверной информации.

2. Утечка данных. Один из самых обсуждаемых рисков, возникающих при внедрении цифровых технологий, — это риск утечки персональных данных. Так, «за 2023 год количество утечек возросло до 40 раз, а объем “слитых” записей превышает 600 млн»¹. В настоящее время государственные органы уделяют особое внимание регистрации биометрических данных граждан. При этом нужно учитывать, что цифровая биометрическая информация в отличие от обычных данных не просто связана с конкретным человеком, а неизменна в течение жизни, что резко повышает уровень риска в случае ее утечки. Особую опасность представляют системы, использующие голосовую биометрию, что может помочь злоумышленникам получить доступ к аккаунтам и данным пользователей. Риск утечки таких данных создает опасность «нарушения целостности (подмены, удаления) биометрических персональных данных, нарушения конфиденциальности (компрометации) биометрических персональных данных, нарушения достоверности биометрических персональных данных»².

3. Нарушение конфиденциальности. Повсеместное внедрение цифровизации, с одной стороны, увеличивает возможности контроля и безопасность граждан, а с другой — нарушает их частное пространство и несет риск установления тотального контроля над человеком. «Практически полностью утрачивается понятие “конфиденциальность” и “частная жизнь”. При этом повышается угроза нарушения приватности персональных данных. Развитие систем видеонаблюдения, баз персональной информации, систем анализа “больших данных” и др. делают человека фактически “прозрачным” для любого, кто располагает доступом к его персональной информации»³. В настоящее время пристальное

¹ См.: Цифровое право. Объем утечек в России вырос в 40 раз по сравнению с 2021 годом, говорится в отчете Роскомнадзора. URL: https://telemetr.me/content/digital_law_trends (дата обращения: 14.10.2023).

² См.: Приказ Минцифры России от 5 мая 2023 г. № 446 «Об утверждении перечня угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fsb-rossii-ot-10072014-n-378/#100039> (дата обращения: 02.10.2023).

³ Гриняев С.Н. Угрозы цифровой эпохи: краткий анализ возможных последствий. URL: <http://csef.ru/ru/articles/print/7875> (дата обращения: 10.10.2023).

внимание уделяется цифровому профилю личности, формируемому уже с рождения ребенка и дополняемому всеохватывающими данными в течение всей его жизни. Поступающие данные будут постоянно показывать коммуникацию человека, отражать состояние здоровья и финансовое положение и т.д. В случае возникновения необходимости цифровой профиль лиц, вовлеченных в процесс расследования, позволит сотрудникам правоохранительных органов оперативно получать и изучать актуальную информацию.

4. Ненадлежащее использование полученной информации. Обращение к цифровым технологиям помогает оперативно собрать необходимую информацию, что положительно влияет на процесс расследования. Однако беспокойство вызывает риск ее возможного ненадлежащего использования. Не исключена возможность использования полученной информации с целью манипулирования человеком (шантажа, давления и т.д.). Тем более что граждане не имеют возможности контролировать использование кем-либо своих персональных данных и никак не могут повлиять на этот процесс. В результате возникает риск ограничения прав и свобод гражданина и причинения ему вреда. Так, соучастник убийства Дарьи Дугиной признался в незаконном сборе ее личных данных, которые потом оказались в руках украинских спецслужб. Непосредственно сбором информации занимался полицейский, который имел доступ к информационной системе Госавтоинспекции и воспользовался своим служебным положением. Он получил и продал личные сведения о Дугиных: данные о месте их жительства, марки и номера принадлежащих им автомобилей и другую информацию¹. В связи с этим остро встает вопрос о совершенствовании законодательства, регулирующего использование персональных данных и ответственность лиц за их нецелевое использование. За рамками данной статьи остаются вопросы ответственности за принятие юридически значимых решений с использованием новых технологий, которые могут составить предмет самостоятельного исследования.

По мнению О.А. Зайцева и П.С. Пастухова, «цифровая информация является главным элементом цифровой трансформации и модернизации предварительного расследования, используя который, органы предварительного расследования смогут получать криминалистически значимую информацию, “не вставая со стула и не выходя из служебного кабинета”» [5, с. 761]. При этом не исключен риск непреднамеренного или преднамеренного включения следователем недостоверных или искаженных данных, полученных вследствие их ненадлежащего подбора, анализа и репрезентации в процессуальные документы.

Риски использования новых технологий в практике правоохранительных органов значительны, и многие из них остаются не до конца проясненными. Говоря об искусственном интеллекте, В.В. Путин отметил, что «от человека зависит, насколько аккуратно он будет распоряжаться этими возможностями. Так же как от человека зависит использование ядерной энергии, других достижений, которые используются в том числе в военной сфере. Поэтому я думаю, что мы должны иметь в виду эти риски и, подумав заранее, купировать»².

Выявленные риски должны быть учтены как разработчиками программ, так и юристами. Риск применения цифровых технологий при решении задач,

¹ См.: Двое соучастников убийства Дугиной признали вину. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/18866099> (дата обращения: 08.10.2023).

² См.: Конференция по искусственному интеллекту // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 21.10.2023).

связанных с оценкой человеческой деятельности с точки зрения права, может быть минимизирован с помощью морально-этических средств защиты [3]. Этика является базой для правового регулирования. Чтобы снизить риски, возможные при использовании цифровых технологий в процессе расследования преступлений, необходимо разрабатывать правовые нормы с учетом этических принципов.

Использование достижений цифровизации напрямую зависит от подготовки юристов, владеющих информационными технологиями. В настоящее время сохраняется нехватка сотрудников правоохранительных органов, подготовленных для работы с современными информационными технологиями. Предпочтительны сотрудники, имеющие не только юридическое, но и техническое образование, обладающие достаточными знаниями для понимания работы алгоритмов и возможности их применения для решения задач, которые ставятся в процессе расследования, ведь даже для формулирования и постановки следователем задач перед IT-специалистами, привлекаемыми к расследованию преступлений, такие знания необходимы. Следует согласиться с мнением В. С. Овчинского, что «при всех возможностях ИИ и робототехники правоохранительным органам надо помнить, что они — не панацея, а всего лишь инструмент. Соответственно ими, как любыми инструментами, надо уметь эффективно пользоваться»¹.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что стремительное развитие цифровых технологий и внедрение их в практику правоохранительных органов неизбежно. Применение цифровых технологий позволяет оптимизировать процесс расследования преступлений, снизить риск ошибок из-за человеческого фактора, возможности воздействия одного участника процесса расследования на другого в целях повлиять на те или иные действия, изменить решения по делу и т.д. В то же время существуют опасения существования рисков, влияющих на достоверность получаемой информации, риски утечки и компрометации данных, а также ненадлежащего использования сотрудниками правоохранительных органов полученной информации. Возможные уязвимости новых цифровых технологий и программного обеспечения существенно снижают уровень информационной безопасности. Должны быть сформированы модели рисков, возникающих при внедрении цифровых технологий в практику выявления и расследования преступлений. При их формировании должны учитываться не только косвенные уязвимости, создающие условия для возникновения определенных рисков, но и прямые нарушения правовых норм и этических принципов. Необходимо обеспечить надлежащий уровень и механизм защиты персональных данных граждан, чтобы исключить любые риски утечки персональной информации, что может стать причиной нарушения личных свобод граждан.

Формирование моделей рисков может быть осуществлено с учетом особенностей создания и изменения конкретной информационной системы, результатов мероприятий по контролю за выполнением требований к обеспечению безопасности данных при их обработке в информационной системе, итогов анализа практики применения новых технологий в правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Таким образом, условиями минимизации рисков, возникающих при внедрении новых технологий в практику расследования преступлений, являются

¹Овчинский В.С. Указ. соч.

использование при создании алгоритмов качественных исходных данных; предоставление сведений о работе механизма операционной системы, передача данных в понятном для пользователя виде с информированием «об их сложности, точности и вероятностном интервале ошибок»¹, соблюдение рекомендаций по кибербезопасности, подготовка сотрудников, обладающих знаниями, умениями и навыками работы с новыми технологиями, разработка законов и нормативных актов с учетом этических принципов.

Многие ученые, обеспокоенные рисками применения ИИ, считают, что наилучшим подходом выступает проведение серьезных исследований для решения сложной «проблемы контроля»: какие типы гарантий, алгоритмов или архитектур могут реализовать программисты, чтобы минимизировать вероятность вредных последствий.

В настоящее время люди вынуждены познавать себя не только во взаимоотношениях, но и в отношениях с машинами, поскольку они пришли в нашу жизнь. Это новая ситуация, которой никогда не было в истории права. Поэтому перед правом стоит серьезный вызов выстраивания отношений между людьми и машинами. И ситуации, которые будут все чаще происходить, будут показывать, какую именно сторону взаимодействия нужно регулировать. Необходимо очень осторожно и критично относиться к введению в практику правоохранительных органов новых технологий и направлять исследования в сторону создания дополнительного контроля и анализа их функционирования, оценки возможных рисков, создания механизма их минимизации и исправления ошибок. При этом необходимо следить за мировыми тенденциями и смотреть даже дальше, чтобы предвосхитить их.

Библиографический список

1. *Смушкин А.Б.* Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 244–250.
2. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.
3. *Воробьева И.Б.* Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4(147). С. 162–172.
4. *Бабич В.Н., Кириллова Е.А.* Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта / под общ. ред. В.С. Овчинского. М.: ГИАЦ МВД России, 2019. 148 с.
5. *Зайцев О.А., Пастухов П.С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.
6. *Графова Т.О., Шаповалов А.Ф.* Риски и угрозы экономической безопасности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 382–386.

References

1. *Smushkin A.B.* Strategic Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation, Detection and Prevention // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 478. P. 244–250.

¹ См.: ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (п. 4.3.5). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180276> (дата обращения: 26.09.2023).

2. *Strategy of Digital Transformation: to Write In Order to Execute* / ed. by E.G. Potapova, P.M. Poteyev, M.S. Shkolyaruk. M.: RANEandPA, 2021. 184 p.
3. *Vorobyova I.B.* Ethical Aspects of Using the Systems of Artificial Intellect in Crime Investigation // *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2022. No. 4(147). P. 162–172.
4. *Babich V.N., Kirillova E.A.* Review of Selected Issues in the Field of Big Data and Artificial Intellect / ed. by V.S. Ovchinsky. M.: MIAC of Russia MIA, 2019. 148 p.
5. *Zaitsev O.A., Pastukhov P.S.* Formation of a New Strategy for Crime Investigation in the Epoch of Digital Transformation // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2019. No. 46. P. 752–777.
6. *Grafova T.O., Shapovalov A.F.* Risks and Threats to Economic Security // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 2020. Vol. 9, no. 1(30). P. 382–386.

Д.А. Ефремов

ПРИНЦИПЫ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАЦИИ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОГРАММНЫХ
СРЕДСТВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРАКТИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
НАУЧНУЮ И ДИДАКТИЧЕСКУЮ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение: активно развивающиеся разработки аппаратно-программного характера требуют глубокого и всестороннего анализа с точки зрения прогнозирования возможности существования определенных рисков и угроз в ходе их интеграции в практику расследования преступлений, а также криминалистическую научную и дидактическую деятельность. **Цель** — определить перечень принципов интеграции цифровых технологий и программных средств искусственного интеллекта, обеспечивающих их эффективность и исключающих формирование факторов негативного характера в практику расследования преступлений, научную и дидактическую криминалистическую деятельность. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы. **Результаты:** безопасные пределы интеграции рассматриваемых технологий будут обеспечены посредством соблюдения следующих принципов: законодательной регламентации, стимулирования развития творческой личности, прозрачности и контроля, блокировки участия в принятии значимых решений, прогнозирования неблагоприятных вариантов развития и применения, поддержания качественного состояния и развития кадрового состава. **Выводы:** цифровые технологии и программные средства искусственного интеллекта должны функционировать исключительно во благо человека и не создавать угроз для личностного и общественного развития.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросеть, дистанционные технологии, расследование преступлений, криминалистическая наука, криминалистический образовательный процесс.

D.A. Efremov

PRINCIPLES AND LIMITS OF THE INTEGRATION OF DIGITAL
TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SOFTWARE
INTO THE CRIME INVESTIGATION ACTIVITIES, SCIENTIFIC
AND DIDACTIC CRIMINALISTICAL PROCESS

Background: actively developing hardware and software developments require deep and comprehensive analysis from the point of view of predicting the possibility

© Ефремов Дмитрий Алексеевич, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dimefremov@mail.ru

© Efremov Dmitriy Alekseevich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics (Saratov State Law Academy)

of the existence of certain risks and threats in the course of their integration into the practice of crime investigation, as well as forensic scientific and didactic activities. Objective — to determine the list of principles of integration of digital technologies and artificial intelligence software into the practice of crime investigation, forensic scientific and didactic activities that ensure their effectiveness and exclude the formation of negative factors. Methodology: general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (comparative-legal, formal-legal) methods. Results: safe limits of integration of the technologies under consideration will be ensured by observing the following principles: legislative regulation, stimulating the development of creative personality, transparency and control, blocking participation in making significant decisions, forecasting unfavorable variants of development and application, maintaining the quality condition and development of personnel. Conclusion: digital technologies and artificial intelligence software should function solely for the benefit of human beings and should not pose a threat to personal and social development.

Keywords: *digital technologies, artificial intelligence, neural network, remote technologies, crime investigation, criminalistics science, forensic educational process.*

Современное состояние научно-технического прогресса формирует особые условия для реализации процессов профессиональной деятельности человека в различных сферах. В результате бурно развивающихся разработок аппаратно-программного характера по всему миру появляются технологии, которые требуют глубокого и всестороннего анализа не только с позиции их потенциальной полезной результативности для той или иной сферы, но и с точки зрения прогнозирования возможности существования определенных рисков и угроз, а также определения пределов их интеграции в практическую плоскость. В связи с этим представляется весьма полезным провести критический анализ существования обозначенных факторов применительно к некоторым отдельным направлениям криминалистической деятельности с учетом современного знания о цифровых технологиях и программных средствах искусственного интеллекта (далее — инновационные цифровые технологии). Под инновационными цифровыми технологиями следует понимать средства аппаратно-программного характера, основанные или сопряженные с применением искусственного интеллекта, технологий больших данных и расширенной реальности, а также цифровые инструменты дистанционного взаимодействия, интегрируемые в новые сферы профессиональной деятельности.

Прогнозируя потенциальные риски и пределы использования указанных технологий применительно к рассматриваемой (криминалистической) области, необходимо прежде всего указать ее структурные элементы (направления), которые определяют специфику их интеграции и реализации. Криминалистическая деятельность сложна по своей структуре и представлена практическими направлениями (следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельностью), а также векторами научного и дидактического характера.

Сегодня созданы и функционируют различные цифровые инструменты в процессе реализации рассматриваемых направлений криминалистической деятельности: автоматизированные рабочие места следователя и руководителя следственного подразделения, дистанционные образовательные технологии — информационные ресурсы научного и дидактического характера, образовательные интернет-площадки и средства дистанционной видео-конференц-связи, а также программные средства искусственного интеллекта, технология больших данных и т.п.

Указанные инновационные цифровые технологии (далее — ИЦТ), бесспорно, имеют очевидные преимущества, обеспечивая повышение эффективности всех направлений человеческой профессиональной деятельности, в том числе следственной и криминалистической научно-дидактической. Так, технологии виртуальной реальности делают обучение более наглядным, позволяют активизировать обучаемых, полнее вовлечь их в учебный процесс. Эти технологии облегчают и упрощают совместную работу людей, которые находятся на расстоянии. Например, коллеги могут встречаться с помощью средств дополненной реальности, готовить совместные документы, вести проекты и выполнять многие другие работы практически столь же эффективно, как и при личном контакте в реальном мире. У преподавателей и учащихся появляется возможность использовать виртуальные лаборатории для изучения окружающего мира, формирования умений и отработки навыков, а также для демонстрации их освоения и автоматизированного оценивания [1, с. 110].

Однако в данном случае все же следует вести речь о технологиях расширенной реальности, включая виртуальную, дополненную и смешанную реальности. Следует отметить, что каждая технология, относящаяся к той или иной разновидности указанных реальностей, должна быть предварительно проанализирована на предмет ее потенциальной полезности для той или иной сферы криминалистической деятельности. Так, представляется, что применение очков виртуальной реальности в образовательном процессе в качестве основного дидактического средства не способно в полной мере сформировать адекватных компетенций (в первую очередь навыков) специалиста, способного на высоком профессиональном уровне работать с вещественными доказательствами при реализации предварительного расследования по уголовным делам.

Другим важнейшим вектором развития криминалистической деятельности является применение таких ИТЦ, как сопряженные технологии искусственного интеллекта (прежде всего нейросети) и больших данных (Big Date).

Ввиду сказанного представляется, что дальнейшее развитие автоматизированных рабочих мест следователя (АРМС) посредством интеграции в них нейросети и технологии больших данных, содержащих актуальную научно-криминалистическую базу (в качестве информационно-рекомендательной подсистемы), бесспорно, окажет «существенное влияние на повышение эффективности уголовно-процессуальной, криминалистической, информационно-аналитической, управленческой и иных сфер деятельности органов предварительного расследования, других связанных с ними подразделений и служб правоохранительных органов, органов исполнительной власти разных уровней независимо от их ведомственной принадлежности» [2, с. 69].

Технологии искусственного интеллекта выступают перспективным направлением теоретических и прикладных исследований в сфере деятельности по расследованию криминальных деяний. Вместе с тем проблема внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическое изучение преступной деятельности заключается в том, что единицы криминалистов-исследователей обладают знаниями и навыками их использования, а специалисты в сфере обработки и анализа данных (Data Mining, Data Science) не являются одновременно специалистами в области криминалистики и расследования преступлений [3, с. 52].

С точки зрения восходящего подхода к пониманию искусственного интеллекта последний предполагает уже полноценное поведение или мышление, то есть

комплексную оценку входящих сообщений и принятие на их основе взвешенных решений в условиях неполной, фрагментированной информации [4, с. 43]. Искусственные нейронные сети способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности, подобно тому как талантливый следователь может связать в единую картину разрозненные обстоятельства совершения преступления [4, с. 45]. В связи с этим представляется абсолютно справедливой позиция, согласно которой предлагается «в числе первоочередных задач — определить данное направление деятельности как одно из приоритетных в работе органов предварительного расследования, разработать научно-обоснованные методические рекомендации, заняться изучением проблем использования технологий Big Data в вузах системы МВД» [5, с. 45].

В криминалистической научной литературе все чаще высказываются вполне обоснованные идеи адаптации к информационно-телекоммуникационной цифровой среде процесса производства отдельных следственных действий, а также положений криминалистической науки в данной сфере. Так, А.Б. Смушкин к числу «электронных следственных действий» относит «осмотр электронного объекта» и «контроль электронных отправок и их копирование», а также в рамках осмотра электронного объекта выделяет его подвиды, имеющие специфический объект исследования: осмотр локального устройства (компьютерного или коммуникационного), сетевой осмотр (в рамках которого должен производиться как осмотр структуры сетевого ресурса, так и непосредственно информационного объекта), осмотр распределенного объекта [6, с. 170].

М.В. Савельева выделяет категорию «дистанционные следственные действия», совершенствование тактики которых происходит путем формирования как отдельных тактических рекомендаций, так и подраздела криминалистической тактики — тактики дистанционных (с использованием инструментов цифровизации уголовного судопроизводства) следственных действий. Тактические рекомендации производства допроса по видео-конференц-связи, по ее мнению, являются в настоящее время более разработанными, чем тактика иных действий. Одновременное использование видео-конференц-связи с фиксацией видеоаудиоинформации и средств ИИ для оценки эмоционального и психофизиологического состояния допрашиваемого на расстоянии субъекта не повлечет расширения доказательственной базы, но повлияет на оценку показаний допрашиваемого, корректировку реализуемых в отношении него тактических приемов, выдвижение новых версий и планирование дальнейшего хода расследования [7, с. 3].

В последние годы дистанционные принципы взаимодействия свойственны и сфере образования. Выделяются такие категории, как «дистанционные образовательные технологии» (реализуется исключительно взаимодействие обучающегося и преподавателя), «электронное обучение» (реализуется взаимодействие как обучающихся, так и всех участников образовательного процесса) [8, с. 15]. Практика последних лет показывает, что активная интеграция ИЦТ, в том числе средств дистанционного взаимодействия в образовательном процессе, имеет и свои негативные моменты. Так, по результатам исследования, подготовка обучающихся посредством дистанционного обучения имеет низкий уровень (4,9 балла из 10), а 48 % респондентов указали, что по итогам прохождения обучения в данной форме им потребовалась дополнительная образовательная помощь [9, с. 180–181]. Учитывая данное обстоятельство, считаем, что процесс организации обучения криминалистике и дисциплинам криминалистического цикла

должен быть тщательно выверен на предмет допустимых пределов интеграции ИЦТ, обеспечивающих повышение его эффективности и не допускающих в нем появления факторов негативного характера. То же касается и практической (следственной, оперативно-розыскной, экспертной) деятельности.

Для определения таких границ необходимо выработать базовые положения — принципы, которые обеспечат безопасные для человека и общества в целом пределы интеграции ИЦТ в указанные направления криминалистической деятельности.

Принцип законодательной регламентации подразумевает формирование правовой основы по итогам системного взаимодействия субъектов нормотворчества с научным (техническим, юридическим, педагогическим, психологическим и т.п.) сообществом. Проблемам нормативного регулирования рассматриваемых технологий вполне обоснованно стали уделять все больше внимания¹. Следует отметить, что формирование правовых основ использования ИЦТ должно носить отраслевой характер, учитывая специфику каждого направления профессиональной (например, правоохранительной, военной, образовательной, медицинской) деятельности. Если говорить о рамочных параметрах таких нормативных правовых актов, то они должны содержать базовые категории и положения применения ИЦТ с учетом конкретной сферы деятельности, формы и методы их реализации. В частности, для процесса предварительного расследования это имеет важное значение, так как определит базовые критерии реализации сбора и анализа криминалистически значимой информации, установит основные возможности и направления ее использования в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Принцип стимулирования развития творческой личности. Процесс использования ИЦТ не должен ограничивать профессиональное и иное личностное развитие субъектов, вовлеченных в ту или иную сферу деятельности. В основе любого развития науки и техники лежит человеческое знание, полученное по итогам непосредственного личного систематического анализа объективной действительности. Дальнейшее развитие общества, в том числе и в технологическом отношении, будет обеспечено прежде всего за счет сохранения и развития творческих компетенций каждого его члена. Проблема блокирования саморазвития человека путем бесконтрольной повсеместной интеграции анализируемых аппаратно-программных средств вызывает серьезное опасение. Так, за рубежом уже наблюдаются попытки замены преподавателей по программированию искусственным интеллектом, мотивируя это благовидным предлогом по созданию равного количественного соотношения преподавателей и студентов². Обеспечение должного качества практической подготовки специалистов в сфере предварительного расследования (следователей, оперативных работников, экспертов) напрямую зависит от их непосредственного (физического) вовлечения в образовательный процесс, где происходит активное и деятельностное взаимодействие преподавателя и обучающегося с применением специальной технической и ин-

¹ См.: В России разрабатывают закон об искусственном интеллекте // РИА «Новости». 2023. 28 июня. URL: <https://ria.ru/20230628/zakon-1880810358.html> (дата обращения: 02.07.2023).

² См.: ИИ стал преподавателем по программированию в Гарварде // Рамблер-новости. URL: <https://news.rambler.ru/tech/50971157-ii-stal-prepodavatelem-po-programmirovaniyu-v-garvarde/> (дата обращения: 02.07.2023).

фраструктурной составляющих (криминалистические комплексы и лаборатории, полигон, музей и т.п.).

Принцип прозрачности и контроля. Дополнительным фактором, обеспечивающим надежность применения ИЦТ, а также достоверность получаемого результата и степень его полезности в решении конкретной проблемной ситуации, будет осуществление контрольных функций со стороны компетентной кадровой единицы, реализация которых возможна посредством технической организации прозрачности функционирования данных технологий (возможности установления технических параметров, источников сбора криминалистически значимых данных, программных кодов и алгоритмов работы и т.п.). Данный принцип особенно важен в формировании информации доказательственного характера, а также принятии важных управленческих решений по уголовным делам, в том числе процессуального характера.

Принцип блокировки участия в принятии значимых решений. Интеграция ИЦТ может происходить, как уже отмечалось, в различных сферах профессиональной деятельности. Применение данных технологий может быть связано не только с процессами передачи, получения и обработки данных, но и с принятием определенного набора решений, которые, по сути, могут носить различный характер. Так, в публичной плоскости уже начали появляться предложения, касаемые разрешения искусственному интеллекту принимать часть решений в вопросах госуправления¹. Если экстраполировать такие предложения на практику уголовного судопроизводства, то предоставлять принятие решений о возбуждении уголовных дел, задержании лиц, заключении их под стражу и тем более в вынесении приговора нельзя. Среди всей массы принимаемых решений рассматриваемым технологиям должна быть предоставлена обеспечительная, факультативная роль. Это, например, может быть выбор источников получения криминалистически значимой информации, ее предварительный анализ, формирование отчетного резюме для последующего контроля со стороны лица, принимающего значимые для реализации профессиональной уголовно-процессуальной деятельности решения. Такие системы должны использоваться исключительно в качестве рекомендательно-содействующего механизма, где все итоговые решения в уголовном судопроизводстве (на всех его стадиях) должны приниматься человеком, о чем свидетельствует международный опыт².

Принцип прогнозирования неблагоприятных вариантов развития и применения ИЦТ подразумевает систематические научно-прикладные исследования, которые будут выполнять функции мониторинга актуального состояния данных технологий, определять текущий коэффициент их полезного действия и факты наличия определенных рисков, а также прогнозировать потенциально опасные варианты развития и интеграции инновационных технологий в различные сферы профессиональной деятельности. В качестве примера появления такого рода рисков можно привести недавние случаи подготовки нейросетью дипломных

¹ См.: Греф предложил разрешить ИИ принимать часть решений в вопросах госуправления // ТАСС от 15 июня 2023 года. URL: <https://tass.ru.turbopages.org/tass.ru/s/ekonomika/18018895> (дата обращения: 23.06.2023).

² См.: В судах РФ будут применять искусственный интеллект для вынесения приговоров // Интернет-портал «Рамблер». URL: <https://news.rambler.ru/troops/51509959-v-sudah-rf-budut-primenyat-iskusstvennyy-intellekt-dlya-vyneseniya-prigovorov/> (дата обращения: 10.10.2023).

работ для обучающихся¹. Использование таких технологий в рамках данного направления создает существенные (если не сказать критические) проблемы для подготовки криминалистического научно-педагогического и следственного кадрового резерва. Процесс написания любой письменной работы по криминалистике призван сформировать у лица творческое мышление в рамках компетенций осваиваемой специальности, умение обнаруживать требуемые источники информации и анализировать их, вычленять важное из неограниченной массы второстепенных данных, что чрезвычайно важно для профессиональной единицы, ведущей научную деятельность или управляющей ходом предварительного расследования.

Принцип поддержания качественного состояния и развития кадрового состава. Разработка и интеграция в практическую плоскость любой технологии должна не только не блокировать творческое саморазвитие человека, но и сохранять возможность человека к профессиональной самореализации. Как отмечалось ранее, сегодня все чаще высказываются мнения и публикуются материалы о замене людей различных профессий, в том числе и преподавателей, программными средствами искусственного интеллекта². В связи с этим чрезвычайно важно, чтобы активно интегрируемые средства ИЦТ не создавали ситуации массовой экстракции из профессии трудоспособного населения, формируя в числе прочего недостаток средств к существованию, что, как следствие, будет неизбежно приводить к появлению точек социальной напряженности определенных слоев общества. При реализации процессов интеграции достижений научно-технического прогресса в практику раскрытия и расследования преступлений необходимы мягкие, взвешенные и сбалансированные подходы, в том числе сопряженные с разработкой и осуществлением различных программ подготовки и переподготовки кадрового состава с целью недопущения выпадения специалистов из трудовой сферы деятельности. Это особенно актуально на современном этапе и для отдельных ведомств, реализующих процесс предварительного расследования, которые испытывают серьезный кадровый кризис³.

Подводя итог проведенной классификации принципов, определяющих пределы интеграции ИЦТ в следственную и научно-дидактическую криминалистическую деятельность, следует определить следующие ключевые моменты. Бурно развивающийся научно-технический прогресс, продуктом которого выступает в числе прочих появление различных инновационных цифровых средств, ограничить или заблокировать невозможно и контрпродуктивно. Бесспорно, современные разработки аппаратно-программного характера способны и должны оказать существенную помощь как в научно-педагогической, так и в следственной деятельности. Вместе с тем любая цифровая технология должна функционировать исключительно во благо человека и не создавать угроз для личностного и общественного развития.

¹ См.: Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента // Комсомольская правда. 2023. 1 февраля. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/> (дата обращения: 10.10.2023).

² См.: Какие профессии заменит искусственный интеллект: отвечает сама нейросеть // Комсомольская правда. 2023. 23 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/27481/4737247/> (дата обращения: 21.06.2023).

³ См.: Глава МВД РФ заявил об увольнении из ведомства 5 тыс. сотрудников в июле // Интерфакс. 2023. 10 августа. URL: <https://www.interfax.ru/russia/915654> (дата обращения: 10.10.2023).

Библиографический список

1. *Уваров А.Ю.* Технологии виртуальной реальности в образовании // Наука и школа. 2018. № 4. С. 108–117.
2. *Загвоздкин Н.Н.* Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1(9). С. 67–75.
3. *Бессонов А.А.* Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2(78). С. 45–53.
4. *Бахтеев Д.В.* Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2(104). С. 43–49.
5. *Саморока В.А., Прохорова Е.А.* Перспективы использования «Big data» при раскрытии и расследовании преступлений // Академическая мысль. 2019. № 3(8). С. 74–78.
6. *Смушкин А.Б.* Концепция «электронных» следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3(19). С. 165–172.
7. *Савельева М.В.* О возможностях и тактике допроса с использованием видео-конференц-связи // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1(127). С. 1–4.
8. *Андреев А.А., Солдаткин В.И.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Cloud of Science. 2013. № 1. С. 14–20.
9. *Якобчук Л.И.* Изучение влияния дистанционной формы обучения во время пандемии на результаты обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84). С. 179–181.

References

1. *Uvarov A.Yu.* Virtual Reality Technologies in Education // Science and School. 2018. No. 4. P. 108–117.
2. *Zagvozdkin N.N.* Automated Workplace of the Investigator: Problems of Development and Implementation in Practice // Siberian Criminal Procedural and Criminalistics Readings. 2016. No. 1(9). P. 67–75.
3. *Bessonov A.A.* Use of Artificial Intelligence Algorithms in the Forensic Study of Criminal Activity (on the Example of Serial Crimes) // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2021. No. 2(78). P. 45–53.
4. *Bakhteev D.V.* Artificial Intelligence in Criminalistics: State and Prospects of Use // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 2(104). P. 43–49.
5. *Samoroka V.A., Prokhorova E.A.* Prospects of Using “Big Data” in the Detection and Investigation of Crimes // Academic Thought. 2019. No. 3(8). P. 74–78.
6. *Smushkin A.B.* Concept of «Electronic» Investigative Actions // Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. No. 3(19). P. 165–172.
7. *Savelieva M.V.* On the Possibilities and Tactics of Interrogation Using Videoconferencing // International Research Journal. 2023. No. 1(127). P. 1–4.
8. *Andreev A.A., Soldatkin V.I.* Distance Learning and Distance Educational Technologies // Cloud of Science. 2013. No. 1. P. 14–20.
9. *Yakobchuk L.I.* Studying the Impact of Distance Learning During a Pandemic on Learning Outcomes // The World of Science, Culture, Education. 2020. No. 5(84). P. 179–181.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-172-177

УДК 347

Е.В. Богатова, А.В. Шмелев

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Введение: инвалидам, несовершеннолетним, престарелым и другим социально незащищенным категориям граждан часто очень сложно, а иногда и невозможно самостоятельно отстаивать свои права. Поэтому им требуется особое внимание со стороны государства. Одним из органов, обеспечивающим защиту прав таких граждан, является прокуратура. Надзор в этом направлении имеет важные особенности, обусловленные неспособностью данной категорией граждан в некоторых случаях даже сообщить о нарушениях своих прав. **Цель** — проанализировать особенности надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан. **Поиск преимуществ перед судебной защитой.** **Методологическая основа:** теоретические (анализ, дедукция, информационный, классификация), практические методы (наблюдение, сравнение). **Результаты:** установлено, что прокурорский надзор в данной сфере носит инициативный характер, является более доступным и удобным способом защиты гражданами своих прав. Профилактическая работа органов прокуратуры позволяет во многих случаях не допустить нарушений прав социально незащищенных категорий граждан. **Выводы:** органы прокуратуры обладают широким перечнем полномочий для комплексного оказания помощи, начиная с приема обращений, проведения по ним проверки, выявления нарушений и заканчивая принятием мер по их устранению. Реальное устранение нарушений прав социально незащищенных категорий граждан находится на контроле у органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорский надзор, особенности надзора, социально незащищенные категории граждан, полномочия прокурора.

© Богатова Екатерина Владимировна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Bogatovaev@yandex.ru

© Шмелев Алексей Вячеславович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Bogatova Ekaterina Vladimirovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Shmelev Aleksey Vyacheslavovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

E. V. Bogatova, A. V. Shmelev

PECULIARITIES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER
THE OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF SOCIALLY
VULNERABLE CATEGORIES OF CITIZENS

Background: it is often very difficult and sometimes even impossible for disabled persons, minors, the elderly and other socially unprotected categories of citizens to assert their rights on their own. Therefore, they require special attention from the state. One of the bodies ensuring the protection of the rights of such citizens is the procurator's office. Supervision in this area has important peculiarities due to the inability of this category of citizens in some cases even to report violations of their rights. **Objective** — analyze the peculiarities of supervision over the observance of the rights of socially unprotected categories of citizens. Search for advantages over judicial protection. **Methodology:** theoretical (analysis, deduction, informational, classification), practical methods (observation, comparison). **Results:** it has been established that prosecutorial supervision in this area is proactive in nature and is a more accessible and convenient way for citizens to protect their rights. The preventive work of the prosecutor's office allows in many cases to prevent violations of the rights of socially vulnerable categories of citizens. **Conclusions:** prosecuting authorities have a wide range of powers to provide comprehensive assistance, from receiving applications, conducting checks on them, identifying violations and taking measures to eliminate them. Prosecutor's offices are monitoring the actual elimination of violations of the rights of socially disadvantaged categories of citizens.

Keywords: prosecutorial supervision, features of supervision, socially vulnerable categories of citizens, powers of the prosecutor.

Надзор за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры, что часто подчеркивается учеными и практиками [1, с. 12–19; 2, с. 157–170; 3, с. 30–40]. Особое внимание уделяется защите закрепленных в Конституции РФ прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение, трудовых, жилищных, избирательных и иных социальных и политических прав и свобод человека и гражданина. Защите подлежат как граждане Федерации, так и иностранные граждане, а также апатриды и бипатриды. В первоочередном порядке прокуратура следит за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан. Однако в законодательстве не приводится точный перечень таковых. В ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ предусматривается возможность инициирования процесса прокурором в защиту прав граждан, которые по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не могут самостоятельно обратиться в суд¹. Данным положением прокурор руководствуется при осуществлении надзора. К социально незащищенным категориям граждан относят инвалидов, несовершеннолетних, престарелых, недееспособных в связи с наличием психических заболеваний. Помимо этого на практике первоочередное внимание прокуратура уделяет лицам, пострадавшим от природных и техногенных катастроф и аварий, беженцам, переселенцам, женщинам, попавшим в трудные жизненные ситуации и воспиты-

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 16, ст. 2755.

вающим малолетних детей¹, многодетным семьям². На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 15 марта 2023 г. Президент РФ поручил прокуратуре обратить особое внимание на защиту прав участников специальной военной операции и членов их семей, которые должны получать всю необходимую помощь и поддержку³. В связи с этим на сайте Генеральной прокуратуры РФ появился отдельный раздел «Защита прав участников специальной военной операции и членов их семей», предназначенный для сбора информации о нарушениях закона указанных категорий граждан. Стоит отметить, что приведенный перечень не является исчерпывающим, а определяется прокурором с учетом конкретной ситуации.

При проведении надзорных проверок по ставшим известным фактам нарушений прав граждан прокурор пользуется полномочиями, предоставленными ст. 27, 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре)⁴, которые можно разделить на три группы: полномочия по выявлению нарушений прав и свобод человека и гражданина; полномочия по устранению нарушений; полномочия по предупреждению нарушений.

К первой группе полномочий относятся:

рассмотрение и проверка заявления, жалобы и иного сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина;

полномочия, предусмотренные ст. 22 Закона о прокуратуре (беспрепятственно проходить на территории и в помещения поднадзорных органов при предъявлении служебного удостоверения, иметь доступ к документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей информацией о фактах нарушения, требовать выделения специалистов для выяснения возникших вопросов, проведения проверок и ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций, вызывать должностных лиц и граждан для дачи объяснений).

Следующую группу полномочий по устранению нарушений составляют:

разъяснение пострадавшим порядка защиты их прав и свобод в том случае, когда это не отнесено к компетенции органов прокуратуры;

вынесение представления об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина;

опротестование незаконных правовых актов;

вынесение постановления о направлении материалов проверки в органы следствия и дознания для решения вопроса об уголовном преследовании и осуществление надзора за принятым по нему решением при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, принимать меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом;

¹ См.: В Ульяновской области прокуратура защитила права малолетних детей и их матери // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=87624131> (дата обращения: 13.04.2023).

² См.: В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре благодаря вмешательству прокуратуры восстановлены права местной жительницы на получение пособия на детей // Там же. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=87465217> (дата обращения: 13.04.2023).

³ См.: В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2022 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2023 год // Там же. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=86293561> (дата обращения: 15.04.2023).

⁴ См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Российская газета. 1992. 18 февраля; 2023. 29 декабря.

возбуждение производства об административном правонарушении или незамедлительная передача сообщения о правонарушении и материалов проверки в орган или должностному лицу, которые полномочны рассматривать дела об административных правонарушениях, в случаях, когда нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер административного правонарушения;

защита нарушенных прав и свобод человека и гражданина в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших.

К последней группе полномочий, направленных на предупреждение нарушений закона, относится предостережение, которое прокурор объявляет должностному лицу в случае обнаружения признаков готовящегося правонарушения.

Отметим, что органы прокуратуры принимают любые обращения граждан без каких-либо ограничений, если в них есть сведения о нарушениях закона. В соответствии со ст. 10 Закона о прокуратуре рассмотрение жалобы в порядке надзора не препятствует лицу обратиться в дальнейшем в суд. Другими словами, гражданин вправе выбирать удобный ему способ защиты своих прав.

Стоит полагать, что рассмотрение заявлений, жалоб и иных сообщений для органов прокуратуры — это не столько способ защиты граждан, сколько средство получения информации о нарушении их прав. В обращениях часто содержатся данные, которые требуют проверки и применения полномочий, предусмотренных ст. 22 Закона о прокуратуре.

В рамках рассмотрения обращений граждан помимо проведения проверки прокурор может разъяснить заявителю действующее законодательство, порядок защиты своих прав, перенаправить его заявление в компетентные органы.

Для заявителя обращение в органы прокуратуры представляется наиболее удобным способом защиты своих прав, так как не требует никаких затрат и специальных юридических знаний. Гражданин может прийти на личный прием к прокурору и изложить характер нарушений в устной форме или направить жалобу любым удобным ему способом, в том числе через официальный сайт органов прокуратуры, Портал государственных услуг Российской Федерации, государственную информационную систему жилищно-коммунального хозяйства. Наличие такого широкого спектра способов подачи обращения обеспечивает абсолютный доступ граждан к органам прокуратуры. Более того, если гражданин — инвалид и не может самостоятельно передвигаться, то сотрудники органов прокуратуры придут к нему домой и примут жалобу на месте. Примером может служить работа прокурора Гагаринского административного района г. Саратова Д. Бахтеевой, которая посетила граждан с инвалидностью. В ходе встречи дополнительно разъяснила социальные права инвалидов, обсудила вопросы обеспечения их жизнедеятельности, включая своевременное льготное обеспечение лекарственными препаратами и техническими средствами реабилитации. По поступившим вопросам в сфере здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства обращения были приняты и взяты на контроль¹.

¹ См.: Новости прокуратуры Саратовской области. 09.11.2022. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_1994 (дата обращения: 04.05.2023).

Учитывая названные обстоятельства, защита органами прокуратуры прав граждан существенно отличается от судебной защиты не только доступностью, но и инициативностью. Суд рассматривает дело только в случае поступления заявления, оформленного в соответствии с требованиями процессуального законодательства, и если предмет иска соответствует компетенции суда. Прокуратура в свою очередь принимает любые обращения и самостоятельно перенаправляет их в компетентные органы, если не имеет полномочий по их рассмотрению. Прокурор не связан доводами жалобы, выявив в ходе проверки другие нарушения закона, он обязан принять меры по их устранению.

Если обратиться к статистике, то ежегодно количество обращений в органы прокуратуры растет. Так, за 2022 г. в органы прокуратуры поступило 5 576 362 обращения, что на 8,8 % больше, чем в 2021 г., и на 11,2 % — в 2020 г.¹ Это свидетельствует не только об увеличении нарушений прав граждан, но и о высоком доверии населения органам прокуратуры.

Особенностью надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан выступает инициативность надзора и направленность на предупреждение нарушений. Прокурор, как правило, не ждет обращения от таких граждан, а принимает самостоятельные меры по выявлению нарушения их прав. Например, проводит тематические встречи с учениками и их родителями, советами ветеранов, общественными организациями по защите прав инвалидов, обязательно присутствует на встречах администрации района с жителями. Это позволяет быть в курсе событий, происходящих на поднадзорной ему территории, предупредить нарушения закона или вовремя принять меры по их устранению.

Так, заместитель прокурора Кировского района г. Саратова Н. Альков совместно с общественной организацией инвалидов «Ты не один», администрацией Кировского района МО «Город Саратов», МБУ «Служба благоустройства Кировского района» проверил ход выполнения работ по благоустройству территории пруда Семхоз, проводимых в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». В ходе проверки дана оценка созданию доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья, благоустройству территории с учетом их потребностей. До заказчика и подрядчика доведены установленные законом требования об обеспечении доступности объекта социальной инфраструктуры. В настоящее время благоустройство территории пруда Семхоз продолжается. Прокуратурой района заказчику объявлено предостережение в целях недопущения нарушения прав инвалидов².

Еще одной особенностью надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан является необходимость широкого освещения результатов работы в средствах массовой информации. В настоящее время для этого активно используются интернет-сайты прокуратур, социальные сети: официальный телеграм-канал Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов РФ, соответствующие сообщества в ВКонтакте. Оглашение результатов надзора имеет важное значение. Это и профилак-

¹ См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2020, 2021, 2022 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 04.05.2023).

² См.: Новости прокуратуры Саратовской области. 18.04.2023. URL: <https://t.me/sarprok/7895?single> (дата обращения: 19.04.2023).

ческий эффект — объекты надзора, зная, что ни одно нарушение не останется безнаказанным, будут относиться к своим обязанностям более ответственно. Это и формирование доверительного отношения к органам прокуратуры: регулярное освещение результатов работы надзорного ведомства, помощь в восстановлении нарушенных прав, обратная связь в форме вопрос–ответ вселяют в граждан уверенность в защите своих прав и желание информировать о нарушении закона.

Таким образом, надзор в этом направлении носит инициативный и гласный характер. Органы прокуратуры обладают широким перечнем полномочий для комплексного оказания помощи, начиная с приема обращений, проведение по ним проверки, выявления нарушений и заканчивая принятием мер по их устранению. При этом реальность устранения нарушений прав социально незащищенных категорий граждан находится на контроле у органов прокуратуры. Надзор имеет свои особенности, которые отличают его от других способов защиты и обеспечивают в числе прочих профилактический эффект.

Библиографический список

1. *Амирбеков К.И.* Место и роль прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в государственном правозащитном механизме и меры по его совершенствованию: концептуальный подход // Вестник университета прокуратуры РФ. 2022. № 6(92). С. 12–19.
2. *Евдокимов В.Б., Игонина Н.А.* Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 157–170.
3. *Субанова Н.В., Игонина Н.А.* Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина: к вопросу о концептуальной модели развития // Вестник университета прокуратуры РФ. 2022. № 3(89). С. 30–40.

References

1. *Amirbekov K.I.* The Place and Role of Prosecutor's Oversight of Observance of Human and Citizen's Rights and Freedoms in the State Human Rights Mechanism and Measures to Improve It: Conceptual Approach // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 6(92). P. 12–19.
2. *Evdokimov V.B., Igonina N.A.* Constitutional Modernization and Prosecutorial Supervision over the Observance of Human and Civil Rights and Freedoms // Journal of Russian Law. 2021. No. 12. P. 157–170.
3. *Subanova N.V., Igonina N.A.* Prosecutor's Supervision over the Observance of Human and Civil Rights and Freedoms: on the Issue of a Conceptual Development Model // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 3(89). P. 30–40.

Г.Р. Баркаев

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО
НАДЗОРА ИЛИ НЕОДНОКРАТНОЕ
НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ УСТАНОВЛЕННЫХ
СУДОМ ОГРАНИЧЕНИЙ

Введение: исследование проблем уголовно-правового предупреждения уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом ограничений позволяет разработать механизм их решения. **Цель** — разработать уголовно-правовые меры предупреждения уклонения от административного надзора. **Методологическая основа:** общенаучные (индукция, дедукция, синтез, анализ) и частнонаучные методы (структурный анализ); методы сравнительного, статистического и структурно-логического анализа. **Результаты:** разработаны меры уголовно-правового предупреждения уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений. **Выводы:** с учетом повышенной опасности личности поднадзорного лица предлагаются изменения юридической конструкции ст. 314.1 УК РФ.

Ключевые слова: административный надзор, поднадзорное лицо, рецидив преступления, уклонение.

G.R. Barkaev

WAYS TO IMPROVE CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY
FOR EVASION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION
OR REPEATED NON-COMPLIANCE WITH THE RESTRICTIONS
ESTABLISHED BY THE COURT

Background: the study of the problems of criminal-legal prevention of evasion from administrative supervision or repeated non-compliance with court-imposed restrictions allows to develop a mechanism of solution. **Objective** — to develop criminal-legal measures to prevent evasion from administrative supervision. **Methodology:** general scientific (induction, deduction, synthesis, analysis) and private scientific methods (structural analysis); methods of comparative, statistical and structural-logical analysis. **Results:** measures of criminal-legal prevention of evasion from administrative supervision or repeated non-compliance with restrictions or limitations established by the court in accordance with federal law have been developed. **Conclusions:** taking into account the increased danger to the identity of the supervised person, changes in the legal structure of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: administrative supervision, supervised person, recidivism, evasion.

© Баркаев Гаджикурбан Расулович, 2023
Адъюнкт (Академия управления МВД России), майор полиции; e-mail: barkaev@mail.ru
© Barkaev Gadzhikurban Rasulovich, 2023
Adjunct (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Police Major

Усовершенствование уголовного законодательства об ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничений связано с преобразованием административного надзора в целом. Административный надзор (далее — надзор) представляет собой ограничение свобод и прав лица, которое только освобождается либо уже освобождено из мест лишения свободы. Ответственность за уклонение от надзора считается уголовно-правовым инструментом, необходимым для того, чтобы под страхом наказания принудить поднадзорное лицо соблюдать установленные в отношении него ограничения. Если надзор — это мера по предотвращению совершения преступных деяний и других правонарушений поднадзорными лицами, оказывающая профилактическое действие на этих лиц с целью защиты общественных и государственных интересов, то ст. 314.1 УК РФ имеет двудетную задачу (охрана общественных отношений в сфере обеспечения интересов правосудия — первостепенная задача). Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» гласит, что вступившие в законную силу все акты судов общей юрисдикции (вызовы, поручения, требования, распоряжения и др.) подлежат выполнению на территории Российской Федерации (п. 8 ст. 5)¹. По сути, требование закона есть не что иное, как принцип правосудия.

В ст. 314.1 УК РФ также устанавливается предупреждение: а) неисполнение ограничений поднадзорными лицами; б) совершение административных правонарушений поднадзорными лицами; в) совершение новых умышленных преступлений поднадзорными лицами (рецидива). Однако данная норма в силу законодательной конструкции не решает поставленных задач, о чем свидетельствует рецидив со стороны поднадзорных лиц (табл. 1). На основании приведенных данных, в 2017 г. — 22 % поднадзорных лиц совершили преступления, в 2018 г. — 24 %, 2019 г. — 23,7 %, 2020 и 2021 г. — 25 %, 2022 г. — 26 %.

Итак, если введение ответственности за нарушение правил надзора обусловлено необходимостью реализации Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»² (далее — Закон об административном надзоре), то достичь цели института надзора, невозможно без принципиальной позиции по отношению к поднадзорным лицам, допускающим повторное нарушение установленных ограничений.

Уголовно-правовая норма анализируемой статьи в действующей юридической конструкции является, на наш взгляд, «беззубой» и в некоторых случаях даже попустительской. Как показывает анализ судебной практики, из 850 лиц, осужденных по ч. 1–2 ст. 314.1 УК РФ, 30 % привлекались к ответственности за совершение аналогичного преступления³.

Таблица 1

Количество поднадзорных лиц, совершивших преступления

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество лиц	23 973	26 718	26 908	29 033	29 803	31 554

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7; 2014. № 30, ч. 1, ст. 4204.

² См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2037.

³ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (по годам). URL: <http://www.cdep.ru>

Резюмируя сказанное, отметим устойчивую тенденцию роста совершения преступлений по ст. 314.1 УК РФ поднадзорными лицами, что говорит об неэффективности действующих санкций рассматриваемой статьи. 20 % лиц, привлекаемых по ст. 314.1 УК РФ, совершают данное преступление в совокупности с тяжкими или особо тяжкими преступлениями.

Учитывая, что состав преступления, предусмотренный ст. 314.1 УК РФ, является бланкетным и указывает не на общественную опасность самого деяния, а на повышенную общественную опасность поднадзорного лица, которое допускает нарушение правил надзора, считаем необходимым ужесточить уголовно-правовые меры в случае повторного совершения аналогичного преступления. Повторное уклонение от надзора лица, повлекшее уголовную ответственность по ст. 314.1 УК РФ, предполагает совершение данным лицом более тяжкого преступления. Факт установления надзора в данном случае свидетельствует против поднадзорного лица.

При привлечении лица к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, необходимо не только применение дополнительных административных ограничений при возобновлении сроков надзора, но и ужесточение уголовной ответственности в случае повторного злостного уклонения от надзора. Из судебной практики следует, что в 30 % случаях лица приговариваются к лишению свободы сроком от 4 до 7 месяцев по ст. 314.1 Кодекса.

По нашему мнению, действующая ст. 314.1 УК РФ не позволяет реализовать потенциал института надзора в предупреждении рецидивной преступности, так как в некоторых случаях санкции за нарушение условий надзора могут быть недостаточно строгими, чтобы предотвратить рецидив преступлений. Поднадзорные лица могут не испытывать достаточного страха перед возможными последствиями нарушений. Оценивая риск уголовного наказания за уклонение от надзора как «невысокий», поднадзорное лицо допускает нарушение правил надзора.

Проведенное нами анкетирование сотрудников органов дознания, занимающихся контролем за поднадзорными лицами, показало, что 95 % опрошенных считают существующую санкцию ст. 314.1 УК РФ, предусматривающую лишение свободы до 1 года, неадекватной совершенному деянию, поскольку не оказывает должного влияния на поднадзорных лиц. Кроме того, около 90 % опрошенных считают необходимым ужесточить наказание в случае повторного уклонения от административного надзора со стороны поднадзорного лица.

Для реализации целей института надзора необходимо установить наказание за совершение преступного деяния по ст. 314.1 УК РФ лицом, имеющим судимость за совершение аналогичного преступления. Предлагаем в ст. 314.1 УК РФ включить ч. 3: «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей». В таком случае обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 314.1 УК РФ будет наличие судимости за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений (ч. 1–2 ст. 314.1 УК РФ), если срок давности судимости не истек.

Субъектом преступления, согласно ч. 3 ст. 314.1 УК РФ, является лицо, освобожденное из мест лишения свободы, в отношении которого в соответствии с Фе-

деральным законом «Об административном надзоре за лицами освобожденными из мест лишения свободы» установлен административный надзор, и имеющее судимость за совершение преступления по ст. 314.1 УК РФ. При определении данного субъекта, необходимо учитывать требования ст. 86 УК РФ, согласно которым лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора в силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость погашается по истечении определенного срока, указанного в ч. 3 ст. 86 УК РФ.

По нашему мнению, срок погашения судимости за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, будет дополнительным сдерживающим фактором, применяемым к поднадзорному лицу только в случае ужесточения наказания за повторное совершение преступления. Назначение более строгого наказания будет обеспечиваться путем увеличения сроков лишения свободы, принудительных и исправительных работ, а также исключения наказания в виде ареста, обязательных работ и штрафа. Принятие законопроекта не потребует дополнительных расходов, покрываемых за счет средств федерального бюджета.

Отметим, в уголовном законе есть норма, предусматривающая ужесточение ответственности при совершении преступного деяния лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление (ст. 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», схожая со ст. 314.1 УК РФ, так как содержит норму с административной преюдицией). Согласно ч. 2 ст. 264.1 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, которое имеет судимость за совершение преступления по ст. 264 (ч. 2, 4, 6) или 264.1 УК РФ. Статья 264.1 была введена в 2014 г., санкции которой изначально применялись только к лицу, подвергшемуся административному наказанию.

В 2021 г. в целях реализации Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», предусматривающего необходимость снижения смертности в результате дорожно-транспортных происшествий, в том числе путем усиления ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения, ст. 264.1 УК РФ была дополнена ч. 2. В пояснительной записке к Федеральному закону «О внесении изменения в статью 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывалось, что необходимость изменений обусловлена ростом количества фактов совершения повторных преступлений лицами, уже имеющими за них судимость.

Результаты проведенного анкетирования сотрудников полиции, осуществляющих контроль за лицами, в отношении которых установлен административный надзор, а также анализ статических данных ГИАЦ МВД России (табл. 2, с. 182) о ежегодной тенденции роста количества уголовных дел по ст. 314.1 УК РФ в отношении поднадзорных лиц и имеющийся в уголовном законе опыт реконструкции нормы с целью предупреждения преступлений говорят о необходимости ужесточения наказания за совершение преступления для реализации поставленных целей институтом административного надзора.

Рост уголовных дел, которые были возбуждены по ст. 314.1 УК РФ говорит об осуществлении цели административного надзора правоохранными органами при применении уголовных и правовых возможностей [1]. Однако не реализуется предупредительная функция надзора в предупреждении преступлений и иных правонарушений. Актуальность обозначенных изменений ст. 314.1 УК РФ обусловлена в первую очередь повышенной общественной опас-

**Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел
в отношении поднадзорных лиц, за несоблюдение установленных
требований в рамках административного надзора**

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Количество возбужденных уголовных дел (ст. 314.1 УК РФ)	8035	9655	10605	10960	12543

ностью личности поднадзорного лица и тем, что действующая правовая норма, которая предусматривает ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений, не позволяет реализовать потенциал института надзора в предупреждении рецидивной преступности. Кроме того, тот факт, что менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания, поднадзорные лица вновь допускают совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, что говорит о применяемых к ним мерах как о недостаточных для реализации целей уголовного наказания согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ (исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений).

Считаем необходимым изложить диспозицию ст. 314.1 УК РФ следующим образом: «Уклонение от административного надзора и (или) невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, поднадзорным лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Библиографический список

1. Баркаев Г.Р. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: необходимость или избыточность уголовно-правовой репрессии? // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 16–19.

References

1. Barkaev G.R. Criminal Liability for Evading Administrative Supervision: Necessity or Redundancy of Criminal Legal Repression? // Academic Thought. 2022. No. 2(19). P. 16–19.

И.С. Марсаков

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫМ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ПРОГРАММ)**

Введение: для обеспечения реализации национальных проектов (программ) государством выделяются существенные объемы бюджетных средств. Текущее положение дел требует от подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (далее — ЭБиПК) должного усиления оперативного внимания за расходованием бюджетных ассигнований лицами, участвующими в освоении бюджетных средств. **Цель** — разработать меры оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в ходе реализации национальных проектов (программ). **Методологическая основа:** общенаучные (индукция, дедукция, синтез, анализ) и частнонаучные методы (структурный анализ), методы сравнительного, статистического и структурно-логического анализа. **Результаты:** разработаны меры оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в ходе реализации национальных проектов (программ). **Выводы:** в условиях цифровизации и трансформации государственных институтов сотрудникам подразделений ЭБиПК следует повышать уровень компетенций (знаний, умений и навыков) в деятельности по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок в рамках реализации национальных проектов (программ).

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие, преступления коррупционной направленности, сфера закупок, оперативно-розыскные меры, национальные проекты (программы).

I.S. Marsakov

**OPERATIONAL-INVESTIGATIVE COUNTERACTION
TO THE CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED DURING
THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS
(PROGRAMS)**

Background: the state allocates substantial amounts of budget funds to ensure the implementation of national projects (programs). The current state of affairs requires from the economic security and anti-corruption units of internal affairs bodies (hereinafter — EB&CC) to duly strengthen operational attention to the expenditure of budgetary allocations by persons involved in the development of budgetary funds. **Objective** — to develop measures of operational and investigative counteraction

*to crimes of corruption committed in the course of implementation of national projects (programs). **Methodology:** general scientific (induction, deduction, synthesis, analysis) and private scientific methods (structural analysis), methods of comparative, statistical and structural-logical analysis. **Results:** measures have been developed for operational and investigative counteraction to crimes of corruption committed in the course of the implementation of national projects (programs). **Conclusions:** in the conditions of digitalization and transformation of state institutions, the employees of EB&PC units should improve their competencies (knowledge, skills and abilities) in countering corruption-related crimes in the field of procurement within the framework of national projects (programs).*

Keywords: *operational investigative counteraction, corruption-related crimes, procurement, operational investigative measures, national projects (programs).*

Согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности должно осуществляться путем реализации государственной политики, направленной на решение задач предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, нецелевого расходования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение¹.

Глава государства, систематически выступая на различных международных экономических форумах, внутригосударственных конференциях, тематических круглых столах, а также на заседаниях в учреждениях правоохранительной системы страны, обращает особое внимание на своевременное и качественное исполнение национальных проектов (программ), как со стороны должностных лиц, выступающих заказчиками работ, услуг, так и со стороны предпринимателей — исполнителей. Кроме того, на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ (далее — МВД России) В.В. Путин и министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев указали на важность организации деятельности органов внутренних дел по противодействию хищениям бюджетных средств, в частности, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ)².

Очевидно, что обеспечение защиты бюджетных средств, направленных на реализацию национальных проектов (программ), является приоритетным направлением деятельности государственных органов исполнительной власти в лице правоохранительного звена страны. Значительную роль в части организации данного направления деятельности играют органы внутренних дел Российской Федерации, особенно входящие в них подразделения ЭБиПК.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» на реализацию национальных проектов по 12 направлениям стратегического развития России запланировано выделение свыше 25,7 трлн рублей,

¹ См.: СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

² См.: Расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 15.03.2023).

из них 13,2 трлн рублей — средства федерального бюджета, 4,9 трлн рублей — региональные бюджеты, 7,5 трлн рублей — внебюджетные источники, 147,8 млрд рублей — средства государственных внебюджетных источников¹.

В 2023 г. на фоне замедления роста мировой экономики, продолжающегося санкционного давления на экономику России со стороны мирового сообщества, нарушения производственно-логистических цепочек ряда внутри отдельных отраслей экономики, проведения специальной военной операции² и нестабильной геополитической обстановки в целом прогнозируется снижение доходов федерального бюджета, что неминуемо влечет переориентацию бюджетных потоков. Кроме того, представленные факторы сказались на деятельности по финансированию национальных проектов (программ).

Следует отметить, что бюджетные ассигнования, выделяемые на реализацию национальных проектов (программ) по различным отраслям экономики, как правило, осуществляются за счет средств, поступивших из трех бюджетных уровней финансового потока: к первому уровню относится федеральный бюджет и бюджет государственных внебюджетных фондов, ко второму — бюджеты субъектов Федерации, к третьему — местные бюджеты.

Исследуя сферу национальных проектов (программ), стоит обратить внимание на фактическое исполнение федерального бюджета в регионах. По данным Министерства финансов Российской Федерации (далее — Минфин России), исполнение федерального бюджета по реализации национальных проектов по состоянию на 1 января 2023 г. (за 2022 г.) составило 3 268,8 млрд руб., или 98,7 %, от плановых бюджетных назначений, что на 483,9 млн руб., или 13,6 %, больше аналогичного периода за 2021 г. Исполнение расходов в разрезе национальных проектов (программ) составляет: «Демография» — 99,6 % (2021 г. — 98,7 %); «Здравоохранение» — 96,3 % (2021 г. — 95,2 %); «Образование» — 97,6 % (2021 г. — 89,8 %); «Жилье и городская среда» — 99,9 % (2021 г. — 99,8 %); «Экология» — 99,7 % (2021 г. — 97,7 %); «Безопасные качественные дороги» — 99,9 % (2021 г. — 99,8 %); «Производительность труда» — 99,9 % (2021 г. — 97,9 %); «Наука и университеты» — 99,9 % (2021 г. — 99,4 %); «Цифровая экономика Российской Федерации» — 92,6 % (2021 г. — 95,8 %); «Культура» — 99,9 % (2021 г. — 98,8 %); «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» — 94,7 % (2021 г. — 95,2 %); «Международная кооперация и экспорт» — 99,6 % (2021 г. — 99,2 %); «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (транспортная часть)» — 99,7 % (2021 г. — 98,8 %); «Туризм и индустрия гостеприимства» — 98,9 % (2021 г. — 93,4 %)³.

¹ См.: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7n22CS0pVhvQ9800wAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 29.06.2022).

² См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1418.

³ См.: Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38341-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektov; https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38285-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektov (дата обращения: 17.03.2023).

На наш взгляд, приведенные экономические показатели рассматривать односторонне в рамках проведенного исследования было бы нецелесообразно. Указанные данные необходимо представлять во взаимосвязи со статистическими данными МВД России по выявленным нарушениям в этой сфере. Анализ экономических показателей Минфина России и ведомственных данных позволит оценить складывающуюся оперативную обстановку в сфере национальных проектов (программ), а также разработать рекомендации по реализации оперативно-розыскных мер в ходе противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере.

По сведениям Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел России¹, в 2022 г. ОВД проведена 9 461 проверка физических и юридических лиц, получивших средства федерального бюджета (из них юридических лиц — 7 708), направленных на реализацию национальных проектов (программ). При таком количестве проведенных проверок выявлено рекордное количество преступлений — 2 277, что на 678 преступлений, или 70,2 %, больше аналогичного периода. Далее автором представлены сведения о количестве преступлений, выявленных в ходе проверок по конкретным национальным проектам (программам): «Демография» — 1 682 (2021 г. — 938); «Жилье и городская среда» — 153 (2021 г. — 164); «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» — 79 (2021 г. — 56); «Образование» — 77 (2021 г. — 209); «Здравоохранение» — 70 (2021 г. — 59); «Безопасные и качественные автомобильные дороги» — 42 (2021 г. — 33); «Культура» — 39 (2021 г. — 25); «Экология» — 26 (2021 г. — 39); комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года — 17 (2021 г. — 9); «Производительность труда» — 13 (2021 г. — 5); «Цифровая экономика» — 5 (2021 г. — 3); «Наука и университеты» — 0 (2021 г. — 1); «Международная кооперация и экспорт» — 0 (2021 г. — 1); по приоритетным нацпроектам: «Жилье» — 44 (2021 г. — 22); «Образование» — 17 (2021 г. — 10); «АПК» — 9 (2021 г. — 21); «Здравоохранение» — 4 (2021 г. — 4);

Проведенный анализ позволил обнаружить корреляционные зависимости. Так, при увеличении показателей исполнения федерального бюджета по реализации национальных проектов (программ) уменьшается количество проводимых проверок в отношении физических и юридических лиц. При этом показатель регистрации преступлений в рассматриваемой сфере органами внутренних дел с каждым годом увеличивается. На наш взгляд, данные зависимости свидетельствуют о том, что, во-первых, в ОВД необходимо модернизировать механизм проведения проверок в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства по сбору, анализу и оценке качества проводимых проверок. Во-вторых, обострение криминогенной обстановки приводит к повышению уровня преступности в сфере национальных проектов (программ).

В рамках проведенного исследования автором изучен ряд материалов проверок, проводимых органами дознания или следственными органами, и выявлены некоторые проблемы, с которыми сталкиваются подразделения ЭБиПК в деятельности по противодействию преступлениям в рассматриваемой сфере.

Подавляющее большинство проверок о фактах хищений бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов (программ), связаны

¹ См.: Статистика ФКУ «ГИАЦ МВД России», форма «Нацпроект» (465), книга 1.

с колоссальными затратами на проведение капитального и некапитального строительства объектов инфраструктуры, общестроительных работ (геодезические, подготовительные, монтажные и др.). В связи с этим важно отметить, что подразделения ЭБиПК на этапе доследственных проверок испытывают трудности с проведением продолжительных, объемных, трудозатратных и дорогих экспертиз (исследований). Кроме того, актуальной остается необходимость привлечения экспертов (специалистов) широкого профиля в рамках проведения доследственных проверок сотрудниками подразделений ЭБиПК по отдельным национальным проектам (программам).

На наш взгляд, в целях повышения эффективности деятельности по противодействию преступлениям в сфере реализации национальных проектов (программ), подразделениям ЭБиПК (и другим субъектам) следует привлекать для проведения соответствующих экспертиз (исследований) не только штатных сотрудников экспертно-криминалистических подразделений ОВД, но и представителей профильных негосударственных экспертных учреждений.

Стоит отметить, что сотрудники подразделений ЭБиПК сталкиваются с ситуациями, когда в экспертно-криминалистических центрах ОВД отсутствуют эксперты (специалисты) узконаправленной категории. Для решения данной проблемы подразделениям ЭБиПК надлежит организовывать взаимодействие с экспертными учреждениями, находящимися в других регионах, что позволит увеличить скорость и эффективность проведения экспертиз (исследований).

По мнению автора, немаловажным фактором, обуславливающим обострение криминогенной обстановки в рассматриваемой сфере, выступают противоправные действия должностных лиц, в компетенцию которых входит освоение бюджетных средств, в том числе через систему государственных и муниципальных закупок. Именно через данный механизм осуществляется реализация национальных проектов (программ). Указанные лица в погоне за повышением показателей выполнения годового плана по реализации бюджета региона, во избежание материальной и дисциплинарной ответственности заключают в конце года государственные и муниципальные контракты с юридическими или физическими лицами, заранее зная о том, что фактическое выполнение работ или услуг за столь короткий срок невозможно. Из этого следует, что должностные лица, преследуя указанные цели, а в некоторых случаях и корыстные мотивы (получение премии от вышестоящего руководства региона за стопроцентное выполнение плана освоения бюджета или получения «отката» от исполнителя контракта), полностью или частично оплачивают фактически невыполненные работы подрядчику, незаконно подписывая акты приемки выполненных работ. Действия должностных лиц, нарушающих нормы УК РФ, отражаются на социальной инфраструктуре региона, федеральном и местном бюджете.

По нашему мнению, одним из способов оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок в рамках реализации национальных проектов (программ) является профилактика, предупреждение или предотвращение негативных последствий.

В конце финансового года (ноябрь–декабрь), как правило, в некоторых учреждениях (государственных и муниципальных) проводятся сомнительные аукционы, требующие вмешательства со стороны подразделений ЭБиПК. Согласно действующему законодательству, электронный аукцион состоит из нескольких взаимосвязанных этапов: анонсирование закупки (по желанию или по регламенту заказ-

чика), размещение в единой информационной системе (далее — ЕИС) извещения об осуществлении закупки, подача заявок, проведение аукциона, рассмотрение документов, определение победителя и заключение контракта. Оперативного сотрудника должны интересовать первые два этапа, которые содержат: проект контракта с указанием периода проведения работ или предоставления услуг, обоснование цены и техническое задание. В ходе изучения электронных документов, расположенных на интернет-сайте <https://zakupki.gov.ru/>, важно обратить внимание на предмет, правила и процедуры контракта. Установление заказчиком предельно коротких сроков или времени выполнения работ, противоречащих, например, погодным условиям, определение специфического предмета закупки, покупка и поставка которого в установленный договором срок невозможны, могут свидетельствовать о возникающем преступном умысле как со стороны заказчика, так и со стороны потенциального исполнителя контракта, направившего заявку для участия в электронном аукционе. После «вычленения договоров», имеющих похожие признаки и показывающих возможный преступный умысел, сотрудникам подразделений ЭБиПК необходимо своевременно запросить сведения, а также организовать взаимодействие с контролирующими органами, в том числе, путем направления информационных писем для организации и проведения проверки.

Так, в результате совместной работы УЭБиПК МВД по Республике Саха (Якутия) с сотрудниками ГУЭБиПК МВД России при реализации оперативных материалов в марте 2023 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 285 УК РФ в отношении первого заместителя министра здравоохранения Республики Саха (Якутия), который вступил в предварительный сговор с представителем коммерческой организации, направленный на создание видимости исполнения требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение». В результате «лоббирования» должностным лицом интересов данной организации был заключен государственный контракт на поставку кислородных концентраторов, необходимых для медицинских учреждений республики с завышенной ценой более чем в 150 млн рублей. Таким образом, должностное лицо, злоупотребляя полномочиями, получило незаконное вознаграждение в виде «отката».

Основываясь на проведенном комплексном исследовании, мы сформулировали обстоятельства, которые необходимо учитывать сотрудникам подразделений ЭБиПК при применении оперативно-розыскных мер в зависимости от складывающейся криминогенной обстановки, с целью противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд в ходе реализации национальных проектов (программ):

наличие большого числа нормативных правовых актов, как федерального, так и регионального уровня, в сфере регулирования закупочной деятельности в рамках реализации национальных проектов (программ), их разветвленность, а в некоторых случаях и противоречивость. В ходе изучения материалов проверок (проводимых органами дознания или следственными органами), была установлена следующая закономерность: недобросовестному участнику аукциона всегда известно об истинных параметрах конкурса. При этом основная часть противоправных схем, реализуемых при осуществлении закупочной деятельности, основывалась на несовершенстве национального законодательства: за счет

пробелов и неоднозначности формулировок на этапах анонсирования закупки и размещения в ЕИС извещения об осуществлении закупки, в рамках которых можно «легально» обеспечивать конкурентные преимущества одному из участников конкурсов;

увеличение количества аукционов, участников закупочных циклов, а также повышение объема правительственных ассигнований, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ);

появление в закупочной деятельности многовидовых информационных ресурсов в интернет-пространстве, а также электронных торговых площадок, цифровых платформ (структурированная система предприятий, которая работает в онлайн-формате, где связывают поставщика с потребителем для обмена продуктами, услугами и информацией, включая предоставление продуктов, услуг и информации собственного производства), современных и интегрированных хозяйственных структур, преобразовывающихся в усложненные конструкции организационно-правовых форм, таких как ассоциации, комбинаты, картели, финансово-промышленные группы, синдикаты, тресты и др. Названные трансформации делают затруднительным восприятие оперативными сотрудниками ЭБиПК криминогенной обстановки в рассматриваемой сфере и, как результат, ведут к нарушению баланса применения сил и средств оперативно-розыскной деятельности в противодействии указанным преступлениям;

специфика появления новых слеодообразующих процессов, как в идеальных, материальных, так и в виртуальных следах, которые применительно к теме исследования могут свидетельствовать о противоправных действиях в сфере закупок в ходе реализации национальных проектов (программ);

использование преступными лицами новых механизмов вывода бюджетных средств безналичными способами с помощью проведения сомнительных банковских операций, в том числе с использованием криптообменников (криптовалютные банки, где лицо может обменять валюту на цифровой актив таким же способом, как рубль в любом коммерческом банке), криптокошельков (специальная программа, которая позволяет учитывать, хранить и совершать иные действия с криптовалютой), а также различных электронных платежных систем по типу электронных кошельков (смарт-карта или другой электронный носитель со встроенным чипом, позволяющий хранить электронные деньги и осуществлять различные платежи);

в условиях цифровизации и трансформации государственных институтов сотрудникам подразделений ЭБиПК следует повышать уровень компетенций (знаний, умений и навыков) в деятельности по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок в рамках реализации национальных проектов (программ).

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-190-197

УДК 342.743

М.Н. Садчиков

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В АСПЕКТЕ ПРИНЦИПА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ БЕНЕФИЦИАРА

Введение: цифровизация определяет изменения во многих областях общественных отношений, в частности, создает широкие возможности для удаленной занятости и мобильности работников. Данное обстоятельство обуславливает необходимость уточнения норм налогового права для обеспечения налогового суверенитета Российского государства и реализации принципов налогового права.

Цель – разработать предложения по изменению налогово-правового регулирования доходов от работы по найму в условиях цифровой занятости. **Методологическая основа:** диалектический метод познания, анализ, сравнительно-правовой метод.

Результаты: в ходе проведенного исследования было установлено, что основным свойством цифровой занятости выступает мобильность работников, а также потенциальная мобильность налоговой базы. Данное обстоятельство обуславливает сложность определения места преимущественного пребывания налогоплательщика для целей квалификации статуса налогового резидента, что требует соответствующих изменений в налоговом регулировании. **Вывод:** предлагается расширить возможности для самоидентификации налогоплательщика в качестве налогового резидента определенного государства.

Ключевые слова: налог, база, занятость, цифровизация, бенефициар, резидент, мобильность.

M.N. Sadchikov

DIGITALIZATION OF EMPLOYMENT IN THE ASPECT OF THE BENEFICIARY TAXATION PRINCIPLE

Background: digitalization determines changes in many areas of public relations, in particular, it creates wide opportunities for remote employment and employee mobility. This circumstance makes it necessary to clarify the norms of tax law in order to ensure the tax sovereignty of the Russian state and the implementation of the principles of tax

© Садчиков Михаил Николаевич, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taxprofy@mail.ru

© Sadchikov Mikhail Nikolaevich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

law. Objective — to develop proposals for changing the tax and legal regulation of income from employment in the context of digital employment. Methodology: dialectical method of cognition, analysis, comparative legal method. Results: in the course of the study it was found that the main property of digital employment is the mobility of employees, as well as the potential mobility of the tax base. This circumstance causes the complexity of determining the place of predominant residence of a taxpayer for the purposes of qualifying as a tax resident, which requires appropriate changes in tax regulation. Conclusion: it is proposed to expand the possibilities for self-identification of a taxpayer as a tax resident of a certain state.

Keywords: tax, base, employment, digitalization, beneficiary, resident, mobility.

Пандемия COVID-19 обусловила существенные изменения традиционных общественных отношений, в числе которых значительное расширение практики удаленных рабочих мест. Так, в руководстве Международной организации труда «Удаленная работа во время пандемии COVID-19 и после» приводятся данные о том, что до пандемии доля работников, работающих в режиме удаленной работы в Европейском союзе, варьировалась от 10 % (Чешская Республика, Греция, Италия, Польша) до 30 % (Дания, Нидерланды и Швеция). В 2020 г. 60 % работников в Финляндии работали из дома, в Люксембурге, Нидерландах, Бельгии и Дании — 50 %, в Ирландии, Австрии, Италии и Швеции — около 40 %¹. Данная тенденция характерна и для Российской Федерации. По данным портала «Готов к цифре», 5 000 тыс. жителей России в постпандемийный период продолжают работать удаленно, 30 % хотят чередовать офисную и удаленную работу, рост числа вакансий с удаленной занятостью по России составляет 71 %². Расширение практики удаленной работы сопряжено с рядом вопросов из различных областей и сфер общественных отношений, регулируемых трудовым, административным, гражданским и другими отраслями российского законодательства. Одним из актуальных вопросов является вопрос реализации принципа налогообложения бенефициара в условиях цифровизации трудовой функции.

Д.В. Винницкий раскрывает принцип налогообложения бенефициара (*benefit principle*) через теорию налогообложения, «в силу которой те лица, которые получают преимущества (*benefit*) от государственных/публичных расходов (*government expenditure*), должны и привлекаться к налогообложению для обеспечения возможности соответствующего государства нести эти расходы» [1, с. 146].

Для обычной занятости, то есть нецифровой, характерна налоговая привязка к территории государства, где осуществляется работа по найму. Так, в соответствии с п. 1 ст. 18 Типового соглашения об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество (далее — ТС РФ), налогоплательщик осуществляет работу по найму в государстве, в котором такой налогоплательщик не признается налоговым резидентом, полученное в связи с этим вознаграждение может облагаться налогом в данном

¹ См.: Teleworking during the COVID-19 pandemic and beyond «A practical guide» // Сайт Международной организации труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/--protrav/--travail/documents/instructionalmaterial/wcms_751232 (дата обращения: 21.06.2023).

² См.: Электронный портал «Готов к цифре». URL: <https://xn--b1abhjwatnyu.xn--p1ai/online> (дата обращения: 21.06.2023).

государстве¹. В п. 2 ст. 14 ТС РФ уточняются критерии привязки к территории государства, в котором фактически работник осуществляет трудовую функцию: время пребывания работника на территории данного государства и налоговое резидентство источника выплаты. То есть государство, в котором пребывает работник, облагает налогом доходы налогового резидента другого государства только в том случае, если работник находится на территории государства не менее установленного срока и источником выплаты является налоговый резидент государства, в котором пребывает работник. Модельная конвенция Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал (далее — Модельная конвенция ОЭСР) содержит аналогичное правило².

Одним из актуальных вопросов выступает вопрос о значении места осуществления работы. Комментарий к пар. 1 ст. 15 Модельной конвенции ОЭСР предусматривает, что место осуществления работы — это место где работник присутствует физически, выполняя функцию, за которую получает вознаграждение.

Цифровизация общественных отношений, в том числе трудовых, сформировала предпосылки для организации места осуществления работы вне места нахождения работодателя. Период пандемии COVID-19 определил необходимость удаленной работы по тем профессиям, где такой формат работы применим. Для целей налогообложения в отношении государств с большой мобильностью трудовых ресурсов данное обстоятельство повлекло существенное сокращение налоговой базы, поскольку место осуществления работы сместилось на территории государств, где расположены места проживания работников. Для сглаживания необычных последствий некоторые государства договорились о специальном временном порядке определения места осуществления работы. Так, по соглашению между Нидерландами, Францией и Германией до 30 июня 2022 г. дни, проведенные в одном государстве из-за ограничений, связанных с COVID-19, считались рабочими днями, проведенными на обычном месте деятельности в другом³. Европейский комитет по экономике и социальному развитию в июле 2022 г. предложил, что право на налогообложение доходов по найму возникает у государства только в том случае, если налогоплательщик находится на его территории не менее 96 календарных дней в году⁴.

В исследовании «Кратковременная международная занятость» профессора Каспер Дзиурдз и Франк Потгенс характеризуют правило, закрепленное в ст. 15 Модельной конвенции ОЭСР, как принцип *place-of-work principle* (принцип места работы). Правило о времени пребывания на территории иностранного государства и источнике выплаты направлено на предупреждение двойного

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 24 февраля 2010 г. № 84 «О заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество» (в ред. от 26 апреля 2014 г.) // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1078; 2014. № 18, ч. 4, ст. 2212.

² См.: Модельная конвенция Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-2017_mtc_cond-2017-en#page307 (дата обращения: 24.06.2023).

³ См.: Accords COVID-19 // Сайт Финансовой службы Бельгии. URL: <https://finances.belgium.be/fr/particuliers/international/travailler-en-belgique-ou-etranger/travailleurs-transfrontaliers/accords-covid-19> (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ См.: Taxation of cross-border teleworkers and their employers // Сайт Европейского комитета по экономике и социальному развитию. URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/our-work/opinions-information-reports/opinions/taxation-cross-border-teleworkers-and-their-employers> (дата обращения: 21.02.2023).

налогообложения доходов налогоплательщиков, которые непродолжительный период (до 183 дней в течение 12 месяцев налогового периода) выполняют работу на территории такого государства (абз. 6.2 Комментариев к Модельной конвенции ОЭСР). Авторы также отмечают, что данное правило предполагает тесную связь между налогообложением работодателя и работника. Если работодатель — налоговый резидент государства, на территории которого осуществляется трудовая деятельность, уменьшает свою налоговую базу по налогу на прибыль, на расходы по оплате труда, то справедливо, что налоговые отчисления с доходов работника направляются в бюджет этого же государства. В подтверждение данного правила в исследовании приводится практика. Авторы, анализируя акты Федерального налогового суда ФРГ, установили, что целью ст. 15 СИДН ФРГ, основанной на МК ОЭСР, является обеспечение согласованности между возможностью вычета расходов на заработную плату и предоставлением права на налогообложение доходов государству [2, р. 404–405]. Еще одним доводом в пользу налогообложения доходов работников только по месту их резидентства выступает снижение издержек по администрированию налогообложения. Если работодатель — налоговый резидент государства, где фактически осуществляется работа или имеется постоянное представительство, выплачивающее доход работнику, то степень налогового присутствия достаточна для выполнения обязанности по удержанию налога.

Учитывая тенденцию на расширение практики удаленной работы после окончания пандемии, можно предположить, что работники и работодатели на постоянной основе столкнутся с проблемой применения положений международного и национального налогового права к модели удаленной работы, в частности с вопросами многократного налогообложения, возникновения формальных признаков постоянного представительства и рядом других вопросов.

Министерство финансов России видит угрозу в расширении практики удаленной работы, поскольку она может привести к неналогообложению в целом доходов от найма в силу мобильности работников¹. Правительство РФ 24 апреля 2023 г. внесло в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект № 343435-8, в котором предлагалось установить новую экономическую привязку для доходов физических лиц как доходов, полученных от источников в Российской Федерации. Согласно законопроекту признаками дохода, полученного физическим лицом от источников в Российской Федерации, являются работы (услуги, предоставление прав) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием доменных имен и сетевых адресов, находящихся в российской национальной доменной зоне, и (или) информационных систем, технические средства которых размещены на территории Российской Федерации, и (или) комплексов программно-аппаратных средств, размещенных на территории Российской Федерации. Источником выплаты таких доходов выступают российские организации, индивидуальные предприниматели, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, а также обособленные подразделения иностранных организаций в Российской Федерации.

¹ См.: Разъяснения особенностей налогообложения выплат дистанционным сотрудникам российских компаний, работающим за рубежом // Минфин России: официальный сайт. 2022. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 28.07.2022).

Таким образом, дистанционные работники при использовании доменных имен, сетевых адресов в российской национальной доменной зоне и получении вознаграждения от российских работодателей или постоянных представительств иностранных организаций на территории РФ в случае принятия поправок будут обязаны уплачивать налог на доходы физических лиц в бюджетную систему Федерации независимо от наличия у них статуса налогового резидента. Примечательно, что уже 26 апреля 2023 г. Правительство РФ отозвало законопроект. Министерство финансов России доработало предложение в отношении налогообложения россиян, работающих удаленно из-за рубежа: «...вне зависимости от их статуса — российский налоговый резидент, нерезидент — их доходы будут облагаться по ставкам НДФЛ 13/15 %, предусмотренным для российских налоговых резидентов. Уточнение видов доходов удаленных сотрудников и применение единой ставки налога существенно упростит механизм администрирования налога для налоговых агентов»¹.

Приведенный обзор налоговой политики государств, реализуемой как в рамках многостороннего взаимодействия, так и на национальном уровне, в отношении налогообложения доходов от работы по найму, позволяет прийти к выводу о том, что *place-of-work principle* в части международной цифровой занятости имеет особенности в своем содержании. В частности, высокая степень мобильности соответствующей категории налогоплательщиков усложняет квалификацию их статуса налогового резидентства по основанию места преимущественного пребывания.

Если такая мобильность налогоплательщиков происходит в пределах территории интеграционных образований, например Европейского союза, в частности в Нидерландах, Франции и Германии, то особенности цифровой занятости могут быть учтены в многосторонних соглашениях между государствами. Для Российской Федерации этот вопрос актуален в отношении Республики Казахстан и Республики Армения — членов Евразийского экономического союза. Государства могут установить специальные сроки пребывания на их территории для определения статуса налогового резидента.

Рассматривая мобильность налогоплательщиков без привязки к интеграционным образованиям, можно заключить, что решение вопросов преодоления многократного налогообложения и уклонения от уплаты налогов существенно усложняется, что повышает роль взаимосогласительных процедур.

Цифровая занятость ставит также вопросы о распределении налоговых поступлений в пределах одного государства. В соответствии с положениями ст. 56, 61–62 Бюджетного кодекса РФ налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) распределяется между бюджетами субъекта Российской Федерации и муниципальных образований². В п. 7 ст. 226 Налогового кодекса РФ определяется, что сумма НДФЛ, удержанная налоговым агентом у налогоплательщика, в отношении которого он признается источником дохода, перечисляется по месту учета

¹ См.: Сообщение пресс-центра Министерства финансов России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38486-zakonoproekt_o_realizatsii_osnovnykh_napravlenii_nalogovoi_politiki_podgotovlen_dlya_vneseniya_v_gosdumu (дата обращения: 23.06.2023).

² См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823; 2023. № 16, ст. 2765.

налогового агента в налоговом органе (месту его жительства), а также по месту нахождения каждого его обособленного подразделения¹.

Думается, что такой подход не в полной мере отвечает принципу налогообложения бенефициара, поскольку бенефициаром в данном случае выступает налогоплательщик, но не налоговый агент. Вопрос о «смещении» налоговой базы в публично-правовые образования по месту жительства налогоплательщиков неоднократно рассматривался Минфином России². Основным аргументом против переноса уплаты НДФЛ по месту нахождения налогоплательщика является сложность идентификации его фактического нахождения, несовпадение места регистрации и места жительства.

Представляется необходимым отметить, что данное обстоятельство носит более технический, но не сутевой (содержательный) характер. Достаточно глубокое исследование принципа налогообложения бенефициара провели Роберт Шерф и Мэттью Уинзерл [3]. Раскрывая принцип налогообложения бенефициара, авторы указывают, что данный принцип, в частности, содержит стандарт, через который рассматриваются местные налоги, поскольку публичные услуги предоставляются преимущественно на субнациональном уровне.

Насущные вопросы повседневной жизнедеятельности отнесены к вопросам местного значения. Так, в соответствии с положениями ст. 14–16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на органы местного самоуправления возложены обязанности по организации электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом, дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения, транспортного обслуживания населения и др.³

Цифровая занятость создает условие для «разрыва» связи между публично-правовым образованием, на территории которого проживает налогоплательщик, и публично-правовым образованием, на территории которого стоит на налоговом учете работодатель, выполняющий функции налогового агента, соответственно, налоги поступают в бюджеты публично-правовых образований, публичные услуги которых не потребляются налогоплательщиком.

Кроме того, цифровая занятость вносит коррективы в проблематику налоговой конкуренции публично-правовых образований. В исследовании ОЭСР «Налоговая конкуренция между субнациональными правительствами» конкуренция между публично-правовыми образованиями определяется как стратегическое взаимодействие в рамках фискальной политики, преследующее цель — привлечь и удержать мобильную налоговую базу⁴. Налоговая

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 29 мая 2023 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2023. № 18, ст. 3213.

² См.: Письма Минфина России: от 17 августа 2021 г. № 03-03-05/66117 «О предложениях по применению механизма КГН при уплате налога на прибыль по окончании срока действия договоров о создании КГН и по уплате НДФЛ по месту жительства (регистрации) налогоплательщиков»; от 20 февраля 2020 г. № 03-04-05/12324 «О предложении по перечислению НДФЛ по месту жительства налогоплательщиков»; от 27 ноября 2019 г. № 03-04-05/91912 «О предложении по перечислению НДФЛ по месту жительства налогоплательщиков» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822; 2023. № 23, ч. 1, ст. 4004.

⁴ См.: Tax competition between sub-central Governments // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/paper/5kqblmfm6jnw-en> (дата обращения: 23.06.2023).

конкуренция не существует без мобильности налоговой базы. Помимо налоговой нагрузки, на мобильность налоговой базы влияют качество публичных услуг, планирование территории, качество инфраструктуры, регуляторная и административная системы. В исследовании отмечается, что электронная коммерция в значительной степени увеличила мобильность налоговой базы. Примечательно, что среди множества факторов, влияющих на налоговую конкуренцию (размер территории публично-правового образования, уровень доходов налогоплательщиков, степень фискальной автономности и др.), исследователи выделяют также взаимосвязь налоговых доходов бюджетов и публичных услуг, которые оказываются субнациональными правительствами. Публично-правовые образования, вовлеченные в налоговую конкуренцию, как правило, распределяют финансовые ресурсы в инфраструктуру, качество окружающей среды, образование. Более высокие налоговые ставки компенсируются более высоким качеством и более широким содержанием предоставляемых публичных услуг. Поступление налога на доходы физических лиц в бюджеты по месту нахождения налогового агента исключает факторы налоговой конкуренции, приведенные в исследовании.

Таким образом, сложность верификации фактического места жительства налогоплательщика как основной аргумент финансового ведомства для неизменности действующего порядка распределения налога на доходы физических лиц в Российской Федерации является одновременно и причиной умаления принципа налогообложения бенефициара и налоговой конкуренции.

Думается, что такое противоречие возможно разрешить, предоставив самому налогоплательщику право подтверждать свое место жительства для целей налогообложения, используя сервис личного кабинета налогоплательщика.

Для реализации предложения необходимо внести изменения в ст. 226 «Особенности исчисления налога налоговыми агентами. Порядок и сроки уплаты налога налоговыми агентами» Налогового кодекса РФ, дополнив ее пунктом 7.2. следующего содержания:

«7.2. Сумма налога, исчисленная по налоговой ставке в соответствии со статьей 224 настоящего Кодекса и удержанная налоговым агентом, перечисляется по месту учета налогоплательщика в случае подачи им соответствующего заявления через личный кабинет налогоплательщика.»

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что одними из существенных налогово-значимых свойств цифровой занятости выступает потенциальная мобильность налоговой базы и сложность определения места преимущественного пребывания налогоплательщика для целей квалификации статуса налогового резидента. Думается, что данное обстоятельство ставит вопрос о расширении возможности самоидентификации налогоплательщика в качестве налогового резидента определенного государства.

Библиографический список

1. Винницкий Д.В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2017. 463 с.
2. Potgens F.P.G., Dziuridz K. Cross-Border Short-Term Employment // Bulletin for International Taxation. 2014. No. 68(8). P. 404–414.
3. Scherf R., Weinzierl M. Understanding Different Approaches to Benefit-Based Taxation // NBER Working Paper. 2019. No. 26276.

References

1. *Vinnitskiy D.V.* International legal law: Problems of Theory and Practice. М.: Statute, 2017. 463 p.
2. *Potgens F.P.G., Dzuridz K.* Cross-Border Short-Term Employment // Bulletin on International taxation. 2014. No. 68(8). P. 404–414.
3. *Scherf R., Weinzierl M.* Understanding Different Approaches to Benefit-Based Taxation // NBER Working Paper. 2019. No. 26276.

К.П. Кавкаева, А.А. Малышева

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Введение: реализация социальных задач государства предполагает наличие источников их финансового обеспечения. Финансовые ресурсы социального назначения аккумулируются преимущественно в государственных внебюджетных фондах. Важность осуществляемой деятельности и изменение их состава обуславливает необходимость определения особенностей правовой природы данных фондов и их функционирования. **Цель** — выявить роль социальных государственных внебюджетных фондов в механизме реализации социальных гарантий, предоставляемых гражданам, а также определить особенности правового регулирования и функционирования указанных субъектов. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных методов (анализ, синтез, сравнение, диалектический метод) и частнонаучных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно реформирования системы социальных государственных внебюджетных фондов федерального уровня, определены предпосылки возникновения единого Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, выявлена важность влияния цифровизации на реформирование указанных фондов и их функционирование, обозначена проблема частичного дублирования полномочий Федерального фонда обязательного медицинского страхования и территориальных фондов обязательного медицинского страхования. **Выводы:** представляется обоснованной концепция функционирования именно двух социальных государственных внебюджетных фондов на федеральном уровне, а также определена необходимость осуществления глубокого теоретического анализа правового статуса Федерального фонда ОМС и территориальных фондов обязательного медицинского страхования для определения более четкого разграничения их полномочий в системе обязательного медицинского страхования и повышения эффективности их деятельности.

Ключевые слова: социальные государственные внебюджетные фонды, Социальный фонд России, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, территориальные фонды обязательного медицинского страхования, цифровизация.

© Кавкаева Кристина Петровна, 2023

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации); e-mail: kavkaeva_kp@mail.ru

© Малышева Анастасия Андреевна, 2023

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: asyamalysheva@mail.ru

© Kavkayeva Kristina Petrovna, 2023

Candidate of Law, Research Associate of the Department of Financial, Tax and Budget Legislation, Senior Researcher of the Department of Public Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

© Malysheva Anastasia Andreevna, 2023

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

K.P. Kavkayeva, A.A. Malysheva

**PECULIARITIES OF THE LEGAL NATURE AND FUNCTIONING
OF SOCIAL STATE EXTRA-BUDGETARY FUNDS**

Background: realization of social tasks of the state presupposes the availability of sources of their financial support. Financial resources of social purpose are accumulated mainly in state extra-budgetary funds. The importance of the activities carried out and the change in their composition necessitates the definition of the peculiarities of the legal nature of these funds and their functioning. **Objective** — to identify the role of social state extra-budgetary funds in the mechanism of realization of social guarantees provided to citizens, as well as to determine the peculiarities of legal regulation and functioning of these subjects in modern reality. **Methodology:** a set of general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, dialectical method) and private scientific methods (formal-legal, comparative-legal). **Results:** the author's position regarding the reform of the system of social state extra-budgetary funds at the federal level was argued, the prerequisites for the emergence of a single Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation were determined, the importance of the impact of digitalization on the reform of these funds and their functioning was revealed, the problem of partial duplication of powers of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund and territorial funds of compulsory medical insurance was identified. **Conclusions:** the concept of functioning of two social state extra-budgetary funds at the federal level seems to be justified, as well as the necessity to carry out a deep theoretical analysis of the legal status of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund and territorial funds of compulsory medical insurance in order to determine a clearer delimitation of their powers in the system of compulsory medical insurance and to improve the efficiency of their activities.

Keywords: social state extra-budgetary funds, Social Fund of Russia, Federal Compulsory Medical Insurance Fund, territorial funds of compulsory medical insurance, digitalization.

Современная политика Российской Федерации ориентирована на поступательное и планомерное развитие социального государства [1], параметры которого были конкретизированы в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ¹. Так, в обновленных ст. 75 и 75.1 Основного Закона государства² констатируется расширение социальных гарантий граждан, в том числе в области пенсионного и социального страхования, чья реализация требует определенных затрат. В большинстве случаев они возлагаются на государство, обеспечивающее социальные гарантии. Однако часть бремени также возложена на хозяйствующие субъекты, которые привлекают к труду работоспособное население (например, в части выплаты заработной платы не ниже минимального размера оплаты труда или оплаты времени отдыха работника).

Вместе с тем часть затрат по обеспечению социальных гарантий могут нести физические лица (при оплате оказания медицинской помощи, финансовое обе-

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

² См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 01.11.2023).

спечение которой не предусмотрено за счет средств обязательного медицинского страхования или бюджетных ассигнований). Соответственно, указанные обременения требуют определенных источников финансирования (для хозяйствующих субъектов и физических лиц — это собственные средства, для государства — бюджетные) [2, с. 181]. Образование, распределение и использование государством средств, направленных на обеспечение и реализацию социальных гарантий, осуществляется в процессе финансовой деятельности государства. Это определяет содержание финансовых правоотношений и влияет на финансовое право в целом.

В настоящий момент приоритеты социально-гуманитарной политики направлены среди прочего на обеспечение реализации социальных гарантий жителей новых субъектов Федерации, а также на противостояние санкционному давлению недружественных государств. Из изложенного следует, что социально-гуманитарная политика государства всегда ориентирована на ответ возникающим рискам и оперативное решение проблем путем внесения необходимых изменений в действующее правовое регулирование, в том числе финансово-правовое. Большинство из перечисленных задач решаются посредством деятельности государственных внебюджетных фондов.

Указанные фонды являются целевыми и обладают социальной или экономической направленностью. Многие исследователи именуют рассматриваемые фонды как «государственные социальные фонды» или «социальные государственные внебюджетные фонды», что отражает их особую значимость в обеспечении публичных интересов в социальной сфере. Государственные внебюджетные фонды появились в Российской Федерации более 30 лет назад и содержание их правового статуса претерпело значительные изменения за данный период. Такие фонды появлялись, реформировались и упразднялись. В недавнем прошлом на федеральном уровне функционировало три фонда: Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. С 1 января 2023 г. деятельность осуществляют два государственных внебюджетных фонда: Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России)¹, образованный путем присоединения к Пенсионному фонду РФ Фонда социального страхования, и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. На уровне субъектов Российской Федерации также функционируют территориальные фонды обязательного медицинского страхования.

В качестве главных предпосылок объединения двух государственных внебюджетных фондов можно назвать объективную потребность в модернизации правового статуса государственных внебюджетных фондов (за исключением Федерального фонда обязательного медицинского страхования) с учетом актуального правового регулирования; систематизацию правового регулирования функционирования государственных внебюджетных фондов; избежание дублирования полномочий фондов (что было аргументировано современными учеными) [3, с. 436, 440]; необходимость централизации установления пенсий, а также других социальных выплат с применением современных цифровых технологий (проблема встала особо остро в период активной фазы распространения коронавирусной инфекции, когда был необходим срочный переход к получению государственных услуг в удаленном режиме); введение в действие системы «Со-

¹ См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29, ч. 1, ст. 5203.

циальное казначейство»; оптимизацию структуры, финансирования, а также материально-технического обеспечения деятельности фондов [4, с. 8].

Думается, что важным аспектом и одним из ведущих факторов преобразования Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ является цифровизация. Эффект, оказываемый цифровизацией на сферу правового регулирования, можно назвать одной из наиболее актуальных и дискуссионных тем в научном сообществе. Думается, что процесс цифровизации оказал воздействие почти на каждую отрасль права, особенно на финансовое право как на отрасль права, наиболее тесно связанную с экономикой (переходящей в рамках четвертой промышленной революции в цифровую экономику). В связи с этим цифровизация оказывает комплексное влияние и на подотрасли финансового права, бюджетное и налоговое право. Из сказанного следует, что функционирование государственных внебюджетных фондов неразрывно связано с цифровизацией и всеобщей информатизацией процессов предоставления государственных услуг в удаленном электронном формате.

В качестве ключевых программных документов, способствовавших реформированию рассматриваемых государственных внебюджетных фондов, следует назвать Стратегию долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации¹, а также Концепцию цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года².

Концепция предполагает цифровую трансформацию путем реорганизации и реинжиниринга функциональных процессов с применением цифровых инструментов в качестве механизмов исполнения процессов посредством создания Единой цифровой платформы, объединяющей все меры социальной поддержки. С помощью такой платформы граждане будут получать пенсии и пособия в беззаявительном порядке. Единая цифровая платформа создается для реализации адресного проактивного информирования граждан об их социальных правах при наступлении определенных жизненных событий, статусе и объеме их реализации и является универсальной для доступа ко всем цифровым социальным сервисам для граждан. Необходимо отметить, что рассматриваемая концепция также предусматривала объединение именно двух государственных внебюджетных фондов.

Процессы цифровизации оказали воздействие не только на формы предоставления государственных услуг, но и на осуществление бюджетного процесса, участник которого — Социальный фонд России. Рассуждая о бюджетном процессе, нельзя не упомянуть о важности контроля [5, с. 269] на всех его этапах, что наилучшим образом помогает реализовать цифровизация, пронизывающая все его стадии.

В настоящее время делать выводы о том, насколько успешно проходит реформа системы государственных внебюджетных фондов в Российской Федерации, пока сложно. Однако результат воздействия цифровизации виден уже сейчас, ведь цифровизация — это уже не модное направление, а конкретный путь раз-

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» (в ред. от 24 октября 2018 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 2, ст. 8029; 2018. № 44, ст. 6802.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 10, ст. 1634.

вития. Цифровизация и информатизация всех процессов, несомненно, ускорит и упростит реализацию социальных гарантий для граждан. Однако нельзя говорить только о положительных аспектах, стоит учитывать и риски. Несомненно, необходимо увеличить финансирование на всестороннюю защиту баз данных нового фонда от кибернападений, чтобы не допустить утечки персональных данных о гражданах и предусмотренных для них выплатах.

В ходе анализа особенностей правового регулирования действующих на федеральном уровне социальных государственных внебюджетных фондов установлены некоторые важные, а также противоречивые аспекты. Так, в организационной форме социальных государственных внебюджетных фондов наблюдаются некоторые не совсем оправданные различия. Так, Пенсионный фонд Российской Федерации был «финансово-кредитным учреждением», Фонд социального страхования — «специализированным кредитным учреждением», а Федеральный фонд обязательного медицинского страхования был создан как «самостоятельное государственное некоммерческое финансово-кредитное учреждение». В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 236-ФЗ) данный фонд создан при Правительстве РФ в организационно-правовой форме государственного внебюджетного фонда, являющегося типом государственного учреждения. Поиск наилучшей модели правового статуса нового государственного внебюджетного фонда осуществлялся довольно долго, в качестве одного из наиболее популярных мнений экспертов можно назвать преобразование ранее функционирующих фондов в публично-правовую компанию [6, с. 18; 7, с. 142]. Несмотря на высокую степень аргументированности необходимости преобразования Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования в публично-правовую компанию, выбор был определен в пользу организации Социального фонда России в форме государственного учреждения. Необходимо также отметить, что некоторыми авторами обосновывались позиции по объединению в единый фонд государственных внебюджетных фондов, но аргументов против такого преобразования оказалось больше, например, против объединения выступил сам Федеральный фонд обязательного медицинского страхования¹.

Еще одним важным аспектом является то, что Социальный фонд России действует на основании Федерального закона № 236-ФЗ, в то время как деятельность Федерального фонда обязательного медицинского страхования регулируется Уставом Федерального фонда обязательного медицинского страхования, утвержденным постановлением Правительства РФ². Исходя из сказанного отсутствие единообразия в правовом регулировании деятельности государственных внебюджетных фондов очевидно.

Интерес вызывает также сокращенное наименование Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации — Социальный фонд России. В нем просматривается акцент на направленность фонда. Стоит отметить, что

¹ См.: ФФОМС предупредил о социальных рисках в случае слияния с Пенсионным фондом // Официальный сайт Федерального фонда обязательного медицинского страхования Российской Федерации. URL: <https://www.ffoms.gov.ru/news/monitoring-smi/foms-predupredil-o-sotsialnykh-riskakh-v-sluchae-sliyaniya-s-pensionnym-fondom/> (дата обращения: 25.09.2023).

² См.: Постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 857 «Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования» (в ред. от 21 июня 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 32, ст. 3902; 2022. № 26, ст. 4494.

деятельность Федерального фонда обязательного медицинского страхования тоже социально ориентирована, однако в его названии данный факт не отражен. В связи с чем сокращенное название нового социального государственного внебюджетного фонда представляется дискуссионным.

В отношении особенностей функционирования Федерального фонда обязательного медицинского страхования стоит отметить, что в настоящее время возникает проблема дублирования некоторых полномочий. Одновременно они выполняются и Федеральным фондом ОМС и территориальными фондами ОМС. Так, большинство полномочий территориальных фондов обязательного медицинского страхования связаны с аккумуляцией средств обязательного медицинского страхования на определенной территории, проведением контроля сроков, объемов, условий и качества предоставления медицинской помощи и с финансовым обеспечением деятельности страховых медицинских организаций, которые, в свою очередь, обязуются оплатить медицинскую помощь, оказанную застрахованным лицам. Между тем действующим законодательством, в частности Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», закрепляются полномочия Федерального фонда ОМС, согласно которым он осуществляет прямое финансирование медицинских организаций, оказывающих соответствующую помощь застрахованным лицам, заключает договоры с медицинскими организациями, а также контролирует качество, объем, условия и сроки оказания медицинской помощи¹.

На основании анализа нормативных правовых актов, регламентирующих правовой статус федерального фонда ОМС, резюмируем — сегодня Федеральный фонд ОМС частично выполняет те же самые полномочия, что и территориальные фонды ОМС (последние не обладают полномочиями, которыми не обладает Федеральный фонд ОМС).

Таким образом, думается, что несмотря на имеющиеся проблемные аспекты, существование на современном этапе социально-экономического развития России на федеральном уровне именно двух государственных внебюджетных фондов вполне оправдано в связи с тем, что Федеральный фонд обязательного медицинского страхования имеет иную специфику деятельности, нежели Социальный фонд России. Важным представляется осуществление глубокого теоретического анализа правового статуса Федерального фонда ОМС и территориальных фондов обязательного медицинского страхования для определения более четкого разграничения полномочий указанных субъектов в системе обязательного медицинского страхования и повышения эффективности их деятельности.

Библиографический список

1. *Беликов Е.Г.* Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 534 с.
2. *Костикова Е.Г.* Бюджеты государственных внебюджетных фондов как институты бюджетного права // *Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики* / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2022. С. 180–184.
3. *Бит-Шабо И.В.* Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 550 с.

¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 49, ст. 6422; 2022. № 52, ст. 9349.

4. *Мальшева А.А.* Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // *Налоги.* 2023. № 2. С. 7–10.

5. *Ногина О.А.* Финансовый контроль в отношении формирования, распределения и использования средств бюджетов государственных внебюджетных фондов // *Контроль в финансово-бюджетной сфере (правовой формат): науч.-практ. пособие / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, Н.Е. Абрамова и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина.* М.: ИЗиСП: Юридическая фирма «Контракт», 2016. С. 268–282.

6. *Поветкина Н.А.* Финансово-правовая модель реформирования системы обязательного социального страхования // *Финансовое право.* 2018. № 1. С. 17–20.

7. *Леднева Ю.В.* Новое в порядке учета средств Фондам социального страхования Российской Федерации в условиях реформирования // *Новые организационно-правовые формы социального страхования / отв. ред. Ю.В. Воронин, Н.А. Поветкина.* М.: ИЗиСП, 2018. С. 140–148.

References

1. *Belikov E.G.* Problems of Financial and Legal Support for the Development of the Russian Federation as a Social State: diss. ... doc. of law. Saratov, 2016. 534 p.

2. *Kostikova E.G.* Budgets of State Extra-Budgetary Funds as Institutions of Budgetary Law // *Institutes of Budgetary and tax Law in the Development of Digital Economy: a monograph / ed. by I.A. Tsindeliani.* M.: Prospect, 2022. P. 180–184.

3. *Bit-Shabo I.V.* Conceptual Problems of Financial and Legal Regulation of the State Social Extra-Budgetary Funds Activity: diss. ... doc. of law. Saratov, 2015. 550 p.

4. *Malysheva A.A.* Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Reasons for Its Establishment and Peculiarities of Its Financial and Legal Status // *Taxes.* 2023. No. 2. P. 7–10.

5. *Nogina O.A.* Financial Control in Relation to the Formation, Distribution and Use of State Extra-Budgetary Funds Budgets // *Control in the Financial and Budgetary Sphere (legal format): scientific and practical manual / I.I. Kucherov, N.A. Povetkina, N.E. Abramova et al; ed. by I.I. Kucherov, N.A. Povetkina.* M.: IZ&SP: Law Firm “Contract”, 2016. P. 268–282.

6. *Povetkina N.A.* Financial and Legal Model of Reforming the System of Compulsory Social Insurance // *Financial Law.* 2018. No. 1. P. 17–20.

7. *Ledneva Y.V.* New in the Order of Accounting of Funds to the Social Insurance Funds of the Russian Federation in the Conditions of Reforming // *New Organizational and Legal Forms of Social Insurance / ed. by Y.V. Voronin, N.A. Povetkina.* M.: IZiSP, 2018. P. 140–148.

Н.Б. Островская, К.А. Голубенко

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ РЕЗИДЕНТОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: формирование эффективного механизма управления российским арктическим пространством является чрезвычайно актуальной задачей в контексте комплексной реализации государственной политики России по развитию Арктической зоны Российской Федерации (далее — Арктическая зона, Арктическая зона России). С учетом этого необходимо разработать такой механизм правового регулирования, в рамках которого удастся достичь качественного уровня социально-экономического роста Арктической зоны и устойчивого ее развития, в том числе за счет практической интеграции эффективных мер поддержки резидентов Арктической зоны. **Цель** — дать правовую оценку и разработать предложения по совершенствованию налоговых мер государственной поддержки резидентов Арктической зоны. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход), а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования мер поддержки ключевых субъектов предпринимательской деятельности — резидентов Арктической зоны Российской Федерации, направленные на устранение пробелов, несоответствий и противоречий в российском законодательстве, препятствующих эффективному социально-экономическому развитию Арктической зоны, а также на определение дальнейших перспектив по совершенствованию исследуемой сферы. **Выводы:** необходима разработка исчерпывающего перечня видов деятельности резидентов Арктической зоны, в рамках которых будут применяться меры государственной поддержки. Неурегулированным видится вопрос о возможности привлечения субподрядных организаций с целью осуществления инвестиционной деятельности и последующее отнесение полученных доходов к доходам от инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: налоговые меры поддержки, налоговые льготы, Арктическая зона России, резиденты Арктической зоны России.

© Островская Наталия Борисовна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: natali-ssla@yandex.ru

© Голубенко Константин Александрович, 2023
Ведущий юрисконсульт (ООО «Тревелтек»); e-mail: k.a.golubenko@mail.ru

© Ostrovskaya Nataliia Borisovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

© Golubenko Konstantin Alexandrovich, 2023
Lead Legal Counsel (TravelTech Limited Liability Company)

N.B. Ostrovskaya, K.A. Golubenko

LEGAL ASSESSMENT AND IMPROVEMENT OF REGULATION OF TAX MEASURES SUPPORT OF RESIDENTS OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the formation of an effective mechanism for the management of the Russian Arctic space is an extremely urgent task in the context of the comprehensive implementation of Russia's state policy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation (hereinafter — the Arctic zone, the Arctic zone of Russia). With this in mind, the task of forming such a mechanism of legal regulation, within the framework of which it will be possible to achieve a qualitative level of socio-economic growth of the Arctic zone and its sustainable development, including through the practical integration of effective measures to support residents of the Arctic zone, becomes archival. **Objective** — provide a legal assessment and develop proposals to improve tax measures of state support for residents of the Arctic zone. **Methodology:** general scientific methods of knowledge (analysis, synthesis, systematic approach), as well as formal-legal and comparative legal methods. **Results:** proposals for improving the legal regulation of measures to maintain key business entities — residents of the Arctic zone of the Russian Federation, aimed at eliminating gaps, inconsistencies and contradictions in the Russian legislation that hinder the effective socio-economic development of the Arctic zone, as well as to identify further prospects for improving the study area are worked out. **Conclusions:** it is necessary to develop an exhaustive list of types of activities of residents of the Arctic zone, within the framework of which state support measures will be applied. The issue of the possibility of attracting subcontractor organizations for the purpose of investment activities and the subsequent attribution of the received income to the income from investment activities seems to be unsettled.

Keywords: tax measures of maintenance, tax benefits, the Arctic Zone of Russia, residents of the Arctic Zone of Russia.

Ресурсы Арктической зоны имеют колоссальное значение для экономики всего государства. По верному замечанию Л.И. Гончаренко и И.В. Никулкиной, «в условиях динамично изменяющейся геополитической ситуации и экономической конъюнктуры возникает необходимость в поиске новых подходов к формированию государственной финансовой политики в Арктике и выработке эффективных механизмов ее реализации в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» [1, с. 143]. Принятые на данный момент меры поддержки предпринимателей в Арктической зоне следует квалифицировать как направленные на формирование особого льготного правового режима. С учетом этого анализируемые меры необходимо рассматривать как разновидность правовых льгот-исключений, направленных на создание особого правового режима, в рамках которого отдельные категории лиц приобретают дополнительные преимущества правового и иного характера и (или) снижают (исключают) необходимость исполнения отдельных обязанностей [2].

С учетом специфики введенных мер поддержки с определенной долей условности следует дифференцировать их на административно-правовые и налоговые. Административно-правовые меры поддержки представляют собой дополнительные гарантии свободной предпринимательской деятельности для резидентов посредством усложнения процедур контроля (надзора), предоставления допол-

нительных возможностей и повышения гарантий защищенности. Налоговые меры поддержки направлены на снижение налоговой нагрузки резидентов Арктической зоны как за счет снижения ставок по отдельным видам налогов, так и за счет субсидирования страховых взносов. В рамках настоящего исследования основное внимание уделено последним. Налоговые льготы для резидентов Арктической зоны были введены посредством изменений налогового законодательства ввиду развития положений специального законодательства о государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне¹.

В целях настоящего исследования проведем сравнительный анализ налогового режима резидентов и нерезидентов Арктической зоны (*табл. 1*, с. 208). Согласно данным, резиденты Арктической зоны действительно имеют возможность претендовать на существенные налоговые льготы, причем подобный режим не имеет аналогов, поскольку налоговые меры поддержки затрагивают почти все существующие виды налогов. Это их отличает, например, от льгот для информационно-технологических компаний, льготы для которых преимущественно сосредоточены в контексте федеральных налогов (налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций).

С помощью эффективного регулирования налогообложения прибыли государство способствует стимулированию экономического роста, привлечению инвестиций и развитию малого и среднего бизнеса. К тому же применение сбалансированных механизмов льгот и ставок по налогу на прибыль позволяет достичь положительного эффекта в увеличении количества предпринимателей и потребительского спроса. Наибольшие преимущества для резидентов Арктической зоны представляет ставка 0 % по налогу на прибыль при условии установления законом субъекта Российской Федерации пониженной ставки по налогу на прибыль организаций в рамках данного субъекта за исключением проектов по добыче полезных ископаемых. Со своей стороны последние ввели соответствующие пониженные ставки по налогу на прибыль (*табл. 2*, с. 209).

Каждый регион определил свой подход к установлению пониженных ставок по налогу на прибыль. Во многом это обусловлено теми факторами, что регионы действуют в пределах своей компетенции с учетом требований федерального налогового законодательства, а равно стремятся привлечь дополнительные инвестиции за счет снижения налоговой нагрузки на резидентов Арктической зоны. В то же время следует констатировать, что на период, когда нормативные правовые основы системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны сформированы, крайне важно создать единые механизмы налогового регулирования в каждом регионе, который относится к Арктической зоне. Это позволило бы потенциальным резидентам Арктической зоны выбирать регион присутствия, исходя, в том числе, из удобства управления и территориального расположения, а не только по принципу «регистрируюсь и становлюсь резидентом Арктической зоны там, где ниже ставка по налогам». Дополнительно единый подход к налогообложению в первые десятилетия способствовал бы более равномерному привлечению рабочей силы и развитию инфраструктуры на всей территории Арктической зоны, а не только на тех территориях, где создан более привлекательный режим налогообложения.

¹ См. ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) (СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503; 2022. № 29, ч. 3, ст. 5238).

Таблица 1

Сравнительный анализ стандартного налогового режима с налоговым режимом резидентов Арктической зоны¹

Наименование налога или страховых взносов	Стандартные ставки (тарифы)	Льготные ставки (тарифы) для резидентов Арктической зоны	Примечание
Федеральные налоги и страховые взносы			
Налог на добавленную стоимость	20 %	0 %	Работы (услуги) суден ледокольного флота, вывозящих экспортные товары, а также услуги по перевозке морским транспортом товаров в целях их дальнейшего вывоза за пределы России
Налог на прибыль	20 %, из них 3 % — в федеральный бюджет и 17 % — в бюджеты регионов	0 % — в федеральный бюджет; 0–10 % — в бюджеты субъектов Российской Федерации	При условии, что региональным законом введена пониженная ставка по налогу на прибыль, подлежащая зачислению в региональный бюджет. Не распространяется на проекты, связанные с добычей полезных ископаемых
Налог на добычу полезных ископаемых	Действующая ставка	0,5 % действующей ставки	Пониженная ставка применяется только для льготных месторождений, зависит от вида полезных ископаемых, например для торфа — 4 %, а для минеральных вод — 7,5 %
Упрощенная система налогообложения	В рамках системы «доходы» — 6 %. В рамках системы «доходы–расходы» — 15 %	В рамках системы «доходы» — 1–3 % (в зависимости от региона). В рамках системы «доходы–расходы» — 5–7,5 % (в зависимости от региона)	Упрощенная система налогообложения — федеральный налог, но 100 % от его поступлений производится в бюджеты регионов России ¹
Страховые взносы	30,2 %	Для субъектов МСП — 3,75 %, для остальных — 7,6 %	Применяются в течение 10 лет через механизм субсидий только для новых рабочих мест

¹ См.: Российская Арктика. Поддержка инвестиционных проектов в Арктической зоне Российской Федерации. URL: https://www.arhcity.ru/data/2943/Spravochnik_gos.podderzhka-v-AZRF.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

¹ См. ч. 2 ст. 56 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) (СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823; 2023. № 1, ч. 1, ст. 9).

Продолжение таблицы 1

Наименование налога или страховых взносов	Стандартные ставки (тарифы)	Льготные ставки (тарифы) для резидентов Арктической зоны	Примечание
Региональные налоги			
Налог на имущество организаций	Зависит от региона, но не более 2,2 %	0–2,2 % — в первые 5 лет, 1,1–2,2 % — последующие 5 лет	Возникает с момента постановки имущества на баланс
Местные налоги			
Земельный налог	0,01–1,5 % в зависимости от вида земельного участка	0–1,5 %	В Республике Коми ставка 0 % применяется на протяжении всего срока действия соглашения об инвестиционной деятельности. В Мурманской области в первые 3 года — 0 %, а в последующие 7 лет — 1,5 %

Таблица 2

**Ставки субъектов Российской Федерации
по налогу на прибыль для резидентов Арктической зоны¹**

Наименование субъекта Российской Федерации, отнесенного к Арктической зоне	Ставка по налогу на прибыль первые 5 лет, подлежащего зачислению в бюджет субъекта, %	Ставка по налогу на прибыль последующие 5 лет, подлежащего зачислению в бюджет субъекта, %
Архангельская область	5	10
Республика Саха (Якутия)	0	10
Республика Карелия	0	5
Мурманская область	5	10
Чукотский автономный округ	0	10
Ямало-Ненецкий автономный округ	5	Не установлена
Красноярский край	Не установлена	

¹ См.: Российская Арктика. Поддержка инвестиционных проектов в Арктической зоне Российской Федерации. URL: https://www.arhcity.ru/data/2943/Spravochnik_gos.podderzhka-v-AZRF.pdf (дата обращения: 26.03.2023); Арктическая зона. Меры поддержки. Налоговые льготы по регионам. URL: <https://erdc.ru/about-azrf/> (дата обращения: 26.03.2023).

Правовое регулирование льготного режима налогообложения в Красноярском крае в части налога на прибыль существенно отличается от других регионов. Отсутствие льгот по налогу на прибыль означает невозможность применения резидентом Арктической зоны на территории Красноярского края «нулевой» ставки по налогу на прибыль в отношении других видов инвестиционной деятельности. Последнее существенно снижает уровень инвестиционной привлекательности региона, а также способно создать дисбаланс в части равномерного гармоничного развития всех территорий, отнесенных к Арктической зоне.

В связи с этим целесообразно законодательным органам власти Красноярского края ввести пониженную ставку по налогу на прибыль для всех резидентов Арктической зоны. В свою очередь, во избежание описанного риска и до внесения соответствующих поправок в налоговое законодательство Красноярского края потенциальным резидентам надлежит рассмотреть возможности получения статуса резидента в ином Арктическом регионе.

Российское налоговое законодательство в контексте налога на прибыль устанавливает дополнительные требования для резидентов Арктической зоны, которые предполагают одновременное соблюдение следующих формальных критериев для применения льготного режима:

- государственная регистрация организации произведена в Арктической зоне;
- у организации нет обособленных подразделений вне пределов Арктической зоны;
- организация не применяет специальных налоговых режимов;
- организация не является резидентом особой экономической зоны;
- у организации нет статуса профессионального участника рынка ценных бумаг, банковской организации, страховой компании, негосударственного пенсионного фонда, клиринговой или некоммерческой организации;
- резидент Арктической зоны не осуществляет производство сжиженного природного газа, добычу полезных ископаемых, переработку углеводородного сырья в продукты нефтехимии;
- организация — не участник региональных инвестиционных проектов¹.

Стоит признать, что критерии, связанные с регистрацией только на определенной территории, а равно отсутствие статусов резидентства особой экономической зоны и участника региональных инвестиционных проектов сформулированы по модели «один налогоплательщик-резидент — одна налоговая льгота на прибыль». Данные ограничительные условия приводят к тому, что отдельные коммерческие организации, имеющие вполне обоснованное стремление извлекать прибыль на различных территориях и способствовать их социально-экономическому развитию, должны создавать новую компанию-резидента, чтобы получить налоговые льготы. По верному замечанию С.В. Овсянникова и Н.А. Шевелевой, решение о создании отдельной организации с целью получения статуса может иметь и негативное значение — «рассматриваться как ситуация “дробления бизнеса” для целей получения налоговой выгоды» [3, с. 40].

Еще одним важным условием возможности применения налога на прибыль резидентом Арктической зоны является получение не менее 90 % доходов от инвестиционной деятельности при исполнении соглашения об инвестиционной

¹ Ст. 284.4 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) (СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6159).

деятельности, а также отдельный учет доходов от инвестиционной деятельности и иных доходов.

Правило «90 % доли доходов от профильной деятельности» активно применяется при регулировании правоотношений налога на прибыль и характерно как для территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта «Владивосток», а до 2022 г. и для деятельности компаний информационно-технологического сектора (в настоящее время для ИТ-компаний действует правило «70 % доли доходов от профильной деятельности»)¹. На примере последних часто встречаются сложности, которые вполне возможно экстраполировать и на резидентов Арктической зоны. Так, не до конца решенными остаются следующие вопросы.

1. Если в случае с ИТ-компаниями есть отдельные проблемы квалификации при осуществлении профильной деятельности, то в случае с резидентами Арктической зоны России перечень видов деятельности (не считая ограничения на добычу полезных ископаемых в контексте налога на прибыль), которые не позволяют применять льготный статус резидента Арктической зоны, в принципе не регламентирован. С одной стороны, такую ситуацию следует оценивать положительно, так как чем меньше ограничений для получения и поддержания льготного статуса, тем больше инвестиций осуществляется и тем быстрее и качественнее осуществляется развитие Арктической зоны. В случае если перечень видов деятельности все-таки будет регламентирован Правительством России, то ограничения было бы справедливо распространять только на тех потенциальных инвесторов, которые решатся получить статус резидента Арктической зоны после вступления акта Правительства России в силу. Описанный подход позволит уже получившим статус резидента Арктической зоны минимизировать затраты на смену деятельности только с целью налоговой оптимизации, а равно продолжить осуществление инвестиций в развитие Арктической зоны.

2. Отсутствие исчерпывающего перечня видов деятельности резидентов Арктической зоны создает возможности для более свободного договорного регулирования определения данных видов. Во избежание споров с налоговыми органами о правильности отнесения доходов к профильной деятельности мы полагаем целесообразно дать рекомендацию всем действующим и будущим резидентам Арктической зоны: определять виды деятельности в соглашении об осуществлении инвестиционной деятельности как можно шире при условии, что они будут соответствовать общей стратегии инвестирования компаний в социально-экономическое развитие Арктической зоны.

Дополнительно предлагаем органам законодательной власти Федерации и субъектам РФ сформировать более широкий и вместе с тем исчерпывающий перечень видов деятельности. Последнее коррелирует со значимым конституционным положением о праве и обязанности Российской Федерации и ее субъектов совместно устанавливать общие принципы налогообложения в стране².

¹ См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2022. № 29, ч. 3, ст. 5288.

² См. ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>).

В качестве подобных видов деятельности, помимо сугубо инвестиционной, могут стать:

деятельность, направленная на создание и развитие гражданской инфраструктуры в Арктической зоне;

деятельность, направленная на внедрение и поддержание высоких экологических стандартов в деятельности предприятий Арктической зоны;

деятельность, направленная на информационно-технологическое развитие как резидентов, так и самой Арктической зоны;

иная деятельность, которая может быть определена соответствующим субъектом Российской Федерации, с учетом тех реальных потребностей, которые конкретный субъект испытывает и ради которых готов давать налоговые послабления резидентам Арктической зоны.

3. Возможно привлечение субподрядных организаций с целью осуществления инвестиционной деятельности и последующее отнесение полученных доходов к доходам от инвестиционной деятельности. Представляется, что соглашение об инвестиционной деятельности тесно связано с субъектом осуществления такой деятельности. Исходя из анализа примерной формы соглашения об инвестиционной деятельности, можно сделать вывод, что инвестиционную деятельность должен осуществлять самостоятельно резидент на основании утвержденного плана-графика. Между тем мы не усматриваем причин, по которым резидент Арктической зоны не мог бы привлекать других резидентов той же зоны с целью осуществления собственной инвестиционной деятельности. Главное, чтобы привлечение способствовало социально-экономическому развитию Арктической зоны.

При анализе мер налоговой поддержки резидентов Арктической зоны у авторов возникали сложности при поиске материалов, связанных с налоговыми льготами для резидентов Арктической зоны на уровне российских регионов. Так, информация была доступна только на сайтах органов власти отдельных регионов, а в ряде случаев носила неполный или неактуальный характер. Так, в справочнике по нормативному правовому регулированию и правоприменительной практике «Российская Арктика» по ряду регионов не представлена информация по отдельным видам налогов, хотя они уже введены, а информация по Красноярскому краю и вовсе отсутствует¹. Крайне важно развитие прозрачных каналов информации обо всех условиях и льготах для зарегистрированных и потенциальных резидентов Арктической зоны, а также модернизация сайта инвестиционного портала Арктической зоны (<https://arctic-russia.ru/>), в котором следует создать отдельный раздел, где возможно было бы сравнивать льготные режимы в разных регионах. Это повысило бы прозрачность и информированность потенциальных инвесторов о существующих льготах, а равно позволяло бы им без необходимости существенных затрат производить первоначальную оценку выгоды от получения статуса резидента Арктической зоны в конкретном регионе.

Библиографический список

1. Гончаренко Л.И., Никулкина И.В. Налоговые и таможенные механизмы регулирования развития Арктической зоны Российской Федерации с позиции укрепления национальных интересов // *Налоги и налогообложение*. 2018. № 6. С. 143–151.

¹ См.: Российская Арктика. Поддержка инвестиционных проектов в Арктической зоне Российской Федерации. URL: https://www.arhcity.ru/data/2943/Spravochnik_gos.podderzhka-v-AZRF.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

2. *Морозова И.С.* Теория правовых льгот: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 449 с.
3. *Овсянников С.В., Шевелева Н.А.* Соглашения налогоплательщиков об осуществлении деятельности на территориях с особым статусом: правовая природа и налоговые последствия // *Финансовое право.* 2020. № 7. С. 31–41.

References

1. *Goncharenko L.I., Nikulkina I.V.* Tax and Customs Mechanisms for Regulating the Development of the Arctic zone of the Russian Federation from the Position of Strengthening National Interests // *Taxes and Taxation.* 2018. No. 6. P. 143–151.
2. *Morozova I.S.* Theory of Legal Benefits: dis. ... doc. of law. Saratov, 2007. 449 p.
3. *Ovsyannikov S.V., Sheveleva N.A.* Agreements of Taxpayers on the Implementation of Activities in Territories with a Special Status: Legal Nature and Tax Consequences // *Financial Law.* 2020. No. 7. P. 31–41.

Н.В. Неверова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ БАНКА РОССИИ КАК ОРГАНА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ (ЧАСТЬ II)

Введение: регуляторные, контрольно-надзорные функции Центрального банка Российской Федерации в отношении кредитных организаций, некредитных финансовых организаций подкрепляются полномочиями в сфере производства по делам об административных правонарушениях. **Цель** — найти соотношения делегированных законодательством Банку России целей и задач с полномочиями органа административной юрисдикции с точки зрения оптимальности и эффективности последних. **Методологическая основа:** частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы познания. **Результаты:** проанализирован статус, полномочия, история развития правосубъектности Центрального банка Российской Федерации с точки зрения его полномочий возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях; аргументирована авторская позиция об адекватности финансово-правовой политики государства в отношении законодательного закрепления обширных полномочий Банка России, позволяющих оперативно влиять на эффективную работу финансового рынка. **Выводы:** выполнение Банком России юрисдикционных полномочий осуществляется наряду с реализацией целей и основных функций; юрисдикционные полномочия выполняются нижестоящими и вышестоящими звеньями системы Банка России на основе отраслевого принципа осуществления административно-юрисдикционной деятельности; для рассматриваемой деятельности Банка России характерна исключительность компетенции с точки зрения подведомственности составов должностным лицам Банка России и востребованность действующей в Банке России системы реализации юрисдикционных полномочий.

Ключевые слова: административная юрисдикция, производство по делам об административных правонарушениях, должностные лица Банка России, правонарушения в финансовой сфере, правосубъектность.

N. V. Neverova

PECULIARITIES OF THE BANK OF RUSSIA LEGAL PERSONALITY STATUS AS AN ADMINISTRATIVE JURISDICTION BODY (PART II)

Background: regulatory, control and supervisory functions of the Central Bank of the Russian Federation with respect to credit institutions and non-credit financial institutions are supported by powers in the sphere of proceedings on cases of administrative

© Неверова Наталья Владимировна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: neverovanatacha@mail.ru

© Neverova Natalya Vladimirovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

offences. Objective — to find a correlation between the goals and objectives delegated by the legislation to the Bank of Russia and the powers of the administrative jurisdiction body in terms of the optimality and effectiveness of the latter. Methodology: private-scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition. Results: the status, powers, history of development of legal personality of the Central Bank of the Russian Federation in terms of its authority to initiate and consider cases of administrative offenses is analyzed; the author's position on the adequacy of the financial and legal policy of the state in relation to the legislative consolidation of the extensive powers of the Bank of Russia, allowing to promptly influence the effective operation of the financial market is argued. Conclusions: the exercise of jurisdictional powers by the Bank of Russia is carried out along with the realization of its goals and main functions; jurisdictional powers are exercised by lower and higher levels of the Bank of Russia system on the basis of the sectoral principle of administrative and jurisdictional activities; the Bank of Russia's activities under consideration are characterized by the exclusivity of competence in terms of the jurisdiction of the structures to the officials of the Bank of Russia and the demand for the system of jurisdictional powers exercised by the Bank of Russia.

Keywords: administrative jurisdiction, proceedings on administrative offenses, officials of the Bank of Russia, offenses in the financial sphere, legal personality.

В первой части статьи анализируется действующая конструкция осуществления Центральным банком Российской Федерации полномочий в сфере производства по делам об административных правонарушениях. Описание компетенций должностных лиц — служащих Банка России — свидетельствует о правильности вывода об отраслевом принципе выполнения Банком России административно-юрисдикционных полномочий для реализации целей устойчивости рубля, совершенствования финансового, в том числе банковского, рынка, национальной платежной системы. В связи с этим согласимся, что особая правосубъектность отдельных публичных органов и организаций (Банка России, Счетной палаты и государственных корпораций), включающая юрисдикционные полномочия, обусловлена политико-правовыми предпосылками и, как следствие, постоянным расширением их компетенций, в числе которых надделение их контрольными и надзорными функциями [1].

При изучении делегированных должностным лицам Банка России составов административных правонарушений по субъектному составу выделим следующие позиции, подтверждающие обозначенный тезис. К субъектам указанных административных правонарушений относятся юридические лица, должностные лица (когда правонарушение совершается в связи с ненадлежащей реализацией служебных полномочий¹), в отдельных случаях граждане (ст. 5.53 КоАП о незаконности действий по распространению информации из кредитной истории).

Юридические лица в зависимости от состава правонарушения ранжируются как по организационно-правовым формам, так и по видам финансовых организаций. Например, бюро кредитных историй — субъект правонарушений,

¹ С 6 апреля 2022 г. вступили в силу изменения в КоАП о возможности исключения одновременного привлечения к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение юридического лица и его должностных лиц, иных работников или имеющего статус юридического лица единоличного исполнительного органа при соблюдении определенных условий. См.: Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2022. № 13, ст. 1959.

предусмотренных ст. 5.54 о неисполнении обязанности проверить, исправить недостоверную информацию кредитной истории и 5.55 о непредоставлении кредитного отчета. Акционерное общество, профессиональный участник рынка ценных бумаг, управляющая компания или специализированный депозитарий акционерного или паевого инвестиционного фонда, негосударственного пенсионного фонда являются субъектами составов о нарушении порядка хранения информации информационных систем (ст. 13.25); уполномоченный банк — о проведении не допускаемых согласно законодательству в сфере государственного оборонного заказа операций (ст. 15.40).

Закрепление юрисдикционных полномочий Банка России в отношении поднадзорных ему субъектов представляется оправданным и с точки зрения ведущих ученых-административистов, подчеркивающих, что для более квалифицированного подхода к рассмотрению и разрешению дел об административных правонарушениях нужно обладать специальными знаниями, быть компетентными в данной обстановке [2].

Перечень служащих — должностных лиц, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, определяется Банком России в соответствии с своими задачами и функциями. Помимо общей нормы о составлении протоколов аналогично рассматриваемым должностными лицами Банка России составам в п. 81 ст. 28.3 КоАП транслируется дополнительный перечень таких правонарушений¹.

В п. 12 ч. 5 ст. 28.3 Кодекса содержится положение о том, что те же должностные лица, которые выносят постановление о наложении штрафа, могут составлять протокол об административных правонарушениях за неуплату административного штрафа в срок (ч. 1 ст. 20.25 «Уклонение от исполнения административного наказания»). Таким образом, должностным лицам Банка России делегирован и данный состав.

Итак, полномочия по составлению протоколов по конкретным составам также четко распределяются между служащими Банка России на основании Указания

¹ Речь идет о ч. 1–3 ст. 14.1 «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)», ст. 14.25.1 «Нарушение юридическим лицом обязанностей по установлению и представлению информации о своих бенефициарных владельцах», ст. 14.36 «Непредставление или несвоевременное представление документов о споре, связанном с созданием юридического лица, управлением им или участием в нем», ч. 11 ст. 15.23.1 «Нарушение требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов», ст. 15.26 «Нарушение законодательства о банках и банковской деятельности», ст. 15.27.2 «Неисполнение требований о предоставлении информации о лицах, на которых распространяется законодательство иностранного государства о налогообложении иностранных счетов», ст. 15.36 «Неисполнение оператором платежной системы требований законодательства Российской Федерации о национальной платежной системе» (за исключением административных правонарушений, совершенных кредитной организацией), ч. 1 ст. 19.4 «Неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего надзор (контроль), должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора, должностного лица органа, осуществляющего муниципальный контроль», ч. 1 ст. 19.5 «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (должностного лица), органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль», ст. 19.6 «Непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения», ст. 19.7 «Непредставление сведений (информации)», ст. 19.20 «Осуществление деятельности, не связанной с извлечением прибыли, без специального разрешения (лицензии)».

Банка России от 29 июля 2022 г. № 6210-У¹. Первые лица Банка России возбуждают дела по всем составам; первые лица и юристы территориальных учреждений Банка России согласно организационно-распорядительным актам — по всем составам, за исключением составов ст. 15.21 о неправомерном использовании инсайдерской информации и 15.30 о манипулировании рынком. Среди руководителей и сотрудников подразделений центрального аппарата (Департамента инвестиционных финансовых посредников, Департамента информационной безопасности, Департамента инфраструктуры финансового рынка, Департамента корпоративных отношений, Департамента небанковского кредитования, Департамента, занимающегося страховым рынком, Департамента управления данными, Департамента финансового мониторинга и валютного контроля, занимающейся вопросами защиты прав потребителей Службы) возбуждение дел сообразно полномочиям по рассмотрению распределено по компетенции конкретного подразделения. Общей для должностных лиц центрального аппарата и территориальных учреждений Банка России является компетенция в отношении неуплаты административного штрафа (ч. 1 ст. 20.25).

В указании Банка России от 29 июля 2022 г. № 6210-У исключается возможность возбуждения дел об административных правонарушениях теми служащими Банка России, которые входили в рабочую группу по проверке банка, некредитной финансовой организации, оператора платежной системы, оператора услуг платежной инфраструктуры, если по результатам проверки может быть возбуждено дело об административном правонарушении. Такое положение представляется разумным и обоснованным в смысле исключения конфликта интересов и необходимости дополнительной оценки при составлении протокола наличия в действиях (бездействии) субъектов события административного правонарушения. В связи с этим следует согласиться с Д.Н. Бахрахом, подчеркивающим, что основная задача административного производства — выяснение объективной истины по делу, что обуславливает необходимость исследования должностными лицами всех обстоятельств и их взаимных связей по делу в целях исключения одностороннего, предвзятого подхода к принятию конкретного решения [2].

Определенные дела, возбужденные должностными лицами Банка России, рассматриваются арбитражным судом, в частности по ч. 1–3 ст. 14.1 — осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), а также мировым судьей (ч. 1 ст. 20.25).

Для Банка России при реализации рассматриваемой функции характерна исключительная подведомственность. Наука административного права определяет данное понятие как рассмотрение только одним органом административной юрисдикции конкретных дел об административных правонарушениях [3]. Обратной характеристикой обладает совместная подведомственность, предполагающая возможность рассмотрения дел различными органами, часто приводимый пример в юридической литературе — состав ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» рассматривается должностными лицами органов полиции и судами.

Результаты административно-правовой работы публикуются в ежегодном отчете Банка России. Так, должностными лицами Банка России за 2020 г. было возбуждено 11 947 дел, а рассмотрено с учетом переходящих дел за предыдущие

¹ См.: Указание Банка России от 29 июля 2022 г. № 6210-У «О перечне должностных лиц Банка России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» (в ред. от 20 октября 2023 г.) // Вестник Банка России. 2022. № 45; 2023. № 73.

периоды — 9 683 дела. Кроме того, мировыми судьями рассмотрено 1 424 протокола, составленных должностными лицами Банка России по ч. 1 ст. 20.25, а в арбитражных судах — 1 367 инициатив о привлечении к административной ответственности субъектов по ч. 3 ст. 14.1 и ст. 14.36¹. По результатам рассмотрения указанных дел более 600 000 тысяч рублей штрафов было наложено, а 280 000 тысяч рублей поступило в бюджеты Российской Федерации.

Для сравнения: должностными лицами Банка России в 2021 г. было возбуждено 10 425 дел об административных правонарушениях, из них 7 675 дел рассмотрено. В бюджеты поступило около 135 000 тысяч рублей при сумме наложенных штрафов свыше 270 000 тысяч рублей². В 2022 г. было возбуждено 7 422 дела об административных правонарушениях, из них 5 218 дел рассмотрено. В бюджеты поступило около 102 667 тысяч рублей при сумме наложенных штрафов свыше 253 105 тысяч рублей³.

Следует отметить, что показатели 2021–2022 гг. значительно ниже по сравнению с предыдущими периодами как в части возбужденных и рассмотренных дел, так и в части поступлений в бюджет административных штрафов. «Доковидный» 2019 год характеризовался следующими показателями Банка России в рамках осуществления деятельности по административному производству: возбуждено 29 072 дела, рассмотрено 20 023 дела; в бюджеты Российской Федерации в счет оплаты наложенных административных штрафов поступило порядка 410 000 тысяч рублей⁴. Снижение количественных показателей административно-правовой работы в Банке России в 2020–2022 гг. связано с принятием Банком России комплекса мероприятий по поддержке финансового рынка, в том числе в части снижения регуляторной и надзорной нагрузки. В самом начале пандемии Банк России в Информационном сообщении от 20 марта 2020 г.⁵ оперативно ввел ограничение административных наказаний за несоблюдение сроков по отчетности, по нарушениям корпоративных требований и требований в сфере деятельности бюро кредитных историй. С учетом эпидемиологической ситуации дела рассматривались с ориентиром на снижение административной нагрузки. Аналогичная практика продолжена и в период санкционного давления на финансовый рынок в 2022–2023 гг.

Проведенное исследование административно-юрисдикционной деятельности Банка России показывает адекватность финансово-правовой политики государства в отношении законодательного закрепления статуса Центрального банка Российской Федерации как независимого публичного органа [4] и обширных полномочий главного банка страны, позволяющих оперативно реагировать на изменения в работе финансового рынка и задавать верный вектор его развитию.

¹ См.: Годовой отчет Банка России за 2020 год // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: www.cbr.ru

² См.: Годовой отчет Банка России за 2021 год // Там же.

³ См.: Годовой отчет Банка России за 2022 год // Там же.

⁴ См.: Годовой отчет Банка России за 2019 год // Там же.

⁵ См.: Вестник Банка России. 2020. № 25. Кроме того, об ограничении применения административных наказаний к поднадзорным организациям (их должностным лицам) Банк России сообщил в Информационных письмах: от 20 марта 2020 г. № ИН-015-44/25 «О комплексе мер по поддержке рынка микрофинансирования» (утратил силу с 30 июля 2021 г. в связи с изданием Информационного письма Банка России от 30 июля 2021 г. № ИН-06-44/59); от 23 марта 2020 г. № 015-55/2060 «О мерах по поддержке участников рынка ценных бумаг в условиях пандемии коронавируса»; от 20 марта 2020 г. № 015-54/2082 «О комплексе мер по поддержке рынка коллективных инвестиций»; в отношении страховых организаций — в Письме от 20 марта 2020 г. № 015-53/2037 // Там же.

Библиографический список

1. *Стахов А.И.* Интегративная теория административного процесса — единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 313–327.
2. *Бахрах Д.Н.* Административное право: учебник. Часть общая. М.: БЕК, 1993. 301 с.
3. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова. М.: Юристъ, 2002. 697 с.
4. *Агапов А.Б.* Юрисдикционные полномочия публичных органов и организаций // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 24–29.

References

1. *Stakhov A.I.* Integrative Theory of Administrative Process — the Only True Basis for Building a Model of Administrative Process // Siberian Legal Review. 2021. No. 3. P. 313–327.
2. *Bakhrakh D.N.* Administrative Law: Textbook. The general part. M.: Publishing house of BEK, 1993. 301 p.
3. Administrative Law: Textbook / Ed. by L.L. Popov. M.: Jurist, 2002. 697 p.
4. *Agapov A.B.* Jurisdictional Powers of Public Bodies and Organizations // Administrative Law and Process. 2017. No. 9. P. 24–29.

Т.С. Дорошок

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Введение: обращение к истории правового статуса кредитных организаций как субъектов государственного финансового контроля обусловлено расширением их публично-контрольных полномочий, что не свойственно природе коммерческих лиц и влечет угрозу злоупотребления ими в силу одновременного наличия частного и публичного интересов. **Цель** — через рассмотрение этапов развития финансово-контрольного статуса кредитных организаций выявить основания наделяния их публично-контрольными полномочиями. **Методологическая основа:** анализ нормативных правовых актов, формально-логический, формально-юридический и исторический методы. **Результаты:** определено, что статус кредитных организаций в сфере публичного финансового контроля прошел путь трансформации от органов государственного управления, обладающих властными полномочиями, до отказа от него в связи с переходом к частноправовой концепции и статусу коммерческих организаций, наделенных отдельными публично-контрольными полномочиями.

Выводы: наделяние современных финансовых учреждений публично-контрольными полномочиями соответствует текущему состоянию отечественного финансового рынка и требованиям, предъявляемым к его организации и правовому регулированию. Однако правовое регулирование в этой части должно основываться на неукоснительном обеспечении принципа баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: кредитные организации, публично-контрольные полномочия, банковский контроль, финансово-контрольный статус.

T.S. Doroshok

HISTORY OF THE LEGAL STATUS OF CREDIT ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF STATE FINANCIAL CONTROL

Background: reference to the history of the legal status of credit organizations as subjects of state financial control is conditioned by the expansion of their public control powers, which is not peculiar to the nature of commercial persons and entails the risk of their abuse due to the simultaneous existence of private and public interests. **Objective** — through consideration of the stages of development of the financial and control status of credit institutions to identify the grounds for vesting them public control powers. **Methodology:** analysis of normative legal acts, formal-logical, formal-legal and historical methods. **Results:** it is determined that the status of credit organizations in the sphere of public financial control has passed the way of transformation from

© Дорошок Татьяна Сергеевна, 2023

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: doroshok.tanya@mail.ru

© Doroshok Tatyana Sergeevna, 2023

Postgraduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

public administration bodies with authority powers to its abandonment in connection with the transition to the private-law concept and the status of commercial organizations endowed with separate public-control powers. Conclusions: vesting modern financial institutions with public control powers corresponds to the current state of the domestic financial market and the requirements for its organization and legal regulation. However, legal regulation in this part should be based on strictly ensuring the principle of balance of private and public interests.

Keywords: *credit organizations, public control powers, banking control, financial and control status.*

Переход к рыночным отношениям в 90-х гг. XX в. повлек кардинальную корректировку контрольных функций кредитных организаций в связи с изменением их статуса — трансформация из статуса государственных организаций в разряд частных субъектов предпринимательской деятельности. В современный период наметилась обратная тенденция: наделение банков отдельными полномочиями публичного характера, что является не типичным для коммерческих лиц. В силу наличия у кредитных организаций и частного, и публичного интересов возникает угроза злоупотребления ими предоставленными публично-контрольными полномочиями. Поэтому одним из актуальных аспектов в истории исследования правового статуса кредитных организаций как субъектов государственного финансового контроля выступает выявление соответствия наделения их полномочиями публичного характера современным потребностям экономики, общества и государства, социальным ожиданиям и требованиям, предъявляемым к организации и правовому регулированию отечественного финансового рынка.

В советский период кредитные организации выступали важнейшим субъектом государственного финансового контроля наряду с высшими и местными органами государственной власти и управления [1, с. 55]. Так, банки со времен СССР реализуют функции агентов валютного контроля, а также осуществляют контроль за порядком ведения кассовых операций (соблюдением расчетно-платежной и кассовой дисциплины клиентами).

В советской литературе применительно к статусу банка в расчетных правоотношениях использовались формулировки «орган государственного управления, наделенный властными полномочиями» [2, с. 304], «орган государственного управления» [3, с. 414], что связано с тем, что в результате национализации финансовые учреждения приобрели исключительную государственную принадлежность и статус элемента системы управления государственным хозяйством. Если с 1917 по 1930 г. со стороны государства предпринимались попытки по формированию централизованного управления экономикой с сочетанием рыночного механизма, то с 1930 по 1985 г. функционирование финансово-кредитной системы происходило исключительно в рамках государственной плановой экономики [4, с. 11–12]. Вплоть до начала 90-х гг. XX в. имела место государственная монополия на осуществление банковского дела, банки представляли собой всенародное достояние¹ и существовали как государственные организации специальной компетенции.

¹ См.: Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283; Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

Советская кредитная система основывалась на формировании юридически и экономически связанных государственных банков. Кредитная реформа 1930–1932 гг. завершилась учреждением наряду с Госбанком СССР сети специализированных банков долгосрочного кредитования и финансирования капитальных вложений — Сельхозбанк, Цекомбанк, Торгбанк, Промбанк. С 1959 г. после реорганизации банков долгосрочных вложений¹ статусом кредитных организаций, вплоть до 1986 г., обладали Госбанк СССР, Стройбанк СССР, Внешторгбанк СССР и государственные трудовые сберегательные кассы СССР. В рамках реформы 1987–1991 гг. при сохранении Госбанка СССР произошла реорганизация кредитных учреждений в банки, специализированные по отраслям народного хозяйства: Промстройбанк, Агропромбанк, Жилсоцбанк, Внешэкономбанк, Сбербанк (для обслуживания населения)².

Реформа 1930–1932 гг. стала переломным этапом в развитии кредитной системы СССР, знаменуя завершение ее централизации в рамках формирования командно-административной системы управления экономикой [5, с. 59]. Цель реформы состояла в концентрации кредитного, расчетного и кассового обслуживания народного хозяйства в одном общенациональном банке, роль которого была отведена Госбанку СССР³. Кроме того, произошло изменение банковской системы по функциональному признаку, в частности было установлено прямое банковское кредитование в общенациональном банке и усилены его контрольные функции за счет введения новых форм безналичного расчета [6, с. 191].

В соответствии с Уставом⁴ Госбанк СССР наделялся статусом единого эмиссионного центра, банка кредитования народного хозяйства и расчетного центра Союза ССР. В таких условиях стало возможным превращение его в орган общегосударственного учета и контроля рублем за ходом выполнения народнохозяйственных планов и финансовой дисциплины предприятиями, организациями и учреждениями [1, с. 245]. Данные функции реализовывались непосредственно через контрольные полномочия государственных банков в рамках краткосрочного кредитования (выдача плановых кредитов под оборотные средства и сезонные затраты согласно лимитам кредитования конкретно для каждого предприятия и отрасли, и внеплановых кредитов на расширение производства, временные нужды; кредитование по обороту материальных ценностей и затрат на заработную плату) и долгосрочного кредитования (выдача долгосрочных ссуд для строительства производственных объектов, технического перевооружения цехов, модернизации оборудования) [7, с. 7]. Система кредитования позволяла банкам значительно усилить контроль за планомерным оборотом общественных фондов при установлении сроков возврата ссуд, за состоянием материального хозяйства кредитруемых предприятий и выполнением ими народнохозяйственных планов в рамках выдачи целевых кредитов [7, с. 199, 212].

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1959 г. «О реорганизации системы банков долгосрочных вложений» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 14, ст. 88.

² См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики» // СП СССР. 1987. № 37, ст. 121.

³ См.: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 г. «О принципах построения кредитной системы» (документ утратил силу) // СЗ СССР. 1927. № 35, ст. 364.

⁴ См.: Совет министров СССР от 29 октября 1960 г. № 1146 «Об утверждении Устава Госбанка СССР» // СП СССР. 1960. № 18, ст. 160.

С 1963 г. за счет передачи сберкасс в прямое ведение Госбанка СССР расширились их функции по расчетно-кассовому обслуживанию. Действующие на началах хозяйственного расчета, они представляли собой единое общегосударственное кредитное учреждение, реализующее функции по принятию вкладов, размещению государственных внутренних займов СССР и расчетно-кассовому обслуживанию населения¹. Основные вопросы работы сберкасс и руководства ими решались в централизованном порядке — Правлением Государственных трудовых сберегательных касс СССР, а их построение соответствовало административно-территориальному делению Советского Союза.

Кардинальное изменение правовой личности банков на основе перехода к частно-правовой концепции произошло в рамках кредитной реформы 1988–1989 гг., характеризующейся отменой монопольных функций Госбанка СССР и его статуса банка кредитования народного хозяйства и расчетного центра Союза ССР², формированием коммерческих банков³ при сохранении специализированных государственных банков и развитием системы хозрасчетных отраслевых и территориальных кооперативных банков⁴.

Банковский бум в 1990-е гг. ознаменовался двумя периодами: 1988–1993 гг. — преобразование специализированных банков советского периода в коммерческие банки на акционерной и паевой основе; 1994–1995 гг. — появление вновь образованных коммерческих банков [8, с. 114, 190–191]. Акционированию подверглись все учреждения банков за исключением Внешнеэкономбанка, приобретшего статус государственного специализированного банка [9, с. 16–17]. Гострудсберкасс СССР были преобразованы в Сбербанк СССР, наделенным в 1990 г. статусом акционерного коммерческого банка. В результате кредитная система приобрела двухуровневый характер: Госбанк СССР и центральные банки республик СССР (первый уровень), коммерческие банки (второй уровень).

В связи с утратой кредитными организациями статуса органов государственного управления, они существенно сократили объем своих публичных функций, но продолжали реализовывать отдельные публично-контрольные полномочия.

Так, за уполномоченными банками сохранялись функции по валютному контролю, реализуемые на основе совместных инструкций Банка России и Государственного таможенного комитета РФ от 12 октября 1993 г. № 19 «О порядке осуществления валютного контроля за поступлением в Российскую Федерацию валютной выручки от экспорта товаров» (в ред. от 22 января 1999 г.)⁵ и от 26 июля 1995 г. № 30 «О порядке осуществления валютного контроля за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары» (в ред. от 22 февраля 2000 г.)⁶, которые сформировали базу для организации таможенно-банковского контроля за экспортно-импортными операциями в рамках внешнеэкономической деятельности [10, с. 177–178]. В соответствии с данными инструкциями уполномо-

¹ См.: Постановление Совета Министров СССР от 11 июля 1977 г. № 623 «Об утверждении устава государственных трудовых сберегательных касс СССР» // СП СССР. 1977. № 21, ст. 131.

² См.: Постановление Совета Министров СССР от 1 сентября 1988 г. № 1061 «Об утверждении Устава Госбанка СССР» // СП СССР. 1988. № 32, ст. 91.

³ См.: Постановление Совета Министров СССР от 31 марта 1989 г. № 280 «О переводе государственных специализированных банков СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» // СП СССР. 1989. № 21, ст. 64.

⁴ См.: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХI «О кооперации в СССР» (в ред. от 7 марта 1991 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22, ст. 355.

⁵ См.: Экономика и жизнь. 1993. № 45. Утратил силу.

⁶ См.: Нормативные акты для бухгалтера. 1998. № 5. Утратили силу.

ченные банки наделялись контрольными полномочиями по двум направлениям: за своевременным поступлением валютной выручки по контракту на экспорт товаров после принятия его на расчетное обслуживание; за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары, осуществляемых юридическими лицами — резидентами РФ.

Сохранился контроль кредитных организаций за соблюдением обязательной очередности платежей владельцем счета в случае отсутствия достаточных средств для удовлетворения всех финансовых обязательств и предъявленных к нему претензий.

Движение к увеличению числа публично-контрольных полномочий было связано с участием Российской Федерации в международных соглашениях по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов, повлекшее первые шаги по отходу от частнопредметной концепции правового статуса кредитных организаций, что имело объективную основу. С момента создания в 1989 г. Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) возникла необходимость вовлечения в антиотмывочный механизм банков и иных финансовых учреждений, имеющих корреспондентские отношения с финансовыми организациями других стран. В результате принятия в 2000 г. Всеобщих директив по противодействию отмыванию доходов в частном банковском секторе (Вольфсбергских принципов) со стороны государства финансовым учреждениям были вменены определенные обязанности [11, с. 47–48]. Так, на банки были возложены обязанности по разработке правил внутреннего контроля, включающих идентификацию и проверку до приема на обслуживание клиента и бенефициарного владельца; по обновлению информации о клиентах; по определению и выявлению необычной или подозрительной деятельности и организации в этих целях специальной программы мониторинга операций клиентов; по установлению исключений и отклонений от обычной практики, требующих дополнительной оценки рисков и заключения независимого подразделения банка; по организации работы по приостановлению операций, отказу в их совершении или в приеме клиента на обслуживание, по применению мер по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества; по определению стандартов хранения информации, касающейся противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов; по созданию независимого подразделения, ответственного за реализацию правил внутреннего контроля; по организации обучения и подготовки сотрудников банка¹.

Требования к правилам внутреннего контроля в полной мере нашли отражение в фундаментальном для российского антиотмывочного законодательства Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 19 октября 2023 г.)². С момента принятия Закона в него было внесено свыше 90 поправок³, через которые также прослеживается расширение публично-контрольных полномочий кредитных организаций. На-

¹ См.: Указание Центрального банка РФ от 15 февраля 2001 г. № 24-Т «О Вольфсбергских принципах» // Вестник Банка России. 2001. № 15.

² См.: СЗ РФ. 2001. № 33, ч. 1, ст. 3418; 2023. № 43, ст. 7602.

³ См.: Обзор изменений Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88507/ (дата обращения: 05.02.2023).

пример, в 2010 г. создание и реализация внутреннего контроля организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, введена в качестве самостоятельной меры противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов¹; в 2016 г. обязанность банка по идентификации распространена на выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев²; с 2021 г. началось последовательное внедрение риск-ориентированного подхода при реализации банками оценки степени (уровня) риска совершения их клиентами подозрительных операций и отнесении каждого клиента в зависимости от этой оценки к определенной группе риска³.

Проведенный анализ свидетельствует, что трансформирование правового статуса современных кредитных организаций как субъектов государственного финансового контроля в сторону расширения их публично-контрольных полномочий обусловлено объективными обстоятельствами. Кредитная реформа 1930–1932 гг. оформила функционирование финансово-кредитной системы СССР исключительно в рамках государственной плановой экономики, позволив Госбанку СССР сконцентрировать свободные денежные средства страны посредством реализации контрольных полномочий государственными банками и сберкассами, связанными юридически и экономически. Кредитная реформа 1988–1989 гг. ознаменовала приобретение банками статуса коммерческих организаций с одновременным сохранением отдельных публично-контрольных полномочий. Однако утрата банками статуса органов государственного управления происходила параллельно с мировыми процессами вовлечения финансовых учреждений в механизм противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, что обусловило отход от частнопредварительной концепции правовой личности кредитных организаций. Видится, что наделение банков полномочиями публичного характера, не свойственных природе коммерческой организации, требует неукоснительного соблюдения принципа баланса публичных и частных интересов, который должен получить всестороннее доктринальное уяснение в части содержательных аспектов и критериев, позволяющих оценивать действующее правовое регулирование.

Библиографический список

1. Советское финансовое право: учебник / Л.В. Бричко, Г.С. Гуревич, В.В. Гусева; отв. ред. Г.С. Гуревич. М.: Юрид. лит., 1985. 272 с.
2. Советское финансовое право: учебник / под ред. Е.А. Ровинского. 3-е изд. М.: Юрид. лит., 1978. 344 с.
3. Советское финансовое право: учебник / Л.К. Воронова, О.Н. Горбунова, Л.А. Давыдова и др.; отв. ред. Л.К. Воронова, Н.И. Химичева. М.: Юрид. лит., 1987. 464 с.
4. Мусин И.В. Управление формированием российской финансово-кредитной системы при переходе к рынку: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1998. 25 с.

¹ См.: Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 14 октября 2014 г.) // СЗ РФ. 2010. № 30, ст. 4007; 2014. № 42, ст. 5615.

² См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статью 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3860.

³ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8982.

5. *Уразова С.А.* Особенности и значение кредитной реформы 1930–1932 годов // Деньги и кредит. 2011. № 4. С. 58–63.
6. *Лихолетов Ю.Ф., Григорьев И.А.* Реформирование кредитной системы в СССР в период индустриализации // Экономическая история. 2019. № 2(45). С. 188–194.
7. Финансы промышленности: учебник / под рук. П.Н. Жевтяка. М.: Финансы, 1972. 271 с.
8. *Матовников М.* Функционирование банковской системы России в условиях макроэкономической нестабильности. М.: Институт экономики переходного периода, 2000. 221 с.
9. *Муцифуллина Ю.И.* Преобразование банковской системы России (1990–1999 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 8(72). С. 15–23.
10. Валютное право: учебник и практикум для вузов / Г.Ф. Ручкина [и др.]; под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: Юрайт, 2022. 232 с.
11. Правовые основы обеспечения финансовой устойчивости кредитных организаций: учеб. пособие для вузов / Д.Г. Алексеева, С.В. Пыхтин; под ред. Д.Г. Алексеева. М.: Юрайт, 2022. 90 с.

References

1. Soviet Financial Law: textbook / L.V. Brichko, G.S. Gurevich, V.V. Guseva; ed. by G.S. Gurevich. M.: Legal lit., 1985. 272 p.
2. Soviet Financial Law: textbook / ed. by E.A. Rovinsky. 3rd ed. M.: Legal lit., 1978. 344 p.
3. Soviet Financial Law: textbook / L.K. Voronova, O.N. Gorbunova, L.A. Davydova and others; ed. by L.K. Voronova, N.I. Khimicheva. M.: Legal lit., 1987. 464 p.
4. *Musin I.V.* Management of the Formation of the Russian Financial and Credit System During the Transition to the Market: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 1998. 25 p.
5. *Urazova S.A.* Features and Significance of the Credit Reform of 1930–1932 // Money and Credit. 2011. No. 4. P. 58–63.
6. *Likholetov Yu.F., Grigoriev I.A.* Reforming the Credit System in the USSR During Industrialization // Economic History. 2019. No. 2(45). P. 188–194.
7. Finance of Industry: textbook / ed. by P.N. Zhevtyak. M.: Finance, 1972. 271 p.
8. *Matovnikov M.* Functioning of the Russian Banking System in Conditions of Macroeconomic Instability. M.: Institute of Economics of the Transition Period, 2000. 221 p.
9. *Musifullina Yu.I.* Transformation of the Banking System of Russia (1990–1999) // Bulletin of the Orenburg State University. 2007. No. 8(72). P. 15–23.
10. Currency Law: textbook and practice for universities / G.F. Ruchkina [et al.]; ed. by G.F. Ruchkina. M.: Yurait, 2022. 232 p.
11. The Legal Basis for Ensuring the Financial Stability of Credit Institutions: a textbook for universities / D.G. Alekseeva, S.V. Pykhtin; ed. by D.G. Alekseev. M.: Yurait, 2022. 90 p.

Б.Н. Жунусова

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Введение: переход к инновационно-ориентированной экономике как фактор преодоления внешнего давления невозможен без проведения соответствующей финансово-правовой политики. **Цель** — научная категория «правовая политика» определена в качестве исследовательского инструмента, применимого для изучения вопросов совершенствования механизма реализации финансово-правового регулирования в области инновационной деятельности. **Методологическая основа:** общенаучные и специально-юридические методы познания. **Результаты:** проанализированы документы стратегического планирования, программные документы и статистические данные, в которых были выявлены направления финансово-правовой политики в области инновационной деятельности — финансовое, инвестиционно-стратегическое, имущественное, административно-управленческое и информационно-образовательное. **Выводы:** проведение последовательной и отвечающей запросам времени финансово-правовой политики должно осуществляться прежде всего путем разработки и закрепления действенных мер совершенствования российского финансового, бюджетного, налогового и иного смежного законодательства.

Ключевые слова: правовая политика, финансово-правовая политика, финансово-правовое регулирование инновационной деятельности, право, инновации.

B.N. Zhunusova

FINANCIAL AND LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF INNOVATION ACTIVITY: PROBLEM STATEMENT

Background: transition to an innovation-oriented economy, as a factor of overcoming external pressure is impossible without an appropriate financial and legal policy. **Objective** — the scientific category “legal policy” is defined as a research tool applicable to study issues of improving the mechanism for implementing financial and legal regulation in the field of innovation activity. **Methodology:** general scientific and special legal methods of cognition. **Results:** strategic planning documents, program documents and statistical data were analyzed, which revealed the directions of financial and legal policy in the field of innovation activity — financial, investment-strategic, property, administrative and management and information-educational. **Conclusions:** a consistent and responsive financial and legal policy should be implemented primarily through the development and consolidation of effective measures to improve Russian financial, budgetary, tax and other related legislation.

Keywords: legal policy, financial and legal policy, financial and legal regulation of innovation activities, law, innovation.

Актуальность тематики инновационной деятельности для науки финансового права можно подтвердить с позиции экономических и доктринальных предпосылок. Так, экономической предпосылкой следует считать то, что в условиях беспрецедентного санкционного давления перед российской экономикой ставится сложная цель — не только преодолеть внешнее давление, но и нарастить потенциал и мощности собственных производственных систем. Как следствие, для отечественного государства уместен тезис о том, что ключевые факторы экономического роста — это процессы получения новых знаний, разработки на их основе технологий и внедрения инноваций в различные сферы деятельности. Сегодня Российская Федерация значительно отстает от стран-лидеров по высокотехнологичному экспорту¹. Согласно данным Всемирного банка², объем экспорта высокотехнологичных товаров России в среднем вдвое ниже чем в Индии, в 8 раз ниже чем в Малайзии и в 70 раз ниже чем в Китайской Народной Республике. Кроме того, высокую степень озабоченности вызывает тот факт, что начиная с 2016 г. отмечается уменьшение российского экспорта высокотехнологичной продукции. Данная тенденция оценивается негативно, так как государству, ставящему цель построения конкурентоспособной экономики, необходимо проводить соответствующую экономическую и правовую политику в сфере инновационной деятельности, что в современных условиях является элементом суверенитета государства и позволяет обезопасить население страны от внешнего негативного воздействия, обеспечить комфортный уровень жизни всем членам общества.

В качестве доктринальной предпосылки следует считать недостаточную проработанность тематики инновационной деятельности с позиции науки финансового права. В связи с этим считаем востребованным методологическим инструментом для исследования вопроса инновационной деятельности использование научной категории «правовая политика». В научной литературе последнюю категорию принято раскрывать посредством указания на специальную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления в разрезе создания эффективного механизма правового регулирования, использования юридических средств во благо достижения социально полезной цели, формирования правовой государственности и высокого уровня правовой жизни общества и личности [1–3].

Использование указанного научного концепта для исследования важно, так как финансово-правовая политика выступает направлением правовой политики в сфере финансов, опосредуя использование методов финансово-правового регулирования [4–8]. Основы финансово-правовой политики закрепляются в документах стратегического планирования. Так, в Стратегии научно-технологического развития³ определено, что основной целью данного развития Россий-

¹ По методике Организации экономического сотрудничества и развития, экспорт высокотехнологичной продукции предполагает экспорт товаров с высокой интенсивностью научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР), то есть затраты на НИОКР должны составлять значительную долю в общем объеме продаж продукции. В практике к числу высокотехнологичной относятся продукция авиационной, в том числе космической, фармацевтической, химической промышленности, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи, научных приборов и др.

² См.: По данным Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD/countries?page=1> (дата обращения: 01.06.2023).

³ См.: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в ред. от 15 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887; 2021. № 12, ст. 1982.

ской Федерации является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы укрепления и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Кроме того, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ научно-технологическое развитие обозначено в качестве одного из девяти стратегических национальных приоритетов и ключевого фактора повышения конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности.

Важный субъект финансово-правовой политики — Президент РФ, так как одним из средств осуществления правовой политики выступают его ежегодные Послания к Федеральному Собранию РФ. На основе положений указанного программного документа формируется перечень поручений российскому правительству, главам субъектов РФ, Центральному Банку РФ и другим ответственным субъектам. Как итог, из анализа посланий Президента РФ последних лет можно сделать вывод об актуальности финансово-правовой политики в сфере инновационной деятельности.

Впервые вопрос о правовой политике в сфере инновационной деятельности в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ был поставлен в 2006 г. В Послании была отмечена необходимость создания инновационной среды за счет построения соответствующей инфраструктуры, а также создания благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности². На протяжении последних 17 лет Президентом РФ ставится цель построения экономики, не зависящей от экспорта сырья, где инновации будут внедрены во все сферы жизни общества³. Для успешной реализации намеченных целей необходимы эффективные и адекватные правовые средства, способы регулирования.

Весьма примечательным стало Послание Президента РФ 2023 г., в котором было указано на необходимость системных мер поддержки, в том числе налоговых льгот, в целях расширения технологических возможностей российской экономики и роста мощностей отечественной индустрии. По итогам выступления был утвержден перечень Поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. В части реализации финансово-правовой политики поручено «обеспечить реализацию (в том числе в рамках льготного режима работы промышленных кластеров) инвестиционных проектов по выпуску приоритетной промышленной продукции; внести в законодательство Российской Федерации о налогах и сборах изменения, предусматривающие применение повышающего коэффициента в размере 1,5 к фактическим расходам налогоплательщика на приобретение российского высокотехнологичного оборудования; принять решения по стимулированию размещения акций быстрорастущих высокотехнологичных компаний на внутреннем финансовом рынке, включая предоставление нало-

¹ См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.

³ См.: Послания Президента Российской Федерации: от 26 апреля 2007 г.; от 5 ноября 2008 г.; от 12 ноября 2009 г.; от 30 ноября 2010 г.; от 22 декабря 2011 г.; от 12 декабря 2012 г.; от 12 декабря 2013 г.; от 4 декабря 2014 г.; от 3 декабря 2015 г.; от 1 декабря 2016 г.; от 1 марта 2018 г.; от 20 февраля 2019 г.; от 15 января 2020 г.; от 21 апреля 2021 г.; от 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/search?title=послание+президента&type=7> (дата обращения: 22.04.2023).

говых льгот как компаниям-эмитентам, так и покупателям таких акций при их первичном размещении»¹.

Изучение посланий Президента и предметная оценка их положений позволяет предложить ряд обязательных, на наш взгляд, направлений финансово-правовой политики в области инновационной деятельности:

финансовое содействие в реализации мероприятий инновационного содержания, например через процедуры субсидирования процентных ставок по кредитам и займам, резервирования средств на оказание финансового содействия, и др.;

инвестиционно-стратегическое содействие в реализации мероприятий инновационного содержания, например через процедуры создания архитектуры инновационной деятельности венчурных, инвестиционных фондов, и др.;

имущественное содействие в реализации мероприятий инновационного содержания, например через процедуры заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества, по которым оформляется право пользования, предоставление рассрочки платежа за право пользования государственной собственностью, и др.;

административно-управленческое содействие в реализации мероприятий инновационного содержания, например через процедуры создания и развития научно-инновационных центров, фондов, технопарков, бизнес-инкубаторов, и др.;

информационно-образовательное содействие в реализации мероприятий инновационного содержания, например через процедуры подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, осуществляющих инновационную деятельность, и др.

Представляется, что именно в указанных сегментах необходимо предложить практико-ориентированные меры совершенствования российского финансового, бюджетного, налогового и иного смежного законодательства.

Следует отметить, что при высоком уровне фундаментальных исследований и значительном числе научных школ существует проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, что подтверждается несоизмеримостью предложений результатов научно-исследовательских работ спросу на них со стороны участников экономического оборота². Особенно важно учитывать негативные воздействия в условиях санкционного режима, заблокированного доступа к высокотехнологичному оборудованию и передовым разработкам, импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета³.

Определенным уровнем совершенствования приемов и средств, на котором формируются компоненты финансово-правовой политики, должна считаться Концепция технологического развития⁴, что явилось следствием реализации установок, сформулированных в Поручении Президента РФ.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 февраля.

² См.: Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»» (в ред. от 22 октября 2021 г.) // СЗ РФ. 2019. № 15, ч. 3, ст. 1750; 2021. № 44, ч. 3, ст. 7422.

³ См.: Указ Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 16, ст. 2650.

⁴ См.: Концепция технологического развития до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 обозначен ряд целей, одна из которых — обеспечение контроля над производством критических и сквозных технологий путем создания научно-технологических заделов и потенциала их коммерциализации. Для достижения указанной цели ставятся задачи по инвентаризации инструментов поддержки инноваций с позиции эффективности и результативности и их дальнейшая переработка; изменение общих подходов к развитию стимулирующих механизмов, в том числе увеличение сроков финансирования разработок с возможным выделением их этапов, стимулирование и финансирование параллельных линий разработки технологий и продуктов одного назначения, снижение требований по софинансированию в рамках государственной поддержки отдельных сложных и технологически рискованных исследований и разработок.

Следующей целью значится переход к инновационно ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы. Для ее достижения должны быть увеличены инновационная активность организаций в 2,3 раза, затраты на инновационную деятельность в 1,5 раза, объем инновационных товаров, работ, услуг в 1,9 раза.

Индикаторами выполнения технологического обеспечения устойчивого функционирования и развития производственных систем, реализация которых запланирована на 2030 г., названы рост несырьевого неэнергетического экспорта в 1,5 раза, увеличение удельного веса высокотехнологичной промышленной продукции, произведенной на территории России, в общем объеме потребления такой продукции до 75 %.

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов финансово-правовой политики в сфере инновационной деятельности в Российской Федерации показало, что проведение последовательной и отвечающей запросам времени финансово-правовой политики должно осуществляться прежде всего путем разработки и закрепления системы действенных юридических механизмов поддержки и стимулирования данной сферы. Предлагаемые правовые механизмы необходимо рассматривать в качестве компонента системы, направленной на обеспечение устойчивого темпа развития инновационных процессов и достижение поставленных целей в экономике.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4. С. 6–17.
2. Малько А.В. Правовая политика в современном обществе: общетеоретический и сравнительный анализ // Право и государство. 2018. № 3-4. С. 54–64.
3. Сухова Н.И. Правовая политика: функциональный аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 3. С. 9–15.
4. Арзуманова Л.Л. Финансовая политика как составная часть государственной политики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 4. С. 115–119.
5. Еремина Е.А. Перспективные направления развития финансово-правовой политики Российской Федерации в сфере культуры // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 182–192.
6. Миронова С.М. Влияние государственной финансово-правовой политики на муниципальные образования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 2. С. 44–53.

7. *Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.* Защита прав субъектов финансово-правовых отношений как актуальное направление финансово-правовой политики // Финансовое правоотношение: доктринальные и правоприменительные аспекты: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 28 сентября 2016 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2018. С. 162–166.

8. *Покачалова Е.В.* Финансово-правовая политика России в сфере государственного долга в условиях глобализации экономики // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. Т. 2, № 34. С. 17–23.

References

1. *Matuzov N.I.* Concept and Main Priorities of Russian Legal Policy // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1997. No. 4. P. 6–17.

2. *Malko A.V.* Legal Policy in Modern Society: General Theoretical and Comparative Analysis // Law and State. 2018. No. 3-4. P. 54–64.

3. *Sukhova N.I.* Legal Policy: Functional Aspect // Legal Policy and Legal Life. 2015. No. 3. P. 9–15.

4. *Arzumanova L.L.* Financial Policy as an Integral Part of State Policy // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2014. No. 4. P. 115–119.

5. *Eremina E.A.* Prospective Directions for the Development of the Financial and Legal Policy of the Russian Federation in the Sphere of Culture // Leningrad Legal Journal. 2017. No. 4. P. 182–192.

6. *Mironova S.M.* The Influence of State Financial and Legal Policy on Municipalities // Current Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15, no. 2. P. 44–53.

7. *Pastushenko E.N., Zemtsova L.N.* Protection of the Rights of Subjects of Financial and Legal Relations as a Current Direction of Financial and Legal Policy // Financial Legal Relations: Doctrinal and Law Enforcement Aspects: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, September 28, 2016. Saratov: Saratov State Law Academy, 2018. P. 162–166.

8. *Pokachalova E.V.* Financial and Legal Policy of Russia in the Sphere of Public Debt in the Context of Economic Globalization // Legal Bulletin of the Rostov State Economic University. 2005. Vol. 2, no. 34. P. 17–23.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-233-243

УДК 341.23

М.В. Шугуров, Г.В. Колодуб

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА НАУЧНУЮ СФЕРУ*

Введение: особенностью текущих антироссийских санкций являются крупномасштабные ограничения в отношении российской науки в целом и ее подсистем в частности. По замыслу недружественных стран негативным следствием односторонних ограничительных мер должно стать ослабление научно-технического потенциала России и уменьшение ее вовлеченности в международное научно-исследовательское и научно-технологическое сотрудничество. Определенную роль в реализации данного сценария играют экономические санкции, смежные по отношению к секторальным научным. **Цель** — разработать концептуальные представления о степени воздействия режимов ограничительных мер и мультисекторальном характере экономических санкций. **Методологическая основа:** системный подход, общенаучные и специально-юридические методы познания, а также сравнительно-правовой метод. **Результаты:** на основе анализа экономических санкций в отношении российской науки детализирован эффект резонанса негативного воздействия экономических и научных санкций, что позволяет в новом ракурсе осмыслить тесную связь международного экономического и международного научного сотрудничества, а также уязвимость науки под влиянием неблагоприятных геоэкономических факторов. **Выводы:** экономические, а вместе с ними технологические санкции «перетекают» в научную плоскость и оказывают негативное воздействие на функционирование отечественного научного сектора в международном измерении. В качестве перспективного выхода из ситуации, неблагоприятной для функционирования и развития российской науки, оказывается не введение контрсанкций со стороны России, а проведение государственной научно-технической

© Шугуров Марк Владимирович, 2023

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shugurovs@mail.ru

© Колодуб Григорий Вячеславович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

© Shugurov Mark Vladimirovich, 2023

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of International Law (Saratov State Law Academy)

© Kolodub Grigory Vyacheslavovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296 (<https://rscf.ru/project/23-28-01296/>)

политики, направленной на импортозамещение ресурсов, необходимых для проведения научных исследований и технологических разработок.

Ключевые слова: антиросийские санкции, научно-техническая политика, международное сотрудничество, научное оборудование, импортозамещение, экспортный контроль.

M. V. Shugurov, G. V. Kolodub

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION IN RUSSIA
UNDER SANCTIONS PRESSURE: ANALYSIS
OF THE DEGREE OF INFLUENCE
OF ECONOMIC CONSTRAINTS ON THE SCIENTIFIC SPHERE

Background: the peculiarity of the current anti-Russian sanctions is that their range includes large-scale restrictions on Russian science in general and its subsystems in particular. According to the plans of unfriendly countries, the negative consequence of unilateral restrictive measures should be a weakening of Russia's scientific and technical potential and a decrease in its involvement in international research and scientific and technological cooperation. Economic sanctions, which are related to sectoral scientific sanctions, play a certain role in the implementation of this scenario. **Objective** — to develop conceptual ideas about the degree of impact of restrictive measures and the multisectoral nature of economic sanctions. **Methodology:** a systematic approach, general scientific and special legal methods of cognition, as well as a comparative legal method. **Results:** based on the analysis of economic sanctions against Russian science, the resonance effect of the negative impact of economic and scientific sanctions is detailed, which allows us to comprehend in a new perspective the close relationship between international economic and international scientific cooperation, as well as the vulnerability of science under the influence of unfavorable geo-economic factors. **Conclusions:** economic and, with them, technological sanctions "spill over" into the scientific plane and have a negative impact on the functioning of the scientific sector in the international dimension. As a promising way out of a situation unfavorable for the functioning and development of Russian science, it turns out not the introduction of counter-sanctions from Russia, but the implementation of a state scientific and technical policy aimed at the import substitution of resources necessary for scientific research and technological developments.

Keywords: anti-Russian sanctions, scientific and technical policy, international cooperation, scientific equipment, import substitution, export control.

В настоящее время к одному из факторов, вызывающих осложнения международных экономических отношений, относятся односторонние ограничительные меры (санкции), используемые как средство давления на другие государства, а также как средства политического давления со стороны международных институтов. Не следует забывать о том, что экономические санкции как элемент торговой борьбы и средство недобросовестной конкуренции способны оказывать негативное воздействие не только на возможность проведения научных исследований, но и на интенсивность реализуемых научно-технологических разработок в странах, в отношении которых введены санкционные ограничительные меры. Подобного рода закономерности в полной мере реализуются в ситуации беспрецедентных по своему масштабу антиросийских санкций. В частности, санкции, имеющие экономическую природу, выступают в качестве барьеров на пути участия России в международном научном сотрудничестве. В ряде слу-

чаев прогнозируется «замораживающий эффект», следствием чего может стать ослабление научно-технического потенциала страны, что может привести к снижению заинтересованности зарубежных коллабораторов в рамках международного научно-исследовательского и научно-технологического сотрудничества, например ограничение возможности приобретения оборудования, необходимого для проведения научных исследований. Вполне очевидно, что подобного рода экономические санкции дополняют и усугубляют целевые санкции, представляющие собой запреты на научные связи с российскими научными организациями, финансируемыми из госбюджета.

Как указывается в специальной литературе, «санкционный шторм высветил для широкой российской общественности наиболее уязвимые места научной архитектуры России» [1, с. 70]. С нашей точки зрения, подобного рода проблемные места означают фактическую зависимость российской науки от импорта зарубежного оборудования и материалов, что делает российскую науку уязвимой не только от научных, но и от экономических санкций. В этом контексте последние приобретают мультисекторальный характер, то есть оказывают воздействие и на экономику и внешнеэкономические связи, и на международное научное сотрудничество и функционирование российской науки.

В настоящее время анализу экономических санкций, введенных в отношении России, посвящен ряд научных работ [2; 3]. Необходимо констатировать, что в подавляющем большинстве случаев авторы данных работ не рассматривают негативное воздействие санкций на развитие российской науки. Впрочем, как можно заметить, в предметной области научных исследований экономических санкций наблюдается аналогичная ситуация. Это означает, что в рамках теории экономических санкций [4–6] часто отсутствует анализ их воздействия на сферу науки в рассматриваемом государстве. Поэтому важным вкладом в развитие теории санкций, вводимых в отношении научного сектора, стала работа И. Дежиной о воздействии экономических санкций на развитие науки в России в 2014–2015 гг. [7].

Вместе с тем введение масштабных экономических санкций в 2022–2023 гг. требует изучения их негативного воздействия на российскую науку. Тем более в научной литературе достаточно детально рассмотрен вопрос о новой конфигурации международного научного сотрудничества под воздействием экономических санкций [8]. Проведение подобного исследования следует расценивать как дальнейшее развитие теории научных санкций, в рамках которой на примере отдельных стран так или иначе осуществляется рассмотрение воздействия экономических санкций на науку [9; 10].

Скорость, с которой был осуществлен бойкот российской науке, содержанием которого стали многочисленные институциональные разрывы на уровне совместных международных проектов, программ, а также международного сотрудничества научных организаций, во многом обусловлена самим контекстом, а именно коррелятивным введением научных санкций относительно всего массива экономических и политических санкций, объявленных России [11, р. 146].

Для бенефициаров ослабления отечественной науки вследствие введения смешанных (мультисекторальных) ограничений основной целью является реформативное сложившейся за последние двадцать лет российской модели управления наукой, которая основывается на принципах открытости и интегрированности в мировое научное сообщество. Более того, западные политические

институты, влияющие на принятие решений, навязывают идею невозможности и невыгодности международного научного сотрудничества с Россией, а также стремятся осуществить деинтернационализацию отечественной науки.

Напомним, что наука имеет особое предназначение — осуществление генерирования знаний как фундаментальных, так и прикладных. Однако она не свободна от политики и экономики, а в условиях глобализации — и от геоэкономической и геополитической ситуации, поэтому санкционные ограничительные меры в отношении российских банкиров, промышленников и спортсменов, а также направленные на сектор российской экономики и отдельных категорий технологий призваны оказывать сдерживающий эффект. В орбиту экономических санкций была вовлечена отечественная наука и международное научное сотрудничество с участием России.

Следует отметить, что сложившуюся ситуацию можно воспринимать в качестве нового этапа отношений России с западными странами, которые ухудшились ранее. Так, в рамках санкций 2014–2021 гг. наблюдалась не слишком благоприятная картина: длительное ожидание поставок и нередко по завышенным ценам. В принципе, такая логика вполне объяснима действовавшими экономическими санкциями, которые, однако, не включали ранее разноплановые по содержанию меры, ограничивающие сотрудничество в научной сфере, а касались режима экспортного контроля. С 2014 г. США стали проводить активную политику экспортного контроля в Россию. Экспортные ограничения касались как номенклатуры поставок, так и отдельных отечественных научно-исследовательских институтов, в частности Московского физико-технического института. В 2022 г. экспортный контроль был ужесточен по отношению к поставкам полупроводников, средств телекоммуникации, лазеров и датчиков и к другим технологиям, применяемым в промышленном секторе, например в нефтегазовой отрасли.

Строгий режим экспортного контроля демонстрирует, как экономические (технологические) санкции «перетекают» в научную плоскость. Это означает, что их мишенью становится научный сектор. В результате технологические санкции, направленные на подрыв промышленного потенциала России в области высокотехнологичных секторов экономики, одновременно подрывают ее научный потенциал. Отметим, что в отношении академического сообщества власти недружественных государств в большинстве случаев не оказывали давление, а призывали университеты и научные центры к принятию мер, содержанием которых был институциональный разрыв.

Вытеснение отечественных представителей из цепочек связей в коммерческих и в академических отношениях с участием иностранных партнеров в совокупности может быть квалифицировано как «большой вызов», который возник на современном этапе существования России в текущей геополитической обстановке. Напомним, что впервые определение понятия «большие вызовы» официально было закреплено в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года (СНТР): «Большие вызовы — объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов»¹.

¹ См.: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в ред. от 15 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887; 2021. № 12, ст. 1982.

В текущей геополитической ситуации «большими вызовами» можно считать различного рода санкции, введенные и вводимые в отношении России со стороны иностранных государств. Тем не менее массированные санкции не рассматриваются как фактор отмены решимости достижения поставленной в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года цели отечественного научно-технологического развития, а именно формирования модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия. Другое дело, что в современных условиях достижение поставленной цели предполагает инновационной научно-технической политики, в том числе на международном треке.

Следует подчеркнуть, что повышенная степень негативного эффекта антироссийских экономических санкций проявляется в тех отраслях науки, которые наиболее зависимы от поставок материалов, оборудования, приборов, реагентов, которые выступают составной частью международных экономических отношений, тесно связанных с международным научным сотрудничеством. Соответственно, эрозия международных экономических отношений, выражающаяся в нарушении поставок, приводит к перспективам замораживания исследований в сфере химической и биологической науки, из-за чего также страдает реализация возможности научно-исследовательского сотрудничества, в том числе с дружественными странами. Указанная закономерность характерна отчасти и для такой отрасли научного знания, как физика. Это можно объяснить тем, что исследования в сфере естественных наук являются более затратными и более интернационализированными в отличие от гуманитарных наук.

Приостановка международного сотрудничества, означающая прекращение реализации совместных проектов вследствие изменения финансирования проектов и возникших институциональных разрывов, усугубляется волнами негативного воздействия, исходящими от экономических санкций или же являющимися их следствием. Дело в том, что успех в реализации естественно-научных исследований зависит в конечном счете не только от финансирования и кадрового обеспечения, но и от обеспеченности приборной базой, надлежащими реактивами/реагентами, расходными материалами и оборудованием. Поэтому изолирующая направленность западных санкций в отношении нашей страны ставит российскую науку перед фактом скорейшей организации собственного производства оборудования не только для промышленности, медицины, электроники, но и для различных отраслей отечественной науки. В силу этого вполне обоснованным выглядит тезис о том, что российская наука в условиях экономических санкций нуждается в поддержке со стороны государства, особенно финансовой, так как, участвуя в финансировании всех этапов научных исследований (прикладных или фундаментальных), государство получает положительный эффект/показатель не только непосредственно в научной сфере, но и в других областях, относящихся к сфере его ответственности [12, с. 72].

Особенность рассматриваемой проблемы связана с тем, что сегодня российская наука не обладает качеством самообеспеченности приборами, реактивами и расходными материалами. Как следствие, разрушение цепочек их поставок оказало более сильное неблагоприятное воздействие, нежели утрата доступа

к зарубежным исследовательским установкам, в том числе класса «мегасайенс». Так, аналитики делают акцент на тот факт, что «шок» испытывают, например, химии и биологии, сфера научной и научно-технической деятельности которых весьма чувствительна к санкциям¹. Полагаем, что физика и астрономия как науки пострадали в гораздо меньшей степени.

Данная ситуация объясняется резким сокращением научного приборостроения и производства химических реагентов начиная с 1990-х гг. В конечном итоге это привело к зависимости естественных наук от зарубежных, главным образом западных, реактивов и оборудования — практически на 90 % (полупроводники, реактивы для химии и биологии, фотодетекторы для космических программ, реагенты, спектрометры, электронные микроскопы). Следствием такой зависимости, обострившейся в условиях санкций, стал существенный дефицит реактивов. Многие зарубежные поставщики современных высокочистых химических материалов перестали заключать контракты с отечественными дистрибьютерами. В итоге, на рынке возник дефицит пластин для тонкослойной хроматографии, а также силикагель производства немецкой фирмы Merck (данные материалы используются в синтетической химии). В других случаях поставки сохранились, но произошло кратное увеличение стоимости импортной продукции, что затрудняет ее приобретение российскими научными институтами и лабораториями².

Представляется, что основной причиной возникновения дефицита компонентов для проведения научных исследований является не только возникшее технологическое отставание ряда наукоемких отраслей отечественной экономики в досанкционный период, но и затянувшаяся реализация программы импортозамещения. Как отмечается в литературе, «массовый переход к использованию зарубежной приборной базой обеспечил вроде бы узнаваемость получаемых результатов российской науки за рубежом, но, с другой стороны, технически задал рамки и ограничил экспериментаторские возможности внутри России, которые могли привести к новым результатам. Естественно, такой тренд пагубно отразился на отечественных отраслях научного приборостроения, производства реактивов и генерации исследовательского ПО» [13, с. 28].

Ситуация функционального разрыва цепочек импорта в условиях санкций, сложившаяся после их введения, привела к сочетанию прекращения поставок в одних случаях и сохранения поставок в других, но с увеличением срока ожидания, когда, например, закупленное оборудование не может быть отгружено в срок. Время ожидания также возрастает из-за поиска новых поставщиков, когда химики, скажем, начинают рассчитывать на китайских поставщиков. В связи с этим осложняется проведение текущих исследований, что приводит к откладыванию получения запланированных результатов.

Данный аспект может означать ослабление научного потенциала и деградацию глобальной конкурентоспособности российской науки, так как фактором такой конкурентоспособности выступает, во-первых, осуществление прорывных исследований, во-вторых, сохранение реализации модели открытой науки.

¹ См.: «Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым // МК.ru (03.03.2022). URL: <https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglashenie-rossiyskoynauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html?ysclid=lpv664n2fe584869161> (дата обращения: 01.12.2023).

² См.: Пичугина Т. Дать науке свободу. Ученые рассказали о том, как противостоять санкциям // МИА «Россия сегодня» (04.04.2022). URL: <https://ria.ru/20220316/nauka-1778138471.html> (дата обращения: 02.12.2023).

В последнем случае это не только режим свободы научных исследований в формате международных проектов и коллабораций, сохранение свободного обмена научной информацией, но и нормальное функционирование рынков научного оборудования, реактивов, расходных материалов и соответствующих услуг. Это вызвано тем, что в процессе научного творчества бывает сложно предугадать потребности в уникальных реактивах, приборах, расходных материалах, тогда как отечественные рынки могут оказаться в малой степени ненасыщенными ими¹. Например, спектрометры, рентгеновское оборудование, электронные микроскопы импортируются из США и Японии. Разумеется, Россия далеко не единственная страна, которая осуществляет подобный импорт, но осуществление их экспорта в Россию затруднено в силу различных барьеров.

Известно, что на 2022–2023 гг. было запланировано обновление приборной базы, в том числе посредством выделения финансовых ресурсов на закупку товаров из зарубежных источников. Это решение было принято до введения масштабных санкций в отношении России. Поэтому в большинстве случаев закупка была оплачена или внесена предоплата, но, как оказалось, их поставка была отложена. В результате имеет место нереализованность одного из направлений государственной научно-технической политики. И это требует поиск новых зарубежных поставщиков, внедрение программ по импортозамещению, то есть запуск производства отечественных приборов, реактивов и расходных материалов.

Именно поэтому в 2023 г. стартовала реализация федерального проекта «Развитие отечественного приборостроения гражданского назначения для научных исследований» (2023–2025 гг.), бюджет которого составляет 12 млрд руб.² и который в содержательном плане предполагает импортозамещение наиболее современных и востребованных приборов, поставляемых из недружественных стран. В настоящее время в процесс импортозамещения включились российские университеты и научные организации. Однако необходимо время для того, чтобы такие технологии были разработаны и апробированы.

Подчеркнем, что успешное импортозамещение ресурсов, к которым относятся не только приборы и реактивы, но и научно-техническая информация, необходимые для осуществления научной и научно-технической деятельности, не воспринимается в России в качестве сигнала для закрытия «научных границ». Напротив, актуальной проблемой становится продолжение реализации национальных и международных проектов на уникальных российских установках. Это требует разработки либо поиска за рубежом аналогов используемых приборов, а также внесения изменений в проектную документацию, что приводит к откладыванию запуска проектируемых и строящихся установок. Следовательно, экономические санкции, смежные с научными, оказывают тормозящее воздействие не только на российскую, но и на мировую науку. В проигрыше также остаются зарубежные производители и поставщики. Согласно статистическим данным за 2020 г., объем импорта научно-исследовательского оборудования составил 2,8 млрд долл.

¹ См.: Дежина И. Россия: наука в вынуждаемой изоляции (24.03.2022). URL: <https://russian.eurasianet.org> (дата обращения: 30.11.2023).

² См.: Федеральный проект «Развитие отечественного приборостроения гражданского назначения для научных исследований» (2023–2025 гг.). URL: <https://www.fcntp.ru/programmy-i-proekty/razvitie-otechestvennogo-priborostroeniya-extended.php> (дата обращения: 10.12.2023).

США, из которых 13,8 % пришлось на Германию и 6,1 % — на США, в связи с чем закупки примерно на 0,5 млрд долл. выпадут из актива российской науки¹.

Таким образом, экспериментальная наука, в том числе фундаментальная физика, если и не поставлена в тупик, то находится в сложном положении. Данный вывод вполне приложим к реализации научных проектов класса «мегасайенс» за рубежом в рамках соответствующих организационных структур (CERN, XFEL, FAIR). Дело в том, что не только российские ученые утрачивают доступ к высокотехнологичным установкам за рубежом, но и сами эти установки перестают получать оборудование и технологии из России. Одновременно с этим ухудшаются условия международного сотрудничества на установках класса «мегасайенс» в самой России. Например, в проекте NICA (*Nuclotron based Ion Collider Facility*) — нового ускорительного комплекса, который создается на базе Объединенного института ядерных исследований / ОИЯИ (г. Дубна, Россия) с целью изучения свойств плотной барионной материи, — принимают участие исследователи и инженеры из более чем 70 организаций из 32 государств. Данный проект предполагает поставку оборудования из Германии, Польши и США. Подобно тому, как Россия поставляет на зарубежные установки класса «мегасайенс» оборудование и технологии, не имеющие аналогов в мире, так на указанную российскую установку поставляется оборудование, которое также не имеет аналогов в мире².

Как мы полагаем, фактор времени не должен существенным образом работать на снижение конкурентоспособности российской науки. Конечно, поиск аналогов программного обеспечения, приборов, лабораторных материалов требует определенного времени. И, разумеется, такой поиск должен предприниматься. Однако есть существенные риски, связанные с тем, что аналоги не будут обладать столь же высоким качеством. Известно, что в современной высокоточной и высокотехнологичной науке результаты зависят от качества приборов и оборудования, а также реактивов и материалов.

Следует констатировать, что в краткосрочном периоде (10–15 лет) развитию науки в России посредством введения экономических санкций нанесен существенный ущерб. Конечно, западным оппонентам не удалось нивелировать достаточно высокий уровень российской науки, но уменьшить темпы модернизации архитектуры отечественной науки посредством коренной деструкции международных экономических и научных связей смогли.

Однако открытость и интернациональность российской науки не может подвергаться сомнению на фоне антисанкционной борьбы в отношении государств, которые ввели антироссийские экономические и научные ограничения. Научная общественность не должна позволить внедрить деинтернационализационные компоненты в структуру управления российской науки, так как одна из задач внедряемых санкций — разрыв связей научных структур России с активной частью научного сообщества.

¹ См.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. Давление санкций: накануне новой реформы науки // Федеральное интернет-издание «Капитал Страны» (10.03.2022). URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/davlenie_sankcii_nakanune_novoi_reformy_nauki/ (дата обращения: 20.11.2023).

² См.: Перцова В., Кирилочкина В. Изоляция от мирового сообщества и утечка мозгов: какое будущее ждет российскую науку // АО «АС РусМедиа»: сетевое издание Forbes.ru (21.03.2022). URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/459339-izolacia-ot-mirovogo-soobsestva-i-utecka-mozgov-kakoe-budusee-zdet-rossijskuu-nauku?ysclid=lp8rgoxt4143255161> (дата обращения: 22.11.2023).

Фактически осуществленный план по насильственному разрыву отношений в академической сфере на уровне глобальной науки посредством экономических инструментов борьбы и секторальных научных санкций является политически ангажируемым шагом со стороны стран бенефициаров в сторону уменьшения степени участия Российской Федерации в рамках институционализированного международно-технического сотрудничества с главными государствами-коллабораторами в научной сфере. Полагаем, что запрограммированными задачами организаторов смешанных (мультисекторальных) санкций выступает перевод официальных научных связей в область частных, когда научная кооперация подменяется сетью частных тематических контактов отдельных ученых, кратное увеличение случаев рекрутинга ученых из России посредством «мотивирующей эмиграции», уменьшение числа российских граждан, получающих иностранное образование, и расслоение научной интеллигенции, то есть образуется две группы ученых.

К первой группе будут относиться специалисты, неспособные из-за удлинения сроков поставки оборудования и расходных материалов, отключения от баз данных научной информации сохранять в подобных условиях уровень интенсивности научного поиска, а поэтому желающих решить свои инфраструктурные издержки негативными для отечественной академической науки способами, например отъездом в другую страну. Члены второй группы, напротив, будут готовы продолжить научное творчество в указанных условиях, несмотря на увеличение себестоимости проводимых исследований и разработок, когда удлинение цепочек инфраструктурных связей отражается на стоимости приобретаемого для проведения исследовательской деятельности оборудования и компонентов.

Вполне очевидно, что в 2022–2023 гг. Россия прошла стадию осознания масштабов санкционного воздействия со стороны недружественных стран коллективного Запада. На данном этапе было важно объективно оценить слабые места инфраструктурной организации академической и экспериментальной науки. Констатация сфер научных исследований, в которых наблюдается факт доминирования иностранных технологий и компетенций, может рассматриваться в качестве отправной точки для выдвижения инициатив по обеспечению технологического суверенитета отечественной науки. Поэтому критически важным представляется инициирование работы по моделированию антисанкционных приемов и средств, в частности организация новых цепочек инфраструктурных связей с дружественными и нейтральными странами в качестве направлений усилий по дальнейшей интернационализации российской науки. По справедливому заключению Н. А. Романович, угроза международной изоляции России превратилась в реальность и каждый раз, когда «государство сталкивается с этим, создается возможность внедрения более совершенных механизмов организации благоприятных условий для развития российской науки и формирования нового витка инновационных отечественных разработок» [14, с. 57].

В заключение необходимо отметить, что особенностью антироссийских санкций является то, что в их спектре представлены крупномасштабные ограничения в отношении российской науки в целом, поэтому ее отдельные подсистемы в той или иной степени испытывают их негативное воздействие. Естественные науки также оказались затронутыми секторальными экономическими санкциями (ограничение на импорт товаров, оборудования, комплектующих, программного обеспечения). Это приводит к кумуляции режимов ограничительных мер. Пре-

кращение поставок или существенный рост стоимости импортного оборудования, комплектующих, реактивов, программного обеспечения следует рассматривать как экономические санкции, смежные научным. В принципе, экономические санкции подобного рода могут расцениваться в качестве ограничительных мер и в отношении участия России в международном научном сотрудничестве. Создается ситуация, провоцирующая отток специалистов за рубеж, где они могут продолжать свои исследования. В связи с этим повышается актуальность проактивной государственной научно-технической политики, направленной на импортозамещение ресурсов, необходимых для проведения научных исследований и технологических разработок. Это означает востребованность в новом векторе промышленной и экономической политики Российского государства, а также активизации кооперационных связей с дружественными государствами.

Библиографический список

1. Ханин Г.И. Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 3. С. 69–84.
2. Kazantsev S.V. Anti-Russian sanctions impact: Aftermath of a reduction in foreign trade and production growth in the Russian Federation // The World of the New Economy. 2022. Vol. 16, no. 4. P. 34–44.
3. Циканова Л.М., Дышекова А.А., Гаева Ж.М., Мурачева С.З., Байсиева Д.А., Кудяева А.К. Глобальная экономика и Россия в условиях санкционного шторма // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 80–86.
4. Peter A.G. van Bergeijk Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2021. 496 p.
5. Early B.R., Cilizoglu M. Economic Sanctions in Flux: Enduring Challenges, New Policies, and Defining the Future Research Agenda // International Studies Perspectives. 2020. Vol. 21, iss. 4. P. 438–477.
6. Шевченко Н., Мухамадеев Д.В. Экономические санкции в мировой политике и науке о международных отношениях // Конфликтология. 2020. № 2. С. 1–10.
7. Дежина И.Г. Экономические санкции и наука // Экономическое развитие России. 2015. № 11. С. 76–80.
8. Никонова А.А. Применение системного анализа для реконструкции модели межграницных ресурсопотоков и сотрудничества в НИОКР под влиянием санкций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. № 1. С. 8–26.
9. Bezuidenhout L., Karrar O., Lezaun J., Nobes A. Correction: Economic sanctions and academia: Overlooked impact and long-term consequences // PLOS ONE. 2019. Vol. 14, no. 11.
10. Esmaili H., Ataie-Ashtiani B. The Autonomy of Science as a Civilian Casualty of Economic Warfare: Inadvertent Censorship of Science Resulting from Unilateral Economic Sanctions // Science and Engineering Ethics. 2021. Vol. 27. P. 1–9.
11. Lukin E., Leonidova E., Shirokova E., Rumyantsev N., Sidorov M. Russian economy under sanctions (Case of the northwest of Russia) // National Accounting Review. 2023. Vol. 5, iss. 2. P. 145–158.
12. Шепелев Г.В. Наука в системе экономики // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 3. С. 70–90.
13. Гусев А.Б., Салицкая Е.А., Юревич М.А. Несуверенность приборной базы российской науки: масштаб и перспективы импортозамещения в оценках исследователей // Управление наукой: теория и практика. 2023. № 1. С. 14–32.
14. Романович Н.А. Международные экономические санкции и новая мотивация для развития науки в России // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 1. С. 57–64.

References

1. *Khanin G.I.* Russian Science During the Period of Sanctions in the Light of the Problem of Modernization of the Russian Economy // *Science Management: Theory and Practice*. 2022. No. 3. P. 69–84.
2. *Kazantsev S.V.* Anti-Russian Sanctions Impact: Aftermath of a Reduction in Foreign Trade and Production Growth in the Russian Federation // *The World of the New Economy*. 2022. Vol. 16, no. 4. P. 34–44.
3. *Tsikanova L.M., Dyshekova A.A., Gaeva Zh.M., Muracheva S.Z., Baysieva D.A., Kudaeva A.K.* Global Economy and Russia in the Conditions of the Sanctions Storm // *Journal of Applied Research*. 2023. No. 3. P. 80–86.
4. *Peter A.G. van Bergeijk* Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2021. 496 p.
5. *Early B.R., Cilizoglu M.* Economic Sanctions in Flux: Enduring Challenges, New Policies, and Defining the Future Research Agenda // *International Studies Perspectives*. 2020. Vol. 21, iss. 4. P. 438–477.
6. *Shevchenko N., Mukhamadeev D.V.* Economic Sanctions in World Politics and the Science of International Relations // *Conflictology*. 2020. No. 2. P. 1–10.
7. *Dezhina I.G.* Economic Sanctions and Science // *Economic Development of Russia*. 2015. No. 11. P. 76–80.
8. *Nikonova A.A.* Application of System Analysis to Reconstruct the Model of Cross-Border Resource Flows and Cooperation in R&D Under the Influence of Sanctions // *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2023. No. 1. P. 8–26.
9. *Bezuidenhout L., Karrar O., Lezaun J., Nobes A.* Correction: Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-Term Consequences // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14, no. 11.
10. *Esmaeili H., Ataie-Ashtiani B.* The Autonomy of Science as a Civilian Casualty of Economic Warfare: Inadvertent Censorship of Science Resulting from Unilateral Economic Sanctions // *Science and Engineering Ethics*. 2021. Vol. 27. P. 1–9.
11. *Lukin E., Leonidova E., Shirokova E., Rumyantsev N., Sidorov M.* Russian Economy Under Sanctions (Case of the Northwest of Russia) // *National Accounting Review*. 2023. Vol. 5, iss. 2. P. 145–158.
12. *Shepelev G.V.* Science in the Economic System // *Science Management: Theory and Practice*. 2020. Vol. 2, no. 3. P. 70–90.
13. *Gusev A.B., Salitskaya E.A., Yurevich M.A.* Non-Sovereignty of the Instrument Base of Russian Science: the Scale and Prospects of Import Substitution in the Assessments of researchers // *Science Management: Theory and Practice*. 2023. No. 1. P. 14–32.
14. *Romanovich N.A.* International Economic Sanctions and New Motivation for the Development of Science in Russia // *Sociology of Science and Technology*. 2015. Vol. 6, no. 1. P. 57–64.

Н.Н. Липкина

**НАИЛУЧШИЕ ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА КАК ФАКТОР,
ПОДЛЕЖАЩИЙ УЧЕТУ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
РОДИТЕЛЯМ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ**

Введение: эволюционирование принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в современном международном праве требует дальнейших исследований, посвященных вопросу о необходимости совершенствования правовых гарантий обеспечения прав ребенка в различных сферах общественных отношений. **Цель** — обосновать необходимость развития правовых гарантий учета принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка как юридического фактора, имеющего самостоятельное значение, внутригосударственными судами при назначении ими подсудимым, исполняющим родительские функции, наказания в виде лишения свободы. **Методологическая основа:** методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** рассмотрены международные стандарты, гарантирующие наилучшее обеспечение интересов ребенка при назначении его родителю наказания в виде лишения свободы. **Выводы:** анализ международной практики свидетельствует о тенденции признания необходимости систематического учета внутригосударственными судами при назначении ими наказания в виде лишения свободы родителям принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве самостоятельного значимого юридического фактора, а не только в качестве смягчающего личного обстоятельства осужденных.

Ключевые слова: принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, международное право, права детей, Конвенция ООН о правах ребенка.

N.N. Lipkina

**BEST INTERESTS OF A CHILD AS A FACTOR
TO BE CONSIDERED WHEN IMPOSING A CUSTODIAL
SENTENCE FOR PARENTS: INTERNATIONAL STANDARDS**

Background: the evolution of the principle of the best interests of the child in modern international law requires further research on the need to improve legal safeguards to ensure the rights of the child in various spheres of social relations. **Objective** — to substantiate the need to develop legal safeguards for the consideration of the principle of the best interests of the child as a legal factor of independent significance by domestic courts when they impose custodial sentences on defendants performing parental functions. **Methodology:** methods of analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods were used. **Results:** international standards establishing guarantees the best interests of the child when imposing a sentence of imprisonment on his parent are

© Липкина Надежда Николаевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: n_lipkina@list.ru

© Lipkina Nadezhda Nikolaevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law (Saratov State Law Academy)

considered. Conclusions: analysis of international practice shows a trend towards recognizing the need for domestic courts to systematically take into account, when imposing parental imprisonment sentences, the principle of the best interests of the child as a significant legal factor in its own right, and not only as a mitigating personal circumstance for convicted persons.

Keywords: *principle of the best interests of the child, international law, children's rights, UN Convention on the Rights of the Child.*

В принципе 8 Декларации прав ребенка 1959 г. подчеркивается, что ребенок «должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь»¹. Несмотря на то, что в современном международном праве уже сформировался и получил широкое признание целый комплекс международных стандартов прав ребенка, обязательство всеобщего уважения прав человека и основных свобод требует от государств постоянных усилий по дальнейшему развитию и совершенствованию соответствующих гарантий.

Одним из актуальных векторов развития международных стандартов прав ребенка является совершенствование правовых гарантий наилучшего обеспечения интересов детей при принятии решений в рамках уголовного правосудия в отношении взрослых. В науке такое направление развития международных стандартов характеризуется как значимый «юридический сдвиг» в деле защиты детей, которые часто становятся «непреднамеренными жертвами правосудия» [1, р. 233].

Как подчеркивает В.Л. Кабанов, принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка «нацелен на полномасштабную реализацию всех прав ребенка и его всестороннее развитие, что предполагает ответственное участие всех заинтересованных сторон в деле обеспечения физической, психологической, моральной и духовной целостности и неприкосновенности ребенка и содействия утверждению его человеческого достоинства» [2, с. 18]. Дети, в отношении родителей которых осуществляется уголовное преследование, переживают травмирующий опыт не только в процессе назначения их родителям наказания и его отбывания ими, но и в процессе их реабилитации после освобождения и несут бремя существенных неблагоприятных последствий (включая эмоциональные, психологические, финансовые, социальные, которые оказывают негативное влияние на их развитие и социализацию).

В п. 1 ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. установлено, что во «всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»². Упоминание судов в данном положении позволило Комитету ООН по правам ребенка подчеркнуть, что в контексте уголовного судопроизводства принцип наилучших интересов применяется и в отношении детей, оказавшихся в ситуации, когда их родители

¹ См.: Декларация прав ребенка 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 12.09.2023).

² См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 19.09.2023).

вступают в конфликт с законом¹, и предполагает полномасштабное рассмотрение вероятного воздействия различных приговоров родителям или другим основным попечителям на наилучшие интересы затронутого ребенка (п. 69).

Аналогичные стандарты вырабатываются и на региональном уровне. Так, в соответствии со ст. 4 Африканской хартии прав и благополучия ребенка 1990 г. во всех действиях в отношении ребенка, предпринимаемых любым лицом или органом власти, в первую очередь должны учитываться его наилучшие интересы². В практике Африканского комитета экспертов по правам и благополучию ребенка признается необходимость установления гарантий судебной оценки влияния на наилучшие интересы ребенка факта назначения наказания в виде лишения свободы родителю или опекуну³. Модель, демонстрирующая принятие во внимание родительского статуса подсудимого, отражена, например, в решении Конституционного Суда Южной Африки по делу *M. v. the State*: когда речь идет о лишении свободы лица, осуществляющего основной уход за ребенком, суд, выносящий решение, имеет четыре обязанности: установить, окажет ли это воздействие на ребенка; самостоятельно учитывать интересы ребенка; придавать должное значение интересам ребенка; гарантировать, что о ребенке позаботятся, если основной опекун будет лишен свободы⁴. Соответствующие международные стандарты разрабатываются также в рамках Европейского союза⁵, Совета Европы⁶ и иных международных региональных организаций.

В связи с этим как на международном, так и на внутригосударственном уровне растет внимание к косвенным последствиям тюремного заключения, включая долгосрочные последствия для общества в целом, например «межпоколенческую» преступность [1, р. 237].

Специальные международные стандарты, направленные на развитие правовых гарантий эффективной реализации общего принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка при привлечении к уголовной ответственности его родителя, вырабатываются также в рамках права на уважение частной и семейной жизни, в частности права быть заслушанным во внутригосударственном

¹ См.: Замечание общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 14(2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3), пункт 28. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vEAXPu5AtSWvliDPBvwUDNU%2BXzNo%2BP87FA3t6o0hLTWqi3zDRy4oCA3DO7%2FTHxE70da0GupUJShCbh9%2FH1atuIz> (дата обращения: 19.09.2023).

² См.: African Charter on the rights and welfare of the child, 1990. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36804-treaty-african_charter_on_rights_welfare_of_the_child.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

³ См.: African Committee of experts on the rights and welfare of the child (ACERWC) General Comment no. 1 (article 30 of the African Charter on the rights and welfare of the child) on “children of incarcerated and imprisoned parents and primary caregivers”, 2013, para. 24(b). URL: https://www.acerwc.africa/sites/default/files/2022-09/General_Comment_Article_30_ACRWC_English.pdf (дата обращения: 21.09.2023).

⁴ См.: Constitutional Court of South Africa. *M. v. the State* (case CCT 53/06), judgement of 26 September 2007, para. 32.

⁵ В ст. 24 Хартии Европейского союза об основных правах провозглашено, что во всех действиях, касающихся детей, независимо от того, предпринимаются ли они государственными органами или частными учреждениями, наилучшим интересам ребенка должно уделяться первостепенное внимание. См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union (2012/C 326/02). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12012P/TXT> (дата обращения: 19.09.2023).

⁶ Соответствующие стандарты вырабатываются, в частности, в рамках практики Европейского суда по правам человека. См., например: ECtHR. *M. and M. v. Croatia* (appl. no. 10161/13), para 169, judgment of 3 September 2015.

судебном разбирательстве. Как отмечается в ст. 12 Конвенции о правах ребенка, в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, обеспечивается право свободно выражать эти взгляды по всем затрагивающим его вопросам, при этом государство обязано обеспечить должное внимание таким взглядам, в частности предоставить возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, установленном внутригосударственным законодательством¹.

В отношении совсем маленьких детей судам следует запрашивать экспертные заключения о том, возможно ли, учитывая возраст и уровень зрелости детей, допросить их в суде (при необходимости с помощью специалиста по детской психологии). Исследователи подчеркивают, что, несмотря на то, что внутригосударственные суды пользуются свободой усмотрения в данном вопросе, им следует отдельно оценивать обстоятельства дела на предмет необходимости учета мнения ребенка в судебном процессе, а не исходить из презумпции неспособности, некомпетентности или предвзятости ребенка в силу его возраста, что может ставить вопрос о дискриминации детей [3, р. 77–78].

Детально данные стандарты раскрываются в практике международных органов по правам человека. Так, в постановлении по делу *M. and M. v. Croatia* Европейский суд по правам человека подчеркнул, что понятие «частная жизнь» включает среди прочего следующие права: на личную автономию², на самореализацию, свободно решать, как вести свою частную и семейную жизнь, включая право свободно устанавливать и развивать отношения с другими людьми и внешним миром³. Несмотря на то, что детям не хватает полной автономии взрослых, их ограниченная автономия, которая постепенно увеличивается по мере их взросления, осуществляется посредством их права на консультацию и выслушивание⁴. В указанном деле в течение нескольких лет судебных разбирательств ребенок так и не был заслушан, не получив возможность выразить свое мнение по вопросу о том, с каким из родителей она хотела бы жить. Травмированный ребенок начал заниматься членовредительством, что по заключению психолога связано с разочарованием, вызванным ограничением ее свободы действий и выбора⁵.

В силу принципов справедливости, разумности и соразмерности при назначении наказания в виде лишения свободы суды обязаны учитывать различные обстоятельства, включая влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи⁶. Интересы детей, безусловно, включаются в предмет оценки в рамках указанных обстоятельств. Вместе с тем в науке подчеркивается, что права взрослых в уголовном судопроизводстве и право на гуманное обращение, а также право детей на защиту корреспондируют со-

¹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 19.09.2023).

² См.: ECtHR. *M. and M. v. Croatia* (appl. no. 10161/13), para 169, judgment of 3 September 2015.

³ См.: Ibid. Para. 170.

⁴ См.: Ibid. Para. 171.

⁵ См.: Ibid.

⁶ См., например, ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса РФ 1996 г.; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

ответствующим обязанностям властей и должны рассматриваться независимо [4, р. 306]. При вынесении приговора родителю внутригосударственный суд должен обозначить в нем мотивировку, отражающую факт оценки наилучших интересов детей, критерии принятия решения о балансировании их с другими соображениями [5, с. 20].

Несмотря на то, что стандартный подход в государствах по-прежнему заключается в том, что неблагоприятные последствия, с которыми сталкивается семья обвиняемого и его иждивенцы, могут смягчить приговор только в исключительных обстоятельствах (например, если ребенок остается без родительской опеки, в отношении детей-инвалидов или тяжелобольных детей-иждивенцев), в некоторых юрисдикциях снисхождение суда в соответствии с остаточной «дискриминацией милосердия» допускается даже при отсутствии исключительных обстоятельств (к таким государствам можно отнести Австралию)¹.

В рассматриваемом контексте интерес представляет реализуемая отдельными государствами практика внедрения дополнительных гарантий получения судом информации, необходимой для принятия решений, которые могут повлиять на детей или семью обвиняемого. В частности, такие гарантии включают рекомендации и разъяснения для судей о необходимости запросить дополнительную информацию об основных обязанностях подсудимого по уходу, если имеющаяся информация недостаточна, а также о необходимости признания единоличного или основного ухода за родственником-иждивенцем, хотя и в качестве вторичного, но смягчающего обстоятельства [1, р. 257]. Например, суды некоторых штатов США экспериментировали с процедурой подготовки заявлений о воздержании на ребенка или семью в рамках отчетов о расследовании перед вынесением приговора, составленных отделами пробации [1, р. 271]. В данном контексте необходимо оценивать не только общую физическую безопасность детей, но и их эмоциональные и психологические потребности в различных сферах жизни [6, с. 149]. Оценка наилучших интересов ребенка должна основываться на таких критериях, как возраст ребенка, его пол, степень зрелости, относимость к уязвимой группе, наличие инвалидности, проживание в определенной социокультурной среде [7, с. 53].

Следует подчеркнуть, что влияние приговора на ребенка-иждивенца правонарушителя является важным, но не определяющим фактором. Это лишь один из многих аспектов, которые должен сбалансировать суд, выносящий приговор лицу, осуществляющему родительские обязанности. Указанная тенденция усиления правовых гарантий прав ребенка очевидно прослеживается как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Дальнейшее внедрение и совершенствование процедур учета интересов детей в уголовном правосудии в отношении лиц, исполняющих родительские обязанности, способствует достижению целей наказания и защите общественных интересов, связанных с предотвращением преступности.

Подводя итог, отметим, что традиционно во внутригосударственном правосудии при вынесении приговоров интересы детей рассматриваются лишь как смягчающее личное обстоятельство осужденного родителя, что приводит к тому, что интересы детей не всегда учитываются должным образом. Вместе

¹ См.: *Millar H., Dandurand Y. The Best Interests Of The Child And The Sentencing Of Offenders With Parental Responsibilities // Criminal Law Forum. 2018. Vol. 29. P. 251.*

с тем анализ международной практики и прогрессивного опыта ряда государств свидетельствует о тенденции признания необходимости систематического учета внутригосударственными судами принципа наилучших интересов ребенка в качестве самостоятельного юридически значимого фактора при назначении ими наказания в виде лишения свободы родителю.

Библиографический список

1. *Millar H., Dandurand Y.* The Best Interests of the Child and the Sentencing of Offenders with Parental Responsibilities // *Criminal Law Forum*. 2018. Vol. 29. P. 227–277.
2. *Кабанов В.Л.* Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РУДН, 2019. 58 с.
3. *Kaldal A.* Children's Participation in Legal Proceedings — Conditioned by Adult Views of Children's Capacity and Credibility? // *The Rights of the Child. Legal, Political and Ethical Challenges* / ed. by R. Adami, A. Kaldal and M. Aspán. Leiden: Brill, 2023. P. 61–81.
4. *Minson Sh., Flynn C.* Symbiotic Harms of Imprisonment and the Effect on Children's Right to Family Life Comparing the Impact of COVID-19 Prison Visiting Restrictions in the UK and Australia // *The International Journal of Children's Rights*. 2021. Vol. 29. P. 305–325.
5. *Кравчук Н.В.* Правосудие, дружественное к детям: основные принципы и их трактовка международными органами защиты прав человека // *Российское правосудие*. 2018. № 5(145). С. 17–26.
6. *Марухно Е.Ю.* Обеспечение наилучших интересов ребенка в уголовно-исполнительной системе России // *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Самара, 30–31 мая 2019 г.)*. Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2019. Ч. 2. С. 148–150.
7. *Кабанов В.Л.* Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву. М.: Экон-Информ, 2018. 332 с.

References

1. *Millar H., Dandurand Y.* The Best Interests of the Child and the Sentencing of Offenders with Parental Responsibilities // *Criminal Law Forum*. 2018. Vol. 29. P. 227–277.
2. *Kabanov V.L.* Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child in International Law: extended abstract of diss. ... doctor of law. M.: RUDN, 2019. 58 p.
3. *Kaldal A.* Children's Participation in Legal Proceedings — Conditioned by Adult Views of Children's Capacity and Credibility? // *The Rights of the Child. Legal, Political and Ethical Challenges* / ed. by R. Adami, A. Kaldal and M. Aspán. Leiden: Brill, 2023. P. 61–81.
4. *Minson Sh., Flynn C.* Symbiotic Harms of Imprisonment and the Effect on Children's Right to Family Life Comparing the Impact of COVID-19 Prison Visiting Restrictions in the UK and Australia // *The International Journal of Children's Rights*. 2021. Vol. 29. P. 305–325.
5. *Kravchuk N.V.* Child-Friendly Justice: Basic Principles and Their Interpretation by International Human Rights Bodies // *Russian Justice*. 2018. No. 5(145). P. 17–26.
6. *Marukhno E.Yu.* Ensuring the Best Interests of the Child in the Russian Penal System // *Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience: Materials of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 parts (Samara, May 30–31, 2019)*. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. Part 2. P. 148–150.
7. *Kabanov V.L.* Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child under International and National Law. M.: Econ-Inform, 2018. 332 p.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-250-259
УДК 340 (075)

С.Е. Чаннов

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ*

Введение: в статье рассматриваются вопросы правового обеспечения использования муниципальных информационных систем в рамках цифровизации управленческих процессов на местном уровне. Основная проблема заключается в том, что не для всех указанных систем требования устанавливаются на федеральном уровне, что влечет отсутствие целостности правового регулирования. **Цель** — проанализировать основания правового регулирования муниципальных информационных систем, выявить проблемные зоны и сделать предложения по их устранению. **Методологическая основа:** общенаучные, частноправовые методы научного познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, толкование и др.). **Результаты:** автором выявлены пробелы в правовом регулировании муниципальных информационных систем общего назначения, обусловленные несовершенством норм федерального законодательства об информации и местном самоуправлении. **Выводы:** предложены изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с целью предоставить субъектам Российской Федерации возможность правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: местное самоуправление, цифровизация, муниципальные информационные системы, предметы ведения муниципальных образований, разграничение правового регулирования.

S.E. Channov

MUNICIPAL INFORMATION SYSTEMS AS AN ELEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Background: the article deals with the issues of legal support for the use of municipal information systems within the framework of digitalization of management processes at the local level. The main problem is that not all of these systems have requirements

© Чаннов Сергей Евгеньевич, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sergeychannov@yandex.ru

© Channov Sergey Evgenievich, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01252 (<https://rscf.ru/project/23-28-01252>), финансирование осуществляется через организацию ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

established at the federal level, which results in the lack of integrity of legal regulation. Objective — to analyze the basis of legal regulation of municipal information systems, to identify problem areas and to make proposals for their elimination. Methodology: general scientific, private legal methods of scientific cognition (comparative-legal, formal-legal, interpretation and others). Results: the author has identified gaps in the legal regulation of general-purpose municipal information systems due to imperfections in the norms of federal legislation on information and local self-government. Conclusions: amendments have been proposed to the specified Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”, in order to provide the constituent entities of the Russian Federation with the possibility of legal regulation of this area.

Keywords: local self-government, digitalization, municipal information systems, subjects of municipal entities, delimitation of legal regulation.

В поправке 2020 г. Конституции Российской Федерации законодателем используется понятие «публичная власть» с указанием на то, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 3 ст. 132), что заложило основы глобальных изменений в системе публичного управления страны, которые за прошедшее время реализованы лишь частично. Обозначенный концепт взаимодействия государства и местного самоуправления требует формирования самых различных структур и механизмов реализации, а также правовых основ его обеспечения.

Касается это и такого важнейшего направления, как цифровизация всех сфер публичного управления, которая в последние годы в нашей стране также развивается весьма высокими темпами. Необходимо отметить, что в значительной степени она обеспечивается разработкой и внедрением различных государственных и муниципальных информационных систем. Интересно, что такой подход во многом является спецификой именно Российской Федерации (а также некоторых других государств, возникших на территории бывшего СССР). В большинстве стран мира информационные системы, если и используются в публичном управлении, то чаще всего как вспомогательное средство, в то время как в России они все чаще становятся одним из основных инструментов государственного управления [1, с. 79–80]. В настоящее время внедрение публичной информационной системы часто рассматривается как единственный способ повышения эффективности контроля и учета в определенной сфере, воспринимается как панацея от коррупционных проявлений и т.п. [2, с. 424].

Соответственно, реализация приведенных конституционных норм требует интеграции существующих, а также перспективных государственных и муниципальных информационных систем в единый механизм публичного управления. Правовое регулирование разработки, внедрения и использования муниципальных информационных систем (далее — МИС) характеризуется куда большей эклектичностью по сравнению с обеспечением функционирования систем государственных (далее — ГИС). Все это требует проведения научного анализа сущности МИС и их признаков, а также определения потенциальных направлений совершенствования отечественного законодательства в обозначенной сфере. В связи с этим в первую очередь проанализируем назначение и виды МИС.

Согласно ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ информационные системы включают:

- 1) государственные информационные системы — федеральные информационные системы и региональные информационные системы, созданные на основании федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, правовых актов государственных органов;
- 2) муниципальные информационные системы, созданные на основании решения органа местного самоуправления;
- 3) иные информационные системы.

Самого определения ни государственной, ни муниципальной информационной системы в законе не дается, но они могут быть выведены из определения информационной системы в целом (ст. 2), а также из признаков государственных и информационных систем соответственно. Отметим, что законодатель ключевым признаком МИС называет создание их на основании решения органа местного самоуправления, не увязывая при этом ни с вопросами использования, ни с вопросами финансирования.

В то же время представляется очевидным, что любая МИС так или иначе должна использоваться для реализации вопросов, относящихся к предметам ведения муниципальных образований, в противном случае сама целесообразность ее разработки и внедрения на муниципальном уровне ставится под сомнение.

Как известно, предметы ведения муниципальных образований — это сложная правовая категория, представляющая собой пределы юрисдикции местного самоуправления, то есть те сферы общественной жизни, на которые распространяются его полномочия, и включающая целый ряд направлений, согласно которым органы местного самоуправления, муниципальные органы, а также население муниципального образования непосредственно могут либо должны осуществлять свою деятельность [3, с. 92]. В отличие от Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ не содержит понятия предметов ведения муниципальных образований, что порождает в юридической науке определенные дискуссии о его содержании⁴ [4, с. 25–28; 5, с. 396–412]. Суть данной дискуссии, безусловно, требует глубокого осмысления и существенно выходит за рамки рассматриваемого вопроса, тем не менее отметим, что мы поддерживаем позицию тех специалистов, которые включают в предметы ведения (компетенцию) муниципальных образований не только собственно «местные», но и делегированные им вопросы. Исходя из этого, к составу предметов ведения муниципальных образований следует относить:

вопросы местного значения;

полномочия органов местного самоуправления по обеспечению собственной деятельности, а также деятельности иных субъектов муниципального управления;

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 35, ст. 3506.

³ См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

⁴ См.: *Мадьярова А.В.* Предметы ведения муниципальных образований и полномочия органов местного самоуправления: попытка системного анализа // СПС «КонсультантПлюс».

отдельные государственные полномочия, которыми могут наделяться органы местного самоуправления;

полномочия иных муниципальных образований, переданные им на основе соглашений;

права, которыми органы местного самоуправления наделены согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» или иным федеральным законам;

вопросы, принятые к своему ведению органами местного самоуправления самостоятельно в соответствии с действующим законодательством.

Целевое назначение создаваемых и внедряемых к использованию в муниципальных образованиях МИС должно увязываться с одним из приведенных направлений деятельности. В то же время для реализации отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления может предоставляться доступ к государственным информационным системам (впрочем, это возможно и в других случаях). Таким образом, МИС могут создаваться в муниципальных образованиях в тех случаях, когда информатизация управленческих процессов целесообразна с позиций повышения их эффективности, однако органы местного самоуправления (либо иные субъекты муниципального самоуправления) не имеют полноценной возможности использовать для этого государственные информационные ресурсы.

С позиций целевого назначения О.С. Соколова в 2012 г. выделяла две группы МИС: системы общего назначения (локальные информационные системы: учет муниципального имущества, объектов аренды, объектов рекламы; реестр перевозчиков, торговых объектов и др.);

системы специального назначения (градостроительной деятельности, персональных данных, муниципальных услуг и др.) [6, с. 44].

Несмотря на то, что за прошедшее время количество МИС значительно увеличилось и структура их состава несколько поменялась, данная классификация, на наш взгляд, сохраняет свою значимость. МИС, относящиеся ко второму виду, по-прежнему имеют более проработанную систему правового обеспечения, поскольку данный вид систем «функционирует преимущественно на основе детально регламентированных норм федерального законодательства» [6, с. 44].

Сегодня несколько десятков федеральных законов так или иначе упоминают об использовании МИС для реализации различных функций публичного управления. Чаще всего в них речь идет просто о возможности создания МИС для осуществления тех или иных целей в информационной сфере. Так, в ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹ устанавливается, что оказание информационной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления в виде создания федеральных, региональных и муниципальных информационных систем, официальных сайтов информационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в сети «Интернет» и информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечения их функционирования в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Аналогично в Федеральном законе

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4006.

от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ определяется, что оказание информационной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям осуществляется органами государственной власти, органами публичной власти федеральной территории и органами местного самоуправления путем создания федеральных, региональных и муниципальных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечения их функционирования в целях реализации государственной политики в указанной области (ч. 12 ст. 33.1).

В других случаях в федеральных законодательных актах, в которых предусмотрена обязательность использования федеральной государственной информационной системы в конкретной сфере управления, указывается на ее взаимодействие с иными информационными системами, в том числе и муниципальными. Так, федеральная государственная информационная система территориального планирования (ч. 1 ст. 57.1 Градостроительного кодекса РФ²) — это информационно-аналитическая система, обеспечивающая доступ к сведениям, содержащимся в государственных информационных ресурсах, государственных и муниципальных информационных системах, в том числе в государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности, и необходимым для обеспечения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в области территориального планирования. В соответствии с ч. 7 ст. 50.6 Лесного кодекса РФ³ единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней взаимодействует с федеральными информационными системами, входящими в состав инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также с другими государственными и муниципальными информационными системами с использованием указанной инфраструктуры.

Как мы видим, приведенные в качестве примера нормы прямо не устанавливают какие-либо требования к МИС, ведь само указание на их взаимодействие с конкретными федеральными ГИС объективно требует принятия мер по определенной интеграции на этапе их разработки. Некоторые законодательные акты закрепляют это требование более конкретно. Например, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴ субъекты РФ и муниципальные образования вправе создавать региональные и муниципальные информационные системы в сфере закупок, интегрированные с единой информационной системой. Единые требования к региональным и муниципальным информационным системам в сфере закупок устанавливаются Правительством РФ⁵.

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

² См.: Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 16.

³ См.: Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5278.

⁴ См.: СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 27 января 2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 6, ст. 872.

Таким образом, МИС специального назначения, необходимость или возможность создания которых предусматривается актами федерального уровня, как правило, разрабатываются на основе каких-то единых норм и требований либо интегрируются с другими информационными системами как государственными, так и муниципальными.

Иная ситуация имеет место с МИС общего назначения, которые создаются для обеспечения функционирования органов местного самоуправления или муниципальных предприятий и учреждений. Как отмечают А. А. Гусаков и И. В. Гладышева, «основу муниципальной информатизации составляют транзакционные системы, предназначенные для автоматизации рутинных операций органов власти и муниципальных учреждений» [7, с. 389]. Целями создания подобных МИС выступают управление муниципальной недвижимостью либо финансами, нормативно-правовое и документальное обеспечение управления, информационная связь с населением и т.п. [8, с. 181–182].

На основе проведенного анализа муниципальных правовых актов было выявлено наличие разнообразных информационных систем: МИС универсальных электронных (социальных) карт¹, мониторинга транспортных средств², видеонаблюдения³, электронного документооборота⁴, работы с обращениями граждан⁵, бухгалтерского учета и отчетности⁶ и т.д. Кроме того, во многих муниципальных образованиях создаются и внедряются универсальные МИС, предназначенные для выполнения различных функций.

Тем не менее различия между муниципальными образованиями ведут к тому, что они обладают абсолютно разными возможностями внедрения цифровых технологий в управление. Соответственно, в каких-то муниципальных образованиях могут функционировать десятки МИС, а в каких-то они отсутствуют полностью. Однако большей проблемой выступает то, что интеграция МИС общего назначения различных муниципальных образований предусматривается крайне редко, поэтому при возникновении такой необходимости она становится невозможной либо очень затруднительной.

Более того, в настоящее время часто возникают ситуации, когда в пределах одного муниципального образования «без должной проектной проработки или

¹ См.: Постановление Администрации г. Вологды от 16 августа 2010 г. № 4275 «Об утверждении Порядка создания муниципальной информационной системы универсальных электронных (социальных) карт жителя города Вологды на территории муниципального образования “Город Вологда”».

² См.: Постановление Администрации муниципального образования «Город Новороссийск» от 20 августа 2021 г. № 5060 «Об утверждении Положения о муниципальной информационной системе мониторинга транспортных средств с использованием средств спутниковой навигации ГЛОНАСС и ГЛОНАСС/GPS на территории муниципального образования “Город Новороссийск” и признании утратившим силу постановления Администрации муниципального образования “Город Новороссийск” от 8 мая 2020 года № 2270».

³ См.: Постановление Администрации г.о. Саранск от 26 января 2015 г. № 167 «Об утверждении положения о муниципальной информационной системе видеонаблюдения городского округа Саранск».

⁴ См.: Распоряжение Администрации г. Ижевска от 16 августа 2022 г. № 309 «О муниципальной информационной системе “Система электронного документооборота в Администрации города Ижевска”».

⁵ См.: Распоряжение Администрации города Белгорода от 3 мая 2017 г. № 467 «Об утверждении Порядка работы с сообщениями и предложениями, поступившими в муниципальную информационную систему города Белгорода “Активный горожанин”».

⁶ См.: Распоряжение Администрации Рыльского района Курской области от 19 декабря 2017 г. № 352-р «О создании муниципальной информационной системы “Ведение бухгалтерского учета и отчетности Администрации Рыльского района Курской области”».

наличия минимальных системных требований в создании муниципальных информационных систем (ИС) одновременно участвует множество разработчиков, деятельность которых координируется весьма слабо. В результате разрабатываются и внедряются несовместимые муниципальные ИС» [9, с. 194]. Между тем «в современных условиях локальной достаточности отдельного муниципалитета <...> уже недостаточно. Необходима эффективная интеграция коммунальных систем, направленная на обеспечение устойчивости выполнения ими своего мандата и эффективного предоставления услуг» [10, с. 73].

Правда, эти проблемы отчасти сглаживаются, поскольку в последние годы многие муниципальные образования (особенно не обладающие значительными финансовыми ресурсами) отказываются от разработки собственных МИС, предпочитая вместо этого использовать типовые решения в сфере информационного обеспечения управленческой деятельности. Однако подобные типовые решения не всегда обладают достаточным функционалом и, как правило, уступают специально разработанным под требования конкретного заказчика МИС [11, с. 129–140]. Как указывает Д. Гоков, каждое муниципальное образование уникально, причем его «уникальность зависит от личности, возглавляющей муниципалитет, от географии, природы, численности населения, преобладающего менталитета, структуры МО, сложности бизнеспроцессов, квалификации сотрудников и массы прочих факторов. Поэтому любое “универсальное” однотипное IT-решение станет тут прокрустовым ложем, дискредитирующим саму идею автоматизации» [12, с. 27].

Между тем реформа местного самоуправления, которая должна решить задачу встраивания муниципальной власти в единую систему публичной власти в Российской Федерации, остается незавершенной. Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», принятый Государственной Думой в первом чтении 25 января 2022 г., по ряду объективных и субъективных причин находится без движения. Вполне очевидно, что рано или поздно российское руководство к ней вернется. Как мы отмечали ранее, ряд признаков свидетельствует о том, что концептуальное решение о ликвидации в Российской Федерации двухуровневого местного самоуправления и укрупнении муниципальных образований остается неизменным [13, с. 304–305]. Соответственно, при ликвидации существующих муниципальных районов и поселений неизбежно встанет вопрос об интеграции созданных в них МИС (как минимум, об объединении их баз данных) в рамках новых систем создаваемых муниципальных и городских округов.

Бесспорно, в настоящее время данная проблема носит преимущественно организационно-технический характер. В то же время важно подчеркнуть, что корни ее, на наш взгляд, лежат в сфере правового обеспечения разработки и использования МИС, которое, в отличие от правового обеспечения ГИС, практически не развито на федеральном уровне, а на уровне же регионов и самих муниципальных образований страдает множеством коллизий и пробелов.

Обусловлено это тем фактом, что МИС в отличие от ГИС отдельно не регулируются нормами Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в положениях которого содержится лишь указание на то, что «установленные настоящим

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

Федеральным законом требования к государственным информационным системам распространяются на муниципальные информационные системы, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о местном самоуправлении» (ч. 4 ст. 13). Как отмечает А. И. Савельев, «подобный подход позволяет избежать пробелов в регулировании порядка использования муниципальных информационных систем, поскольку далеко не каждое муниципальное образование обладает необходимыми ресурсами и компетенциями для разработки собственного правового регулирования в данной сфере. Однако при этом сохраняется возможность для адаптации такого регулирования в случаях, предусмотренных законодательством о местном самоуправлении, главным источником которого является ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» [14].

Тем не менее действующий Федеральный закон о местном самоуправлении фактически никаких норм о муниципальных информационных системах не содержит. Возможности субъектов Российской Федерации осуществлять правовое регулирование в данной сфере также ограничены, поскольку законодательные акты субъектов РФ могут приниматься только по тем вопросам организации местного самоуправления, которые регламентированы федеральным законом [15, с. 26]. На основании сказанного предлагаем внести изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которые предоставят субъектам Российской Федерации возможность правового регулирования данной сферы.

Библиографический список

1. *Амелин Р.В.* Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ: монография / под ред. С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, 2018. 324 с.
2. *Чаннов С.Е.* Использование цифровых технологий в сфере публичного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 419–428.
3. *Чаннов С.Е.* Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 307 с.
4. *Карасев А.Т., Елькина А.В.* Компетенция органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 25–28.
5. *Фадеев В.И.* Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // Lex russica. 2014. № 4. С. 396–412.
6. *Соколова О.С.* Структура административно-правового режима муниципальных информационных систем // Современное право. 2012. № 4. С. 43–48.
7. *Гусаков А.А., Гладышева И.В.* Новые источники данных для муниципальных информационных систем // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 2. С. 389–391.
8. *Саак А.Э., Тюшняков В.Н., Пахомов Е.В.* Муниципальные информационные системы как основа повышения эффективности органов власти и управления // Известия ТРТУ. 2004. № 1(36). С. 179–183.
9. *Пенкина В.А.* Муниципальные информационные системы как форма интеграции муниципальных образований в информационное пространство // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 9-10. С. 72–76.
10. *Васильева М.В.* Тиражируемые муниципальные информационные системы // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 10-2. С. 194.

11. *Быстрынцева Д.И., Щепина И.Н., Гальперин М.Б.* Сравнительный анализ муниципальных информационных систем в рамках комплексного анализа развития муниципальных образований // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. № 11(83). С. 129–140.

12. *Гоков Д.* О мифах, вызовах и путях муниципальной информатизации // Региональная и муниципальная информатизация. 2015. № 1. С. 27–29.

13. Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы. Т. 1: Конституционные приоритеты Российской Федерации: генезис и современная интерпретация (к 30-летию Конституции Российской Федерации) / под ред. А.В. Колесникова: монография. М.: ДМК Пресс, 2023. 385 с.

14. *Савельев А.И.* Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015. 320 с.

15. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / под ред. В.В. Володина. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. 348 с.

References

1. *Amelin R.V.* State and Municipal Information Systems in the Russian Information Law: Theoretical and Legal Analysis: monograph / ed. by S.E. Channov. M.: GrossMedia, 2018. 324 p.

2. *Channov S.E.* The Use of Digital Technologies in the Sphere of Public Administration // Izvestia Saratov University. New series "Economics. Management. Law". 2021. No. 4. P. 419–428.

3. *Channov S.E.* Municipal Law: textbook and practice for universities. 5th ed., revised and suppl. M.: Yurait Publishing House, 2023. 307 p.

4. *Karasev A.T., Yelkina A.V.* Competence of Local Self-Government Bodies // State Power and Local Self-Government. 2015. No. 8. P. 25–28.

5. *Fadeev V.I.* Local Self-Government in Russia: Historical Experience and Modern Practice of Legal Regulation // Lex russica. 2014. No. 4. P. 396–412.

6. *Sokolova O.S.* Structure of the Administrative and Legal Regime of Municipal Information Systems // Modern Law. 2012. No. 4. P. 43–48.

7. *Gusakov A.A., Gladysheva I.V.* New Data Sources for Municipal Information Systems // International Conference on Soft Computing and Measurement. 2018. Vol. 2. P. 389–391.

8. *Saak A.E., Tyushnyakov V.N., Pakhomov E.V.* Municipal Information Systems as a Basis for Increasing the Efficiency of Authorities and Management // Izvestiya TRTU. 2004. No. 1(36). P. 179–183.

9. *Penkina V.A.* Municipal Information Systems as a Form of Integration of Municipalities in the Information Space // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2015. No. 9-10. P. 72–76.

10. *Vasilieva M.V.* Replicable Municipal Information Systems // Modern Knowledge-Intensive Technologies. 2013. No. 10-2. P. 194.

11. *Bystryantseva D.I., Shchepina I.N., Galperin M.B.* Comparative Analysis of Municipal Information Systems Within the Framework of the Comprehensive Analysis of Municipal Development // Modern Economics: Problems and Solutions. 2016. No. 11(83). P. 129–140.

12. *Gokov D.* About Myths, Challenges and Ways of Municipal Informatisation // Regional and Municipal Informatisation. 2015. No. 1. P. 27–29.

13. Constitution of the Russian Federation as a Model of Convergence of Components of the Domestic Legal System. Vol.1. Constitutional Priorities of the Russian Federation: Genesis and Modern Interpretation (to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) / ed. by A.V. Kolesnikov: Monograph. M.: DMK Press, 2023. 385 p.

14. *Savelyev A.I.* Commentary to the Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (article-by-article). М.: Statute, 2015. 320 p.

15. Scientific and practical commentary to the Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” / ed. by V.V. Volodin. Saratov: SSAL Publishing House, 2005. 348 p.

Статья подготовлена с использованием материалов СПС «КонсультантПлюс».

Т. П. Ерохина

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОЦЕДУРНЫХ НОРМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

Введение: в отечественной юридической науке не уделяется достаточного внимания проблеме процедурных предписаний в содержании и структуре отраслей материального права. Одновременно в практике правового регулирования общественных отношений число подобного рода норм права неуклонно растет, о чем убедительно свидетельствует количественное расширение и качественное изменение управленческих позитивных процедур в административном праве, трансформация процедур установления и прекращения договорных отношений в гражданском, земельном и трудовом праве, в том числе и благодаря развитию электронно-информационных технологий. Прослеживается тенденция усложнения материально-правовых процедур, придания им комплексного характера, повышения их роли и значения в механизме правового регулирования, что с новой силой актуализирует проблему их соотношения с процедурами процессуальных отраслей права. **Цель** — сформулировать авторское определение понятия процедурных норм материального права, уточнить их сущностные признаки и функциональное предназначение в механизме правового регулирования. **Методологическая основа:** в качестве отправных начал исследования были использованы принципы материалистической диалектики и системного метода познания процедурно-процессуальных явлений правовой действительности, а также частноправовые методы (формально-юридический и сравнительно-правовой). **Результаты:** предложено авторское определение понятия процедурных норм материального права в качестве особого вида нормативных процедурно-процессуальных предписаний, устанавливающих организационный порядок и форму фиксации результатов реализации первичных регулятивных норм материального права в рамках как правоприменительной, так и договорной деятельности, выполняющих по отношению к первичным материальным нормам гарантирующую, организационно-обеспечительную функции и охраняемых от нарушений специфическими санкциями в виде недействительности (отмены правового акта), приостановления движения правоотношения и др. Представлена уточненная общетеоретическая характеристика данного вида правовых норм. **Выводы:** в теории права требует дальнейшего развития общее учение о юридической процедуре и юридическом процессе. Особую роль в указанном направлении государственно-правовых исследований следует отводить понятию «процедурных норм материального права», поскольку оно позволяет уточнить и дополнить общетеоретическую модель диалектической взаимосвязи материального и процессуального права.

Ключевые слова: нормы права, юридическая процедура, юридический процесс, процедурные нормы материального права, процессуальные нормы права.

© Ерохина Татьяна Петровна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Erokhina Tatyana Petrovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Doctoral student of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

T.P. Erokhina

**ON THE ISSUE OF THE NECESSITY FOR FORMING
A GENERAL THEORETICAL CONCEPT OF PROCEDURAL
NORMS OF SUBSTANTIVE LAW**

Background: in Russian legal science, sufficient attention is not paid to the problem of procedural prescriptions in the content and structure of branches of substantive law. At the same time, in the practice of legal regulation of public relations, the number of such norms of law is steadily increasing, as is convincingly evidenced by the quantitative expansion and qualitative change of managerial positive procedures in administrative law, the transformation of procedures for establishing and terminating contractual relations in civil, land and labor law, including through the development of electronic information technologies. There is a tendency to complicate the procedures of a substantive legal nature, giving them a complex character, increasing their role and importance in the mechanism of legal regulation, which with renewed vigor actualizes the problem of their correlation with the procedures of procedural branches of law. **Objective** — is to formulate the author's definition of the concept of procedural norms of substantive law, to clarify their essential features and functional purpose in the mechanism of legal regulation. **Methodology:** as the starting points of the research, the principles of materialistic dialectics and a systematic method of cognition of procedural and procedural phenomena of legal reality were used, and private legal methods were also applied - formal legal and comparative legal. **Results:** the author's definition of the concept of procedural norms of substantive law is proposed as a special type of normative procedural and procedural prescriptions establishing the organizational order and form of fixing the results of the implementation of primary regulatory norms of substantive law in the framework of both law enforcement and contractual activities that performs in relation to the primary substantive norms guaranteeing, organizational-securing functions and protected from violations by specific sanctions in the form of invalidity (abolition of clauses of the law). A refined general theoretical characteristic of this type of legal norms is presented. **Conclusions:** in the theory of law, the general doctrine of legal procedure and legal process requires further development. A special role in this area of state legal research should be assigned to the concept of "procedural norms of substantive law", since it allows us to clarify and complement the general theoretical model of the dialectical interrelation of substantive and procedural law.

Keywords: norms of law, legal procedure, legal process, procedural norms of substantive law, procedural norms of law.

Вопрос о процедурных нормах материального права в качестве относительно самостоятельного вида нормативных правовых предписаний по настоящий момент не стал предметом обстоятельного исследования на уровне общей теории права. В отраслевой юридической литературе отмеченная проблема затрагивается правоведами в научных публикациях в различных аспектах. Обзор подобных работ показывает, что авторы проявляют интерес к таким вопросам, как понятие и функциональное значение процедурных норм в области трудовых отношений, природа и сущность процедурных норм гражданского права, соотношение и взаимосвязь материальных и процедурных норм уголовно-исполнительного права, соотношение и взаимодействие процедурных и процессуальных норм бюджетного права и др. [1–7].

Одной из наиболее значимых и не в полной мере решенных задач в общей теории права следует признать разграничение понятий «юридическая процедура» и «юридический процесс», «процессуальная норма права» и «процедурная норма права». Последняя непосредственным образом увязана с еще более фундаментальной проблемой соотношения и взаимодействия материального и процессуального права. По-прежнему актуальна оценка сложившейся ситуации в отечественном правоведении, которая была дана еще в конце прошлого века В.Н. Протасовым: «И в самой большой степени материальные и процессуальные явления смыкаются друг с другом в сфере юридической процедуры, здесь они имеют самое большое число общих моментов, и здесь наиболее сложно провести между ними разграничительные линии. Поэтому на современном этапе решения проблемы разделение материального и процессуального как раз и является главной задачей установления соотношения между процедурой и процессом, отграничение последнего от иных разновидностей юридической процедуры» [8, с. 33].

Возможность теоретического и практического выделения процедурных предписаний в относительно самостоятельную группу норм материального права заслуживает, по нашему мнению, самого пристального внимания. Однако в теории права и в отраслевых юридических науках отсутствует единство взглядов в отношении их понятия, видового состава, функционального назначения и отграничения от процессуальных норм права. Позиции ученых порой диаметрально противоположны в нахождении решения обозначенных дискуссионных вопросов, что создает дополнительные трудности в дальнейшем развитии теоретического знания о системном строении права в целом и о его дихотомии на материальное и процессуальное в частности. В данном случае следует упомянуть и о непримиримом теоретическом противостоянии между сторонниками узкого и широкого понимания процессуального права.

Нам представляется необходимым и верным теоретико-методологический подход, согласно которому в структуре материального права процедурные нормы занимают особое место и выполняют ряд важных функций организационного плана, что позволяет выделить их в относительно самостоятельную группу нормативных правовых предписаний отличных как от других норм материального права, так и от норм процессуального права. Смещение же процедурных норм материального характера с предписаниями процессуальных отраслей права не соответствует фактически сложившейся структуре российского права, влечет умножение противоречий в теоретическом осмыслении фундаментальной проблемы соотношения и взаимодействия материального и процессуального права. Формирование развернутой общетеоретической концепции процедурных норм материального права позволит, по нашему мнению, дополнить и усилить аргументы в поддержку узкой трактовки процессуального права, а также уточнить системные связи между материальной и процессуальной составляющими нормативной правовой материи. В связи с этим отправной точкой для дальнейших исследований должна стать разработка понятия, характерных черт и функциональной природы процедурных норм материального права.

В советской юриспруденции проблема процедурных предписаний не только процессуального, но и материального права в общетеоретическом ракурсе изначально была поставлена благодаря во многом творческим усилиям В.М. Горшенева и П.Е. Недбайло, которых заслуженно именуют в специальной литературе одними из основоположников широкого понимания процессуального права.

Их перу принадлежит вывод следующего содержания: «... процессуальная форма имеет место не только в юрисдикционной (правоохранительной) сфере применения норм права, но и в других сферах, в которых правовые нормы регулируют положительные действия субъектов общественной жизни. Иначе говоря, любая отрасль материального права вызывает к жизни соответствующие процессуальные нормы, поскольку для реализации его норм необходима определенная правоприменительная деятельность уполномоченных на то субъектов. Специфические процессуальные нормы нужны, например, в финансовом, трудовом, земельном, колхозном и других отраслях права» [9, с. 12].

Включение ими процедурных предписаний материального права в состав и содержание процессуальной формы было направлено на выявление преимущественно общих черт между материально-процедурными и процессуальными нормами права, что имело для развития общей теории права определенный позитивный эффект. Однако подобный теоретический шаг отодвинул на второй план вопрос о наличии существенных различий между рассматриваемыми двумя видами норм права. Фактическое отождествление процедурных норм материального права и процессуальных норм в рамках широкой трактовки юридического процесса долгое время позволяло в общей теории права обходиться лишь одним понятием «процессуальная норма права», поглощающим в своем содержании любые разновидности процедурных правил.

Позднее иной взгляд на проблему был предложен В.Н. Протасовым, позиция которого строилась на сочетании учения о делении права на материальное и процессуальное с теорией регулятивного и охранительного права, что привело исследователя к вполне обоснованному выводу о необходимости разграничения материальных процедурных предписаний и процессуальных норм в системе права. Автор оперировал следующими терминами в целях обособления процедурных правил в относительно самостоятельную группу норм права — «материальная процедура», «процедурно-правовые правила», «процедурные нормы», «нормы материальной процедуры». При этом В.Н. Протасов специально подчеркивал их материально-правовую природу: «К материальным явлениям в праве относятся также те процедурные нормы и правоотношения, которые служат непосредственным и необходимым условием реализации ряда материальных регулятивных норм и связей. Таковы процедурно-правовые правила и возникающие на их основе отношения по осуществлению избирательного права, предоставлению земли в пользование, обмену жилых помещений и т.д. Процедурные нормы и отношения, опосредующие нормальную, позитивную реализацию, реализацию регулятивных норм и отношений, даже более материальны, чем материальные охранительные, например, уголовно-правовые, нормы и отношения. Более материальны в том смысле, что они ближе к исходной социальной структуре» [8, с. 38].

Используя указанные термины, автор сконцентрировался не на понятии «процедурная норма материального права», а на трактовке категории «юридическая процедура». Концепция В.Н. Протасова построена на широком понимании юридической процедуры как особой разновидности социальных процедур, отличающейся рядом специфических черт, в числе которых ее действие в механизме правового регулирования, формально-юридическое закрепление в источниках права, направленность на достижение юридически значимого результата, структурированность правовыми отношениями. Перечисленные признаки, по нашему

мнению, должны быть учтены и при формировании дефиниции понятия процедурных норм материального права.

Правовая процедура в рамках предложенной им теории подразделена на три вида: материальную, процессуальную и правотворческую. Правоведом была проведена разделительная линия между процессуальной и материальной процедурами: «Процесс (процессуальная процедура) — это разновидность юридической процедуры, объем и содержание которой определяется тем, что она служит реализации особого отношения — материального охранительного правоотношения. Другой разновидностью правореализующей процедуры является материальная процедура (служит реализации материального регулятивного правоотношения)» [8, с. 62].

Такое концептуальное общетеоретическое видение процедуры получило развитие в работах теоретиков права, поскольку позволяло, не нарушая традиционного понимания отраслей процессуального права и содержащихся в них процессуальных норм, сопоставлять и обнаруживать сходства и различия с нормами процедурного характера материальных отраслей права. Схожие взгляды на проблему были изложены и в совместной работе М.И. Байтина и О.В. Яковенко, отстаивающих необходимость разграничения понятий «юридическая процедура» и «юридический процесс». Авторы использовали в обоснование своей позиции не только общетеоретические наработки, но и аргументацию представителей отраслевой юридической науки [10, с. 96]. Так, они присоединились к утверждению И.М. Зайцева и Н.А. Рассахатской о том, что общими признаками материальной процедуры и процессуальной формы в праве является выполнение ими организующей (или служебной, вспомогательно-организационной) роли и обеспеченность правовыми санкциями в случае их несоблюдения. Не менее важны, по мнению названных авторов, и существенные различия, которые в кратком виде сводимы к следующему: «Если процессуальная форма создана для упорядочения деятельности суда по применению норм материального и процессуального права, то юридические процедуры регламентируются “материально-правовыми нормами в отличие от процессов, регламентирующихся нормами процессуальных отраслей права”» [11, с. 50].

В ходе анализа теоретических вопросов правовой процедуры М.И. Байтиным и О.В. Яковенко были также использованы термины «процедурные нормы» и «процедурно-процессуальные нормы». Правоведы подчеркнули своеобразие материально-правовых процедур ввиду их формально-юридического закрепления в одном нормативном правовом акте вместе с обслуживаемыми первичными нормами материального права, что отличает их от процессуальных норм, обособленных в отдельных законодательных актах (процессуальных кодексах). Представляется, что авторы неслучайно прибегают к нескольким терминам для описания многообразия процедурных норм в праве. По-видимому, термин «процедурно-процессуальные нормы» призван был аккумулировать в своем содержании оба вида предписаний — и материально-процедурные, и процессуальные. Подобный шаг полагаем целесообразным и оправданным. Таким образом, можно предложить опираться в общей теории права на следующий понятийный ряд, включающий по меньшей мере три категории, в котором понятие «процедурно-процессуальные нормы» будет выступать родовым: «процедурно-процессуальные нормы — процедурные нормы материального права — процессуальные нормы права».

Думается, что использование тройственной понятийно-терминологической конструкции способствует более точному отражению соотношения и взаимодействия материального и процессуального права. На наш взгляд, не имеет смысла процедурные нормы отрывать от материальных, неслучайно они излагаются в одном нормативном правовом акте, хотя возможны и исключения. Удаление из отраслей материального права процедурных норм в общей теории права будет не соответствовать реально существующим связям и структурно-содержательной организации системы права. Положительные моменты от такого шага не просматриваются. В целях отражения в общей теории права черт сходства процессуальных норм и процедурных норм материального права можно предложить использовать понятие «процедурно-процессуальные нормы права», а не пытаться «втиснуть» данное сходство в широко понимаемые категории «процессуальное право» и «процессуальные нормы права».

Аналогичная терминология встречается и у других исследователей. Например, Е. Г. Лукьянова в ходе выстраивания авторской теории процессуального права, достаточно широко опирается на положения концепции В. Н. Протасова и также употребляет термины «процедурно-процессуальная норма», «материальная процедура», что обеспечивает размежевание последнего с понятием «процессуальная норма» [12, с. 57–58]. В рамках диссертационного исследования К. Б. Иващенко, присоединяясь к аргументированным выводам Е. Г. Лукьяновой и В. Н. Протасова, предлагает наряду с понятием «процессуальные нормы права» использовать термин «организационно-процедурная норма материального права» для отражения процедурных предписаний, не входящих в состав процессуальных отраслей права [13, с. 14]. Следует отметить тот факт, что употребление названных терминов, к сожалению, не приводит авторов к мысли о необходимости формирования полноценного понятия процедурных норм в материальном праве с его развернутой дефиницией и выделенными признаками. Кроме того, в иных литературных источниках авторы вовсе не проводят различий между данными терминологическими конструкциями, допуская неоправданное отождествление процессуальных и процедурных норм. Подобная ситуация характерна для аналогичных исследований как в области общей теории права, так и в сфере специально-отраслевых юридических наук.

В целях более полного отражения палитры мнений по рассматриваемой проблеме полагаем необходимым обратить внимание и на позицию критического восприятия самой идеи выделения в самостоятельную группу процедурных норм права. Так, Т. С. Насалевич полагает на примере трудового права, что следует вести речь не о процедурных нормах права, а лишь о процедурах как средствах правового регулирования, поскольку их нормативное отражение в законодательстве не образует самостоятельных предписаний. По мнению автора, сама процедура излагается в диспозиции многих норм трудового права и, как следствие, нет какой-либо необходимости в выделении соответствующего вида норм. В связи с этим автор пишет: «Не процедурные нормы, а процедуры трудового права как часть нормы права относятся к элементам механизма правового регулирования. Процедуры трудового права являются средством реализации как материальных, так и процессуальных норм права» [14, с. 143]. Столь оригинальная трактовка процедур в материальном и процессуальном праве и их формально-логическое выражение не получила поддержки в литературе.

Полагаем возможным не согласиться с данной точкой зрения ввиду того, что процедурные предписания, получая свое выражение и формальное закрепление в источниках материального права, не ограничиваются лишь одним элементом в виде диспозиции и требуют для своей практической реализации одновременно установления условий их действия и санкций на случай их возможного нарушения. При этом санкционная защита процедурных норм материального права имеет собственную специфику, часто сопряжена с такими мерами правового реагирования, как санкция недействительности и санкция приостановления дальнейшего движения правоотношения. Иной подход принижает значение процедуры как самостоятельного инструмента в механизме правового регулирования, не позволяет отразить в теории права системные связи между первичными нормами материального права регулятивного и охранительного характера и процедурными производными (вспомогательными) нормами, обеспечивающими и гарантирующими организацию их реализации. Фактически позиция Т.С. Насалевич ставит под сомнение существование не только процедурных норм материального права, но и лишает самостоятельного характера и значения норм процессуальных отраслей права. В таком случае само деление права на материальное и процессуальное теряет всякий смысл, что представляется нам недопустимым и не соответствующим реалиям системного строения российского права.

На наш взгляд, гипотеза о необходимости выделения в общей теории относительно самостоятельной группы норм права в виде процедурных предписаний материального права имеет право на существование и дальнейшую проработку. Для этих целей следует сформировать первичное определение понятия «процедурные нормы материального права» посредством обнаружения и фиксации соответствующего набора родовидовых признаков.

Обобщая упомянутые ранее работы и ряд иных трудов по рассматриваемой тематике, полагаем оправданным выделение следующих признаков процедурных норм материального права.

1. Предметом правового регулирования данного вида нормативных предписаний выступают материальные регулятивные правоотношения организационного характера, в рамках которых его субъекты своими правомерными действиями осуществляют должным образом принадлежащие им субъективные права и юридические обязанности в определенной последовательности и форме.

2. Процедурные нормы выполняют служебную организующую функцию по отношению к первичным нормам материального права, что выступает важнейшей гарантией их реализации и возможной последующей охраны от нарушений, включая возможное обращение за защитой в судебном или ином порядке. Данный вид норм организационно гарантирует должную реализацию норм материального права регулятивного характера не только в рамках правоприменения, но и в сфере договорной формы осуществления права.

3. Они выступают формой и результатом предметно-функциональной дифференциации норм права. Процедурные нормы есть результат удвоения регулятивного воздействия права на общественные отношения, в ходе которого возникают дополнительно организационные отношения, призванные гарантировать реализацию первичного материального отношения (например, отношения организационного характера по заключению договора в надлежащей форме и его регистрации, отношения по организации административно-управленческой деятельности, отношения, направленные на создание юридического лица или его ликвидацию, и др.).

4. В рамках определенной отрасли или института материального права процедурные нормы часто носят так называемый локализованный характер, не имеют сложных связей друг с другом в сравнении с нормами процессуального права, которые достаточно жестко системно увязаны между собой. Правотворческая практика свидетельствует также о том, что процедурные нормы не могут быть обособлены от соответствующих материальных институтов и отраслей законодательства. Они, как правило, располагаются в одном нормативном правовом акте с первичными нормами материального права.

5. Процедурные нормы материального права в своих диспозициях определяют не только характер и содержание действий субъектов организационных отношений, но и способ, последовательность их совершения, а в ряде случаев устанавливают требования к форме фиксации результатов подобных действий.

6. Они преимущественно представляют собой императивные, категоричные предписания (в ином случае им было бы сложно выполнять гарантирующую функцию), за их нарушение устанавливаются специфические санкции — недействительности, приостановления движения правоотношения и иные (например, в случае нарушения формы фиксации результатов действий).

С учетом изложенного предлагаем определять процедурные нормы материального права как особый вид нормативных процедурно-процессуальных предписаний, устанавливающих организационный порядок и форму фиксации результатов реализации первичных регулятивных норм материального права в рамках как правоприменительной, так и договорной деятельности, выполняющих по отношению к первичным материальным нормам гарантирующую, организационно-обеспечительную функции и охраняемых от нарушений специфическими санкциями в виде недействительности (отмены правового акта), приостановления движения правоотношения и др.

Процедурные нормы материального права можно подразделить на два основных типа по форме их реализации:

нормы, обеспечивающие договорную форму реализации первичных норм материального права (например, процедуры, регламентирующие порядок заключения и расторжения договора, порядок вступления в наследство и др.);

нормативные предписания, закрепляющие процедуры так называемого позитивного правоприменения материальных регулятивных норм, обеспечивающие порядок управленческой деятельности, не связанной с механизмом привлечения к юридической ответственности (например, процедуры административной управленческой деятельности, выделения земельного участка, регистрации органами государственной власти юридически значимых действий и состояний и т.п.).

Библиографический список

1. *Аракчеев В.С.* Процедурно-правовые нормы: понятие и значение в регулировании трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1981. 21 с.
2. *Давыдова Г.Н.* Юридические процедуры в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 27 с.
3. *Головастова Ю.А.* К вопросу о целостности и единстве материальных и процедурных норм уголовно-исполнительного права // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8(123). С. 254–259.
4. *Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А.* Процедурные нормы в механизме правового регулирования трудовых отношений // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 80–99.

5. *Распутина Л.Н.* Процедурные нормы и правоотношения в сфере правового регулирования труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 26 с.
6. *Федотова А.А.* Теоретико-правовые основы разграничения процессуальных и процедурных норм бюджетного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2(133). С. 269–276.
7. *Цинделиани И.А.* Процедурные нормы в системе финансового права // Финансовое право. 2011. № 11. С. 9–13.
8. *Протасов В.Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.
9. *Горшнев В.М., Недбайло П.Е.* Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М.: Юрид. лит., 1976. С. 7–54.
10. *Байтин М.И., Яковенко О.В.* Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93–102.
11. *Зайцев И.М., Рассакхатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2. С. 47–52.
12. *Лукьянова Е.Г.* Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. 240 с.
13. *Иващенко К.Б.* Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 176 с.
14. *Насалевич Т.С.* Процедуры в науке трудового права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 143–152.

References

1. *Arakcheev V.S.* Procedural and Legal Norms: Concept and Significance in the Regulation of Labor Relations: extended abstract of diss. ... cand. of law. Tomsk, 1981. 21 p.
2. *Davydova G.N.* Legal Procedures in Civil Law: extended abstract of diss. ... cand. of law. Kazan, 2004. 27 p.
3. *Golovastova Yu.A.* On the Issue of the Integrity and Unity of the Material and Procedural Norms of Penal Enforcement Law // Eurasian Law Journal. 2018. No. 8(123). P. 254–259.
4. *Nurtdinova A.F., Chicanova L.A.* Procedural Norms in the Mechanism of Legal Regulation of Labor Relations // Journal of Russian Law. 2019. No. 9. P. 80–99.
5. *Rasputina L.N.* Procedural Norms and Legal Relations in the Field of Legal Regulation of Labor: extended abstract of diss. ... cand. of law. Omsk, 2002. 26 p.
6. *Fedotova A.A.* Theoretical and Legal Bases of Differentiation of Procedural and Proceeding Norms of Budget Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 2(133). P. 269–276.
7. *Tsindeliiani I.A.* Procedural Norms in the System of Financial Law // Financial Law. 2011. No. 11. P. 9–13.
8. *Protasov V.N.* Fundamentals of General Legal Procedural Theory. M.: Legal lit., 1991. 143 p.
9. *Gorshenev V.M., Nedbaylo P.E.* Procedural Form and Its Socio-Legal Possibilities in a Socialist Society // Legal Procedural Form: Theory and Practice. M.: Legal lit., 1976. P. 7–54.
10. *Baitin M.I., Yakovenko O.V.* Theoretical Issues of Legal Procedure // Journal of Russian Law. 2000. No. 8. P. 93–102.
11. *Zaitsev I.M., Rassakhatskaya N.A.* Civil Procedural Form: Concept, Content and Meaning // State and Law. 1995. No. 2. P. 47–52.
12. *Lukyanova E.G.* Theory of Procedural Law. M.: NORM, 2003. 240 p.
13. *Ivashchenko K.B.* Correlation of Substantive and Procedural Law in the Russian State: diss. ... cand. of law. Saratov, 2018. 176 p.
14. *Nasalevich T.S.* Procedures in the Science of Labor Law // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. No. 38. P. 143–152.

И.О. Кузнецова, И.В. Суслов

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Введение: в настоящее время молодежь является не только объектом воздействия и превентивного управления со стороны государства, но и субъектом — равноправным участником социальных и политических отношений. В связи с этим актуальным представляется практическое исследование показателей гражданской просоциальной активности, определение преобладающих тенденций в системе ценностных ориентиров молодого поколения. **Цель** — изучить формы молодежной активности, определить значимые факторы, влияющие на возможность формирования просоциального поведения в молодежной среде. **Методологическая основа:** социопрос с участием 7 458 обучающихся саратовских образовательных организаций высшего образования в возрасте от 16 до 28 лет¹. **Результаты:** выявлено, что в структуре ценностей современных молодых людей в большей степени преобладают установки, связанные с достижением личного, в том числе материального, благополучия (качественное образование, интересная, высокооплачиваемая работа, карьера). Ценности просоциального плана, такие как патриотизм, гражданская ответственность, также присутствуют в ценностном конструкте, однако уходят на второй план. Несмотря на то, что большинство идентифицируют себя как граждане России, испытывающие чувство гордости за свою страну и народ, принимать участие в непосредственной реализации мероприятий по развитию страны молодые люди готовы в меньшей степени. **Выводы:** результаты социологического исследования актуализируют вопросы создания условий и возможностей для практической реализации разноплановых форм общественно-политической активности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, гражданская активность, ценности.

© Кузнецова Ирина Олеговна, 2023

Кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории социологических исследований и изучения общественного мнения (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova5555@yandex.ru

© Суслов Иван Владимирович, 2023

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: suslov85@inbox.ru

© Kuznetsova Irina Olegovna, 2023

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Sociological Research and the Study of Public Opinion (Saratov State Law Academy)

© Suslov Ivan Vladimirovich, 2023

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy (Saratov State Law Academy)

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ № 075-00831-23-03 «Гражданская и политическая вовлеченность молодежи в социально-политические процессы».

¹ Социологическое исследование гражданской просоциальной активности молодежи, включенной в образовательное пространство Саратовской области. Период проведения: ноябрь 2023 г. Участники: 7 458 обучающихся саратовских образовательных организаций высшего образования в возрасте от 16 до 28 лет. Метод: онлайн-опрос. Распространяемая среди участников исследования анкета содержала набор вопросов закрытого, полужакрытого типа, также предусматривалась возможность учета собственного оригинального мнения респондентов.

I.O. Kuznetsova, I.V. Suslov

CIVIL ACTIVISM OF RUSSIAN YOUTH: REGIONAL ASPECT

Background: at present, young people are not only the object of influence and preventive management by the state, but also a subject - an equal participant in social and political relations. In this regard, the practical study of indicators of civil pro-social activity, determination of the prevailing trends in the system of value orientations of the young generation seems relevant. **Objective** — to study the forms of youth activity, to determine the significant factors influencing the possibility of forming pro-social behavior in the youth environment. **Methodology:** social survey with participation of 7 458 students of Saratov educational organizations of higher education aged from 16 to 28 years old. **Results:** it has been revealed that in the structure of values of modern young people to a greater extent prevail the attitudes related to the achievement of personal, including material, well-being (quality education, interesting, highly paid work, career). Pro-social values, such as patriotism, civic responsibility, are also present in the value construct, but they come second. Despite the fact that the majority of young people identify themselves as Russian citizens who feel proud of their country and people, they are less willing to take part in the direct implementation of measures to develop the country. **Conclusions:** the results of the sociological survey actualize the issues of creating conditions for opportunities for practical implementation of diverse forms of socio-political activity of young people.

Keywords: youth, youth policy, civic activity, values.

Интерес к молодежи как субъекту и объекту национальной политики стал заметным явлением относительно недавно, в конце XX в. [1–2]. Более ранние воззрения о молодежи характеризовали представителей данного поколения как группу, вызывающую недоверие и противопоставленную людям зрелого возраста, которые не были готовы делегировать им властные полномочия. Изменения жизненных установок молодежи [3], произошедшие в новом тысячелетии, требуют пересмотра взаимоотношений государства и молодого поколения. В настоящее время молодежь рассматривается не только как объект воздействия и превентивного управления, но и как субъект — равноправный участник социальных и политических отношений.

В 2020 г. был принят Закон «О молодежной политике в Российской Федерации»¹, дополняющий, развивающий и корректирующий принятые полтора десятилетия назад Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года². Принятие нового нормативного правового акта свидетельствует о возрастающем интересе со стороны власти и научного сообщества к молодежи, рассматриваемой в качестве ключевой социальной группы современного общества. Создание действенных механизмов реализации эффективной молодежной политики невозможно без специального анализа и определения преобладающих в настоящее время тенденций в изучаемой среде, а также формирования мер повышения позитивного (просоциального) гражданского активизма как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1, ч. 1, ст. 28.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50, ст. 7185.

Вопрос формирования действенных механизмов реализации молодежной политики в Саратовской области приобретает актуальность еще и потому, что на территории региона располагается несколько крупнейших образовательных организаций высшего образования общероссийского масштаба, где обучается более 68 тысяч молодых людей. Исследование и учет мнений, ценностей, потребностей студенчества представляют особую важность в процессах осуществления и совершенствования основных подходов и инструментов региональной работы в молодежной сфере.

Ежегодно Лабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения Саратовской государственной юридической академии по заказу министерств, ведомств, организаций, ответственных за реализацию молодежной и образовательной политики на территории Саратовской области, проводится ряд практических исследований состояния и тенденций развития молодежной студенческой среды. Исследование, проведенное в 2023 г., позволило обобщить научно-практический опыт по теме гражданской активности молодежи, определить роль гражданственности в жизни современного молодого человека с учетом актуальной геополитической ситуации.

Рассмотрим иерархию ценностей современной молодежи, выстроив рейтинг жизненных ориентиров и установок в зависимости от полученных оценок их конкретной значимости для участников исследования¹ (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия ценностных установок респондентов

Ценностные установки	Значимость в баллах
Самореализация	4,74
Получение качественного образования	4,72
Материальная обеспеченность	4,70
Самостоятельность и независимость	4,70
Интересная работа	4,69
Высокооплачиваемая работа	4,69
Продвижение по карьерной лестнице	4,63
Наличие верных друзей	4,59
Сохранение здоровья, ведение здорового образа жизни	4,55
Наличие стабильности и порядка в стране	4,54
Наличие любимого человека	4,46
Любовь и уважение к Родине — патриотизм	4,43
Гражданская ответственность за происходящие в стране события	4,18
Наличие семьи, детей	4,14
Достижение общественного признания	4,13
Активное участие в общественной и политической жизни	3,82
Служение людям	3,58

¹ В ходе проведения опроса респондентам было предложено определить ценность предлагаемых жизненных ориентиров с учетом следующих критериев: 1,2 балла — малая значимость, 3 балла — средняя значимость, 4,5 баллов — высокая значимость.

Представленные в таблице 1 показатели указывают на преобладание в структуре ценностей участников исследования — современных молодых людей позиций в основном материального характера, направленных на получение личных благ, на первом плане среди которых фигурирует самореализация. Ко второй по значимости группе (условно индивидуальных) ценностей можно отнести сохранение здоровья, ведение здорового образа жизни, наличие верных друзей.

Менее 4,5 баллов значимости набирают просоциальные ценности, такие как любовь и уважение к Родине (патриотизм), гражданская ответственность, достижение общественного признания, активное участие в общественной и политической жизни, служение людям, среди которых последние по значимости не превышают 4 баллов. К ценностям средневысокой значимости относятся наличие любимого человека, а также семьи и детей.

Отметим, что полученные результаты созвучны с информацией, полученной С.И. Беловым в ходе экспертного опроса, проведенного в октябре 2022 г. Из обобщенных данных 15 экспертных мнений преподавателей вузов, специалистов по работе с молодежью, журналистов, предпринимателей, экспертов в медиа-продвижении был сделан вывод, что молодежь характеризуется стремлением к быстрому успеху, понимаемому как сочетание материального благосостояния, финансовой независимости и свободы в распоряжении своим досугом [4, с. 171].

Несмотря на меньшую значимость просоциальных ориентаций в сравнении с индивидуальными достижениями в ценностном конструкте современной молодежи, 95 % участников исследования ощущают свою принадлежность к России, российскому народу и гордятся тем, что являются гражданами Российской Федерации (табл. 2). Вместе с тем можно выделить и определенную группу молодых людей (12 %), допускающих возможность стать гражданином иной страны. 95 % участников опроса интересуют идеи дальнейшего развития страны. При этом только 46 % полностью готовы принять участие в конкретных созидательных мероприятиях, 44% — скорее готовы.

Таблица 2

Отношение респондентов к России, идентификация себя как гражданина Российской Федерации

Обсуждаемые высказывания	Оценка респондентами обсуждаемых высказываний, %			
	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен
Я горжусь тем, что являюсь гражданином России	70	25	3	2
Я ощущаю свою принадлежность к России, российскому народу	64	31	4	1
Я предпочитаю быть гражданином России, а не какой-либо другой страны	54	34	9	3
Меня интересуют идеи развития своей страны	63	32	3	2
Я готов принимать участие в конкретных делах в целях развития своей страны	46	44	8	2

Полученные сведения позволяют утверждать, что несмотря на то, что большинство идентифицируют себя как граждане России, испытывающие чувство гордости за свою страну и народ, принимать участие в непосредственной реализации мероприятий по развитию страны молодые люди готовы в меньшей степени.

Проведенный Т. В. Евгеньевой и А. В. Селезневой социологический опрос (N=2500) также подтвердил факт восприятия государства в утилитарной плоскости как источника благ, отвечающего за благосостояние граждан [5]. Принцип взаимной ответственности государства и личности оказывается менее популярен в ценностной системе современной молодежи, ожидающей заботы, защиты и поддержки порядка от органов управления.

Многие современные политики и ученые, с одной стороны, отмечают инновационные качества молодежи, а с другой, выражают опасения по поводу возможных угроз, которые она может представлять для существующего социально-политического порядка. Как подметила Е. Л. Омельченко, многие взрослые наблюдают за молодежью с надеждой и одновременно с тревогой [6, с. 73]. Стремление к развитию социальной гражданской активности молодежи, которое можно считать основным направлением, присутствует, например, в Стратегии молодежной политики Европейского союза до 2027 года. В рамках российского национального проекта «Образование» и федерального проекта «Социальная активность» акцент делается на вовлечении молодежи в добровольческие проекты [7]. Повышение статуса молодежи (из объектного в субъектный) связано с потребностью стимулировать молодое поколение, формировать у него активную гражданскую позицию, а также развивать личную и социальную ответственность.

Во время исследования саратовской студенческой молодежи в 2022–2023 гг. было выяснено, как молодежь определяет уровень своей социально-политической активности. Средний балл составил 2,94, что соответствует критериям оценки ниже среднего. Только 13 % респондентов определяют свою социальную активность как высокую, 20 % — как средневысокую¹ (рис. 1).

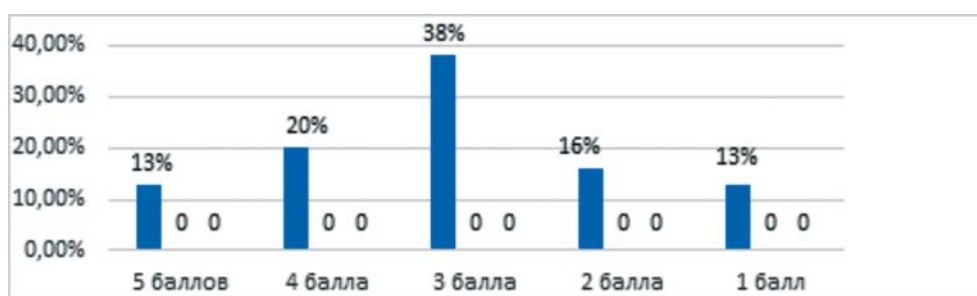

Рис. 1. Оценка респондентами собственной общественно-политической активности по пятибалльной шкале

¹ Участникам исследования было предложено определить свое участие в общественно-политической жизни (социальную активность), используя следующие критерии оценок: 1 балл — наиболее низкая степень активности, 5 баллов — наиболее высокая степень активности, остальные значения — промежуточные.

Вопросы формирования в молодежной среде правильного понимания активной общественно-политической деятельности актуализируют повышенное к ним внимание со стороны образовательных организаций, одним из важных функционалом которых становится, во-первых, создание условий для проявления гражданской активности молодежи, во-вторых, грамотное сопровождение деятельности обучающихся, придание ей позитивной направленности. 20 % респондентов сообщили, что активно участвуют в общественно-политической деятельности по месту обучения; 47 % — не желают заниматься такого рода деятельностью, несмотря на созданные в вузах условия; 11 % — придерживаются мнения об отсутствии возможности проявлять свою социальную активность по месту обучения (рис. 2).

Рис. 2. Участие респондентов в общественно-политической деятельности по месту обучения

Молодежные общественные объединения в России, отмечает А.Д. Пилипенко, имеют способность организовывать и структурировать активность молодых граждан, направляя ее в конструктивное русло и смягчая при этом проявление протестных настроений, если таковые присутствуют [8, с. 179]. Их эффективность в этой работе часто превосходит эффективность уполномоченных органов государственной власти, поскольку молодежные организации оперируют на местах, непосредственно взаимодействуя с представителями молодежного сообщества. Они обладают глубоким пониманием потребностей молодежи, четко воспринимают ее настроение и готовы адаптировать текущую повестку в соответствии с изменениями, не прибегая к радикальным методам.

Проведенный опрос саратовской молодежи дает основание утверждать, что, несмотря на определенные различия в понимании гражданской активности молодыми людьми, большая часть все же определяет для себя ее позитивный вектор, направленный на поддержание благополучия общества, минуя насильственные действия. Отметим, что согласно сравнению результатов с данными 2022 г. наблюдается уменьшение количества молодых людей, рассматривающих возможность применения насилия для изменения какой-либо социальной ситуации (табл. 3).

Рассматривая возможность проявления гражданской активности¹, отметим, что 50 % опрошенных могли бы выступить в поддержку защиты прав человека, 38 % — за социальную справедливость и равенство, 39 % — против насилия, 34 % — в борьбе за мир, 25 % — в защиту семейных ценностей, 30 % — против коррупции (табл. 4).

¹ На вопрос о возможности проявления гражданской активности предлагалось два варианта ответа на выбор.

Таблица 3

Количество респондентов, рассматривающих гражданскую активность как стратегию наступательного поведения гражданина, стремящегося изменить неблагоприятную ситуацию всеми возможными способами, в том числе с применением насилия, в сравнении с 2022 г.

Результаты 2022 г.	Результаты 2023 г.
7%	3%

Таблица 4

Определение возможности участия респондентов в гражданских акциях

Возможные гражданские акции	Количество респондентов, сообщивших о возможности участия, %
В защиту прав человека	50
Против насилия	39
За социальную справедливость, равенство	38
Борьба за мир	34
Против зависимости (наркотической, табачной, алкогольной, игровой и др.)	30
Против коррупции	30
В защиту традиционных семейных ценностей	25
Против экстремизма	22
Против сексуальных меньшинств	14
Против засилья мигрантов	13
Против ряда законодательных инициатив и уже существующих законов	7
Против власти и ее представителей	4
В защиту экологии	1
В защиту животных	1

Некоторые ученые также отмечают, что в молодежной среде особой популярностью пользуется видеоконтент, посвященный проблемам экологии и пацифизма, доступности образования, борьбе с коррупцией [9]. Исследование цифровой инфраструктуры гражданской активности среди российской молодежи, проведенное А.Ю. Домбровской, подтверждает акцентирование молодежи на правозащитной и экологической тематиках [10, с. 214].

Таким образом, проведенное социологическое исследование актуализирует вопросы не только совершенствования системы воспитания, развития и укрепления в сознании молодежи просоциальных ценностных установок, но и создания условий для возможностей практической реализации разноплановых форм общественно-политической активности.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о необходимости активного продолжения и совершенствования работы в молодежной среде, руководствуясь Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», как в рамках региональной молодежной политики, так и в отдельных образовательных организациях по следующим направлениям:

регулярно проводить на базе образовательных организаций просветительские мероприятия, направленные на формирование у обучающихся позитивного мышления, навыков правового поведения, критического анализа, развития стойкости при неблагоприятных обстоятельствах, а также разъяснительные беседы относительно экономической, социально-политической ситуации в стране и мире, в том числе с привлечением ресурсов, просветительской платформы Российского общества «Знание»;

активно привлекать молодежь к участию в региональных, межвузовских проектах и мероприятиях, способствующих формированию патриотических, гражданских, культурных ценностей, способствовать расширению регионального молодежного туризма;

способствовать развитию системы студенческого самоуправления, созданию в числе прочих на базе образовательной организации условий, способствующих самореализации обучающихся, привлечению их к участию в общественно-политической деятельности;

распространять в виртуальном пространстве позитивный контент, привлекая медиаслужбы образовательных организаций высшего образования, способствовать массовому подключению молодежи к различным группам, сообществам, пропагандирующим позитивное мышление и просоциальную активность.

Библиографический список

1. *Horton J., Tucker F.* Critical geographies of childhood and youth: Contemporary policy and practice. Bristol: Bristol University Press, 2012. P. 43–60.
2. *Mukherjee J., Choudhury S.* Revisiting the National Youth Policy // *Economic and Political Weekly*. 2010. Vol. 45, no. 26/27. P. 32–34.
3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 13–41.
4. *Белов С.И., Вантеевский М.М., Ярошева Д.В.* Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений // *Политическая наука*. 2023. № 2. С. 163–178.
5. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*. 2023. Т. 25, № 1. С. 233–251.
6. *Омельченко Е.Л.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // *Журнал исследований социальной политики*. 2005. Т. 3, № 1. С. 59–86.
7. *Певная М., Шуклина Е., Асоян Л.* Социальное участие студентов России и Армении: институциональный контекст и нереализованный потенциал некоммерческого сектора в социокультурном развитии региональных городов // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. № 3. С. 445–460.
8. *Пилипенко А.Д.* Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*. 2021. Т. 23, № 1. С. 172–185.

9. *Касамара В.А., Сорокина А.А., Шилина А.Н.* YouTube-блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2021. № 3. С. 7–21.

10. *Домбровская А.Ю.* Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6(166). С. 203–225.

References

1. *Horton J., Tucker F.* Critical Geographies of Childhood and Youth: Contemporary Policy and Practice. Bristol: Bristol University Press, 2012. P. 43–60.

2. *Mukherjee J., Choudhury S.* Revisiting the National Youth Policy // Economic and Political Weekly. 2010. Vol. 45, no. 26/27. P. 32–34.

3. *Zubok Y.A., Chuprov V.I.* Life Strategies of Young People: Realization of Expectations and Social Moods // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2020. No. 3. P. 13–41.

4. *Belov S.I., Vanteevsky M.M., Yarosheva D.V.* Value Preferences of Modern Russian Youth: Results of the Generalization of Expert Opinions // Political Science. 2023. No. 2. P. 163–178.

5. *Evgenieva T.V., Selezneva A.V., Skipin N.S., Tulegenova D.D.* Request for Paternalism: Idea and Value of the State in the Minds of Russian Youth // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Political Science. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 233–251.

6. *Omelchenko E.L.* Youth Activism in Russia and Global Transformations of Its Meaning // Journal of Social Policy Research. 2005. Vol. 3, no. 1. P. 59–86.

7. *Pevnaya M., Shuklina E., Asoyan L.* Social Participation of Students in Russia and Armenia: Institutional Context and Unrealized Potential of the Nonprofit Sector in the Socio-Cultural Development of Regional Cities // Journal of Social Policy Research. 2020. No. 3. P. 445–460.

8. *Pilipenko A.D.* Youth Public Associations in the Socio-Political Processes of Modern Russia: on the Example of Krasnodar Krai // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Political Science. 2021. Vol. 23, no. 1. P. 172–185.

9. *Kasamara V.A., Sorokina A.A., Shilina A.N.* YouTube-Bloggers as Agents of Political Socialization of Russian Schoolchildren // Bulletin of Moscow University. Ser. 12, Political Science. 2021. No. 3. P. 7–21.

10. *Dombrovskaya A.Yu.* Representation of Civil Activity of Russian Youth in Social Media // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 6(166). P. 203–225.

Н. А. Кирдина, Г. Б. Петрова

«ПРОГРЕССИЯ» УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Введение:** гарантией исключительности мер пресечения является обоснованность решения об избрании каждой из них. Вопреки этим очевидным постулатам, материалы судебно-следственной практики далеко не всегда свидетельствуют о понимании правоприменителем того, что любые меры пресечения должны быть избраны при наличии предусмотренных законом и подтвержденных допустимыми сведениями не только оснований, но и условий (как общих, так и специальных) с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела и личности подозреваемого или обвиняемого. Исследование вопросов о правовой природе и видах условий применения мер процессуального принуждения, составляющих обоснованность избрания мер пресечения, и теоретическое осмысление их сквозь призму гарантий исключительности ограничений конституционных прав личности крайне актуальны, особенно в свете изменений уголовно-процессуального закона 2023 г. **Цель** — сформировать соответствующее правовой ситуации и потребностям правоприменительной практики теоретическое представление о правовой природе условий избрания мер процессуального принуждения, включая меры пресечения, и дать научное обоснование их видам. **Методологическая основа:** общенаучный диалектический метод познания, а также логический, структурно-функциональный; частнонаучные методы (сравнительного правоведения, формально-юридический, нормативного моделирования). **Результаты:** сформировано научнообоснованное теоретическое представление о сущности и правовой природе условий как необходимого элемента обоснованности решений об избрании мер принуждения, создающего базу для совершенствования норм уголовно-процессуального закона в этой части. **Выводы:** выявлено несовершенство правовой регламентации условий избрания мер пресечения; аргументирована необходимость изменения отдельных норм УПК РФ и дополнительного разъяснения на уровне актов официального толкования ряда вопросов, вызывающих трудности у правоприменителя.*

***Ключевые слова:** меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения, условия применения мер пресечения, обоснованность решения об избрании меры пресечения, заключение под стражу, условия задержания.*

© Кирдина Наталия Анатольевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nataliyakirdina@yandex.ru

© Петрова Галина Борисовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru

© Kirdina Natalia Anatolyevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

© Petrova Galina Borisovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

N. A. Kirdina, G. B. Petrova

**“PROGRESSION” CONDITIONS FOR THE APPLICATION
OF PROCEDURAL COERCION MEASURES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Background: *a guarantee of exclusivity of preventive measures is the reasonableness of the decision on the election of each of them. Contrary to these obvious postulates, the materials of judicial and investigative practice far not always show that the law enforcer understands that any preventive measures must be chosen in the presence of the law and confirmed by admissible information not only grounds, but also conditions (both general and special), taking into account the specific circumstances of the criminal case and the personality of the suspect or accused. The study of questions about the legal nature and types of conditions for the application of procedural coercive measures, which constitute the validity of the election of preventive measures, and theoretical understanding of them through the prism of guarantees of exclusivity of restrictions of the constitutional rights of the individual are extremely relevant, especially in the light of changes in the Criminal Procedure Law of 2023. Objective — to form a theoretical understanding, corresponding to the legal situation and the needs of law enforcement practice, of the legal nature of the conditions for the election of procedural coercive measures, including preventive measures, and to provide scientific justification for their types. Methodology: general-scientific dialectical method of cognition, as well as logical, structural-functional; private-scientific (comparative jurisprudence, formal-legal, normative modeling). Results: scientifically substantiated theoretical understanding of the essence and legal nature of conditions as a necessary element of validity of decisions on the election of coercive measures, creating a basis for improving the norms of criminal procedural law in this part was formed. Conclusions: the imperfection of legal regulation of the conditions of election of preventive measures was revealed; the necessity to change some norms of the CPC of the Russian Federation and additional clarification at the level of acts of official interpretation of a number of issues that cause difficulties for law enforcers was argued.*

Keywords: *measures of criminal procedural coercion, preventive measures, conditions of application of preventive measures, validity of the decision to elect a preventive measure, remand in custody, conditions of detention.*

Начатый в Вестнике СГЮА в 2022 г. разговор об обоснованности решений об избрании мер пресечения [1, с. 195–204; 2, с. 183–192] предполагает его продолжение в части исследования вопроса о видах и правовой природе условий избрания и применения мер процессуального принуждения. Напомним, что отражение в решении об избрании меры пресечения оснований (ст. 97 УПК РФ) — обязательная, но не единственная составляющая обоснованности данного решения. Избрание меры пресечения будет обоснованным при надлежащем подтверждении содержащимися в материалах уголовного дела доказательствами следующих обстоятельств: 1) причастности лица к совершению преступления («разумного подозрения» и обоснованного обвинения); 2) предусмотренных законом оснований (ст. 97 УПК РФ); 3) обстоятельств, влияющих на выбор конкретной меры (ст. 99 УПК РФ); 4) предусмотренных законом специальных условий (или отсутствия законодательных запретов и ограничений на избрание конкретной меры пресечения в определенных случаях) [1, с. 198].

Последний элемент обоснованности имеет крайне важное значение, поскольку, как верно отмечала в свое время профессор З. Ф. Коврига, одни условия избрания мер пресечения оказывают положительное воздействие, усиливая наличие основа-

ний, и тем самым способствуют эффективности действия самих мер принуждения; другие условия нацелены на правильный выбор из указанных в законе видов мер принуждения следователем, дознавателем, судьей; отсутствие третьих запрещает избрание мер принуждения, даже если имеются основания [3, с. 62].

Сходство сущностных признаков, характерных для всех мер процессуального принуждения, а также общее назначение их применения предполагают общность некоторых правил, определяющих обоснованность их избрания. В свою очередь, специфика каждой меры принуждения диктует необходимость создания дополнительных правил, обуславливающих возможность именно ее применения. Все эти правила, независимо от степени их универсальности, должны быть «посеяны» на почве принципов российского уголовного процесса и выражать их основные требования.

Таким образом, условия избрания мер процессуального принуждения можно разделить на общие (единые, универсальные) и специальные (особые, индивидуальные). Общие необходимы для избрания любой меры процессуального принуждения, а специальные — в зависимости от вида избираемой меры. На примере мер пресечения к последним, в частности, можно отнести факт наличия жилья, занимаемого подозреваемым, обвиняемым на законных основаниях (условие избрания домашнего ареста); факт отсутствия заболевания, исключающего содержание под стражей (условие заключения под стражу); факт нарушения ранее избранной меры пресечения либо того, что обвиняемый скрылся от органов следствия, дознания или суда, факт повторного совершения преступления несовершеннолетним, не достигшим шестнадцати лет (условия заключения под стражу в исключительных случаях), и т.д. Специальные условия порой являются сложносоставными, имеют многоуровневые градации, например, в случае с применением заключения под стражу к несовершеннолетним, достигшим и не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а также лицам, причастным к преступлениям, предусмотренным ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ, а также преступлениями, за которые установлено наказание в виде лишения свободы на срок менее трех лет.

В системном виде условия образуют составную часть правовой конструкции обоснованности решения об избрании меры пресечения. Следует отметить, что система таких условий представлена шире, чем находит свое отражение в УПК РФ и в нормах права вообще. Часть из них выделена в статьях УПК РФ (ч. 3 ст. 97, ч. 2 ст. 99) и иных нормативных актах (п. «ж» ст. 12 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»¹), а часть предстает в виде теоретических умозаключений, выводимых посредством логики из существа закона. Так, Пленум ВС РФ дает следующее разъяснение: «...суду надлежит учитывать положения части 6 статьи 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые»². В правовом регулировании встречаются ситуации, когда в законе отсутствует прямое текстуальное

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 2 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2277; 2023. № 45, ст. 7978.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июня 2020 г.) // Российская газета. 2013. 27 декабря; 2020. 26 июня.

выражение нормы, но тем не менее существует принятое в теории и практике уголовного процесса предписание, также относящееся к общим условиям. В качестве примера таких универсальных, единых условий можно привести общепринятое правило избрания любой меры процессуального принуждения только после принятого и оформленного постановлением решения о возбуждении уголовного дела; правило о надлежащем должностном лице, уполномоченном законом принимать решение об избрании меры принуждения (например, в досудебном производстве к исключительной прерогативе суда относится полномочие принимать решение о заключении под стражу, домашнем аресте, залоге, запрете определенных действий; наложении ареста на имущество, временном отстранении от должности, денежном взыскании).

Система единых (универсальных) условий, допускающих возможность избрания мер принуждения, включает правило о том, что в случае прекращения производства по делу и в период его приостановления меры процессуального принуждения применяться не могут. В уголовно-процессуальной доктрине данной позиции придерживается ряд ученых, в частности профессор А. Р. Белкин, который считает, что не допускается по общему правилу избрание мер пресечения, если по уголовному делу принято решение о его приостановлении, однако «...следует предусмотреть и возможность сохранить меру пресечения в таких особых случаях — например, путем вынесения соответствующего постановления» [4, с. 223].

Подобная мысль прослеживается и в акте официального толкования Конституционного Суда РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 162 УПК РФ, исключая из срока предварительного следствия время, в течение которого расследование не производилось как приостановленное, не предполагает применение по приостановленному делу меры пресечения в виде подписки о невыезде¹. В другом решении Конституционный Суд РФ повторил аналогичное разъяснение, подчеркнув, что «данные нормы, исключая из срока предварительного следствия время, в течение которого расследование не производится как приостановленное, не предполагают применение по приостановленному делу названной меры пресечения»². К. Б. Калиновский в доктринальном толковании решений Конституционного Суда РФ полагает, что «возбужденное уголовное дело служит юридическим основанием для процессуального принуждения, так как предполагает наличие вывода о существовании общественно опасного деяния, а меры принуждения не могут применяться до возбуждения уголовного дела, после прекращения дела и в период его приостановления» [5, с. 36–41], невзирая на то, что норма ч. 3 ст. 209 УПК РФ запрещает после принятия решения о приостановлении следствия проводить лишь следственные действия.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штучко Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1698329/> (дата обращения: 02.10.2023).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1306-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танаева Андрея Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 110, 208 и 209 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104232/> (дата обращения: 02.10.2023).

Несмотря на многообразие рассматриваемых условий, законодатель вводит новые правила, как ограничивающие, так и расширяющие возможности избрания отдельных мер процессуального принуждения.

Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» установил, что задержание лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 и 92 УПК РФ), может применяться «в условиях военного положения — на срок не более 30 суток с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»¹.

Конституционная норма, содержащаяся в ст. 22, устанавливает запрет задерживать по подозрению в совершении преступления на срок свыше 48 часов до решения суда. Это общее правило, из которого в ч. 3 ст. 55 Основного Закона делается исключение, допуская возможность соответствующим федеральным законом ограничения прав и свобод человека и гражданина «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»². Юристы помнят о трехлетнем существовании Указа Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»³. Этим подзаконным актом, вопреки требованию конституционной нормы, разрешалось задержание лиц, подозреваемых и обвиняемых в бандитизме и иных тяжких преступлениях, совершаемых организованными преступными группами, на срок до 30 суток⁴. Теперь тридцатисуточный срок задержания допускается УПК РФ, а условием его применения является военное положение как «особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии»⁵. Несмотря на это, в Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» схожее нормативное дополнение на данное время не внесено⁶. Второе же условие для более длительного срока задержания (уже до трех месяцев), напротив, указано не в уголовно-процессуальном законе, а в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (п. «ж» ст. 12)⁷, что свидетельствует об отсутствии системного подхода к правовому регулированию. Примечательно, что о судебном порядке продления срока задержания подозреваемого свыше 48 часов в законах не сказано.

Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁸ предусмотрел новую норму (ч. 3 ст. 91, ч. 3 ст. 97 УПК РФ), которая является единым условием

¹ См.: СЗ РФ. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6128.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.10.2023).

³ См.: СЗ РФ. 1994. № 8, ст. 804.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 2 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 375; 2023. № 45, ст. 7978.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2277; 2023. № 45, ст. 7978.

⁸ См.: Там же. 2023. № 25, ст. 4409.

применения как задержания, так и мер пресечения. Суть данного правового нововведения заключается в законодательном запрете на применение задержания по подозрению в совершении преступления, а также мер пресечения в случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования. В качестве исключения из этого условия законодатель предусмотрел случаи, когда речь идет о лице, подозреваемом или обвиняемом в совершении преступления, за которое предусмотрено уголовным законом наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. Это обусловлено тем, что ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, относит к усмотрению суда. Если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются.

Внесенное законодателем изменение в УПК РФ было детерминировано правовым толкованием Конституционного Суда РФ, который на примере истечения срока давности разъясняет, что дальнейшее продолжение производства по уголовному делу, предопределенное позицией лица, не давшего согласие на прекращение уголовного дела, «направлено прежде всего на устранение сомнений в его виновности, защиту его прав, выяснение обстоятельств исходя из доводов против подозрения или обвинения»¹. Позиция Конституционного Суда РФ выражается в том, что «...за редкими исключениями, ...никто не должен находиться под угрозой применения уголовной ответственности не ограниченное нормативными пределами время»². Таким образом, само деяние не утрачивает признак преступности, однако за истечением срока давности устраняется возможность его наказуемости, а потому лицо, его совершившее, освобождается от уголовной ответственности (ч. 8 ст. 302 УПК).

Между тем не все так просто. В данной ситуации представляется правильным не полный запрет на избрание мер пресечения, а ограничение в их выборе. В соответствии со ст. 108 УПК РФ заключение под стражу возможно, если лицу инкриминируется деяние, за которое предусмотрено лишение свободы (мы не говорим о трехлетнем сроке, так как речь идет о любой возможности избрания такого ареста, включая случаи законного отступления от общего правила). При рассматриваемых обстоятельствах даже если суд постановит обвинительный приговор, то он освободит осужденного от отбывания назначенного наказания, что, как уже было сказано, не повлечет судимости³.

Конституционный Суд РФ также однозначно выразил свою позицию еще в 2000 г. в свете которой не допускается заключение под стражу без установленных законом оснований, в том числе в случаях, если лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, как это имеет место при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности⁴.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта “в” части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // СЗ РФ. 2022. № 31, ст. 5806.

² См.: Там же.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // Российская газета. 2022. 17 июня.

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. 2001. № 17, ст. 1766.

Однако законодатель, на наш взгляд, радикально подошел к решению данной проблемы, включив в качестве общего условия в подобной ситуации невозможность избрания любой меры пресечения вообще (ч. 3 ст. 97 УПК РФ), а не только заключения под стражу. Что касается реализации данного условия применительно к задержанию подозреваемого, то содержание нормы ч. 3 ст. 91 УПК РФ понятно и обусловлено логикой законодателя о невозможности в дальнейшем избрания заключения под стражу.

Проявляя необходимую заботу по защите прав личности, попавшей в сферу уголовного преследования, законодатель забыл о балансе публичных и частных интересов, допустив перекося в пользу последних, и цели избрания любой меры процессуального принуждения. В связи с этим профессор Л.В. Головкин полагает, что «единственной целью таких мер является их специальная направленность на обеспечение принудительного исполнения участниками уголовного процесса их процессуальных обязанностей или на предотвращение гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей» [6, с. 523]. В свою очередь, В.В. Рудич в качестве цели отмечает «ограничение физической свободы действий обвиняемого (подозреваемого), направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всем этапе производства по уголовному делу» [7, с. 17].

Желая принятия решения о прекращении уголовного преследования ввиду непричастности к совершению преступления и признания права на реабилитацию (названным Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ предусматривается принятие этого, вызывающего некоторое недоумение решения в подобной ситуации), обвиняемый может попытаться воспрепятствовать ходу расследования. Следователю же после отказа этого участника от прекращения уголовного преследования обязан завершить производство вынесением итогового для данной стадии процессуального акта, поэтому должен иметь в своем распоряжении эффективные средства противодействия незаконному поведению обвиняемого. Нынешняя правовая регламентация ч. 3 ст. 97 УПК РФ не позволяет следователю защищать публичные интересы в ситуации противодействия со стороны такого обвиняемого.

Обобщая изложенное, полагаем, что условиями избрания меры процессуального принуждения являются предусмотренные законом, а также вытекающие из его общего смысла правила, определяющие обоснованность избрания любой меры процессуального принуждения и включающие совокупность элементов общего и специального характера в виде наличия законодательных требований и запретов (или ограничений) на избрание конкретной меры процессуального принуждения в определенных случаях.

Библиографический список

1. Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 195–203.
2. Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6(149). С. 183–192.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: ВГУ, 1975. 172 с.
4. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? : в 2 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 287 с.

5. *Калиновский К.Б.* Новые правовые позиции Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 36–41.

6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

7. *Рудич В.В.* Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 537 с.

References

1. *Kirdina N.A., Petrova G.B.* Validity of Decisions on the Election of Preventive Measures as a Guarantee of Exclusivity of Restrictions on Constitutional Rights of the Individual // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 5(148). P. 195–203.

2. *Kirdina N.A., Petrova G.B.* Validity of Decisions on the Election of Preventive Measures as a Guarantee of the Exclusivity of Restrictions on Constitutional Rights of the Individual // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 6(149). P. 183–192.

3. *Kovriga Z.F.* Criminal Procedural Coercion. Voronezh: VSU, 1975. 172 p.

4. *Belkin A.R.* Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Can't It Be Repealed or Corrected? : in 2 vol. Vol. 1. General part. 2nd ed., rev. and suppl. M.: Yurayt, 2022. 287 p.

5. *Kalinovsky K.B.* New Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Field of Criminal Proceedings // Criminal procedure. 2012. No. 11. P. 36–41.

6. Course of Criminal Procedure / ed. by L. V. Golovko. 2nd ed., rev. M.: Statute, 2017. 1280 p.

7. *Rudich V.V.* Mechanism for Applying Preventive Measures in Russian Criminal Proceedings: diss. ... doc. of law. Ekaterinburg, 2020. 537 p.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В сентябре–ноябре 2023 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

15 сентября — Демкиной Еленой Анатольевной на тему «Договор оказания репродуктивных услуг».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент В.А. Бабаков.

15 сентября — Каратаевым Иваном Александровичем на тему «Процессуальная экономия в гражданском процессе».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Т.В. Соловьева.

28 сентября — Горячевой Татьяной Сергеевной на тему «Государственно-правовое регулирование медико-биологических исследований в России (1890–1969 гг.)».

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор С.В. Ворошилова.

24 ноября — Ширяевой Кристиной Анатольевной на тему «Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Т.В. Соловьева.

29 ноября — Титовец Анной Эдуардовной на тему «Преступления, совершаемые по мотиву ревности, и их предупреждение (уголовно-правовые и криминологические аспекты)».

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова.

30 ноября — Петренко Михаилом Николаевичем на тему «Государственное принуждение: основания и нравственные пределы применения (теоретико-правовое исследование)».

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент С.Ю. Суменков.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравнением по центру (для рисунков — под рисунком с выравнением по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>